

ПРИВЕТСТВИЕ

Обращение посла Российской Федерации в Эстонской Республике Ю.Н. Мерзлякова к редакции и читателям журнала «Балтика»	4
Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Эстонской Республике Ю.Н. Мерзляков	5
Ответы Ю.Н. Мерзлякова на вопросы журнала «Балтика»	5
Приветствие от Секретаря Правления Союза писателей России В. Ганичева	7
Эстонскому отделению Союза писателей России - 10 лет	8

ПУБЛИЦИСТИКА

ВИКТОР ГУЩИН (Латвия, Рига) «Гордиев узел» института неграждан в Латвии и Эстонии	15
М.Т. (Эстония, Причудье) Заметки коренного русского Эстонии ...	35
ИЗ АРХИВА: Обращение председателей правлений Союза русских попечительских и благотворительных обществ в Эстонии и Русского национального союза к президенту Эстонской республики (1939)	55
В.Г. ЖИЛИН Выдающийся подвиг подводников на Балтике в годы Великой Отечественной войны	59
А. ОТЛИВАНЧИК (Белоруссия, Минск) Ф.М. Достоевский - редактор авторских текстов в еженедельнике «Гражданин» (1873-1874). Новые разыскания и версии .	70
ОЛЬГА МАЙЕР «Искажённый язык - искажённый мир нации»	79

ПРОЗА

Лев ВЕСЕЛОВ (Эстония, Таллин) Рассказ из цикла «Унесённые» Лени Вальдес	84
---	----

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврутин А.Ю. (Белоруссия, Минск)
Ганичев В.Н. (Москва)
Бологов А.А. (Псков)
Буйлов А.М. (Латвия, Рига)
Илляшевич В.Н. (Эстония, Таллин) – главный редактор
Казинцев А.И. (Москва)
Кожедуб А.К. (Москва – Минск)
Кокшенёва К.А. (Москва)
Переяслов Н.В. (Москва)
Ребров А.Б. (Санкт-Петербург)
Смолькин А.И. (Псков)
Тертычный И.А. (Москва)
Титов Р.А. (Эстония, Таллин)
Шевцов В.Е. (Калининград)
Шемшученко В.И.
(Санкт-Петербург)
Литературный редактор - Майер О.К.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

В Пярну: Верещагин Г.В.
Тел. (372) 583 64 670,
в Москве: Вьюгина С.В.
Тел. (495) 247 1370
в Нарве: Урис А.В.
Тел. (372) 5179 021

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ:

Минин С. (Эстония, Таллин)

ИЗДАТЕЛЬ:

НКО «Премия им.
Ф.М. Достоевского»
при поддержке Эстонского
отделения Союза писателей
России и Объединения
русских литераторов Эстонии
Эстония, Таллин, 11414,
ул. Паэ, 17А–16
Тел./факс(372) 6381 087,
тел. (372) 507 8195
e-mail: willinfo@infonet.ee,
<http://www.baltwillinfo.com>

При копировании материалов
этого издания печатным или электронным
образом ссылка на источник обязательна.

Мария РОЗЕНБЛИТТ (Эстония, Таллин)	
Колыбелька из ивовых прутьев	99
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ	
Рассказы	102
Владимир СУТЫРИН (Россия)	
Странный праздник	110
Александр УРИС (Эстония, Нарва)	
Рассказы	112
ДЕТСКАЯ ПРОЗА	
Светлана ВЬЮГИНА (Россия, Москва)	
Рассказы для детей	122
ПОЭЗИЯ	
РОССИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ	
Татьяна ГОРЕЛИКОВА (Россия, Псков)	126
Александр КЕРДАН (Россия, Екатеринбург)	128
Борис ОРЛОВ (Россия, Санкт-Петербург)	130
Николай ТРЯПКИН (Россия, Москва)	132
Фёдор ЧЕРЕПАНОВ (Россия, Москва)	133
Иван ЧИСЛОВ (Россия, Москва)	140
Григорий ШУВАЛОВ (Россия, Москва)	141
Григорий ПЕВЦОВ (Россия, Москва)	143
ЭСТОНСКАЯ ТЕТРАДЬ	
Галина АНДРЕЕВА (Эстония, Пярну)	143
Борис АРТЮХОВ (Эстония, Таллин)	144
Владимир БОВСУНОВСКИЙ (Эстония, Нарва)	146
Надежда БРЯНЦЕВА (Эстония, Пярну)	147
Геннадий ВЕРЕЩАГИН (Эстония, Пярну)	148
Георгий ГЕОРГИЕВСКИЙ (Эстония, Кохтла-Ярве)	149
<u>Владимир ЖИЛКИН</u> (Эстония, Кохтла-Ярве)	152
Аврора НЕВМЕРЖИЦКАЯ (Эстония, Таллин)	155
Василий САЗОНОВ (Эстония, Таллин)	157
Владимир САДОВНИК (Эстония, Таллин)	159
Тимофей СИНИЦКИЙ (Эстония, Таллин)	160
Людмила СЕМЁНОВА (Эстония, Таллин)	161
Татьяна ТАММОЯ (Эстония, Таллин)	162
ПРОБА ПЕРА	
Лилия ХОВАНСКАЯ (Эстония, Таллин)	163
НАШЕ НАСЛЕДИЕ	
Павел ЛИЛЛЕНУРМ (Таллин-Москва)	
«Под знаком белого креста...Северо-Западная Армия в словах и образах»	
Выступление на историко-краеведческой конференции «Белый меч»	
(Нарва, 24 октября 2009 г.)	167
А.А.Енш и его повесть	179
Анатолий ЕНШ	
С белым крестом	182
Сергей ЗРЯНИН (Ивангород, Россия)	
Татьяна Зрянина – 100 лет	218

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

О визите председателя Отдела внешних церковных связей Московского

Патриархата митрополита Волоколамского Илариона в Эстонию 226

Концерт русской духовной музыки 228

15 сентября – 20 лет с архиерейской хиротонии митрополита Корнилия .. 229

120 лет Воскресенскому храму в Нарве 233

На торжествах в Пюхтице 234

Встреча с главой Эстонской Евангелическо - Лютеранской Церкви

и председателем Совета Церквей Эстонии 236

Пюхтицкий монастырь:

Матушка Игуменья Варвара приняла Великую схиму 237

Виталий ПОНУШКОВ, (Ставрополь, Россия)

**ЗАЩИТА ЗЕМНОГО ОТЕЧЕСТВА (Русская Православная Церковь в годы
Великой Отечественной)** 239

На службе Богу и людям 246

Соболезнование Главе Российского Императорского Дома

Государыне Великой Княгине Марии Владимировне 250

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

С почтением к Игорю Северянину 251

Лауреат Северянинской премии (2009) – писатель Лев Веселов 253

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Таллинскому певцу Сергею Мазину – 60! 254

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ольга МАЙЕР (Таллин, Эстония)

О новом романе Альберта Лиханова «Слётки». Что взято под прицел? .. 255

Николай ПЕРЕЯСЛОВ (Москва)

Поэзия – это код души народа 260

Борис АРТЮХОВ, (Таллин, Эстония) 264

Гоголь нас всех объединяет

(Интервью с профессором В.А.Воропаевым) 267

НОВАЯ КНИГА 270



«ПРАВОСЛАВНЫЙ
СОБЕСЕДНИК»

стр. 225

**ОБРАЩЕНИЕ
ПОСЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
Ю.Н.МЕРЗЛЯКОВА
К РЕДАКЦИИ И ЧИТАТЕЛЯМ
ЖУРНАЛА «БАЛТИКА»**

Уважаемые члены редакции и читатели журнала!

Дорогие друзья!

В октябре этого года эстонскому отделению Союза писателей России исполнилось 10 лет. Весьма символично, что появление на свет русской писательской организации Эстонии практически совпало с днём рождения нашего великого писателя-гуманиста Ф.М.Достоевского, раннее творчество которого, как известно, тесно связано с Ревелем (Таллином).

Несмотря на молодость, ваш альманах по праву занял достойное место в строю других российских художественно-публицистических и литературных «толстых» журналов. С учётом местного общественно-политического и культурного контекста «Балтику», пожалуй, можно было бы назвать явлением более чем регионального масштаба - как по широте охватываемой тематики, так и по глубине осмысления прошлого, настоящего и будущего Русского мира.

Журнал отличает активная гражданская позиция и искреннее сопереживание судьбам России и Эстонии. Отраднo, что издание предоставляет свои страницы не только уже хорошо известным, но и новообретённым талантам – поэтам и прозаикам, политикам и публицистам, историкам и искусствоведам. Весьма ценно, что редакция помнит о Боге, о чём свидетельствует особый постоянный раздел «Православный собеседник».

Хотел бы пожелать главному редактору «Балтики» В.Н.Илляшевичу и всему коллективу альманаха всяческого успеха на ниве духовного и нравственного просвещения общества, а читателям – новых познаний ещё не открытых страниц мировой литературы, истории и искусства.

Приветствия, опубликованные в предыдущих номерах:

Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго, министра культуры и массовых коммуникаций РФ А.С. Соколова, председателя Союза писателей России, члена Общественного совета при Президенте РФ В.Н. Ганичева, мэра Москвы Ю.М. Лужкова, мэра Таллина, Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Великой Княгини Марии Владимировны, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, глав Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата и Латвийской Православной Церкви — митрополитов Корнилия и Александра, главы администрации Калининградской области, чрезвычайных и полномочных послов Российской Федерации в Эстонской Республике К.К. Провалова (2001–2006) и Н.Н. Успенского (2001–2010), генерального консула Республики Беларусь А.П. Островского, председателя правления Союза писателей Беларуси Н.И. Чергинца.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ МЕРЗЛЯКОВ

Юрий Николаевич Мерзляков Указом Президента Российской Федерации от 14 июля 2010 года № 905 назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Эстонской Республике

Мерзляков Ю.Н. родился в 1949 году в Москве. В 1971 году окончил Московский государственный институт международных отношений, в 1979 году – Дипломатическую академию МИД. Владеет английским и французским языками.

На дипломатической службе с 1971 года.

Мерзляков Ю.Н. обладает большим опытом руководящей работы. Занимал различные дипломатические должности в центральном аппарате Министерства и за рубежом. В 1988-1989 гг. – заведующий сектором Второго Африканского отдела, заведующий отделом Управления стран Африки. В 1990-1993 гг. – советник-посланник Посольства СССР, России в Эфиопии. В 1993-1997 гг. – посол России в Республике Мадагаскар и по совместительству на Коморских островах. В 1997-1999 гг. – руководитель Рабочей группы МИД России по Каспийскому морю, посол по особым поручениям. В 1999-2003 гг. – посол России в Республике Казахстан. С августа 2003 года по июль 2010г. – посол по особым поручениям, сопредседатель Минской группы ОБСЕ по нагорно-карабахскому урегулированию.

Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Награждён знаком отличия «За безупречную службу. XX лет», медалью «За трудовое отличие». Имеет также государственные награды Казахстана и Мадагаскара.



Юрий Николаевич Мерзляков

Ответы

Ю.Н.Мерзлякова на вопросы журнала «Балтика»

1. Как новый Посол России оценивает нынешнее состояние российско-эстонских отношений?

Как Вы знаете, события апреля 2007 г. резко и глубоко осложнили отношения между нашими странами. Перенос памятника Воину-освободителю и в частности форма, в которой это было сделано, оскорбили общину наших соотечественников здесь, в Эстонии. Серьезный негативный резонанс тогдашние перипетии вызвали и в самой России.

Но на сегодняшний день одна из самых наболевших проблем в российско-эстонских отношениях - отсутствие действующего договора о границе. По мнению российского руководства, вопрос правового оформления границы является основополагающим для всего комплекса нашей двусторонней повестки дня, в том числе и для развития

торгово-экономического и приграничного сотрудничества. Сошлюсь на находившегося здесь в начале года Председателя Российского союза промышленников и предпринимателей А.Н.Шохина, который кратко и точно обозначил ситуацию: «без договора о границе сложно formalизовать инвестиционную активность».

Россия продолжает уделять неослабное внимание положению соотечественников, проживающих в Эстонии. Нас беспокоит сохраняющаяся здесь неопределённая ситуация в отношении правового статуса большой группы населения, составляющего в республике крупнейшее национальное меньшинство. Я имею в виду массовое безгражданство среди русскоговорящей общины. Надеемся, что достижение в обозримом будущем соглашения о безвизовом режиме между Россией и Евросоюзом будет способствовать решению этого застарелого вопроса.

Мы обеспокоены и судьбой русской школы, а точнее – сохранением возможности для русских детей получить качественное образование на родном языке. Конечно же, эстонское государство имеет полное право проводить те реформы в сфере образования, которые считает необходимыми, однако российская сторона, отстаивая интересы своих граждан и соотечественников, будет всячески поддерживать требование русской общины Эстонии сохранить образование на русском языке. То же самое относится и к использованию на правовой основе русского языка в качестве официального или рабочего в местах компактного проживания русскоязычных жителей Эстонии. Мы считаем, что эти требования большинства русскоязычных жителей Эстонии не выходят за рамки существующих международно-правовых норм и рекомендаций ООН, Совета Европы, ОБСЕ и других международных организаций.

Не скрою, что установлению климата добрососедских отношений серьёзно препятствует и разница в подходе к оценке сложных событий нашей общей истории. Мы считаем, что общественные дискуссии на ту тему надо переводить из сферы межгосударственных отношений в академическое русло. С этой целью мы, в частности, предложили эстонским партнёрам создать двустороннюю комиссию историков, подобно тем, которые существуют у нас с Латвией и Польшей. Я рад, что эта идея начинает восприниматься в Эстонии с пониманием и заинтересованностью. Давайте смотреть в будущее, а историю оставим историкам.

Беспокоит, однако, то, что до сих пор не видно каких-либо практических шагов с эстонской стороны, которые позволяли бы говорить о её готовности работать над тем, чтобы вернуть отношения между двумя соседними государствами в нормальное цивилизованное русло, соответствующее стандартам XXI века.

2. Какие задачи Посольство России ставит в предстоящий актуальный период времени (на ближайшие годы)?

Как Вы понимаете, вступление в должность нового Посла России вовсе не означает автоматической смены тональности двусторонних отношений. Как глава Посольства я, конечно же, буду продолжать конструктивный диалог с эстонскими официальными лицами и рассчитываю на аналогичный подход с их стороны с целью нормализации наших отношений.

3. Какова должна быть роль русской литературы в развитии русской культуры Прибалтики и культурных связей между Эстонией и Россией?

Литература и, шире – культура как таковая Наверное, – сфера, в наименьшей степени повинующаяся каким-то императивам и наставлениям. Вдохновению ведь не прикажешь. Россия и Прибалтика, конечно же, связаны большим числом неразрывных, вековых исторических и культурных связей. Но в стремительном и глобализирующемся мире XXI века, и, прежде всего для молодого поколения, этот факт может утратить свою очевидность. Наверное, роль современных русскоговорящих литераторов здесь, в Эстонии, и могла бы состоять в том, чтобы по мере возможностей поддерживать «огонёк» живого русского слова.

Секретарю Правления Союза писателей России В.Н.Илляшевичу

Эстонскому отделению Союза писателей России – Русской писательской организации Эстонии

Дорогие собратья!

Сердечно поздравляем Эстонское отделение Союза писателей России (Русскую писательскую организацию Эстонии) со славным 10-летним юбилеем!

В условиях непростых отношений между нашими государствами роль писателя, творца, «творящей» личности в сфере налаживания взаимного диалога трудно переоценить.

Искренне рады, что в Прибалтике, где проживают сотни тысяч православных людей, работает, творит, созидает духоподъёмная сила – Русская писательская организация – созданная и возглавляемая замечательным прозаиком, публицистом, краеведом, общественным деятелем Владимиром Николаевичем Илляшевичем. Его книги, такие как «Русские судьбы Эстонии», стали заметным явлением в литературном мире. Ярко работают поэты и писатели: Геннадий Верещагин, Александр Урис, Ростислав Титов, Март Гайнуллин, Геннадий Кузнецов, Василий Сазонов, Лев Веселов (конечно, хотелось бы назвать в юбилейный праздник каждого) – многоцветная палитра наших товарищей по творческому цеху!

Одним из знаковых событий в работе писательской организации стало рождение международного художественного и публицистического журнала «Балтика». Выход в свет столь основательного и глубокого литературного издания на русском языке в балтийском регионе – событие незаурядное не только для проживающих здесь наших соотечественников, но для всей читающей России, для всего «русского зарубежья». Стремясь к сохранению и развитию ценностей великой русской культуры, православной нравственности и духовности, участвуя в воспроизводстве духовно-интеллектуальной элиты в новом российском зарубежье, журнал «Балтика» стал одним из форпостов Русского мира.

Мы знаем, какую неустанную работу ведёт писательская организация в деле просвещения, сохранения, увековечивания наших литературных святынь. Одним из самых значимых дел можно назвать учреждение Международной литературной премии имени Ф.М. Достоевского, лауреатами которой стали писатели, живущие как в Прибалтике, так и в России и Скандинавии, и помощь, которую писатели оказывают духовно-просветительской миссии Эстонской и Латвийской Православным Церквям Московского Патриархата. Главный же итог работы русских писателей Эстонии состоит в том, что им удалось восстановить русский литературный процесс в Эстонии и наладить стабильное сотрудничество с писателями России.

Желаем писательскому коллективу успехов и процветания!

Валерий Ганичев
Председатель Правления
Союза писателей России

ЭСТОНСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ – 10 ЛЕТ

31 октября 2000 года **Русская писательская организация Эстонии** была юридически зарегистрирована в Таллине под названием «Эстонское отделение Союза писателей России». Инициатором и создателем её стал Владимир Николаевич Илляшевич (избран за 2 года до того, на всероссийском съезде писателей в Москве, секретарём правления Союза писателей России – СПР) при поддержке писателей Ростислава Юрьевича Титова (член СП СССР и Эстонии с 1965 года) и жившего в городе Пярну Ивана Гавриловича Иванова (член СПР с 1995 года; 1929-2009). Немного позднее к ним присоединились члены Союзов писателей СССР и Эстонии – известные эстонские писатели Уно Лахт (1924-2008) и Велло Латтик (1935-2007), а также профессиональный переводчик русской литературы на эстонский язык Юри Пярни (1939-2009). Эти известные деятели эстонской литературы, к тому же люди очень совестливые, продолжали интересоваться русским литературным наследием и сегодняшним днём литературной жизни как в России, так и в Прибалтике. Так было положено начало писательскому сообществу, члены которого ныне шефствуют над большинством действующих в настоящее время литературных объединений, клубов, кружков. Огромную моральную поддержку воссозданию русского литературного процесса в Прибалтике оказал и единственный правопреемный российский творческий писательский союз – **Союз писателей России** во главе с профессором Валерием Николаевичем Ганичевым.

Примечательно, что дата регистрации нашей организации пришлась на следующий день после того, как литературная общественность отметила годовщину со дня рождения великого русского романиста Ф.М.Достоевского (р. 30 октября 1821 года), жизнь и творчество которого тесно связаны с Ревелем (Таллин). Здесь писатель создал некоторые свои ранние произведения.

...Увы, распад Советского Союза отразился и на русской литературной жизни в Эстонии. Как известно, Союз писателей Эстонии являлся частью **Союза писателей СССР**. Случилось так, что после обретения Эстонией государственной самостоятельности подавляющее большинство профессиональных литераторов, писавших на русском языке, оказались вне СП Эстонии. Вместе с Советским Союзом распался и СП СССР (много позднее, благодаря усилиям российских писателей и лично Сергея Михайловича Михалкова, возглавлявшего ранее СП России (в настоящем председатель Правления СПР – профессор В.Н.Ганичев), восприемником всесоюзного писательского союза стало **Международное Сообщество Писательских Союзов – МСПС**; Русская писательская организация Эстонии вошла в его состав, представляя русских писателей Эстонии; член Исполкома МСПС – В.Илляшевич).

Русские писатели очутились на распутье, в совершенно подвешенном состоянии. Да кому нужна сейчас литература, говорили некоторые литераторы, опуская руки. Литературный процесс оказался нарушен. Предстояло его воссоздать, невзирая на трудности и лишения, на отсутствие поддержки со стороны Эстонии и, к сожалению, России, бившейся в тяжкой болезни расколов и раздоров, столь характерных для лихих 1990-х годов. Отношение Эстонии к России и к русской части народа Эстонии назвать дружелюбным трудно. До сих пор в политической верхушке и в определённых кругах республики процветает откровенная русофобия. Это не может не сказываться и на деятельности русских творческих организаций. Речь идёт не просто об отсутствии поддержки со стороны местных властей, а о настоящей обструкции, игнорировании. Более того, в течение 15 лет некоторым членам писательской организации приходи-

лось не раз выдерживать давление, а её руководитель В.Илляшевич время от времени подвергается целым кампаниям шельмования, очернительства, чуть ли не демонизации. В ход пускается всё: в том числе клевета, измышления, интриги, попытки привнести раздоры в литературные круги и даже настроить работников российского посольства на неблагоприятное отношение к русским писателям. Особенно такие кампании, любопытно заметить, обостряются с назначением в Эстонию очередного нового посла, старших дипломатов или работников, курирующих вопросы, связанные с культурой и СМИ. Часто используются подлые методы нашёптывания и распространения разного рода мерзостей, приписываемые, так сказать, «объекту» шельмования, чтобы привнести недоверие и личную неприязнь. Цель таких действий ясна как Божий день – изолировать писательскую организацию и её лидеров, лишить даже минимальной поддержки. В таких условиях долгие годы приходится работать не только писателям, но и вообще патриотически настроенной интеллигенции, стремящейся к налаживанию конструктивных, добрых отношений между эстонской и русской общественностью. Видимо, таков политический заказ определённых заинтересованных сил...

Собственно, создание Русской писательской организации Эстонии началось ещё в 1995 году, когда писатель В.Илляшевич предложил Русской фракции Государственного собрания Эстонской Республики (парламент; эст. – Рийгикогу) учредить ежегодную **Республиканскую общественную премию по культуре имени Игоря Северянина**, которой вот уже 15 лет награждаются деятели, внесшие заметный вклад в развитие русской культуры Эстонии и в развитие связей между русской и эстонской культурами. Русские писатели поныне попечительствуют над этой престижной наградой, которую администрирует **Северянинское общество культуры Эстонии** (учреждено в 2002 году; председатель – В.А.Банникова, член Объединения русских литераторов Эстонии).

В 19 января 1998 года, по инициативе писателей, известных ещё с советского времени, членов СП СССР Ивана Петровича Папуловского (1922 – 23.01.1998) и Ростислава Юрьевича Титова, было создано **Объединение русских литераторов Эстонии (ОРЛЭ)**, в который, для поддержки этого самостоятельного литературного объединения, вошли также несколько членов Союза писателей России. Долгие годы возглавлял ОРЛЭ известный и старейший русский писатель Эстонии Ростислав Юрьевич Титов. В настоящее время руководителями этого объединения являются члены Союза писателей России – поэт из города Пярну – Геннадий Васильевич Верещагин (избран председателем правления на общем собрании ОРЛЭ 18 июня 2009 года) и прозаик из Нарвы – Александр Владимирович Урис (переизбран заместителем председателя правления на этом же собрании).

В начале 1999 года русские писатели, по инициативе В.Илляшевича и при поддержке руководителей СП России (В.Н.Ганичев, писатель-публицист А.И.Казинцев) и ОРЛЭ (Р.Ю.Титов), создали **Международную литературную премию имени Ф.М.Достоевского (НКО «Премия им. Ф.М.Достоевского»)**, жизнь и раннее творчество которого были тесно связаны с Ревелем. Эта организация (председатель – В.Илляшевич) была зарегистрирована в марте 1999 года, а соучредители подписали протокольное соглашение о сотрудничестве. Эта престижная международная награда вручается каждые 2-3 года литераторам, внесшим заметный вклад в русскую литературу, с 2001 года. Первыми её лауреатами 30 октября 2001 года, в год 180-летия со дня рождения великого писателя и мыслителя, стали Валентин Распутин и известный норвежский русист, который перевёл более 60 книг русской классики на норвежский язык, профессор университета Осло Гейр Хьетсо, а дипломантами – наши писатели из Эстонии, члены Союза писателей России – Уно Лахт и Иван Иванов. Впоследствии лауреатами избирались также нынешний ректор Литературного института

им. Горького в Москве, профессор Борис Николаевич Тарасов и создатель художественных книг из отечественной истории, профессор Валерий Николаевич Ганичев. В числе обладателей дипломов и премии – автор первого перевода на эстонский язык воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской (Сниткиной), вдовы Ф.М.Достоевского – Марет Кайк, председатель Ассоциации русских писателей Латвии Анатолий Буйлов, писатель Ростислав Титов...

Приуроченная к Международным дням Достоевского в Эстонии церемония вручения премии – главное мероприятие «дней», в которых приняло участие, в общей сложности, более 60 известных писателей из России (Москва, Петербург, Псков), а также Латвии, Финляндии и Швеции. Устраивались встречи с читателями, концерты в концертном зале и Зимнем саду «Эстония» – певицы Татьяны Петровой, ансамбль казачьей песни «Братина», квартета «Московская балаалайка» под управлением В.Н.Ионченкова, эстонских певцов Урве Таутс и Тоомаса Кутера.

В начале 1990-х годов российская писательская организация (Союз писателей России создан в 1958 году) переживала трудные времена, но сумела сохраниться и отстоять своё право на существование. Преодоление тягот неизбежно сблизило русских писателей с **Русской Православной Церковью**, которую возглавлял до недавнего времени, пожалуй, самый выдающийся эстоноземец за всю историю Эстонии – Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Алексей Михайлович Ридигер; 1930-2008). В этом ему огромную поддержку оказал председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Владимир Михайлович Гундяев), ныне – Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Именно Святейший Патриарх Алексий II возглавил, по предложению Московского Патриархата и СП России, созданный в 1993 году **Всемирный Народный Русский Собор (ВНРС)**, который проходит, как правило, в стенах зала Архиерейских соборов Храма Христа Спасителя в Москве. Сегодня Главой ВНРС является Святейший Патриарх Кирилл, долгие годы трудившийся вместе с В.Н.Ганичевым в качестве заместителей Главы собора. В последние десять лет в этих ежегодных соборах регулярно принимает участие высшее руководство России, члены правительства и лидеры всех крупнейших общественных объединений и религиозных организаций самых различных традиционных конфессий, а сам ВНРС получил статус **организации – постоянного наблюдателя в Организации Объединённых Наций (ООН)**. В совете ВНРС входит и представитель от Эстонии в лице руководителя Эстонского отделения СП России. Всё это произошло не случайно. Как тут не вспомнить известное изречение Ф.М.Достоевского, что «стать настоящим русским» (под этим великий романист подразумевал истинное человеколюбие) возможно лишь будучи искренне православным человеком. Писатель, естественно, имел в виду не национальность, а приверженность великим духовным традициям и ценностям православия. Таковыми эти традиции и ценности являются и для других народов, в том числе для эстонского народа, как, впрочем, для всех народов. Заметим, что для Достоевского быть русским – не означало родиться таковым, но именно стать, то есть ощутить личную ответственность за всё и вся, происходящее в мире. По Достоевскому «узкая национальность» – «не в духе русском». Он писал: *«Резких различий в народных задачах нет потому, что в основе каждой народности лежит один общий человеческий идеал, только оттенённый местными красками. Потому между народами никогда не может быть антагонизма, если каждый из них понимает истинные свои интересы»*. Конечно, это вовсе не означает, что все русские писатели и литераторы являются воцерковлёнными православными людьми. Главное – другое, и состоит это главное в том, что писатели работают и творят, приняв систему координат традиционных цивилизационных ценностей, придерживаются традиций реалистической русской литературы. Естественно, многие ищут воплощения своих творческих замыслов в новых

литературных формах, но основная задача – содержание, суть, которую не имеет смысла заменять формой, как таковой. Сама жизнь, если можно так выразиться, была во все времена и остаётся «главным соавтором» творящего человека. Бесплодно для художника относиться к слову, как просто к «тексту» (модный термин в отношении литературы, взятый из лексики специалистов-текстологов из разных филологических (!) школ). Слово для настоящего писателя носит сакральный смысл. Нравственные координаты-императивы! Их отстаивание в новых, современных условиях – главная задача художника. (Как не вспомнить здесь мысль Достоевского, высказанную устами Дмитрия Карамазова: если Бога нет, то всё позволено).

С этим пониманием и сотрудничает Русская писательская организация Эстонии с **Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата (ЭПЦ МП)**, которую возглавляет 20 лет Митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий. И это сотрудничество носит для писателей принципиальный, мировоззренческий характер. Что же касается конкретных дел в содействии православной миссии Церкви, то, с благословения Святейшего Патриарха Алексия II, в апреле 1998 года начали издавать **газету «Мир Православия»**. Вначале, правда, к качеству приложения к еженедельной газете «Русский Телеграф», которую издавал и редактировал В.Илляшевич. С 2000 года «Мир Православия» стал выходить отдельным изданием и, по решению главы ЭПЦ МП, стал официальным органом нашей Церкви, а редакционный совет возглавил Высокопреосвященнейший митрополит Корнилий. Ответственным издателем остаётся и поныне одна из структур писательской организации.

Не может творить художник вне принципа народности, хотя и он лично может об этом не задумываться. Но главный критерий – пушкинский («...был эхо **русского народа**») – остаётся неизменным до нынешних времён. Дело писателя – создавать литературные произведения в самых различных жанрах. За прошедшие пятнадцать лет из-под пера литераторов ЭО СПР и ОРЛЭ вышло **более 150 книг русских литераторов Эстонии**. Это и есть главный итог деятельности нашей Русской писательской организации. В частности, это означает, что за прошедшие годы **восстановлен русский литературный процесс в Эстонии**, вопреки большим трудностям, многим препятствиям, во многом благодаря личному энтузиазму и бескорыстному труду литераторов. Некогда, эстонский интеллектуал и настоящий учёный, академик Густав Наан заметил, что в извечном и диалектическом противостоянии власти и духа, в конечном итоге, всё равно победит дух. «Все помнят Сократа, но кто помнит о тех, кто властвовал во времена Сократа?» – иронично добавлял он, когда критиковал не в меру расхоронившихся в национальном ажиотаже и в русофобии представителей власти. Эстонская литература выросла из русской. Вряд ли кто-нибудь из эстонских писателей и литературоведов осмелится оспаривать этот довод. Необходим диалог с эстонской национальной творческой элитой. Вся проблема упирается в один вопрос – готова ли она к такому диалогу? Вопрос, пока остаётся риторическим. Но это не означает, что русские писатели должны останавливаться на месте.

Изначально, уже в начале 1990-х годов, стало ясно, что не выжить русской культуре без связи с «материком» – с Россией. Прибалтийская русская литература, со своими особенностями, – часть русской литературы. Писать «в стол» – неблагоприятное занятие. Хорошую литературу должны читать люди. Но далеко не все могут изыскать средства, чтобы издаваться. Именно поэтому пришло понимание о необходимости создавать регулярный т.н. «толстый» художественно-литературный журнал для прибалтийских и российских писателей, согласно двухсотлетним традициям русских альманахов. Так в 2004 году появился на свет **журнал «Балтика»**. В нём предоставляется возможность для публикации прозаикам и поэтам, публицистам, критикам, литературоведам и историкам из Прибалтики. Публикация – это способ реализации для пишущего человека, возможность донести до читателя тревоги и мысли, которым

живёт народ и сам литератор, один из методов сохранения и развития исследовательской работы в области русского культурно-исторического наследия, как части культуры Прибалтики и России. В том числе и духовного наследия, накопленного в православной ипостаси прибалтийского бытия, начиная с X – XI веков. Ведь именно тогда, с началом христианизации большей части нынешней Прибалтики силами православной Церкви и её миссионеров, началась и христианская, а значит, собственно, и европейская часть истории прибалтийских народов и живших здесь предков – русских – которые отнюдь не являются «пришлым», а вполне коренным или, как принято говорить в научной среде, автохтонным населением. «Точкой отсчёта» христианства в Эстонии и Латвии принято считать установленный факт: строительство в 1030 году киевским князем Ярославом Мудрым (в крещении – Георгием, Юрием) двух храмов во имя Св. Георгия Победоносца и Св. Николая в местечке Тарбату, на месте нынешнего Тарту, а также основание этого города под названием «Юрьев». Стало быть, прибалтийское православие лишь на 38 лет «моложе руськаго». А эта разница в «возрасте» даже в сугубо человеческом измерении отношений сына и отца вполне приемлема. Не случайно в составе журнала «Балтика» издаётся альманах «Общества европейской генеалогии и геральдики в Эстонии» – «Генеалогия Прибалтики». И что ещё важнее, в этом же формате, «журнал в журнале», издаётся альманах «Православный Собеседник», который стал преемником одноимённого журнала, издававшегося в Эстонии с 1930 по 1940 год протоиереем Иоанном Богоявленским, будущим епископом Таллинским и Эстонским Исидором. Именно поэтому начало его издания, также как, шестью годами ранее, газету «Мир Православия», благословил лично Святейший Патриарх Алексей II, который сделал свои первые шаги на своём пути в церковном служении у протоиерея Иоанна Богоявленского.

Международный журнал «Балтика» – это ещё и диалоговая площадка, место для обмена между русской прибалтийской и российской «материковой» литературой. В журнале публикуются известные в России авторы, которые, в свою очередь, знакомятся с литературной жизнью Эстонии и, отчасти, всей Прибалтики. Члены Эстонского отделения Союза писателей России публикуются в авторитетных российских периодических изданиях, имеющих безусловное первенство в тиражах и подписчиках – в журналах: «Наш современник» и «Москва», «Роман-журнал XXI век» и «Культура», в газетах: «Российский писатель», «День литературы» и «Литературная газета». В 2005 году в России, под эгидой Российской Академии Наук (РАН) и Правительства Москвы, вышел 1-й том семитомной **Антологии «Современное русское зарубежье» (Проза и поэзия)**. В нём достойно были представлены образцы современного литературного творчества из Эстонии – рассказы и новеллы Владимира Илляшевича и Александра Уриса, повесть Юрия Васильевича Фролова (1930-2009), эмоционально яркая и «жёсткая» в правде поэзия Геннадия Верещагина (Пярну), наполненные жизненной мудрости стихи Владимира Александровича Жилкина (1937-2009) из Кохтла-Ярве и тонкие лиричные или ироничные поэтические произведения Геннадия Кузнецова. В 4-м томе Антологии (Публицистика) в 2008 году – одна из публицистических работ В.Илляшевича. Очень удачны, судя по интересу со стороны читателей, историко-биографические книги Геннадия Кузнецова и Марата Гайнулина, лауреата Северянинской премии, за книгу (в соавторстве) «Эстонская Пушкиниана» и всероссийской премии имени Св.Александра Невского за историческую литературу в номинации «Соотечественник зарубежья» (вместе с В.Илляшевичем за участие в книге «Прибалтийцы на российской дипломатической службе», 2005).

О публицистическом жанре историко-биографической прозы, содержащем достаточно фундаментальные выводы и наблюдения историософского уровня, следует сказать особо. Именно эти книги в наибольшей степени востребованы сейчас активной частью русского сообщества, читательской аудиторией, так как они содержат очень

много информации и осмысливают **понятие «Русской Прибалтики»**, а значит, помогают самоопределиться русскому прибалтийскому сообществу, а также помогают интересующимся россиянам понимать, что Прибалтика не была и не будет «отрезанным ломтем» или явлением «чужеродным» в русском этнокультурном и духовном ареале. Такие произведения насущно необходимы людям, ищущим себя в пространстве, несущем характеристики общей русско-прибалтийской истории и культуры, начало популяризации этого жанра в Прибалтике постсоветского периода положили работы В.Иллышевича, начиная с 1994 года, когда он открыл в периодике серию публикаций материалов на эту тему, в основном, под рубрикой «Эстляндские были». Восемь книг автора в этом жанре нашли своего читателя. Сегодня востребованность такой литературы очевидна, и многие авторы начали писать на темы истории культуры. Людям же необходимо чувствовать себя не «чужаками», а укоренёнными, и через такое ощущение принять прибалтийскую землю, как родную. Личность человека начинается с самоопределения в плане культурно-исторической принадлежности.

Несомненна удача Юри Пярни в его переводе на эстонский язык «Огненного ангела» Валерия Брюсова и сборника рассказов и повестей Валентина Распутина, составленная автором и изданная специально для эстонского читателя. Работу над первым переводом на эстонский язык «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя Юри Августович почти завершил, но не успел довести до конца, чтобы произведение великого русского писателя увидело свет. Даст Бог, как говорится, и эстонский читатель всё же сможет прочесть гоголевскую публицистику в переводе Пярни, ушедшего от нас в прошлом году... Хлёсткая, хладнокровная до беспощадности эссеистика эстонского писателя Уно Лахта не оставляла места для полуправды или, если хотите, для полулжи (это, можно сказать, синонимы) в оценках современного общественного бытия.

Высокий профессионализм, глубокое знание русской классической и советской литературы, доходчивость излагаемого материала без тени упрощенчества, академичность, в лучшем смысле слова, отличают труды членов ОРЛЭ, профессоров Сергея Митюрёва и Владимира Брагина. По оценке российских экспертов созданные этим авторами литературные хрестоматии для русских школ не имеют до сих пор аналогов как по содержанию так и по форме.

Выразительны мастерски написанные стихи Василия Сазонова, основателя и руководителя поэтического Литобъединения и ряда других клубов любителей поэзии, выпустившего сборники, с которыми литераторам, ищущим себя в жанре поэзии, стоит познакомиться, чтобы ощутить точность метафор и богатство поэтического слога. Обращение к чудесному образному языку русской былины, к нормам русской оды, знание исторического материала и умение донести своё творчество до читателя свойственны творчеству поэту-песеннику и «былиннику» Георгия Георгиевскому (Кохтла-Ярве); Высокая гражданственность, добротность и хорошее знание норм стихосложения характерны для сонетов Тимофея Синицкого. Буквально «цветавский», акварельный колорит присущ лучшим образцам из стихов Авроры Невмержицкой и тихая пронзительность – «военной теме» творчества Людмилы Семёновой.

«Срезы реальной жизни» в прозе Ростислава Титова и Льва Веселова (три книги автобиографичны – о жизни моряков «морской республики» Эстонии во второй половине 20-го века; также образцы его художественной малой прозы) увлекают своей неброской романтикой людей, не утеревших вкуса к этой самой жизни, а также умением увидеть то необыкновенное в серых буднях, что может разглядеть лишь острый взгляд писателя.

Поэзией в прозе, гимном истинной любви к родной природе, к «меньшим братьям нашим» можно назвать мастерски, с толикой доброй иронии и со «смешинкой» написанные рассказы и новеллы писателя-натуралиста и талантливого художника-акварелиста Герберта Цуккера, автора книги «Земляничная форель».

К добрым чувствам и к любви вызывают рассказы молодого автора Анатолия Makeева,

создающего буквально импрессионистскими мазками полноценные образы своих молодых героев, ищущих духовной теплоты и милосердия к ближнему своему.

Да простят многие достойные авторы, если их имена не упомянуты, просто список вышел бы слишком объёмный для этой статьи.

В целом, если посмотреть на изложенное выше, то можно сказать, что **русское литературное сообщество, насчитывающее, в общей сложности, более 100 литераторов**, состоящих в самых разных объединениях – от Эстонского отделения Союза писателей России до самостоятельных литературных клубов в разных городах Эстонии – сформировалось в весьма гибкую структуру, т.с. «формальными» горизонтальными связями и неформальную «вертикаль».

Эстонское отделение Союза писателей России и редакция журнала «Балтика» благодарят всех, кто помогал воссозданию русского литературного процесса, в создании Русской писательской организации Эстонии и литературных объединений, всех, кто поддерживал в издании русских книг, в содержании и выпусках журнала «Балтика», всех, кому небезразлична русская литература и судьба русской Прибалтики, коллег и активистов, общественных деятелей Эстонии, Союз писателей России и его руководство, писателей и общественных деятелей России и других прибалтийских республик, Московское Правительство, Московский Дом соотечественника и российский фонд «Русский мир», посольство Российской Федерации в Эстонской Республике и просто сочувствующих. Особая благодарность – Русской Православной Церкви, Эстонской Православной Церкви и Латвийской Православной Церкви Московского Патриархата, в лице которых мы ощущаем неизменный интерес и заботу о духовном состоянии общества и видим олицетворение глубинных корней русской культуры и её связей с культурами прибалтийских народов.

Редакция журнала «Балтика»

Виктор ГУЩИН (Латвия, Рига),

член Всемирного координационного совета российских соотечественников при МИД РФ, координатор Координационного совета российских соотечественников при посольстве России в Латвии, координатор Совета общественных организаций Латвии

**«ГОРДИЕВ УЗЕЛ» ИНСТИТУТА НЕГРАЖДАН В
ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ**

(Об организации информационной кампании в поддержку требования ликвидировать институт неграждан в Латвии и Эстонии и проведения первых после 1991 года всеобщих выборов в местные органы власти, национальные парламенты и Европарламент)

1. Из истории создания института неграждан в Латвии

Августовский, 1991 года, путч в Москве и последующее признание Россией 24 августа без всяких условий государственной независимости Латвийской Республики прямо способствовали тому, что латышские национал-радикальные политические силы перестали сдерживать свой радикализм и стали действовать решительно, не опасаясь более встретить серьезное сопротивление ни внутри страны, ни за её пределами. И – главное – национальные меньшинства больше не рассматривались новой правящей элитой как та часть населения страны, политическая поддержка которой была ей необходима. Именно по этой причине 15 октября 1991 года Верховный Совет Латвийской Республики принял Постановление «О восстановлении прав граждан и основных условиях натурализации», по которому все жители Латвии были принудительно поделены на граждан и остальных жителей, которые после прекращения существования СССР в декабре 1991 года оказались вообще без гражданства, т.е. стали апатридами. Это постановление было принято не только вопреки обещаниям, данным национальным меньшинствам во время Третьей Атмоды (1988 – 1991), но и вопреки международному праву, в соответствии с которым население прекратившего свое существование государства имеет право на оптацию, т.е. на свободный выбор гражданства. (1)

Адриан Северин, депутат Европарламента от Румынии, подготовивший в конце 2006 года сообщение о Латвии для юридического комитета ПАСЕ, в интервью газете «Latvijas Avīze» 17 апреля 2007 года высказал вполне обоснованную мысль: «Если государство возникает, отделяясь от бывшей империи, то у тех, кто живёт на территории этого государства, должна быть свобода выбора в отношении их нового гражданства: оставить гражданство предыдущей страны или принять гражданство новой. Чего не произошло в случае неграждан Латвии. Это ошибка, на которую кому-то в то время следовало указать».

В результате эта «никем не указанная ошибка» стала фундаментом для политики строительства в многонациональной и поликультурной Латвии мононационального и монокультурного государства, главным лозунгом которого стал лозунг авторитарного и этнократического режима Карлиса Ульманиса «Латвия – для латышей!» (1934–1940).

Находящиеся с 1990 года у власти этнократы говорят сегодня о правовой обоснованности возврата к прерванному в июне 1940 года строительству «Латышской Латвии». Для них создание института лиц без гражданства оправдано тезисом о

непрерывности существования Латвийской Республики *de jure* с 1918-го по 1991 год, а создание Советской Латвии объявляется как навязанное извне и не выражающее интересы народа. Незаконность Советской Латвии обосновывается тезисом о «двух оккупациях» страны – сталинским и гитлеровским тоталитарными режимами. Именно эта трактовка была основой отказа новой правящей элиты ратифицировать Конвенцию Совета Европы о гражданстве, в соответствии с которой Латвия должна была бы признать гражданами всех оказавшихся на ее территории жителей.

Оппоненты национал-радикалов, в свою очередь, говорят о том, что главная причина осуществленного Народным Фронтом Латвии крутого поворота от демократии к этнократии лежит вовсе не в историко-правовой плоскости. Ссылки на историю и международное право, которые в действительности не подтверждают выводы национал-радикалов, – это лишь повод. Главная причина – это непростительная беспечность председателя Верховного Совета, а затем первого президента России Б.Н.Ельцина в вопросе защиты прав русскоязычного населения в странах Балтии.

С таким подходом согласны и российские исследователи. В частности, директор Российско-Балтийского центра Института социологии Российской Академии наук, доктор социологических наук Р.Х.Симонян ситуацию, когда в Эстонии и Латвии в начале XXI века продолжает существовать институт лиц без гражданства, т.е. апатридов, оценивает как один из многих гуманитарных кризисов на постсоветской территории, вину за который несут не только руководители Эстонии и Латвии, но и в большей мере руководители России, которые при подписании актов о признании независимости этих стран 24 августа 1991 года не смогли обеспечить гражданский статус русскоязычной диаспоре.

«Главный из просчетов, связанных с признанием независимости стран Балтии, – подчеркивает Р.Х.Симонян, – состоял в том, что в тот исторический момент, когда возможности для закрепления нормального правового статуса людей, не по своей вине оказавшихся в чужой стране, объективно существовали, российское руководство не сумело (или не захотело) их использовать, бросив своих соотечественников, по существу, на произвол судьбы. Причем бросило в той атмосфере усиливавшейся неприязни, которую ощущали русские особенно в первые годы независимости этих стран в связи с тем, что именно на них переносилась ответственность за все ошибки и преступления тоталитарной власти в советский период.

Подобного прецедента в мире не было. Ни Франция, когда уходила из Алжира, ни Великобритания – из Индии, ни Испания, Португалия и Бельгия – из своих колоний, не оставляли своих граждан на произвол новых властей... Национал-радикалы первых правительств... воспользовались благоприятной ситуацией для притеснения русских, которую создал для них глава Российской Федерации, не выдвинувший соответствующих требований в качестве необходимого условия признания независимости этих стран». (2)

С выводом Р.Х.Симоняна об ответственности российского руководства за разгул национализма в Эстонии и Латвии согласна и доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук Н.А.Нарочницкая, которая также считает, что «стратегическая ошибка была совершена в начале 90-х, когда Россия, по сути, согласилась с правовой концепцией латвийской государственности. В основе этой концепции, которую взяли на вооружение власти Латвии, эта страна не приобрела свою независимость в 1991 году, а восстановила ее. Таким образом, власти Латвии считают, что вторая республика является продолжением первой. А в «историческом промежутке» длиной в 50 лет была оккупация. Молча согласившись с такой парадигмой, Россия позволила Латвии сделать треть населения бесправными, поскольку все эти люди, приехавшие в Латвию в 1945 году, и их потомки стали «последствием оккупации».

И значит, им не полагаются все те права, что положены нацменьшинствам». (3)

Наряду с безответственной позицией российского руководства, свою долю ответственности должен взять на себя и первый и последний президент СССР М.С.Горбачев. Именно союзное руководство во главе с М.С.Горбачевым 7 сентября 1991 года согласилось с выходом республик Прибалтики из Советского Союза на условиях Б.Н.Ельцина – т.е. вообще без каких-либо условий и сколько-нибудь серьезных предварительных переговоров.

2. Создание института неграждан: ответственность России.

Часть 1. Комиссия А.Н.Яковлева допустила роковую ошибку в вопросе Прибалтики.

В официальной историографии стран Балтии договор о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года сегодня напрямую связывается с переменами 1940 года, когда в Латвии, Литве и Эстонии была восстановлена Советская власть, и прибалтийские страны вступили в СССР на правах союзных республик. Более того, официальная историография в странах Балтии в период с июня 1940 года по июнь 1941 года сегодня однозначно оценивает как период оккупации Латвии, Литвы и Эстонии сталинским Советским Союзом, а год Советской власти по своим последствиям оценивается как период более тяжелый, чем период нацистской оккупации с 1941 по 1945 год. В Латвии применительно к периоду с июня 1940 года по июнь 1941 года в официальной историографии утвердилось название «Страшный год», заимствованное из арсенала нацистской пропаганды 1942 года.

Данная трактовка последствий договора о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года не является новой, она получила широкое распространение сразу после окончания Второй мировой войны, когда на смену краткому периоду сотрудничества СССР, Великобритании и США в рамках Антигитлеровской коалиции пришёл длительный период Холодной войны. Тезис о том, что перемены 1940 года в Латвии, Литве и Эстонии были ничем иным, как оккупацией СССР независимых прибалтийских государств, и естественной предтечей оккупации явился пакт Молотова-Риббентропа, после 1945 года самым активным образом пропагандировали оказавшиеся на Западе бывшие сторонники авторитарных режимов К.Ульманиса, А.Сметоны и К.Пятса, а также бывшие нацистские литовские, латышские и эстонские коллаборационисты. Естественно, что этот тезис активно поддерживали и антисоветские и русофобские политические силы в странах Запада.

Фактически эту же точку зрения в декабре 1989 года поддержала и комиссия А.Н.Яковлева, созданная 2 июня 1989 года на 1-м съезде народных депутатов СССР для политической и правовой оценки советско-германского договора о ненападении от 1939 года.

В Пояснительной записке от 14 декабря 1989 г. Съезду народных депутатов СССР Комиссия отмечала, что «в глазах широких слоев населения Прибалтийских государств советско-германские договоренности 1939 года являются отправной точкой для оценки последовавших в 1940 году событий, приведших к включению Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР». (4)

А в Сообщении комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года, которое на 2-м съезде народных депутатов СССР 23 декабря 1989 года зачитал председатель комиссии А.Н.Яковлев, говорилось: «Встав на путь раздела добычи с хищником, Сталин стал изъясняться языком ультиматумов и угроз с соседними, особенно малыми, странами. Не счел зазорным прибегнуть к силе оружия – так произошло в споре с Финляндией.

В великодержавной манере осуществил возвращение в состав Союза Бессарабии, восстановление Советской власти в республиках Прибалтики. Все это деформировало советскую политику и государственную мораль». (5)

Комиссия не только предложила осудить секретный дополнительный протокол к договору о ненападении от 23 августа 1939 года, но и одновременно пришла к выводу, что «... последующие события развивались точно «по протоколу»». (6)

Одновременно ни в Пояснительной записке, ни в докладе А.Н.Яковлева ничего не говорилось о массовом народном движении в поддержку Советской власти в Латвии, Литве и Эстонии, а также о том, что это движение, по сути, являлось выражением не только просоветских настроений, сохранившихся с 1918 года и укрепившихся к концу 1930-х годов, но и выражением традиций длительного совместного проживания народов России и прибалтийских республик.

Отказываясь принимать во внимание внутривнутриполитические процессы в странах Прибалтики при оценке событий 1940 года, а сосредоточившись лишь на внешнеполитическом факторе, а именно на советско-германских договоренностях 1939 года, как основной причине этих событий, комиссия А.Н.Яковлева в результате встала на сторону тех политических сил на Западе, которые не только отрицали решающую роль народных масс в событиях 1940 года в Латвии, Литве и Эстонии, но и стремились к политическому и национальному реваншу, к развалу СССР и восстановлению в республиках Прибалтики этнократических политических режимов.

2-й съезд народных депутатов СССР, основываясь на выводах комиссии А.Н.Яковлева, 24 декабря 1989 года принял Постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». В пункте 7 Постановления говорилось: «Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств». (7)

Не подвергая критике вывод съезда о юридической несостоятельности секретных протоколов с момента их подписания, следует еще раз обратить внимание на тот факт, что в Постановлении ничего не говорится о решающей роли народных масс в переменах 1940 года в республиках Прибалтики. Национал-радикальными (национал-экстремистскими) силами в Латвии, Литве и Эстонии, а также на Западе этот пункт постановления съезда был однозначно воспринят как признание со стороны СССР факта оккупации прибалтийских государств в 1940 году. Таким образом, делегаты съезда, поддавшись уговорам своих коллег из прибалтийских республик, согласно известной поговорке, «вместе с водой выплеснули из таза и ребенка».

Делегат съезда, писатель Марина Костенецкая, народный депутат СССР от Прейльского района Латвийской ССР, в одной из своих статей рассказала, как проводилась подготовительная работа для принятия этого постановления. «Большая политика, – отмечает она, – делается в курилках туалетов, в гостиничных номерах, в гостиничных коридорах... Всё-таки, совсем по-настоящему объяснить рядовому депутату, почему он должен проголосовать за признание пакта Риббентропа-Молотова, можно только в секретном дыму мужского туалета. Ну, не совсем в туалете, а в курилке, где стояли Г. Старовойтова, М.Костенецкая, задыхаясь от густого табачного дыма. Дискуссии велись в курилке или по вечерам собирались в чьём-либо гостиничном номере, где на общем столе были обязательное украинское сало, молдавский коньяк

и грузинская какая-нибудь зелень. И вот за этим общим столом выясняли, а что же в истории было на самом деле». (8)

Вот так, не на научной конференции и не в кругу историков, шла дискуссия о том, какие последствия для республик Прибалтики имел подписанный в августе 1939 года министрами иностранных дел СССР и Германии договор о ненападении с приложенными к нему дополнительными секретными протоколами. И это было не случайно. Представлявшие Народные фронты и движение «Саюдис» народные депутаты СССР от Латвии, Эстонии и Литвы не нуждались в научном обсуждении проблемы. Они стремились навязать остальным депутатам свою, политизированную, правду о событиях 1940 года в Прибалтике, которая сводилась к однозначному выводу, что никаких революций в Латвии, Литве и Эстонии тогда не было, а СССР просто оккупировал территорию независимых прибалтийских государств.

Как вспоминает М.Костенецкая, для того, чтобы этот вывод сделать более убедительным, «эстонцы во время летних каникул отпечатали на русском языке текст пакта с тайными протоколами, приложили карты, которые в 1939 году в Советском Союзе были изданы и уже на этих военных картах Прибалтика была обозначена в составе СССР. Хотя официально страны Прибалтики – Эстония, Латвия, Литва еще не оккупированы, не присоединены... И вот эти документы мы приносим в секретариат съезда народных депутатов СССР, чтобы их размножить и распространить среди депутатов. По регламенту, если депутат приносит какой-нибудь документ, он просит размножить и раздать всем депутатам съезда. Не тут-то было! (...) Нам отказали в праве копирования документов. Нам сказали, что это нехорошие документы и раздавать их не будут. Хотя документы предлагали такие же депутаты, а не какие-нибудь проходимцы с улицы. Что делаем мы? Все депутаты, кроме москвичей, жили в гостинице «Россия» и в гостинице «Москва». Я жила в гостинице «Москва». Мы ходили ночью и под двери каждому депутату, а простые смертные в этих гостиницах не жили, бросаем эти тексты. Сработало! Если бы мы документы раздавали в зале, то депутаты постеснялись публичной обстановки и, скорее всего, не прочитали бы тексты... А так между утренним кофе депутаты познакомились с пактом Молотова-Риббентропа, о котором сегодня или завтра мы будем говорить на съезде. Вот так мы работали!..» (9)

Другими словами, представители интеллигенции прибалтийских республик, никогда профессионально не занимавшиеся политикой, в угоду собственному пониманию этой самой политики, решили ещё подменить собой и историков. Естественно, при таком подходе не могло быть и речи о профессиональном подходе к оценке одного из самых сложных по своим геополитическим последствиям документа мировой дипломатии, речь могла идти лишь об эмоциональном подходе. Примером такого непрофессионального, эмоционального подхода стала и упомянутая выше история с атласом СССР, в котором Латвия и Эстония, якобы, уже были включены в состав Советского Союза. «С точки зрения логики этот факт говорил о том, что Латвия, Эстония ещё не были присоединены, а карты с этими государствами в составе СССР уже были изданы. Все правильно, за одним маленьким исключением. Когда мы берем этот атлас – карманный, небольшой формат, то там почти незаметными, подслеповатыми буквами написано, что карты Латвии и Эстонии с вхождением в состав Советского Союза вклеены в этот атлас после июльских событий 1940 года. То есть нам атлас говорит правду, но мы не хотим ее видеть. Мы не хотим замечать этих маленьких буковок. Мы их отбрасываем в сторону как несуществующие и предпочитаем учитывать исторический документ в соответствии с нашим ранним сознанием», – отмечает латвийский историк Борис Равдин. (10)

Но в 1989 году прибалтийские делегации ни о каком профессиональном обсуждении вопроса не думали и потому ввели участников Второго съезда народных

депутатов СССР в заблуждение, в результате чего съезд и принял упомянутое постановление.

Как сегодня, спустя два десятилетия, можно оценивать фактическое признание Вторым съездом народных депутатов СССР того факта, что в 1940 году прибалтийские республики были оккупированы СССР?

Права М.Костенецкая, которая пишет, что «только лишь после того, как 25 декабря 1989 года был принят документ о пакте Молотова-Риббентропа, могло произойти 4 мая 1990 года». Иначе говоря, после принятия этого постановления уже ничто не могло удержать республики Прибалтики в составе СССР. «Шумное раскрытие самой большой из тайн сталинской дипломатии – тайны Секретного дополнительного протокола, существование которого столь долго и столь упорно отрицали все советские руководители, сыграло свою немаловажную роль в развале Советской империи». Обнародование этого документа, «вызвав эффект домино», привело «к череде необратимых глобальных изменений», – отмечает доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Джангир Наджафов. (11)

Однако одним лишь развалом Советского Союза последствия принятой съездом народных депутатов СССР политической интерпретации событий 1939-1940 гг. в Прибалтике не ограничиваются. Принятое по докладу комиссии А.Н.Яковлева Постановление стало ещё и тем документом, который фактически освобождал националистические движения в республиках Прибалтики от ответственности за судьбу национальных меньшинств после обретения Латвией, Литвой и Эстонией независимости де-юре и де-факто. О какой ответственности может идти речь, если по новой политической терминологии национальные меньшинства становились просто массой гражданских оккупантов, у которой не должно быть никаких прав? Основанное на отказе внутривосточных причин перемен 1940 года в странах Прибалтики Постановление Второго съезда народных депутатов СССР по сути давало карт-бланш на начало формирования спустя полтора года в Латвии, Литве и Эстонии этнократических режимов. Но и это еще не все. Принятое съездом народных депутатов СССР постановление стало также и той точкой отсчёта, с которой в мире началась дискуссия о необходимости формирования новой системы международного права. И, как следствие, многие в Европе открыто заговорили о необходимости пересмотра политических и территориальных итогов Второй Мировой войны, а в Латвии ревизия истории Второй Мировой войны оформилась не только как мнение многих влиятельных политиков правящей национал-радикальной (национал-экстремистской) политической элиты о незаконности включения территории Абрене в 1945 году в состав России, но и как курс на политическую реабилитацию местных пособников нацизма и фашизма. Другими словами, явно спорный вывод о прямой взаимосвязи советско-германского договора 1939 года и перемен 1940 года в Латвии, Литве и Эстонии, содержащийся в постановлении съезда (пример Финляндии, отстоявшей свою независимость, опровергает этот вывод убедительнейшим образом), во многом предопределил развитие правого радикализма в Европе и в Латвии, в частности.

Какой вывод можно сделать из сказанного? Вывод очевиден: историческое сообщество должно вернуться к докладу комиссии А.Н.Яковлева и заново оценить содержащиеся в нем выводы. По сути, такой возврат уже происходит, и свидетельством этого являются книги, подготовленные Фондом «Историческая память» Александра Дюкова и Фондом «Историческая перспектива» Н.А.Нарочницкой, а также изданный весной 2010 года Фондом «Историческая память» и Российским институтом стратегических исследований двухтомник Л.М.Воробьевой «История Латвии. От Российской империи к СССР». Но одних только книг историков явно недостаточно. Принимая во внимание, что тема пакта Молотова-Риббентропа и перемен 1940

года в Латвии, Литве и Эстонии уже более 20 лет является темой не столько истории 70-летней давности, сколько темой современной политики в этих странах, требуется переоценка выводов комиссии А.Н.Яковлева и на уровне современной политической элиты России и Запада. Без такой переоценки невозможно объективно оценивать не только перемены 1940 года в прибалтийских странах, но также и те политические процессы, которые идут в этих странах сегодня.

3. Создание института неграждан: ответственность России.

Часть 2. Отказ от ратификации Таллиннского латвийско-российского договора от 13 января 1991 года.

13 января 1991 года Б.Н.Ельцин в Таллине подписал договоры «Об основах межгосударственных отношений РСФСР с Эстонией и Латвией».

В договоре Латвийской Республики (ЛР) и Российской Федерации (РФ), который в Таллине от имени Латвийской Республики подписал председатель Верховного Совета Анатолий Горбунов, было подтверждено право на оптацию. В статье III этого договора говорилось: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика и Латвийская Республика берут на себя взаимные обязательства гарантировать лицам, живущим на момент подписания настоящего Договора на территории Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики и являющимся ныне гражданами СССР, право сохранить или получить гражданство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики или Латвийской Республики в соответствии с их свободным волеизъявлением.

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам, независимо от их национальности или иных различий, равные права и свободы...». (12)

Верховный Совет Латвии ратифицировал договор сразу после его подписания, в отличие от Верховного Совета РФ, который до 15 октября 1991 года не ратифицировал подписанный в Таллине договор, что позволило латвийским национал-радикалам проигнорировать записанный в договоре принцип оптации.

В 1992 (или 1993?) году Комитет по вопросам межреспубликанских отношений, региональной политике и сотрудничеству Верховного Совета РСФСР подготовил Заключение о ратификации договора об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики. В Заключении, под которым стоит подпись председателя Комитета академика А.Г.Гранберга, в частности, говорится: «Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики, подписанный в Таллине 13 января 1991 года, устанавливает новую международно-правовую основу равноправных отношений между двумя суверенными государствами Россией и Латвией в политической, экономической, гуманитарной и других сферах.

Одной из важнейших задач Договора является защита прав национальных меньшинств, проживающих на территории Сторон, в том числе защита прав русскоязычного населения Латвии. Ратификация договора создает правовую основу для решения этой проблемы.

Договор содержит обязательства сторон (ст. III, ч. 1) гарантировать лицам, живущим на момент его подписания на территориях РСФСР и Латвии и являющимся гражданами СССР, права сохранить или получить гражданство РСФСР или Латвийской Республики в соответствии с их свободным волеизъявлением.

Договором предусматривается подготовка и подписание соответствующих соглашений, создающих организационно-правовые механизмы его реализации. Так, ст. X Договора предусматривает осуществление обмена полномочными представительствами между Договаривающимися Сторонами, а также координацию деятельности Сторон в международных отношениях, принятие мер по координации ценовой политики (ст. XV, ч. 2), обеспечению транзитных грузовых операций через свои территории и другие меры.

Вместе с тем, Комитет отмечает, что отдельные законодательные акты Латвийской Республики не соответствуют духу и букве Договора. Так, Постановление Верховного Совета Латвийской Республики «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации» содержит институты признания гражданства и регистрации гражданства лишь для лиц, являющихся гражданами Латвийской Республики на 17 июня 1940 года, и потомков этих лиц (п. 2.1. и 2.2.). Пункт 3.5. названного Постановления содержит перечень категорий лиц, которым гражданство Латвийской Республики не предоставляется независимо от их волеизъявления. Дискриминационный характер несут также некоторые положения законов «О языках», «О народном образовании», «О государственных пенсиях». Конституционный закон Латвийской Республики делит население на граждан, постоянных жителей, иностранцев. В зависимости от статуса законодатель устанавливает объем неполитических (экономических) прав. На этой правовой позиции построен и Закон «О реформе земельной собственности в сельской местности в Латвийской Республике».

Одна из причин появления этих актов – отсутствие механизма регулирования межгосударственных отношений.

Комитет считает важным ратифицировать Договор и поручить Правительству Российской Федерации безотлагательно приступить к подготовке и подписанию исполнительских соглашений, предусмотренных настоящим Договором и нацеленных на:

защиту прав и свобод человека, национальных меньшинств, проживающих на территории Сторон;

защиту военнослужащих и членов их семей, равно как бывших военнослужащих и членов их семей, проживающих на территории Латвии;

всемерную защиту и покровительство своим гражданам на территории другой Стороны;

сотрудничество в области автомобильного, железнодорожного и воздушного сообщения, использования морских портов и трубопроводов на территории Сторон;

урегулирование правового режима собственности Сторон, находящейся на территории другой Стороны, объектов собственности бывшего СССР, а также собственности граждан.

Комитет выражает надежду, что ратификация договора будет стимулировать Латвийскую Республику к приведению национального законодательства в соответствие с международным правом и положениями настоящего Договора и даст возможность Российским исполнительным органам добиваться от Латвии строго следовать букве и духу заключенного Договора». Подпись – председатель Комитета А.Г. Гранберг. Несмотря на это заключение, Верховный Совет РФ, занятый в этот период внутриполитической борьбой за власть, так и не ратифицировал Таллиннский договор. И новая правящая элита Латвии в полной мере воспользовалась этим обстоятельством для начала строительства «Латвии для латышей».

Таким образом, руководство РФ в ущерб интересам своей страны и интересам соотечественников в Латвии фактически согласилось с созданием в Латвии института неграждан. И сегодня Европа, отвечая на претензии России в связи с соблюдением в Латвии и Эстонии прав национальных меньшинств, всегда ссылается на при-

нятые в начале девяностых годов решения. Например, когда в Государственной думе Российской Федерации 21 декабря 2005 года состоялось совместное заседание представителей международных комитетов обеих палат Федерального Собрания РФ и Европарламента, где обсуждался вопрос о соблюдении прав русскоязычного населения Латвии и Эстонии, глава комитета по международным делам Госдумы РФ Константин Косачев в очередной раз подверг критике позицию представителей Европарламента, которые «считают, что действующие» в Латвии и Эстонии «правовые нормы соответствуют стандартам ЕС», глава международного комитета Европарламента Элмар Брок, отвечая на эту критику, заявил агентству *Interfax*, что термин «неграждане» «был введен в юридический оборот ОБСЕ и принят консенсусом, в том числе и Россия дала согласие на этот термин». (13)

4. Латвия: курс на латышскую Латвию

После 1991 года для обоснования правомерности строительства «Латышской Латвии» на вооружение была взята концепция исторической непрерывности независимого Латвийского государства, в соответствии с которой годы существования Латвии в составе СССР были названы годами оккупации и духовного и физического уничтожения латышского народа в условиях коммунистического тоталитарного режима.

Как писал в 1992 году известный политолог и публицист Борис Цилевич, «Латышская Латвия» для новой политической элиты складывается из следующих тезисов:

Латвия – это государство латышей, латыши здесь хозяева, а все остальные чужаки, которые обязаны подлаживаться под хозяев;

исторически обусловленный нормативный характер, наряду с латышским, русского языка является нелегитимным, поэтому необходимо низвести его до уровня «всех прочих иностранных языков», несмотря на то, что статус нормативного русский язык приобрел в Латвии задолго до возникновения латвийской государственности и, кстати, в соперничестве с немецким, а не латышским языком;

нельзя более или менее нормально существовать в Латвии без знания латышского языка;

латышский язык – средство для обеспечения латышам преимущества при трудоустройстве;

«деколонизация» включает в себя и так называемую «реформу» школ национальных меньшинств, основная задача которой – ликвидация школы русского лингвистического (языкового) меньшинства. «Через детей можно «достать» практически любого, глядишь, русские и уедут – как ехали и едут «ради детей» евреи и немцы». (14)

5. Бесправие национальных меньшинств

На основе именно такого подхода после 15 октября 1991 года строится и законодательство государства. Как отмечается в отчете Института открытого общества (Будапешт, 2001 год), в Латвии после 1991 года наблюдается практика «законодательства и принятия политических решений, ограничивающих права и возможности русскоязычных людей (включая граждан) в области образования, использования языка и на рынке труда... Основная проблема, с которой сталкиваются русскоязычные, наиболее точно могла бы быть охарактеризована как отрицание их права отличаться от большинства и отрицание их права на сохранение своей идентичности.

Это выражается в ограничениях на использование языка в школах, в общественной и политической жизни. А поскольку эти языковые ограничения совмещаются с требованиями в области гражданства и занятости, они не только ограничивают право русскоязычных отличаться, но также приводят к их исключению из общественной жизни, что уже является проблемой дискриминации... Правительство... не выделяет необходимых средств на подготовку учителей для школ национальных меньшинств. Не имея права голоса, русскоязычные неграждане практически не имеют возможности влиять на решения местных самоуправлений относительно создания или ликвидации школ». (15)

6. Латвия: обман международного сообщества

После развала Советского Союза проживающие в Латвии граждане СССР стали апатридами, т.е. лицами без гражданства, однако Латвийское государство наличие на своей территории сотен тысяч апатридов никогда не признавало и продолжает называть апатридов негражданами, чем вводит международное сообщество в заблуждение.

В ноябре 1995 года в Риге по инициативе Европейского совета международной Хельсинкской федерации, хельсинкских комитетов Дании и Швеции и Латвийской ассоциации объединенных наций состоялся международный семинар «Правовой и социальный статус неграждан: законодательство и его реализация». Как пояснил один из участников семинара директор Латвийского центра прав человека и этнических исследований Нил Муйжниекс, в мире для характеристики лиц, не имеющих гражданства страны проживания, а также гражданства любой другой страны, пользуются определением «лицо без гражданства». Однако в отношении прав «лиц без гражданства» необходимо соблюдать положения соответствующих международных конвенций. Именно поэтому, как еще 15 февраля того же года в газете «Labrit» призналась председатель комиссии Сейма по правам человека Инесе Бирзниеце, государство и стало использовать понятие «негражданин» – чтобы избавить Латвию от выполнения международных обязательств и, прежде всего, требований Международной конвенции 1954 года о статусе лиц без гражданства. (16)

В 1995 году Латвия не выполняла и положения Конвенции 1961 года об ограничении безгражданства. В Конвенции, в частности, говорится, что «страны должны воздерживаться от того, чтобы увеличивать число лиц без гражданства». В части 1-й этого документа сказано, что человек, родившийся на территории какой-то страны, должен получить гражданство этой страны. Во всех европейских странах и большинстве стран мира именно так и происходит. Но только не в Латвии или Эстонии.

«Гвоздем» семинара стало выступление первого директора Департамента гражданства и иммиграции, а в ноябре 1995 года – председателя комитета Рижской думы по миграции и негражданам Мариса Плявниека. Его высказывания поразили даже привыкших ко всему представителей хельсинкских комитетов. М. Плявниека прямо заявил: «Кому этот театр нужен? Что вы все ссылаетесь на европейские стандарты? Кто их придерживается?... Что вы ездите по всем странам и учите, как нам обходиться с негражданами? Если вы – шведы, датчане, немцы, американцы – так переживаете за неграждан, то возьмите их к себе!» (17)

Подобная позиция М. Плявниека была, увы, типичной для представителей правящей элиты и являлась и продолжает оставаться основной причиной нарушения прав латвийских неграждан, то есть апатридов. Даже госдепартамент США в 1995 году в сообщении о положении с правами человека в разных странах мира признал, что в Латвии Департамент по вопросам гражданства и иммиграции «не только создает

трудности в деле регистрации неграждан, но и полностью игнорирует решения судебных инстанций». (18)

За десять лет, с 1992-го по 2002 год, с помощью Латвийского комитета по правам человека (F.I.D.H.) удалось выиграть более 5 тысяч судебных дел. Причем в двух делах (дело Игнатане и дело Подколзиной) было констатировано нарушение прав человека. (19)

Ситуация с правами латвийских неграждан, то есть апатридов, принципиально не изменилась и после вступления Латвии в Европейский Союз в 2004 году. «Почему негражданин имеет особый статус?» – такой вопрос ставится в рекламном буклете «Европейский Союз и неграждане», подготовленном в декабре 2004 года секретариатом министра по особым поручениям по делам общественной интеграции при финансовой поддержке Европейского Союза. А ответ на него дается следующий: «Латвийские неграждане имеют особый правовой статус, вытекающий из специфической истории и политической ситуации в Латвии». То есть в основе всего – «специфическая история» и не менее «специфическая политическая ситуация». И все! Ни о каком правовом обосновании этого, идущего вразрез с международным правом, статуса в буклете упомянутого секретариата не говорится ни слова!

7. Отсутствие правового обоснования статуса «неграждан»

Отсутствие правового обоснования статуса «неграждан» подтвердил в своем определении и Конституционный суд Латвии (Суд Сатверсме), который, проанализировав статус негражданина, 7 марта 2005 года признал, что латвийских неграждан нельзя приравнять ни к одному из тех статусов физического лица, которые закреплены в международных правовых актах. Ссылаясь опять-таки на факт оккупации и принятую правящей национал-радикальной политической элитой концепцию не повторного обретения, а восстановления прерванной в 1940 году государственности Латвии, суд указал, что неграждан нельзя считать ни гражданами, ни иностранными гражданами, ни лицами без подданства. Это лица с «особым правовым статусом». Статус негражданина не является разновидностью латвийского гражданства и его нельзя считать таковым.

Суд также считал, что в его полномочия не входит давать разъяснения понятию «негражданин». Это не столько юридический, сколько политический вопрос, который следовало бы рассматривать в рамках существующего в стране, по мнению суда, демократического политического процесса, определив статус негражданина в международном праве. (20)

Латвийская Республика считает, что наличие категории неграждан не является нарушением Конвенции ООН о сокращении числа апатридов 1961 года.

Хотя УВКБ ООН не относит неграждан к числу субъектов Конвенции о статусе апатридов 1954 года, оно тем не менее включает их в свою статистику лиц без гражданства. Специальный докладчик ООН по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости обозначает неграждан Латвии как апатридов и ссылается на конвенцию 1961 года, рекомендуя Латвии пересмотреть условия натурализации.

8. Институт неграждан – не правовой, а политический институт

Институт неграждан – не правовой, а политический институт. Основная его цель – политическая дискриминация национальных меньшинств и формирование тако-

го законодательства, непосредственно затрагивающего национальные меньшинства, которое бы подталкивало их к ассимиляции или к эмиграции из страны. Но, обеспечив формирование системы преференций для новой политической элиты, институт неграждан уже с первых минут своего существования стал тормозом для развития всей страны, для развития как нелатвийской, так и латвийской.

Именно по этой причине возврат к всеобщим выборам – основополагающее условие для выживания и развития не только русской общины Латвии, но и титульной нации, Латвийского государства в целом.

9. ПАСЕ: В Латвии – долговременный дефицит демократии

8 ноября 2002 года Специальный комитет Парламентской ассамблеи Совета Европы, оценивая состоявшиеся в октябре 2002 года выборы в 8-й Сейм, отметил, что из-за неучастия в выборах неграждан в Латвии сложился «долговременный дефицит демократии» (long-term democratic deficit). О существовании в Латвии «дефицита демократии» говорится также в Итоговом докладе по парламентским выборам в Латвии 2002 года, который 20 ноября 2002 года представило Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ.

После выборов 9-го Сейма Ограниченная миссия по наблюдению за выборами Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ и Ограниченная краткосрочная миссия по наблюдению за выборами Парламентской ассамблеи ОБСЕ в своем заявлении для прессы от 8 октября 2006 года также отмечали, что «примерно 400 000 человек, или около 18 процентов населения... все еще сохраняют статус «неграждан»... Неграждане не имеют права голосовать на любых выборах в Латвии... Тот факт, что существенная часть взрослого населения не имеет избирательного права, свидетельствует о продолжающемся иметь место дефиците демократии...»

Проведение выборов в условиях дефицита демократии имело своим следствием снижение уровня доверия к их результатам со стороны международных структур. Руководитель Ограниченной миссии по наблюдению за выборами 9-го Сейма от Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ посол Борис Фрлец в этой связи отмечал: «Большое впечатление на меня произвело широкое общественное доверие, которым пользуется процесс выборов в Латвии. **Однако это доверие не может быть полным, пока гражданство, включая право голоса, остается вопросом для значительной части населения**» (выделено мной. – В.Г.).

К началу января 2010 года, по данным Регистра жителей, в Латвии проживало 344 095 неграждан (15,26 % жителей), из них 65,9 % – русские (36,5 % русских Латвии), а всего представители национальных меньшинств – 99,6 %.

Число неграждан сокращается в результате вымирания, эмиграции и натурализации (ускорила после либерализации закона о гражданстве в 1998 году, замедлилась после 2004 года).

Одновременно Латвия воспроизводит неграждан. В январе 2007 года Управление по делам гражданства и миграции, отвечая на запрос общественных организаций «Союз граждан и неграждан» и «Гуманитарная перспектива», обнародовало данные о росте числа неграждан в стране. Оказывается, с 1 мая 2004 года (дата вступления Латвии в ЕС) до 1 декабря 2006 года паспорта неграждан получили 54 284 человека. Из них 8 142 человека (около 15%) – впервые. Это молодые люди, родившиеся в Латвии 16 лет назад и окончившие среднюю школу в период независимости.

Неграждане в основном живут в крупных городах. Так, на начало 2010 года они составляли 24,6 % населения Риги, 22,2 % – Лиепая, 20,4 % – Даугавпилс. Население

этих трёх крупнейших городов страны составляет 39,8 % населения страны, но в них живет 62,4 % неграждан.

Неграждане страны не имеют избирательных прав, хотя их абсолютное большинство или родились в Латвии, или проживают здесь 20-30 и более лет. При этом граждане других государств Европейского Союза, прожившие в Латвии не менее трех месяцев, могут участвовать в выборах местных самоуправлений. Разве это не нонсенс?

Следует также отметить, что количество депутатских мест для Латвии при выборах Европейского парламента (ЕП) рассчитывается исходя из численности всего населения, а не только граждан, что позволяет правящей элите получать дополнительные места в ЕП за счет неграждан.

Неграждане ограничены также в профессиональной деятельности: не могут служить в армии, правоохранительных органах, охране тюрем, работать чиновниками, адвокатами, нотариусами, судебными заседателями, работниками Службы государственных доходов и ЗАГСов и др. Также существуют ограничения в социальных и экономических правах: в приобретении недвижимости, в правах на приватизационные сертификаты, в подсчёте пенсионного стажа (см. например, дело «Андреева против Латвии»), в праве ношения оружия, в возможности обучения в некоторых вузах (Академия полиции до ее ликвидации), в выезде без виз в ряд стран (до января 2007 года – в том числе в большинство стран Европейского союза, Норвегию и Исландию)

10. В чем суть дефицита демократии в Латвии?

Принятие Верховным Советом Латвийской Республики 15 октября 1991 года постановления «О восстановлении прав граждан и основных условиях натурализации» сделало невозможным для значительной части населения страны участие в политической жизни государства, т.е. в выборах Сейма и местных органов власти. При этом, когда говорится о значительной части населения, имеются в виду в первую очередь национальные меньшинства, потому что именно они лишились возможности на уровне законодательной и исполнительной власти и участвовать в жизни государства, и эффективно отстаивать свои права. Таким образом, в основе политики ограничения в политических правах значительной части постоянных жителей Латвии лежит именно этнический принцип: граждане – латыши, а неграждане – нелатыши. 2 апреля 2008 года на слушаниях в Комитете по петициям Европарламента, где рассматривалось прошение о предоставлении негражданам ЛР права участия в местных выборах, именно этнический аспект проблемы гражданства в Латвии стал главным для подачи специального запроса в созданное в Вене на базе Центра по расизму и ксенофобии Агентство фундаментальных прав. (21)

Однако постановление ВС от 15 октября 1991 года ограничило в правах не только лиц без гражданства, т.е. апатридов. Для той части национальных меньшинств, которая обрела права граждан ЛР, реализация этого постановления также привела к ограничению в правах. Это ясно видно и на примере деятельности Кабинета Министров, где на протяжении всех 17 лет существования Второй Латвийской Республики не было ни одного представителя национальных меньшинств, за исключением представляющего ТБ/ДННЛ Владимирса Макаровса (Владимира Макарова), и на примере деятельности Сейма, где правящая коалиция категорически отказывается сотрудничать с депутатами от партий национальных меньшинств и блокирует абсолютное большинство их предложений.

Таким образом, *суть «долговременного дефицита демократии» в том, что решение поделить население Латвии на граждан и лиц без латвийского граждан-*

ства создало основы для проведения не всеобщих и недемократических выборов в Сейм и местные органы власти, а после вступления Латвии в ЕС 1 мая 2004 года – и в Европарламент. Этим решением латышская правящая элита не только заранее обеспечила себе победу на выборах, проводимых после 1991 года, но и создала условия для принятия этнического законодательства и утверждения недемократической идеологии. Именно на этой основе правящая элита фактически беспрепятственно осуществляет строительство в многонациональном и мультикультурном государстве так называемой «Латышской Латвии», т.е. проводит политику ограничения прав национальных меньшинств, направленную в конечном счете на их принудительную ассимиляцию или создание таких условий жизни, когда они сами сочли бы за благо уехать из страны.

11. Печальный юбилей

В 2011 году исполнится 20 лет со дня принятия Верховным Советом Латвийской Республики постановления «О восстановлении прав гражданства и основных условиях натурализации», по которому свыше 700 тысяч постоянных жителей страны оказались лишены политических прав.

В результате создания института неграждан в Латвии радикально изменилась политическая обстановка, были созданы условия для возвращения политической иде-

ологии и практики, которые существовали до 1940 года. Одновременно Латвийское государство сделало фактически невозможным процесс реальной интеграции общества и формирования эффективного и единого гражданского общества.

Деформированными оказались и партийная система, а также те цели, ради которых создавались политические партии. Крайне негативно эта ситуация, особенно с 2003 года, влияла и продолжает влиять на деятельность политических партий демократической оппозиции. Вместо объединения усилий и реализации конкретных мер, направленных на ликвидацию института неграждан и возврат к проведению всеобщих выборов, партии демократической оппозиции предпочитают вообще ничего не говорить о дефиците демократии в Латвии, а свои усилия направляют на взаимную борьбу друг с другом и – одновременно – на поддержку тех политических сил, деятельность которых направлена на строительство не демократической, а латышской Латвии, Латвии без национальных меньшинств.

Деформированными оказались и взаимоотношения российской общины и русскоязычного бизнеса в Латвии. Как следует из исследования «Социальная роль русского бизнеса в Прибалтике» (на примере Латвийской Республики), проведенного в конце 2009 года российским Центром политических технологий, интересы русскоязычного бизнеса и российской общины в Латвии сегодня зачастую не только не совпадают, но и прямо противоположны друг другу.

И это не случайно. Президент Латвии Валдис Затлерс недавно прямо заявил: «Инвестиции с Запада помогают экономике государства, а инвестиции с Востока угрожают его безопасности». А начальник Полиции безопасности генерал Янис Рейникс в отчете о деятельности своего учреждения за прошлый год охарактеризовал Совет общественных организаций Латвии, как «пятую колонну» в стране. (22) Именно поэтому русскоязычные бизнесмены, опасаясь репрессий со стороны государства, как правило, боятся открыто поддерживать российскую общину. А в ряде случаев показывают себя даже большими националистами, чем те, кто принимает сегодня направленные против национальных меньшинств законы.

Создание института неграждан отрицательно сказалось не только на правах национальных меньшинств. В результате проведения невсеобщих выборов и формирования антименьшинственной и антисоциальной государственной идеологии и политики были приняты решения, которые направлены не только против нелатышей, но и против титульной нации. Среди этих решений – ликвидация промышленности и сельскохозяйственного производства, денационализация бывших частных домовладений, радикальное сужение системы социальной защиты населения. Среди этих решений и официально провозглашенный курс на пересмотр итогов Второй мировой войны и уголовное преследование тех, кто воевал с нацистами, и наоборот, политическую реабилитацию тех, кто прислуживал нацистам и активно участвовал в период нацистской оккупации в геноциде мирного населения.

Надежда на то, что защитить интересы российских соотечественников можно лишь посредством натурализации или прихода во власть на уровне местных органов власти и развития экономических отношений между городами России и Латвии, к сожалению, себя не оправдывает.

Крайне медленный и, соответственно, очень растянутый во времени процесс натурализации практически никак не решает задачу либерализации национальной политики. Скорее, наоборот, создавая (наряду со смертностью и эмиграцией) видимость постепенной ликвидации института неграждан, натурализация в ее нынешнем виде не только никак не угрожает сформировавшемуся после 1991 года политическому режиму, но, наоборот, обеспечивает легитимность как ему, так и проводимой им политике.

Что же касается развития экономических отношений между городами России и

Латвии, то, приветствуя и поддерживая развитие этих отношений, следует одновременно признать, что они также, увы, практически никак не способствуют либерализации национальной политики. Более того, можно говорить о том, что реальное развитие экономического сотрудничества на уровне местных органов власти практически всегда на уровне государства и уровне тех же местных самоуправлений оборачивается ужесточением сначала риторики, а затем и национального и местного законодательства по национальному вопросу.

Именно так было в 2004 году, и именно это в очередной раз мы наблюдаем после прихода в июне 2009 года во власть в Рижской думе политического объединения «Центр согласия», взявшего курс на развитие отношений с Москвой и другими городами России.

Без возврата к всеобщим выборам изменить эту тенденцию политического развития Латвии практически невозможно. Сохранение практики проведения невсеобщих выборов в Латвии и Эстонии будет продолжать ослаблять позиции российских общин в этих странах и, наоборот, укреплять позиции русофобов. В результате не только развитие, но даже сохранение здесь национальных меньшинств уже в обозримой перспективе оказывается под вопросом. Кроме того, развитие и укрепление демократических принципов при строительстве государственности в Латвии также оказывается невозможным.

12. Институт неграждан и Россия сегодня: бизнес важнее прав человека?

В период с 1991-го и до начала 2000-х годов внимание России к соблюдению прав своих соотечественников, не по своей воле в одночасье оказавшихся за рубежами своей этнической Родины, отсутствовало фактически напрочь. Ситуация стала меняться в лучшую сторону лишь после того, как президентом России стал В.В.Путин.

На пресс-конференции 23 декабря 2004 года президент России Владимир Путин, говоря о двойных стандартах в оценке выборов и отсутствии политических прав почти у полумиллиона жителей Латвии, призвал прекратить издеваться над здравым смыслом.

– Говорим об украинских выборах. Вот провели выборы в Афганистане, это первые выборы, мы их поддержали. Но так ли они были нужны?... В Косово провели выборы. 200 тысяч сербов покинули свои дома и не приняли участия в выборах. Все нормально... Сейчас будут в Ираке. ОБСЕ будет якобы контролировать выборы с территории Иордании. Ну фарс!». В свое время «Евросоюз предложил, чтобы на юге Македонии, где проживает 20% албанского населения, албанцы принимали участие в деятельности органов власти и управления, в том числе правоохранительных органов. Сейчас Румыния готовится вступить в Евросоюз – и здесь выдвигают примерно такие же условия по национальным меньшинствам. Хорошо это или плохо? Это правильно, хорошо. – подчеркнул В.Путин. – Но когда мы нашим коллегам говорим: слушайте, а в Риге 60 процентов русских проживают, давайте там тоже введем такой же стандарт. Нет, нельзя. Там другая ситуация. Какая другая? Люди что ли второго сорта там?»... (23)

14 марта 2005 года МИД РФ выступило с призывом к Евросоюзу, Совету Европы и ОБСЕ предпринять более решительные шаги для устранения дефицита демократии в Латвии. «Более 460 тысяч человек, родившихся и проживших в Латвии большую часть жизни, лишены одного из основополагающих прав» – права участия в выборах, – говорилось в комментарии МИД РФ. – При этом граждане стран Евросоюза, находящиеся на территории Латвии в течение нескольких месяцев, имеют право влиять на результаты муниципальных выборов». В этой ситуации «ссылки на соответствие латвийских порядков в области прав человека, так называемым “копенгагенским критериям” ЕС, звучат все менее убедительно», – подчеркивало МИД РФ.

11 февраля 2009 года на сайте МИД РФ было опубликовано комментарий Департамента информации и печати МИД РФ в связи с рассмотрением в Европарламенте вопроса об избирательных правах «неграждан» в Латвии. В этом комментарии отмечалось, что законодательство властей Латвии, осуществляемое якобы с учетом требований директив ЕС, на практике ведет к укоренению дискриминации нетитульного населения этого прибалтийского государства.

Неоднократно о дефиците демократии в Латвии в связи с проведением не всеобщих выборов в парламент и местные органы власти говорил в своих публичных выступлениях и посол России в Латвии А.А.Вешняков (смотри, например, его выступление перед студентами и преподавателями Балтийской международной академии 8 февраля 2010 года. – Абик Элкин. “Институт неграждан пора ликвидировать”. – “Вести сегодня”, 9 февраля 2010 года)

Несмотря на эти и другие подобные заявления политического руководства РФ и его дипломатического представителя в Латвии, тем не менее, складывается впечатление, что в практической политике России по отношению к Латвии нет ясного понимания того, как решать задачу по устранению “долговременного дефицита демократии”, а потому среди предпринимаемых на разных уровнях шагов отсутствуют последовательность и единство действий. Более того, в межгосударственных отношениях России со странами Балтии, и Латвии в том числе, тема демократии и соблюдения прав человека явно уступает по важности теме развития экономических отношений. Такой подход, несомненно, следует рассматривать как синдром наследия внешней политики Б.Н.Ельцина. Это способствует дальнейшему ослаблению позиций российских соотечественников в Латвии, Литве и Эстонии.

Очевидно непоследовательная позиция России в вопросе защиты российских соотечественников за рубежом, ставка на то, что развитие экономических отношений – это главное, а все остальное – важно, но важно во вторую, а то и в третью

очередь, в 2006 году привела к серьезным разногласиям в отношениях между отдельными организациями российских соотечественников Латвии и посольством России в Латвии. Причиной этих разногласий стал отказ России от так называемого «пакетного принципа», когда подписание договора о границе увязывалось с соблюдением прав российских соотечественников. Многие общественные организации российских соотечественников (Латвийский антифашистский комитет, Русская община Латвии, Объединенный конгресс русских общин Латвии и др.) считали (и оказались правы!), что отказ от пакетного принципа не только не приведет к изменениям в вопросе соблюдения прав национальных меньшинств, но, наоборот, будет способствовать ужесточению проводимой латвийской правящей элитой национальной политики. К сожалению, мнение организаций российских соотечественников услышано не было.

В самой России политика российского руководства на прибалтийском направлении также подвергается критике. 14 января 2010 года на сайте ИА Regnum был опубликован аналитический обзор «Россия и её соседи в 2009 году: внешнеполитические итоги». Авторы обзора Виген Аюпян, Игорь Павловский, Сергей Колеров, Михаил Пак, Владимир Зотов, Алексей Беляев и Модест Колеров отмечают, что «до сих пор нет единой и внятной внешнеполитической позиции России по трём прибалтийским республикам и региону в целом. 2009 год в этом плане ничего не изменил. Единственные внятно артикулированные сигналы российского МИДа в отношении Прибалтики, – это права соотечественников и противодействие пронацистскому историческому ревизионизму. Но даже эти сигналы не были последовательны и систематичны. Говорить о решающей роли российского МИДа в деле организации соотечественников не имеет смысла. МИД РФ скорее пытается выступать в роли модератора между различными организациями соотечественников. Несмотря на постоянные декларации озабоченности правами неграждан в Латвии и Эстонии, на практическом уровне никто не пытается эти озабоченности увязать с конкретными, практическими, в первую очередь, экономическими вопросами двусторонних отношений. Защищать нарушенные права соотечественников от тех в Латвии и Эстонии, с кем бизнес и власти России ведут активный экономический торг, – лицемерие», – делают вывод авторы обзора.

Кроме того, в 2009 году продолжился разнобой в позициях различных государственных инстанций России, имеющих экономические интересы в Прибалтике. «МИД, органы исполнительной власти федерального и регионального уровня, несмотря на формальное обязательство проводить единую внешнюю политику, часто преследуют свои ведомственные и финансовые интересы (администрация Санкт-Петербурга, например, предложила рекламировать Литву в России сразу после того, как Литва выступила с инициативой уравнивать преступления нацизма и коммунизма). Новым течением в российской внешней политике стала «баскетбольная дипломатия» вице-премьера России Сергея Иванова, который, пользуясь посещением баскетбольных матчей, провёл в Эстонии и Литве публичные встречи с антироссийскими радикалами – министром обороны Эстонии Яаком Аавиксоо и министром иностранных дел Литвы Вигаудасом Ушацкасом. О том, что Иванов использовал эти встречи для принципиальной защиты интересов российских соотечественников, России и памяти о Великой Отечественной войне, – не сообщалось».

И в Латвии Россия делает ставку на «коммерческую «дипломатию», максимально очищенную от борьбы за права соотечественников и ответственности за инвестиции в страну, преследующую ветеранов антигитлеровской коалиции и подсчитывающую «ущерб от советской оккупации». «Единственный политический результат такой дипломатии – поддержка этнократического режима, установившего в Латвии апартеид», – делают вывод авторы аналитического обзора. (24)

13. Права соотечественников неоспоримо приоритетны!

21 января 2010 года, в рамках программы своего визита в Латвию, заместитель министра иностранных дел Владимир Титов встретился с российскими соотечественниками. Встреча состоялась перед началом консультаций в МИДе ЛР, и основная ее задача сводилась к тому, чтобы от самих соотечественников узнать о том, что волнует сегодня русскую общину Латвии.

Мнение соотечественников было следующим:

1) начиная с 1991 года в Латвии ни разу не проводились всеобщие выборы в парламент и местные органы власти, следствием чего стало формирование дискриминационного по отношению к нацменьшинствам законодательства;

2) тема соблюдения прав человека по отношению ко всем другим вопросам межгосударственного сотрудничества Латвии и России является неоспоримо приоритетной. Любой иной подход приводит не только к консервации радикализма в национальной политике Латвийского государства, но и к его усилению. Нынешний статус русского языка как иностранного противоречит реальной ситуации. Латвия должна выполнять Рамочную конвенцию Совета Европы о правах нацменьшинств без каких бы то ни было оговорок.

3) радикальный национализм правящей элиты ЛР влияет на ситуацию в регионе и в целом в Европе. Начиная с 2004 года, когда Латвия вступила в ЕС, латвийский радикальный национализм из явления местечкового характера, способствующего радикализации национальной политики в Балтийском регионе, а также в ряде других стран постсоветского пространства, стал явлением как минимум европейской политики, способствуя ее быстрой радикализации. С этой проблемой теснейшим образом связана другая – пересмотр итогов Второй мировой войны, фальсификация истории и курс на политическую реабилитацию нацизма и фашизма.

14. О необходимости проведения информационной кампании в поддержку требования ликвидировать институт неграждан в Латвии и Эстонии

Ликвидировать институт неграждан правовыми средствами невозможно. Устранить его можно только в результате политического решения.

Осознавая это, структуры гражданского общества Латвии, т.е. общественные организации российских соотечественников, начиная с 2005 года, выдвигают требование обеспечить возврат к проведению всеобщих и демократических выборов. Однако эти усилия без активной поддержки со стороны латвийских партий демократической оппозиции, без поддержки пусть очень небольшой, но все же существующей демократической латышской общественности, а также без активной поддержки со стороны общественных организаций российских соотечественников зарубежья пока не позволяют на уровне Европы начать серьезный разговор на эту тему – разговор о псевдовыборах в Латвии и Эстонии и, как следствие, о характере тех политических режимов, которые сформировались в этих странах после 1991 года. А этот разговор крайне необходим, поскольку актуальнейшая задача сегодняшнего дня – формирование в Европе мнения о недопустимости дальнейшего сохранения в Латвии и Эстонии долговременного дефицита демократии. Сохранение практики невсеобщих выборов в Латвии и Эстонии, и это необходимо подчеркнуть, представляет прямую и явную угрозу основам демократии в Европе, поскольку узаконивает фактическое применение двойных стандартов к проведению выборов в разных странах.

Для обеспечения возврата к проведению всеобщих выборов в органы власти состоявшаяся 26 июня 2010 года 3-я конференция организаций российских соо-

теснителей Латвии и Совет общественных организаций Латвии предлагают организовать на международном уровне (при поддержке организаций российских соотечественников зарубежья) широкую информационную кампанию в поддержку требования ликвидировать институт неграждан в Латвии и Эстонии и обеспечить проведение в этих странах первых после 1991 года всеобщих выборов в местные органы власти, национальные парламенты и Европарламент.

Необходимость и актуальность проведения такой кампании становится очевидной в свете заявления председателя Европарламента Ежи Бузека, который 22 июня 2010 года, отвечая на пресс-конференции в Москве на вопрос корреспондента интернет-приложения к федеральному еженедельнику «Российские вести» Riga.Rosvesty, о том, каково его отношение к ситуации, когда неграждане Латвии и Эстонии не имеют права голосовать на выборах в Европарламент, заявил, что он не в курсе того, кто такие «неграждане». И попросил корреспондента объяснить ему, что это за статус. (25)

Примечания:

1. Конституционное (Государственное) право зарубежных стран. Тома 1 – 2. Общая часть. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор, доктор юридических наук, профессор Б.А.Страшун. – Москва, Издательство БЕК, 1996. – Стр. 128.

2. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Изд. 2-е. – М.: Институт социологии РАН, 2005. – Стр. 142-143.

3. «Вести сегодня», 21 апреля 2004 года.

4. От комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. (Пояснительная записка от 14 декабря 1989 г. Съезду народных депутатов СССР) – http://militera.lib.ru/research/1939_uroki_istorii/17.html

5. Сообщение комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. (Доклад председателя комиссии А.Н.Яковлева 23 декабря 1989 года на II Съезде народных депутатов СССР) – «Правда», 24 декабря 1989 года.

6. Там же.

7. О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года (постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик 24 декабря 1989 г.) – «Правда», 28 декабря 1989 года. <http://shh.neolain.lv/seminar14/kosteneck.htm>

9. Там же.

10. Парадоксы Второй Мировой войны. Интервью С.Мазура с латвийским историком Борисом Анатольевичем Равдиным. – *Seminarium Hortus Humanitatis*. Альманах № VIII. Русский мир и Латвия. – Рига, 2007. – Стр. 70.

11. Наджафов Д.Г. Об историко-геополитическом наследии советско-германского пакта 1939 года. – В кн.: Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой / Сост. Д.Хмельницкий. – М.: Яуза-пресс, 2007. – Стр. 35-36.

12. Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики. 13 января 1991 года, Таллинн.

13. Сообщение Interfax от 2 января 2006 года.

14. Цилевич Борис. Время жестких решений. – Рига, 1993 год. – Стр. 146, 149, 150, 155, 162.

15. <http://www.policy.lv/index.php?id=102351&lang=en>

16. «Labrīt», 1995. gads, 15. februāris.
17. Элкин Абики. Страна хронических неграждан. Европа смотрит на нас и... не понимает. – «СМ-сегодня», 8 ноября 1995 года.
18. Грава Улдис. Госдепартамент США оценивает положение с правами человека в ЛР. – «Диена», 2 марта 1995 года.
19. Нам 10 лет. – Латвийский комитет по правам человека, Рига, 2002. – Стр. 8.
20. Статус негражданина и международные обязательства. Пресс-релиз Конституционного суда Латвии, 7 марта 2005 года.
21. Александрова Юлия. «Чужие» в Брюсселе. – «Вести сегодня», 7 апреля 2008 года.
22. http://www.newsru.com/world/02jun2010/lat_est.html
23. «Надо прекратить издеваться над здравым смыслом». – «Час», 24 декабря 2004 года.
24. www.regnum.ru/news/1242230.html 03:21 14.01.2010
25. Портнова Ольга. Глава Европарламента: неграждане? А что это такое. – «Телеграф», 29 июня 2010 года.

М.Т. (Причудье, Эстония)

Заметки коренного русского Эстонии

В 1920 г. при подписании мирного договора с Россией представители Эстонии согласилась на вхождение в состав своего государства части территории (бывшей Лифляндской губернии России), на которой столетиями проживало, в основном (а то и исключительно), коренное русское население.

Русский язык в сегодняшней Эстонии – это язык коренного русского населения, веками проживавшего на территории, которая после 1920 г., без ведома и согласия этого населения, была включена в состав Эстонской Республики.

И это коренное население Эстонии должно иметь не меньше, чем эстонцы, прав и возможностей в этом государстве.

И, прежде всего, это право на то, чтобы русский язык, как язык коренного населения, был признан, как и эстонский язык, государственным языком.

Кое-кому из ответственных эстонских политиков эту историческую правду (а вернее историю образования Эстонской Республики) следовало бы знать получше, прежде чем заявлять, что русский язык это язык оккупантов. Русский язык на территории Эстонии – это родной язык части её коренного населения.

Проводимая же, с момента образования Эстонской Республики, властями политика направлена на выдавливание русского населения как коренной нации, на ассимиляцию его, в конечном итоге, путем обэстонивания.

В период с 1918 – 1940 г., когда не было в стране эмигрантов, национальные и религиозные чувства коренного русского населения подвергались нелегким испытаниям со стороны националистически настроенных эстонских политиков.

Начиналось с уничтожения памятников и иных святынь, дорогих и близких коренному русскому населению Эстонии.

Так в первые годы Эстонской Республики был разрушен памятник Петру Великому, снесены часовни напротив вокзала и на площади русского рынка.

11 октября 1928 г. группа националистически настроенных депутатов вносит в Государственное Собрание законопроект о принудительном сносе Александро-Невского собора. Работы по сносу собора, согласно этого проекта, следовало завершить к 1 мая 1929 г.

В пояснительной записки к данному законопроекту указывалось, что собор подлежит уничтожению как памятник русского времени, которому не место среди зданий высших государственных учреждений, что по своей архитектуре собор не вписывается в общий стиль Ревеля и имеются признаки его разрушения.

Обращение ряда русских организаций и обществ, представителей различных церквей и др. к Главе государства и к Председателю Государственного Собрания, к счастью русского населения, было услышано и этот редкий памятник, святыня верующих христиан Эстонии был сохранен. Немаловажную роль в его сохранении в данной ситуации, надо полагать, сыграл и старший брат К.Пятса – Николай Пятс, который был протоиреем в этом соборе, а в последующем председателем эстонского синода и наставником Александро-Невского Собора.

В 30-ые годы прошлого столетия со стороны эстонских властей началось гонение на русскоязычное население старообрядческого вероисповедания. Власти Эстонии установили законодательно запрет лицам старообрядческого вероисповедания (а это исключительно русское население) праздновать церковные праздник и проводить богослужения «по старому стилю». Собравшихся на богослужение, в такие даты и дни, старообрядцев полицейский разгонял с применением резиновой дубинки.

А особо непокорных, подвергали судебному преследованию и привлекали к ответственности на основании ст. 123 Уголовного закона того периода.

Так в Причудских деревнях полицейский Уно Метс (приемный сын старшины волости Казепяэ Уго Метса) в отношении тех, кто осмеливался в дни «по старому стилю» приходиться в молитвенный дом на богослужение, пускал в ход дубинку и разгонял их.

Принятая в 1938 г. Конституция законодательно закрепила, что эстонский язык является государственным языком. Таким образом, политиками был проведен водораздел между эстонцами и коренным русскоязычным населением по языковому признаку, что никак не уравнивало русских в политических правах и возможностях с эстонцами и не консолидировало население страны.

В 1941 г., не успели германские войска толком обосноваться в Эстонии, как эстонские националисты, сплотившиеся вокруг профашистской эстонской организации „Omakaitse”, начали по собственной инициативе кампанию по физическому уничтожению коренного русскоязычного населения. Начались аресты русскоязычных лиц мужского пола (дабы предотвратить в дальнейшем естественный прирост русского населения). Так в середине августа 1941 г сотрудниками „Omakaitse” в г. Муствее и его округе было арестовано более 500 мужчин из числа русских. Был среди арестованных и священник Муствесской Никольской церкви отец Сергей. Все они были помещены в здании русской школы в г. Муствее. А 18 августа колонна арестованных, пешком, была этапирована в г. Тарту, куда прибыла 21 августа и была размещена в городе на Näituse plats за колючей проволокой, практически под открытым небом. Далеко не все из них остались в живых.

С 3 – 8 марта 1944 г. (*ровно за 5 лет до того как произойдет депортация 1949 г. и о которой так много говорят новоиспеченные эстонские истори*) шовинистически настроенными членами „Omakaitse” была организована массовая депортация русскоязычного населения Причудья. Перед немецкими властями такой шаг они обосновывали тем, что эта часть русского населения политически крайне неблагонадежна. Среди депортированных были престарелые люди (70-80-летние), малолетние и грудные дети. Силою оружейных прикладов выгоняли сотрудники „Omakaitse” людей из своих жилищ и вывозили на ж.д станцию Йыгева, а далее на запад. Им уготована была судьба тех, кто погибал в те годы в концентрационных лагерях.

И только благодаря вмешательству немецких оккупационных властей, как это ни странно, было выяснено, что вывезенные насильно из своих родных мест люди никакой угрозы, как в этом пытались эстонские националисты убедить немецкие власти, ни для кого не представляли. И по указанию немецких властей они были возвращены обратно.

Так была предотвращена, направленная на уничтожение коренного русского населения, деятельность эстонских национал-шовинистов, Но далеко не всем удалось вернуться и остаться в живых.

Можно проклинать советский период жизни в Эстонии, называть его как угодно (тоталитарным, диктаторским, оккупационным и т.д.). Однако, прожитый русскоязычным населением Эстонии, этот период, и прожитые последние 20 лет дают все основания этому населению для сравнения и утверждения, что именно в этот период в Эстонии было реально, фактически обеспечено равноправие между эстонцами и русскоязычным населением. Равноправие, которого коренное русскоязычное население лишено с момента образования Эстонской Республики, а так же в период с начала 90-х годов прошлого столетия и до настоящего времени.

Только после 1940 г. (за исключение периода немецкой оккупации Эстонии – июль 1941 г – сентябрь 1944 г.). у русских появилась возможность получать на своем родном языке не только среднее, но и высшее образование. Право, наравне с эстонцами, занимать должности в государственных и прочих учреждениях и заведениях, пользуясь при этом своим родным языком и, в то же время, самостоятельно, без принуждения, осваивать эстонский язык.

В то же время (в советский период), не было закрыто ни одного учебного заведения (как среднего, так и высшего), где учеба и преподавание велись на эстонском языке. Открывались новые эстонские учебные заведения. Ни в одной эстоноязычной школе не вводилось и не практиковалось, в принудительном порядке, преподавание и изучение предметов на русском языке.

В Тарту был создан государственный художественный институт. В Таллине институт прикладного искусства. На базе этих учебных заведений в 1950 г. создан Государственный художественный институт.

В 1946 г. создана Академия наук Эстонии, в составе которой было создано 9 институтов (институт экспериментальной и клинической медицины, институт физики, математики и механики, институт строительства и архитектуры и др.) в т.ч. и институт по изучению эстонского языка и литературы. Руководящие должности в этих институтах занимали лица эстонской национальности. В области языкознания трудились такие видные специалисты как П.Аристе, А.Касък, Э.Сыгель, К.Таэв и др.

Русский язык, в этот период, не являлся препятствием для развития эстонской культуры и эстонского языка.

Республика имела свое Министерство просвещения.

Если и существовали в советский период в чем-то ограничения (а они были), то они касались всего населения бывшего Союза, в т.ч. и русского населения. Каких-либо специальных ограничений, касающихся исключительно эстонского населения, не существовало.

После второй мировой войны и вплоть до конца 80-х годов прошлого столетия взаимоотношения между эстонцами и русскоязычным населением республики не порождали столь открытого противостояния, взаимной неприязни. Существовавший, почти 40 лет, баланс между этими двумя общинами Эстонии был нарушен (в ущерб русскоязычному населению) именно в конце 80-х годов прошлого столетия. На сегодняшний день зримых улучшений во взаимоотношениях между этими общинами обнаружить трудно.

В отношении русскоязычного населения республики пришедшие на рубеже 80-х -90-х годов новоиспеченные эстонские политики вновь взяли на вооружение старую, довоенную политику неприязни ко всему, что связано со словом «русский».

Проводимая нынешней властью политика в отношении русскоязычного населения не является чем-то новым.

Ведущиеся эстонскими политиками с 1991 г. разговоры об интеграции, различные исследования, проводимые по заказу этих же политиков, на сегодня не привели к взаимопониманию, прежде всего, между властью и русскоговорящей общиной.

Это подтвердили прошедшие годы, после принятия первой интеграционной программы.

Нельзя признать состоятельной и причину, которой эстонские политики обосновывали необходимость принятия, в частности, первой интеграционной программы. Так в разделе 3.1 первой интеграционной программы записано: «*В результате широкомасштабной миграции, происходившей в период существования Советского союза, в Эстонии образовалась община, основным языком общения которой является русский..*»

Подобное утверждение не что иное, как попытка ввести в заблуждение мировую общественность, полнейшее игнорирование исторической правды и ситуации имевшей место при образовании Эстонской Республики.

Русское население в Эстонии, прежде всего, это коренное население у которого, как до 1920 г. так и после 1920 г., не было и нет другой территории, где бы оно могло проживать. По данным переписи 1922 г. на территории Эстонии проживало 8,2% русских.

По данным переписи 1934 г. русскоязычное население Эстонии было на первом месте по рождаемости (эстонцы на третьем месте, после шведов).

Да, миграция русскоговорящих имела место в определенный период, но не эта группа населения явилась первопричиной возникновения русскоговорящей общины в Эстонии. Историческую основу её составляет коренное русское население.

Поэтому, заявление власти о том, что община, основным языком которой является русский, образовалась исключительно в результате миграции, имевшей место в период существования Советского Союза, **это уже фальсификация властью исторического и неоспоримого факта в глазах мировой общественности.**

Принятие второй интеграционной программы так же не решит проблемы двух общин в Эстонии. Интеграционные программы, вероятнее всего, нужны действующей власти для того чтобы продемонстрировать мировой общественности, что она решает проблему русскоязычного населения.

Первая интеграционная программа обошлась в 65 млн. крон. Надо полагать, что и вторая такая программа обойдется не дешевле. И если внимательно посмотреть, кто занимается реализацией этой программы (русские или эстонцы), то станет понятным, что выделяемые на эти цели средства являются не плохой кормушкой для тех, кто занимается реализацией этих программ. Принятие таких программ, несомненно, будет иметь место и в будущем.

Любая русскоговорящие родители, даже если они и владеют в какой то степени эстонским языком, будет обучать, прежде всего, своего ребенка родному, русскому языку. Поэтому интеграционные программы – это деятельность со знаком бесконечности (~),

Для власти это не плохой, и вполне официальный, способ подкормки своих соплеменников.

Фактическая ситуация с положением в государстве русскоговорящего населения, составляющего 1/3 всего населения страны, подтверждает всю несостоятельность интеграционной политики проводимой политической верхушкой страны.

Бесперспективность подобной политики очевидна и она обречена на провал, т.к. не решает основного вопроса – вопроса о равенстве прав и возможностей эстонцев и русскоговорящих.

Эстонцы, и это всем очевидно, чувствуют себя более вольготно и защищены властью. Им власть найдет и предоставит всегда и должность и работу, независимо от уровня интеллекта.

Русскоговорящий в Эстонии, будь у него, как говорят, «семь пядей во лбу» не получит той должности которую предоставляют эстонцу. А если и удастся, каким то образом занять должность во властной структуре, или еще где-либо, то не дай бог высказать критическое замечание в отношении власти. Тут же появится языковая инспекция (этакий «Жупел» эстонских политиков) при помощи которой, тут же, и будет определена профнепригодность данного работника. У всех на памяти рейды языковой инспекции по рынкам, магазинам, и т.д..

Или, например, потребовалось кому-либо из эстонцев занять должность, которую занимает русскоязычный, нет проблем. Властями тут будет пущен в ход все тот же «жупел» (языковая инспекция) и русскоговорящего признают не соответствующим занимаемой должности в виду плохого знания эстонского языка.

Эстонское же происхождение, даже если эстонец и не родился в Эстонии, это не только принадлежность к эстонской нации, но, на сегодня, – это почти, что профессия, дающая льготное право работать в любой властной структуре, даже при отсутствии специальных познаний по занимаемой должности.

Если я имею право кого-то проверять, контролировать, то я уже на голову, а то и более, выше этого человека. Его судьбы во многом зависит от меня. Такова истина. И таковым сложились взаимоотношения в стране между эстонцами и русскоязычным населением.

Приоритет лицам эстонской национальности, её главенство в обществе над другой, 1/3-ей частью общества, власть обеспечила.

Подобное неравноправие между двумя общинами это одна из причин нестабильности в обществе, в стране.

Появившийся недавно годовой отчет КаПо за 2008 г., с соответствующими выводами, вряд ли добавит стабильности в обществе. В нем, прежде всего, «брошен камушек» в сторону России, которая, по утверждению КаПо, оказывает определенное негативное влияние на состояние внутренней политики Эстонии. Влияет на умонастроения русскоязычного населения Эстонии через такие структуры как «Русский мир», клуб «Импрессум» и др. Повинны в этом и некоторые конкретные русскоязычные персоны, которых КаПо, вероятно, не прочь бы держать «под колпаком».

Придание гласности некоторых моментов этого отчета, обсуждение его на эстонском телевидении с участием как самого шефа КаПо, так и некоторых эстонских политиков, не случайно. В такой ситуации отчет КаПо скорее напоминает политический заказ. Находящимся у власти политикам, как никогда, важно показать и доказать эстонцам:

– что в существующей внутри страны русскоязычной проблеме нет их/политиков вины,

– что проводимая эстонскими политиками внешняя политика, в отношении соседней России, является правильной, а во всем виновата Москва,

– свою приверженность в защите интересов коренного эстонского населения.

У русских есть старая поговорка: «На воре шапка горит». Суть и смысл этой поговорки в том, что, провинившийся в чем-либо, человек начинает указывать на другого, совершенно невинного, человека и кричит во всеуслышание, что именно этот человек, а не он, и виноват во всем. Так вот, о таком человеке, пытающемся свою вину переложить на другого, и говорят: «На воре шапка горит».

Анализируя причины создавшейся внутри страны ситуации (взаимоотношения между двумя общинами) нынешним политикам и КаПо следовало бы оглянуться чуть-чуть назад, чтобы понять истинные причины, породившие сегодняшнюю ситуацию.

Недавно политики отмечали 20 годовщину общественного движения, детища эстонской интеллигенции – Народного фронта. Однако, никто из политиков, почему то, не вспомнил о некоторых моментах деятельности этого движения, о тех документах, которые тогда называли программными.

1-2 октября 1988 г. в Таллинне проходил Конгресс Народного фронта Эстонии, на котором была принята «Общая программа Народного Фронта Эстонии», а так же множество других резолюций. В этой программе говорилось о том, что целью НФ является создание такой Эстонии, где все граждане будут чувствовать свободными и защищенными. Но как показали все прошедшие годы, этот лозунг оказался ширмой, той завесой, за которой будущие политики намеревались проводить совершенно иную политику, политику приоритета «эстонской нации» над всеми другими людьми проживающими в республике. И эта идея ими четко была сформулирована в п.5 «Общей программы Народного Фронта Эстонии». В этом пункте однозначно записано, что **«Народный фронт защищает права эстонцев оставаться полноправной основной нацией на своей исконной территории. Для этого следует остановить рост удельного веса незстонского населения республики, так как, даже при отсутствии его механического прироста, эстонцам угрожает опасность остаться в меньшинстве на своей родине. Следует создать благоприятные условия для повышения рождаемости эстонцев».**

В пункте 1 Резолюции «О пресечении миграции» записано: «Народный фронт Эстонии считает неизбежностью решительную борьбу с миграцией из-за пределов республики **и принятие других мер, чтобы остановить уменьшение доли людей коренной национальности (а таковой власть признает только эстонцев) среди жителей Эстонии».**

Что касается «механического прироста» населения, то таковым является миграции. И Эстония, как и любое другое государство, вправе решать этот вопрос в т.ч. и путем запрета въезда в республику лиц из-за её пределов.

«Не механический прирост» неэстонского населения – это естественный прирост населения республики за счет рождаемости русскоязычного населения республики.

Такая политика направлена, прежде всего, против русскоязычного населения, на языке которого разговаривает 1/3 всего населения Эстонии. Большую часть такого населения, на сегодня, составляют те, кто родился на территории Эстонии (пусть и в советский период), а не за ее пределами и кого никак нельзя назвать эмигрантами.

Остановка прироста этой части населения Эстонии не только путем уменьшения его естественного прироста, но путем «принятия других мер» (под которые можно подвести любые действия) – вот та изуверская цель, провозглашенная эстонской национальной интеллигенцией в 1988 г. в отношении русскоязычного населения республики.

От подобной политики, а она не забыта, как видим, и нынешними политиками, веет духом расизма.

Вот где и кем, господа эстонские политики и сотрудницы КаПо, заложены основы нынешних межобщинных, мягко говоря, неурядиц.

И не надо «вешать лапшу на уши» своим соплеменникам и мировой общественности о какой-то «руке Москвы», или «экстремистски усердствующих журналистах».

Принцип равноправия в политических, социальных и прочих правах всех людей (в т.ч. и коренного русского населения) проживающих на территории Эстонии для эстонских политиков (но отнюдь не для здравомыслящего эстонского народа) неприемлем. «Полноправной основной нацией» они признают только своих соплеменников.

Это ли не политика сегрегации в отношении русскоязычного населения своей страны?!

Претворение в жизнь «предначертаний» (пользуясь советской терминологией) «Общей программы Народного фронта Эстонии» не заставило себя долго ждать. Вносится изменение в Конституцию, где эстонский язык признается государственным.

В январе 1989 г. принимается «Закон о языке», а в последующем и другие нормативные акты, которые не прибавляли равных, с эстонцами, прав русскоговорящему населению Эстонии.

В феврале 1989 г., в интервью газете «Советская Эстония», а позднее и в июле 1989 г. в интервью этой же газете, секретарь ЦК КП Эстонии Микк Титма провозглашает, что в Эстонии приоритет должен быть отдан эстонцам, как коренной нации, слово которой должно быть решающим. Коренного русскоязычного населения Эстонии для него, как видно, не существует. А если кому-то, по его утверждения, не нравится в республике, они могут уехать туда, где будут чувствовать себя нормально.

Г-н М.Титма, как видим, прекрасно осознает и понимает, что русскоязычное население в республике чувствует себя, в сравнении с эстонцами, ненормально.

У русскоязычных на памяти выражение, которое приходилось часто и во многих местах слышать от многих эстонцев: «Чемодан, вокзал, Россия».

Таким образом, водораздел, существовавший между эстонцами и русскими, с момента образования Эстонской Республики, после 1988 г. оказался, еще более, углублен. И сделано это было эстонскими политиками и интеллигенцией открыто и откровенно.

Напрасно эстонские политики и КаПо ищут «козлов отпущения» за пределами своей страны, а так же среди 1/3 населения своей страны, говорящей на языке коренного русского населения.

Этот водораздел, прежде всего, обусловлен патологической неприязнью эстонскими политиками всего русского, начиная с первых дней создания Эстонской Республики.

Проводимая властью политика интеграции явно ведет в никуда. Политики не желают понять одну прописную истину, что в любой русскоязычной семье, даже если родители и владеют эстонским языком, родным языком для их детей будет, прежде

всего, русский язык. Так было и будет из поколения в поколение. Поэтому интеграционные программы – это программы со знаком бесконечности (~).

Одной из целей, поставленных первой интеграционной программой, была политико-правовая интеграция, т.е. формирование *лояльного* эстонскому государству населения и уменьшение (а не полная ликвидация) количества людей, не имеющих гражданства Эстонии. *(Какое то количество населения Эстонии, судя по этой программе, заранее предполагалось оставить без гражданства).*

Лояльность человека – это, прежде всего, внутреннее, душевное состояние человека, которое определяет его поведение и отношение к кому-либо, чему-либо (будь то власть, или человек). **Не может быть лояльным человек к тому, кто постоянно плюет ему в душу, кто считает себя на голову выше, кто считает, что имеет право диктовать другой части общества свои условия сосуществования.** Таковым последним из плевков в души русскоязычного населения был, ничем не оправданный, перенос памятника солдату (Бронзового солдата) в апреле 2008 г.

Судя по той политике, которую власти продолжают проводить, «формирование лояльного эстонскому государству населения» остается, в обозримом будущем, не более чем благим намерением.

Лояльность надо заслужить, заработать, завоевать. Её нельзя заполучить у людей административными и иными правовыми методами принуждения, запретами.

Все последние 20 лет власти Эстонии делают все, чтобы 1/3 населения страны оставалась у эстонской элиты в рабском подчинении, знала свое второстепенное место в жизни страны.

Не брезгая начислением себе не малых зарплат, в т.ч. и за счет русскоязычного налогоплательщика, эстонская политическая элита продолжает жить и действовать по принципу, «Все, что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку».

Вправе ли власть требовать лояльного отношения к себе у тех, кому она в прошедшие годы предоставила Эстонское гражданство?

С приобретением русскоязычным лицом эстонского гражданства, казалось бы, оно должно быть наделено теми же правами, что и гражданин эстонской национальности. Но это, далеко, не так. Гражданство Эстонской Республики, предоставление которого в настоящее время властью практикуется (в т.ч. и после проверки у лица соответствующих знаний эстонского языка) – это, по существу, неполноценное, «суррогатное гражданство». Оно не порождает, у лица, получившего такое гражданство, таких же прав, которыми владеют граждане эстонской национальности.

Наличие в руках власти такого «жупела», как языковая инспекция, позволяет ей указывать русскоязычным гражданам на их, отнюдь не равное с эстонцами, место в жизни страны.

Стоит русскоязычному работнику (и не важно где и кем он работает, продавцом, преподавателем, таксистом или на гос.службе и т.д.) высказаться критически в отношении власти, как к нему тут же является языковая инспекция и признает этого человека непригодным для работы на данной должности в виду незнания, или плохого знания эстонского языка.

Подобная тактика, с использованием властью этого «жупела», практикуется и в тех случаях, когда у власти возникает необходимость трудоустроить своего соплеменника на должность, которую занимает русскоговорящий.

У всех на памяти, провозглашенная г-ном Лааром, кампания по «расчистке площадки». Суть этой политики сводилась к выдавливанию русскоязычного населения буквально из всех структур власти и экономики. С этой целью даже внесено было в трудовое законодательство право работодателя без всяких мотивов и объяснений увольнять с работы лиц достигших пенсионного возраста (ст. 108 Закона о трудовом договоре).

Когда же пришло время и самим новоиспеченным политикам уходить на пенсию, то эта норма в трудовом законодательстве была отменена.

При такой политике государства в отношении русскоязычного населения, наивно будет требовать у этих людей лояльного отношения к власти и государству.

На сегодня гражданин Эстонии эстонской национальности в своих правах стоит намного выше гражданина Эстонии из числа русскоязычных.

Эстонским политикам, поэтому, не следует удивляться тому, что так мало русскоязычных лиц желают получить эстонское гражданство. Такое «суррогатное гражданство» не гарантирует им тех прав, каковыми наделены эстоноязычные граждане.

Проводимая на сегодня эстонскими властями политика в отношении русскоговорящего населения страны – **это политика сегрегации**, когда 1/3 населения страны держится, как говорят «в черном теле». Практически узаконено неравенство между эстонской и русскоязычной общинами. Это политика, рассчитанная в дальнейшем на ассимиляцию (обэстонивание) коренного русскоязычного населения, населения, на языке которого говорит 1/3 жителей страны.

И, естественно, что при такой политике в отношении русскоязычного населения страны, (пусть и имеющего гражданство Эстонии) не приходится особо рассчитывать на лояльность этой части общества к государству и власти.

Эстонская политическая элита, ее партийные лидеры, приходя к власти обещали народу сделать жизнь в стране не хуже чем у северных соседей (имея ввиду, прежде всего, Финляндию). А некоторые даже обещали превратить Эстонию в «Северную Швейцарию».

Для подобных, заведомо несбыточных, мечтаний и обещаний, как говорится, большого ума не надо.

Но вот чтобы понять причины успехов этих стран эстонским политикам не следовало бы закрывать глаза на то, что успехи в этих странах, где общество по национальному признаку неоднородно, обусловлены, прежде всего, разумным решением проблем между разноязычными общинами, населяющими эти страны.

Так Финляндия, с момента провозглашения независимости (1917 год), признала, что государственным языком страны является не только финский, но и шведский (хотя шведское население составляет всего 6% от всего населения страны).

Эстонские политики, с момента возникновения Эстонской Республики, в которой проживало более 8% коренного русского населения, прилагают свои усилия к тому чтобы не возникло равноправия, у этой коренной общины, с эстонцами. Равноправие между этими общинами вполне возможно было путем признания русского языка вторым государственным языком. Эстонскими политиками это исключалось/отвергалось.

Более того, в период немецкой оккупации (июль 1941 – сентябрь 1944 г.), эстонцы национал шовинистического толка, объединившись в рядах „Omakaitse”, предпринимали попытки к физическому уничтожению коренного русского населения Эстонии (о чем было сказано выше).

На сегодня нет другого пути для консолидации между эстонской и русскоговорящей общинами, как только признание русского языка вторым государственным языком.

Это язык коренного русского населения Эстонии. Язык, на котором сегодня разговаривает не менее 1/3 населения страны. И это уже не национальное меньшинство.

Только таким путем может быть обеспечено равноправие в обществе. Равноправие, при котором будет естественный интерес и стремление лиц без гражданства получить именно гражданство Эстонии (а не России и не то «суррогатное», что предоставляется на данный момент) и, таким образом, самореализоваться, в т.ч. и на государственной службе.

Только человек, являющийся полноправным гражданином, заинтересован будет в защите интересов и ценностей страны, гражданином которой он является и будет лояльным к власти и государству.

И это единственно возможный путь к полноценной интеграции двух общин страны. Путь, при котором государством будут сэкономлены сотни миллионов крон (закрытие интеграционных программ, ликвидация Министерства народонаселения, Языковой инспекции и пр.).

В Швейцарии, а многие эстонские политика спят и мечтают видеть Эстонию именно такой страной, три государственных языка – немецкий, французский и итальянский.

В Бельгии два государственных языка – французский и нидерландский.

В Ирландии два государственных языка – ирландский и английский.

Это далеко не полный перечень государств, где существует по 2 государственных языка. Все эти страны прекрасно развиваются и не отягощены тем, что у них два, а не один государственный язык. Это, как показывает мировая практика, и есть тот единственный путь, при котором крупные разнонациональные общины консолидируются и совместно добиваются определенных успехов.

Нынешним эстонским политикам, если они считают себя здравомыслящими, следовало бы обратиться к такому мировому опыту решения проблемы отягощающей страну.

В одном из своих интервью газете «Молодежь Эстонии» на вопрос читателя, почему нельзя ввести русский язык в качестве второго государственного, президент Эстонии г-н Ильвес ответил, что *по той же логики* государственным языком можно было бы объявить и английский язык, так как им также владеет около трети населения (см. Молодежь Эстонии № 45 от 23.02.2007 г.).

С «логикой» у г-на президента явно слабовато. Что английским языкам в Эстонии владеет 1/3 населения – весьма сомнительно – это, во-первых. Во-вторых, англичане никогда не были коренными жителями Эстонии, чтобы можно было говорить о их языке в Эстонии как втором государственном.

Русское же население Эстонии – это, прежде всего, исконно коренное население, веками проживавшее на территории Российской империи, которая (территория) после 1920 г. оказалась включенной в состав Эстонской Республики. И русский в Эстонии – это язык части коренного населения этой страны, а не язык оккупантов.

Так что ссыла г-на президента на «логику» в данном вопросе выглядит весьма странной, не говоря уже о знании им истории страны и ее народов.

Еще в 1993 г. Верховный комиссар СБСЕ по национальным меньшинствам Макс ван дер Стул предупреждал эстонских политиков об опасностях связанных с политикой «приоритета коренной (эстонской) нации», т.е. с попыткой правительства обеспечить различными способами привилегированное положение эстонского населения.

«Мало того, – пишет г-н Макс ван дер Стул в своем письме министру иностранных дел г-ну Т.Веллисте – что такая политика вряд ли смогла бы сочетаться с духом, если не с буквой, международных обязательств, которые взяла на себя Эстония, такая политика, по моему мнению, содержит значительный риск усиления напряженности во взаимоотношениях с неэстонским населением, что в свою очередь привело бы к дестабилизации в стране в целом». Ну прямо, как в воду глядел г-н Макс ван дер Стул.

(Текст письма был напечатан в газете «Эстония» за 8 июня 1993 г., а так же в газете «Вечерний курьер» за 6 июля 1993 г.)

Эти, пророческие, слова г-на Макса ван дер Стула, сказанные 16 лет назад, к сожалению, остались не услышанными эстонскими политиками. И, как говорят, на сегодня мы имеем то, что имеем. А господам-политикам Эстонии напомним: «На воре шапка горит».

После 1991 г. в Эстонии зашевелились и пытаются поднять голову национал-фашистские приспешники. С легкой руки некоторых эстонских политиков и истори-

ков, участие своих земляков в боевых действиях в войне 1941-1945 г. против СССР, в составе войск СС и германского вермахта, они пытаются представить народу и миру, как борьбу против гитлеровской Германии и за независимость эстонского народа.

Память приспешникам фашистского режима пытаются воздать путем установления на территории Эстонии памятников бойцам Эстонского легиона СС, ежегодными марш-бросками батальона «Эрна», а так же в печатных изданиях.

Но самое опасное в этой грязной игре является то, что и некоторые государственные деятели Эстонии поддерживают подобные игры. Пытаются тем самым пересмотреть итоги Второй мировой войны и решения Международного военного трибунала, осудившего фашистский режим, уничтоживший жизни миллионов людей и причинивший не мало горя и страданий народам многих стран.

В одном из своих интервью газете «Молодежь Эстонии» (№ 191 от 19 августа 2004 г.) экс президент А.Рюютель заявил, что в результате предвоенных репрессий многие люди потеряли близких и родных и *«Если некоторые из них служили в немецкой армии, то они воевали не за нацистов, а со сталинским режимом. Они надеялись, что Германия все равно не победит и тогда у Эстонии появится шанс восстановить свою независимость. Пусть в немецкой форме, но эстонцы сражались против Германии».*

Г-н Т.Веллисте в беседе с корреспондентом газеты «Молодежь Эстонии» (от 09 августа 2006 г.) заявляет: *«Неужели вы думаете, что 20-23 летние эстонские парни сейчас оставшиеся в живых по 80-85 лет – пошли на Синимяэ воевать с Красной армией во имя победы Германии? Разве читатель вашей газеты не знает, что эстонцы никогда не питали особой любви к немцам, а тем более к гитлеровской Германии, к Гитлеру?»*

Г-н Х. Ильвес в интервью газете «Молодежь Эстонии» (№ 45 от 23.02.2007 г.) на вопрос, почему многие эстонцы воевали во Второй мировой войне в германских мундирах, ответил: *«... Преобладающая часть эстонцев была мобилизована в германскую армию в 1944 году. У многих из них была надежда создать, таким образом, эстонскую армию и восстановить утраченную независимость Эстонии».*

Вот уж воистину гениальные заявления политических деятелей Эстонии в защиту и оправдание бывших нацистских наемников и их современных почитателей. Для последних такое заявление политиков – лучший подарок и поддержка в их начинаниях по возвеличиванию фашистских прихвостней периода Второй мировой войны.

Жаль, но нынешние политики Эстонии напрочь забыли историю не так уж и далеких лет. А ее следует помнить, чтобы не возродить нацистские идеи в своем государстве в виде идеи чистоты расы, теории расовой ненависти к инородцам и исключительности собственной нации.

Судя по проводимой в Эстонии в отношении русскоязычного населения политики, в головах некоторых эстонских политиков эти идеи теплятся.

Вызывают серьезную озабоченность у здравомыслящей части эстонского общества потуги нынешних политиков и новоиспеченных историков обосновать правомерность действий своих соплеменников в немецких мундирах. Действий, которые всем мировым сообществом более 60-ти лет назад были признаны преступными и не имеющими срока давности.

Вразумительного ответа от политических деятелей Эстонии на вопрос, *как можно было на территории Эстонии воевать со сталинским режимом в период с июля 1941г. по октябрь 1944 г.*, нет и по сей день.

Эстония в этот период была оккупирована Германией.

На территории Эстонии в течении всего этого периода **нацистами был установлен** отнюдь не «сталинский режим», а **«оккупационный режим»** в общепринятом международном понимании этого термина.

Это – режим, при котором на территории Эстонии верховная власть осуществлялась германской военной администрацией и специально созданным ведомством

по делам оккупированных восточных областей. Последнее возглавлял выходец из прибалтийских немцев А.Розенберг, который никогда не рассматривал Эстонию в качестве самостоятельного государства.

Альфред Розенберг, родился 12 января 1893 г. в г. Таллине, в семье прибалтийских немцев. Учился в Таллинском Петровском училище. Его одноклассником на протяжении нескольких лет учебы был Оскар Ангелус, будущий Директор внутренних дел Эстонского самоуправления.

В 1910 г. А.Розенберг поступил в Рижский политехнический институт на архитектурное отделение.

В 1915 г. институт эвакуирован в Москву. А.Розенберг в этот период переезжает в Крым.

С занятием в 1917 г. германскими войсками острова Сааремаа он возвращается в Эстонию.

В январе 1918 г. переезжает в Москву, чтобы закончить учебу в Политехническом институте и получить диплом. Получает диплом архитектора и возвращается в г. Таллинн. В Таллинне занимает должность учителя рисования в гимназии Густава Адольфа. В этой гимназии вновь встречается с О.Ангелус, который в этой же гимназии преподает историю и географию.

30 ноября 1918 г. в Таллине в «Клубе черноголовых» А.Розенберг выступает с докладом на тему «Марксизм и еврейство».

Вместе с германскими войсками он покидает Таллинн и обосновывается в Берлине.

Затем переезжает в г. Мюнхен, где летом 1919 г. встречается с Гитлером и становится активным сторонником его идей.

В ноябре 1923 г. сопровождает Гитлера в Минхенском пивном баре.

В 1930 г. становится депутатом Рейхстага.

В 1933 г. руководит ведомством иностранных дел (АРА – Aussenpolitische Amt) НСДАП, а с 1034 г. является уполномоченным Гитлера по вопросам национал-социалистического и духовного воспитания.

20 апреля 1941 г. назначен Рейхскомиссаром по делам восточных оккупированных областей.

Международным военным трибуналом в Нюрнберге приговорен к смертной казни.

С занятием войсками вермахта летом 1941 г. Эстонии, в первые же дни, нашлись ярые сторонники нового нацистского режима и считали своим долгом содействие этому режиму путем добровольного участия в боевых действиях против СССР совместно с войсками вермахта, а так же путем оказания оккупационному режиму содействия в уничтожении мирного населения Эстонии. Последнюю задачу успешно выполняли добровольные отряды самозащиты (Omakaitse).

О их роли, в первые дни оккупации Эстонии германскими войсками, красноречиво говорит отчет Эйнзатцгруппы «А» на 15 октября 1941 г.. В отчете, в частности, констатируется, что **«Большая часть тех 4500 евреев, которые жили в Эстонии в начале наступления на Восток, бежали вместе с отступающей Красной Армией, осталось около 2 тысяч человек. ...Арест всех евреев мужского пола в возрасте старше 16 лет почти закончен. Все они казнены частями самообороны (т.е. «Omakaitse») под руководством команды «1-а».**

...В настоящее время в Харку организуется лагерь, в котором предполагается поместить всех эстонских евреев: таким образом, Эстония в течении короткого времени окончательно освободится от евреев»

Данный отчет Эйнзатцгруппы «А», как документ под номером А-180 Нюрнбергскому Трибуналу был представлен американским обвинителем.

См. Нюрнбергский процесс, 3-х томник, стр. 329-329, 341-343, М.1966 г.

Руководитель Зондеркоманды «1-а» М.Зандбергер в 1947 г. 2-ым Военным трибуналом США был признан виновным в преступлениях связанных с германизацией народов на оккупированных территориях, в уничтожении людей на оккупированных территориях и приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

Вот с такими оголтелыми преступниками нацистской Германии тесно, засучив рукава, сотрудничали люди из эстонской военно-фашистской организации «Omakaitse». И это задолго до мобилизации в 1944 г. и до боев в Синимяэ.

В середине августа 1941 г. г. Нарва был оккупирован войсками вермахта.

Немецкая оккупационная власть не знала, и не могла знать, «кто есть кто» в оккупированной ими Эстонии.

Но, именно члены националистической организации «Omakaitse» проявляли инициативу и самое активное участие в выявлении на территории Эстонии людей, которые, *по их собственному мнению*, являются неблагонадежными в отношении немецкой оккупационной власти.

Они не только определяли таких людей, но и занимались их арестом и физическим уничтожением. Так в период с сентября 1941 г. по 1944 г. ими было арестовано и расстрелено более 500 мирных жителей г. Нарвы и его окрестностей. Это были русские, евреи, цыгане, эстонцы. Среди расстреленных были мужчины, женщины, дети. Группами по 5-15 человек, сотрудники «Omakaitse» вывозили арестованных за город по шоссе Нарва-Кингисеп. На обочине шоссе, а так же в р-не деревень Комаровка, Поповка, Кривасоо и в других местах, расстреливали их.

Такие карательные акции сотрудниками профашистской организации «Omakaitse» проводились по всей Эстонии, начиная с первых дней ее оккупации войсками вермахта и до изгнания из Эстонии этих войск Советской армией.

И это современные эстонские политики называют «сражением против Германии», убеждают общество, что «эстонцы участвовали на стороне германской армии после мобилизации в 1944 г.», что «эстонцы не питали особой любви к немцам, к гитлеровской Германии, к Гитлеру». Какой маразм!

Эти люди никогда небыли мобилизованы в германскую армию, небыли они и в составе Эстонской дивизии СС. Но они делали все от них зависящее, чтобы оккупанты из гитлеровской Германии чувствовали себя в Эстонии вольготно, хозяевами. Во имя господства этого режима они уничтожали ни в чем не повинных мирных жителей и детей.

SS (Schutzstaffen) – охранные отряды, организованные Гитлером в 1925 г., как секция SA (Sturmabteilungen) – штурмовых отрядов. Цель – личная охрана фюрера.

В 1934 г. СС стала независимой организацией нацистской партии под руководством Рейхсфюрера СС Гимлера. Состояла из добровольцев, безоговорочно поддерживающих идеологию нацистской партии и готовых сражаться за ее идеалы, не считаясь с законами. Солдаты СС должны были выполнять не только внутривнутриполитические задачи, но и сражаться с оружием в руках в предстоящих боях и сражениях, где бы они не велись.

От вступивших в ряды СС требовалось, прежде всего, преданность фюреру в борьбе «за жизненное пространство» (lebensraum), за идеалы нацистской партии.

СС создало внутри себя множество военизированных структур, целью деятельности которых была борьба, в т.ч. и вооруженная, за претворение в жизнь идеалов нацистской партии, и не только в самой Германии.

На оккупированных территориях войска СС активным образом должны были содействовать претворению в жизнь расистской политики нацистов – германизации

народов на присоединенных территориях, уничтожению народов неугодных нацистскому режиму.

Части СС принимали активное участие в операциях по захвату Австрии, Судетской области, в Богемии, Моравии, действуя совместно с войсками вермахта.

Учитывая опыт и активное участие частей СС против Польши, Голландии, Бельгии, Франции, им был присвоен статус вооруженных сил СС (Waffen SS). В этом качестве, уже целыми дивизиями, они продолжали свою миссию при захвате Югославии, Греции, а в дальнейшем в боевых действиях против СССР.

Основу войск СС составляли не только добровольцы из числа немцев, но и добровольцы из числа жителей территорий оккупированных Германией.

Из числа жителей Эстонии, оккупированной германскими войсками, был сформирован Эстонский Легион СС.

Абсурдность заявлений, которые делают некоторые эстонские политики в защиту своих земляков, воевавших в немецких мундирах в Эстонском Легионе СС, становится очевидна, если вспомнить факты из истории недавних лет, в т.ч. и те, что связаны с формированием Эстонского Легиона СС и его и его деятельностью.

Гитлер, мечтая о мировом господстве, в очень короткий срок (после Мюнхенского соглашения в 1938 г и до нападения на СССР) захватил значительную часть Европы (Австрия, Чехословакия, Польша, Франция, Дания, Норвегия, Голландия, Люксембург, Югославия, Греция).

Почти во всех этих странах для борьбы с оккупационным режимом, за его свержение, населением создавались фронты национального сопротивления, действовали партизанские отряды. Участники сопротивления вели в этих странах вели активную деятельность против оккупационного режима. На своих территориях они проводили диверсионные акты против оккупационного режима, взрывали мосты, железные дороги, устраивали саботаж на предприятиях и т.д. Достаточно вспомнить такие героические эпизоды этой борьбы как французское движение сопротивления, борьба югославских партизан, Варшавское восстание в Польше, казни чешскими патриотами в мае 1942 г. Р.Гейдриха – гитлеровского наместника Богемии и Моравии и др..

Что касается Эстонии, то известно, что в период германской оккупации (июнь 1941 г. по октябрь 1944 г.) этому оккупационному режиму не оказывалось, а тем более со стороны добровольцев Эстонского Легиона СС.

А вот содействие нацистским злодеяниям было любезно оказано.

По утверждению одного из вышеуказанных эстонских политиков, создание движения сопротивления германскому оккупационному режиму *«... было бы просто нелогично»*.

Это уже ответ на вопрос, почему многие из эстонцев активно стали сотрудничать с нацистским оккупационным режимом. Для них действительно *«логичнее»*, предпочтительнее было сотрудничество с этим режимом. И оно выражалось не только в активном содействии на территории Эстонии нацистскому режиму, но и в непосредственном и активном участии за пределами Эстонии в боевых действиях против *«большевизма»* и иных злодеяниях на стороне нацистов.

Это была осознанная помощь нацистам в претворении в жизнь их теории *«жизненного пространства»*. *Содействие в претворении в жизнь теории расовой чистоты, ненависти к инородцам и исключительной особенности немецкой нации – бойцам Эстонского легиона СС было больше по душе.*

Поэтому, заявления некоторых господ политиков о борьбе эстонских добровольцев в составе германского вермахта, в составе Эстонского Легиона СС *«против Германии»*, не *«во имя победы Германии»* и только *«после мобилизации в германскую армию в 1944 г.»* – не что иное, как словоблудие, рассчитанное на простака, невежду, если это только не лизоблюдство перед нацистскими элементами своей страны.

Согласно приказа Гитлера от 25 июня 1941 г. вся полнота военной и административной власти на оккупированных восточных территориях принадлежит командующим войсками вермахта.

В области гражданского управления осуществление требований вермахта возлагалось на рейхскомиссаров.

В соответствии с приказом Гитлера от 17 июля 1941 г., он сам определял те восточные захваченные области, в которых по прекращению военных действий управление этими областями переходило от военной администрации к «гражданским властям». Этим же приказом устанавливалось, что *гражданские власти*, во вновь оккупированных восточных областях, *подчинены рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей*.

«Нюрнбергский процесс», 3-х томное издание, т.2, стр.168,170, М.1966.

С 05.12.1941 г., в соответствии с приказом Гитлера, в Эстонии, которая уже не считалась прифронтовой полосой, было введено гражданское управление. Это отнюдь не означало и не предполагало, что вся полнота власти будет передана эстонскому народу.

05.12.1941 г. командующим войсками тыла генералом фон-Рок власть на территории Эстонии была передана т.н. *гражданскому управлению* во главе с генерал-комиссаром обергруппенфюрером СА К.З.Литцман, назначенным на эту должность лично Гитлером.

Таким образом, фактически гражданская власть в Эстонии принадлежала ставленнику фюрера.

Карл Зигмунд Литцман, родился 1 августа 1893 г. в Германии в семье военных. В 17 лет поступил на военную службу штандартюнкером.

С августа 1914 г. участвовал в военных действиях как на западе так и на востоке. После окончания первой мировой войны – боец корпуса земских стрелков.

В 1929 г. вступил в ряды НСДРП. В Восточной Пруссии и в Данциге создает отряды СА (штурмовые отряды). После прихода в 1933 г. к власти Гитлера эти штурмовые отряды занимались массовыми арестами и расстрелами.

С лета 1934 г. занимает пост шефа Главного управления при руководстве СА.

В сентябре 1939 г. во главе эскадрона рейтерского полка участвует в нападении на Польшу.

До назначения Генерал-комиссаром Эстонии принимал участие в боевых действиях вермахта против СССР, за что и был награжден серебряной застёжкой к железному кресту.

На территории оккупированной германскими войсками Эстонии было образовано 7 округов. Во главе каждого округа были поставлены исключительно немцы. Так во главе Хартюско-Ярвамааского округа был назначен штандартенфюрер СС А Беккинг, бургомистром Таллина (с приходом немцев в 1941 г. город стал называться Reval) был назначен Вальтер Менцель и т.д.. Все они были подчинены непосредственно обергруппенфюреру СА К.З.Литцман. Распоряжения и указания его были обязательными, в первую очередь, для местного самоуправления возглавляемого директором Х.Мяэ.

Таким образом, вся полнота власти на территории Эстонии, в период занятия ее войсками вермахта, принадлежала германским оккупационным властям.

В течении более чем 3-х лет эстонский народ не знал, что такое выборы (пусть даже формальные) в органы власти. Их не было на протяжении всего периода с лета 1941 г. – октябрь 1944 г.

Так называемое, Эстонское самоуправление во главе с Х.Мяэ представляло не что иное как «курам на смех» созданную марионеточную структуру, полностью подконтрольную и подчиненную германской оккупационной власти. Подтверждением

этому является круг полномочий, установленный для них командующим войсками тыла фон Рок.

См. Новое время №1 от 01 октября 1941 г.

Харальд Мязэ, родился 24 октября 1901 г. в д. Тухала Харьюского уезда. Среднее образование получил в Таллинне. В 1918-1919 г. являлся участковым командиром Омакайтсе в Нымме.

С 1920 г. учитель математики в гимназии Лендера в г. Таллине, в Ракверской и в Ныммеской гимназиях.

С 1929 – 1934 г.г. член Ныммеской городской управы. Одновременно является начальником отделения пропаганды главного штаба Союза Участников Эстонской Освободительной Войны (СУЭОВ).

12 марта 1934 г. как руководящий деятель СУЭОВ был арестован и приговорен к 1 году тюрьмы.

В декабре 1935 г. вновь арестован и в 1936 г. за деятельность в рядах СУЭОВ осужден на 20 лет каторжных работ. Освобожден в 1938 г. на основании закона об общей амнистии.

После этого эмигрировал за границу. Закончил университет в Инсбруке.

На момент нападения Германии на СССР проживал в Германии. Германскими властями и был привлечен для разрешения связанных с Эстонией вопросов.

В мае 1944 г. бежал из Эстонии. Находясь в г. Вена на одном из митингов заявил: «Эстонский народ воюет сегодня на стороне Великой Германии и пойдет с нею вместе до победоносного конца» («Северное слово» № 56 от 21 мая 1944 г.)

16 июля 1941 г. оперативной группой Главного управления имперской безопасности, вместе с войсками вермахта, Х.Мязэ был доставлен на территорию Эстонии в г. Пярну.

20 августа 1941 г. командованием тыловых войск вермахта определен в качестве руководителя Эстонского самоуправления, с подчинением с 05 декабря 1941 г. Генерал-комиссару Эстонии К.З.Литцман.

См. газету Новое Время, № 71 от 19 сентября 1942 г.

Руководитель марионеточного местного самоуправления Х.Мязэ являлся ставленником фашистского режима и считал своим долгом организовать эстонский народ для полной победы во имя Великой Германии.

06 декабря 1941 г. в связи с введением в Эстонии гражданского самоуправления, Х.Мязэ выступил по радио. В своей речи он заявил: «...**мы должны всеми своими возможностями и усилиями помочь дальнейшему ведению войны... Вполне естественно, что продолжению этой войны, одержанию победы в этой войне, ... мы должны посвятить свои максимальные усилия, или на фронте, или дома, или в качестве бойцов в германской армии**».

См.

Добровольное вступление в ряды вермахта, деятельность национал-фашистской организации Омакайтсе, а в последующем формирование Эстонского Легиона СС и было такой помощью нацистскому режиму.

28.08.1942 г. Генерал-комиссаром СА К.З.Литцман был **оглашен приказ фюрера**

об организации Эстонского Легиона СС. Эстонский Легион СС, как составная часть войск СС подчинялся рейхсфюреру СС Г.Гимлеру. Вооружение, снабжение, оклады и обеспечение членов легиона было такое же как и в войсках СС.

См. объявления

Как видно из объявления Эстонский Легион СС изначально является неотъемлемой частью войск СС. И это обстоятельство уже исключало какую бы не было борьбу добровольцев легиона как «за независимость Эстонии», та и «против Германии».

Передовая статья газеты «Новое время» (№ 66 от 02 сентября 1942 г.) посвящена созданию Эстонского Легиона СС подчеркивала, что наряду с легионами или полками из Финляндии, Норвегии за новую Европу в рядах вооруженных сил СС, ради окончательной победы над еврейским коммунистическо-капиталистическим блоком, будет сражаться и Эстонский Легион.

Выступая 05 сентября 1942 г. по радио, директор Эстонского самоуправления Х.Мяэ заявил, что на данный момент в рядах германской армии уже **сражается 13000 эстонцев в качестве добровольцев**. Для комплектования Эстонского Легиона никогда не собирались и не собираются проводить мобилизацию. **Это исключительно добровольное формирование.**

См. газету Новое время, № 68 от 09 сентября 1942 г.

Что Эстонский Легион СС является исключительно добровольным формированием г-н Х.Мяэ старался подчеркнуть при каждой возможности.

Эстонский Легион СС – это воинское формирование в составе войск СС, куда люди вступали не в следствии мобилизации в 1944 г., как это пытается представить кое-кто из эстонских политиков, а по своей воле, вполне осознано. Понимая, что они ступают на путь активного боевого содружества с нацистским режимом в войне против СССР СС сражался

06 октября 1942 г. первый отряд Эстонских Легионеров СС из сборного пункта, расположенного в Таллине в гимназии Адольфа Густава, направился на ратушную площадь, где состоялись его торжественные проводы. На церемонии проводов с речью выступил Генерал-комиссар К.З.Литцман. Он отметил, что на данный момент эстонский батальон самозащиты (Omakaitse) и полиции уже сражаются под Ленинградом и на Украине. Бойцы созданного Эстонского Легиона СС будут сражаться бок обок с полками Великой Германии против Советов. Решение о создании Эстонского Легиона СС – то знак доверия фюрера.

См. газету Новое время, № 77, 78 за октябрь 1942 г.

В мае 1943 г. перед приведением к присяге эстонских добровольцев оберст Яниш заявил: «... сегодня Эстонские добровольцы приносят присягу Верховному командующему (т.е. Гитлеру, примеч. Автора)...тем самым приобретают все права германского солдата, как и его обязанности, причем первая из этих обязанностей солдата – повиновение до смерти».

См. Новое время, № 80 от 17 октября 1943 г.

То, что Эстонский Легион сражался не за независимость Эстонии, как это пытается кое-кто преподнести общественности, а за интересы нацистского режима, свидетельствует и текст клятвы добровольцев легиона. Вот этот текст

«Обещаю перед богом, священной присягой Верховному командующему германских вооруженных сил Адольфу Гитлеру абсолютное повиновение в борьбе против большевиков и, как храбрый солдат, буду готов пожертвовать жизнью во имя этой присяги».

См. Новое время, № 54 от 14 мая 1943 г.

Как видно из текста присяги, **Эстонские добровольцы легионеры присягали на верность** отнюдь не эстонскому народу или Эстонскому самоуправлению (пусть и марионеточному), а **самому Гитлеру**.

Участие эстонских добровольцев в войсках вермахта и легионеров в войсках СС

во второй мировой войне на стороне Гитлера, было направлено исключительно на претворение в жизнь нацистских планов в борьбе за «жизненное пространство», за счет оккупированных территорий, в т.ч. и за счет оккупированной гитлеровцами Эстонии, за претворение в жизнь идеи чистоты и превосходства немецкой расы.

21 марта 1944 г. газета «*Rewaler Zeitung*» (№ 67) сообщала, что 20 марта в Таллинн прибыл «**закаленный в боях эстонский батальон «Нарва», который, в соеди-**

нении с добровольцами других европейских стран, относится к дивизии СС «Викинг»».

На площади Свободы перед добровольцами выступил руководитель СС и полиции Эстонии бригаденфюрер СС Мёллер. В своем выступлении он особо подчеркнул, что в дивизии СС «Викинг» против большевизма сражаются мужчины из всех стран Европы. Представлять в рамках этого боевого содружества эстонский народ для батальона «Нарва» высокий долг. Я твердо убежден, – заявил Мёллер, – что батальон и в будущем так же добросовестно и преданно будет выполнять свой долг до достижения окончательной победы над нашим общим врагом. С глубоким уважением вспоминаем погибших товарищей и раненных мужчин батальона. Эстонские мужчины должны пополнить образовавшиеся пустые места, и, дальше, в союзе с войсками СС и вермахта, сражаться до победоносного конца.

Пособничество гитлеровскому режиму эстонскими добровольцами и легионерами оказывалось далеко за пределами Эстонии, за сотни и тысячи километров от её границы.

21 марта 1944 г. на состоявшейся в Таллине товарищеской встрече добровольцев батальона «Нарва» собравшиеся делились воспоминаниями о своем участии в боевых действиях на восточном фронте. Молодой доброволец из Нымме рассказывал о боевом содружестве добровольцев их батальона с добровольцами дивизии СС «Викинг» и с немецкими подразделениями в недельном сражении под Черкассам, в боях с Советами у оз. Ильмень, под Волховом.

См. газету Rewaler Zeitung, № 68 от 22 03.1944 г. стр. 4

Вот так, находясь с нацистами в одном строю, в одном окопе, сражаясь плечом к плечу, питаясь похлебкой вермахта, сражались Эстонские легионеры и добровольцы против Советской Армии далеко за пределами Эстонии.

Не только общественности Эстонии, но и общественности других стран мирового сообщества, участвовавших в разгроме гитлеровской Германии, хотелось бы получить от политиков и новоиспеченных историков Эстонии вразумительное объяснение:

– Как возможно было воевать в рядах нацистского вермахта, но «не за нацистов» и «против Германии»?

– Зная, что «Германия не победит», но, в тоже время, принимать самое активное участие в боевых действиях именно на стороне гитлеровской Германии, и получать за это жалованные Гитлером награды?

На сегодня мы не имеем ответа эстонских политиков и историков на эти и другие вопросы.

Всевозможные пассажи эстонских политиков в защиту своих земляков, воевавших в рядах нацистского вермахта, следует расценивать, не иначе, как попытку пересмотра итогов Второй мировой войны, приговора Нюрнбергского трибунала, а так же судебных приговоров иных стран, в соответствии с которыми приспешники нацистского режима разных мастей и рангов были преданы суду и осуждены.

Истории не известны случаи, чтобы эстонские добровольцы, вступившие в ряды войск СС и германского вермахта, каким то образом могли воевать «не за нацистов»

А вот об их участии в боевых действиях против Советской Армии, причем далеко за пределами Эстонии, известно.

Вот что сообщала в 1943 г. газета «Новое время» по поводу участия эстонских добровольцев в статье «Годовщина Эстонского Легиона»: «*Эстонские добровольцы сражались бобо бок с доблестной Германской армией и ее союзниками на общем фронте борьбы с большевизмом. Эта спонтанная помощь эстонского народа германской армии, проявленная в суровую зиму 1941/1942 года ... получила достойную оценку в разрешении образовать самостоятельную боевую единицу – Эстонский Легион.*

Эстонский Легион в течении минувшего года получил основательную подготовку в

лагерях вооруженных сил СС, ознакомившись с самым современным оружием и новыми методами при использовании опыта текущей войны.

Первая часть Эстонского Легиона, посланная в бой, а именно батальон «Нарва», честно выполнила свой долг, отразив превосходящие советские силы, тщетно пытавшиеся в трехдневном бою прорвать фронт германской обороны атаками многочисленных танков и пехотных масс. Командир батальона, павший в этом бою, удостоился посмертно чести стать Рыцарем Железного Креста ... победа будет за Великогерманией, за нами!» – так оптимистически заканчивается статья.

Речь, в данном случае, идет о трехдневном сражении батальона «Нарва» в августе 1942 г. у города Изюм, что у излучины реки Донец, на Украине.

См. газету Новое время № 98 от 29 августа 1943 г.

Сражаясь против Советской Армии на Волховском фронте, на Украине и на других участках фронта, добровольцы Эстонского Легиона жертвовали собой именно во имя победы Великой Германии. Никто из них, легионеров, и мысли не допускал, что Германия не победит.

В беседе 29.02.1944 г. с корреспондентом газеты „Rewaler Zeitung” Херманном Инна не безизвестный эстонский доброволец Альфонс Ребане, командир 658 эстонского батальона, участник боев под Волховом и Новгородом: «В моем подразделении находятся товарищи, которые, свыше двух лет носят мундир немецких вооруженных сил и являются моими лучшими соратниками.

Совместно с немецкими батальонами мы в критический момент мастерски сумели вывести себя из боя с врагом под Волховом.

Боевое содружество между эстонскими и немецкими солдатами, которое в эти дни происходит, является прекрасным событием в суровой действительности этой войны.

Мои солдаты очень часто в расположении окопов со своими немецкими товарищами делились друг с другом последним бутербродом, последним окурком»

Из беседы этого добровольца не видно чтобы он воевал «не за нацистов» и «против Германии».

Получив от нацистского режима награду, в виде рыцарского ордена «Железный Крест», А.Ребане подает рапорт и заявление о готовности своего подразделения участвовать и третью зиму в восточной кампании, т.е. в боях против Советской Армии.

За участие в боевых действиях в составе вермахта на восточном фронте, 13 эстонских добровольцев 658 батальона были награждены Железным Крестом первой степени и 112 добровольцев Железным Крестом второй степени.

См. газету «Rewaler Zeitung» № 51 от 01 марта 1944 г., статья «Waffenbrüderschaft der Front»

Участвуя совместно с войсками вермахта в боевых действиях под Волховом и Новгородом, этот батальон, фактически, обеспечивал блокаду Ленинграда германскими войсками. **На совести этих добровольцев** (а среди них был и унтершарфюрер СС Харальд Ныгисекс, награжденный в 2006 г. саблей) **смерть сотен и тысяч детей, стариков и других жителей блокадного Ленинграда, погибших от голода и холода.**

Надо иметь явно нездоровое воображение, чтобы заявлять, что эстонские добровольцы вермахта и Эстонского Легиона СС сражались «не за нацистов» и «против Германии», **а потому им надо ставить памятники и чествовать их.**

И может быть господа Эстонские политики, заодно, и объяснят народу:

– Как же получилось что сражавшиеся «не за нацистов» и «против Германии» оказались по приказу Гитлера награжденными Железными Крестами и другими наградами?

Наград от Гитлера на восточном фронте удостоивались только те добровольцы, которые своим активным участием в боевых действиях против Советской Армии и против мирного населения, ценой своей жизни, доказывал свою преданность нацистскому режиму и его человеконенавистнической идеологии.

Тех, кто действительно сражался не за нацистов и против Германии, Гитлер

наградами не жаловал. Он их безжалостно и публично казнил, без суда и следствия. В лучшем случае этих людей ожидали лагеря смерти.

После поражения Германии в 1-ой мировой войне ее реваншистскими кругами была выдвинута идея «жизненного пространства». Нацистом А.Розенбергом в 1927 г. эти идеи изложены в его книге «Пути внешней политики Германии в будущем». В ней он откровенно заявляет, что **«Все земли восточнее Эльбы являются колониальными владениями немцев, вплоть до Нарвы ... немцам необходимо жизненное пространство, чтобы создать здоровые условия своего существования»**

См. Нюрнбергский процесс 8-томное издание, т.2.стр.372, М.1988

Таким образом, задолго до вхождения Эстонии в состав СССР и нападения Германии на СССР нацистские идеологи провозгласили прибалтийские земли своими колониальными владениями.

Эстонские политики предвоенного периода, а тем более ставленники Эстонского самоуправления, вернувшиеся из Германии в Эстонию вместе с войсками вермахта, не могли не знать, что судьба Эстонии Германией уже предрешена.

На лучший случай она должна стать колониальным владением Германии.

Существование Эстонии, как государства, нацистским режимом не предусматривалось.

Поэтому, любые рассуждения некоторых эстонских политиков о том, что участие эстонцев на стороне вермахта (в т.ч. и в составе Эстонского Легиона СС) в войне против СССР, – это борьба за независимость, является не чем иным, как попыткой оправдать участие своих соплеменников в нацистских злодеяниях.

Подобные рассуждения являются не чем иным, как отголоском бывшей геббельсовской пропаганды, утверждавшей, что Германия сражается за свободу народов Европы.

Уместно будет напомнить современным эстонским политикам и историкам высказывание **Отто Брейтингам**, одного из руководителей Главного политического отдела ведомства А.Розенберга. В своих «Заметках» от 25 октября 1942 г. он откровенно заявляет, что **для Германии лозунг «освобождение от большевизма» является лишь предлогом для порабощения восточных народов по характерному для неё (т.е. для Германии) методу.**

Что это за метод, автор «Заметок» не скрывает и поясняет: **«Там где украинцы и русские, белорусы и народы прибалтийских государств поступали в германские вооруженные силы или полицию, там все они оправдали себя с лучшей стороны. Поэтому главный политический отдел всеми средствами стремится сохранить этот капитал, попавший в наши руки, и использовать его в своих целях»**

См. Нюрнбергский процесс 3-х томное издание, том 2, стр. 231, М.1966

В отношении Эстонии, Латвии и Литвы нацистами была поставлена задача по превращению этих территорий в территории немецкого поселения, **с онемечиванием всех, кто в расовом отношении является более пригодным.**

Предусматривалось переселение на эти территории значительных масс немецкого населения, с привлечением немцев Поволжья. Не исключалось и переселение на эти территории датчан, норвежцев, голландцев, **чтобы на протяжении одного-двух поколений присоединить эти страны в качестве новой онемеченной страны к коренной немецкой территории.**

См. Нюрнбергский процесс, 8-томное издание, т.3. стр. 551-552, М. 1989 г.

08 мая 1941 г. (немногим более чем за месяц до нападения Германии на СССР) ведомством А.Розенберга была издана инструкция в которой указано, что **«Целью имперского комиссара Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии ... должно явится создание германского протектората с тем, чтобы превратить эти области в составную часть германской империи путем германизации подходящих в рас-**

овом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и выселения нежелательных элементов и преобразования этого района в часть Великогерманской империи».

См. Нюрнбергский процесс, 3-з томное издание, т.1, стр.212, М. 1965

Территория Прибалтики, уже до начала нападения на СССР, не рассматривается, как колониальное владение, а как часть Великогерманской империи.

И если 24 февраля 1942 г. директор Эстонского самоуправления Х.Мяэ заявляет: «Я могу поэтому подтвердить, что правительство Германии не собиралось и не собирается онемечивать эстонский народ или колонизировать Эстонию», то он преднамеренно обманывает эстонский народ, скрывая истинные намерения Гитлера.

Куда более конкретно, по поводу судьбы прибалтийских земель, высказался Гитлер 16 июля 1941 г. На совещании в Ставке он заявил, что пока мы будем действовать так, как если бы мы осуществляли мандат, но нам самим, при этом, должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем... **вся Прибалтика должна стать областью империи.**

См. Нюрнбергский процесс, 8-томное издание, т.3 стр. 568, М. 1989

А вот заявление самого рейхсфюрера СС Г.Гимлера, кому непосредственно подчинялся Эстонский Легион СС, сделанное в связи с предстоящим преобразованием оккупированных восточных областей. В письме своему ближайшему помощнику по вопросам германизации У.Грейфельду он заявляет: «**Двадцатилетний план должен включать полное онемечивание Эстонии и Латвии, а так же всего генерал-губернаторства, что необходимо осуществит по возможности в течении 20 лет. Я лично убежден, что это можно сделать. Предложение создать на территории генерал-губернаторства и всей Остландии только опорные пункты не соответствует моим желаниям и планам**»

См. Нюрнбергский процесс, 3-х томное издание, т.3, стр.147, М. 1966

Таким образом, потуги некоторых эстонских политиков выдать борьбу Эстонского Легиона СС и добровольцев вермахта, как борьбу за свою независимость, борьбу «не за нацистов» и «против Германии», является чистейшим бредом.

Вступившие в Эстонский Легион СС и те, кто добровольно вступил в ряды вермахта с приходом этих войск на территорию Эстонии, осознанно пошли на сотрудничество с нацистским режимом, приняли самое активное участие в содействии этому режиму. Эти люди и были, по меткому выражению О.Брейтингам, тем «капиталом» который использовался нацистами в своих целях.

Добровольно вступали в ряды СС те, кто сознательно и откровенно разделял идеи нацистской партии и фашистского режима, признанных Международным военным трибуналом преступными. Этим же Трибуналом была признана преступной сама организация СС и ее деятельность, в т.ч. и на оккупированных территориях.

Добровольно записавшиеся на службу в ряды СС, в ряды вермахта, осознанно шли на сотрудничество с преступным нацистским режимом и, участвуя в боевых операциях на оккупированных территориях, оказывали реальное содействие этому преступному режиму.

И только благодаря героическому подвигу Советской армии, Эстонию не постигла та участь, что была ей уготована нацистским режимом. А этим режимом не предполагалось существование такого государства, как Эстония.

Подтверждением такого финала для Эстонии является заявление Министра по делам оккупированных восточных областей А.Розенберга. Выступая в ноябре 1942 г. на заседании Германского Трудового Фронта он заявил: «**Германия получила Восток и уверена, что это, завоеванное ею жизненное пространство останется в её руках, ... национал-социалистическая идея выдержала испытания, и на этом гигантском пространстве возникнет Великая Германская империя**»

См. Нюрнбергский процесс, 3-х томное издание, т.1, стр. 228, М. 1965

Поведению, поступкам и действиям тех, кто добровольно вступил в ряды вермахта, в ряды Эстонского Легиона СС и фактически содействовал претворению в жизнь преступных и изуверских идей Гитлера, неся смерть, горе и страдания народам оккупированных Гитлером территорий, не может быть оправдания и прощения.

Это самые отъявленные пособники нацизма, чьи деяния народы никогда не придают забвению, но не путем установления им памятников, а путем осуждения, в т.ч. и тех, кто пытается воссоздать память этому отребью человечества.

Из архива (1939)

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ПРАВЛЕНИЙ СОЮЗА РУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ЭСТОНИИ И РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА К ПРЕЗИДЕНТУ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Глубокоуважаемый господин Президент, мы, русские народные представители в палате депутатов, считаем своим долгом в настоящем обращении к Вам осветить некоторые особенности экономического, правового и культурного положения русского национального меньшинства в нашем государстве.

В конце 1938 года мы имели честь беседовать с Вами по ряду затронутых в настоящем обращении вопросов, и Вы сами тогда выразили желание иметь докладную записку, более подробно развивающую тему нашей беседы с Вами. При составлении её мы руководствовались сознанием своей ответственности как перед русским меньшинством в Эстонии, так и перед государством в его целом.

Прежде всего мы считаем своим долгом осветить те стороны жизни русского населения, которым меньше всего могли уделить внимания при устной беседе с Вами, а именно – экономическому положению русского окраинного населения Эстонии: Печерского края, Причудья и Принаровья. Оно резко отличается от экономического положения других уездов Эстонии.

Крестьянское хозяйство русских деревень в массе малоземельно, имеет мало скота и машин. Такого малоземелья в прочих уездах нет. Необходимо отметить ещё одно: земли Принаровья и Причудья бедны пашней и богаты заболоченными выгонами и покосами...

В печати, в заявлениях отдельных представителей власти часто слышится фраза: русские сами виноваты, они мало заботятся об улучшении своего хозяйства, не хотят поднимать его доходность. Это утверждение не отвечает истинному положению вещей. Русский крестьянин окраинных волостей сделал очень много, чтобы увеличить производительность земли и поднять доходность своего хозяйства. Для доказательства достаточно привести такой факт: переход от чрезполосного землевладения к хуторскому и отрубному в громадном ряде окраинных деревень сделан за счёт самих крестьян. Период землеустроительных работ и последовавший за ним переход к новым формам землепользования потребовал от окраинного крестьянства больших вложений труда и денежных средств.

Другими словами, русский крестьянин окраинных деревень делал и делает всё, что в его силах и разумении, чтобы поднять производительность земли и хозяйства. Несмотря на эти условия, бедность является его отличительной чертой. Дело в том, что личных сил и средств окраинного крестьянина для поднятия производительности земли и всего хозяйства недостаточно. Нужна строго продуманная и регулярная помощь государства. Её пока недостаточно. Отсюда трудность положения.

Эту трудность положения особенно остро чувствует крестьянская молодёжь окраинных деревень. Её чувствует и старшее поколение. Но молодёжь требовательнее, энергичнее, решительнее в своих выводах и поступках. Здесь кроется одна из причин бегства русской молодёжи в Советскую Россию.

Тяжёлое экономическое положение осложняется национальной политикой, которая положена в основу политического курса последних лет. **Сущность этой политики – насильственная эстонизация русского меньшинства и в особенности русских окраин.**

Наиболее яркое выражение эстонизация нашла в школе. Русская школа разрушается. Это разрушение идёт разными путями. Назовём главные из них. **Заведующими в русские школы назначают эстонцев.**

Почти треть русских школ Печерского уезда, больше трети школ Причудья и 17% школ Принаровья имеют заведующими – эстонцев. Они часто плохо владеют русским языком. Назначенных заведующих население рассматривает как чужаков, как эстонизаторов, и местами окрестило их «шпионами». Нетрудно понять, что при таком положении нормальных отношений между населением и заведующими школой быть не может. Эти отношения осложняются ещё и тем, что заведующие по собственному рвению или приказу школьного инспектора часто ведут протоколы заседаний попечительских советов на эстонском языке. Правильное течение школьной жизни требует самого тесного общения между руководителями школы и населением, тогда как в настоящее время это – враждующие лагеря.

Далее, в русские школы назначаются эстонцы и просто учителями. Наиболее ярким примером в этом отношении является русское начальное училище в городе Печерах, где на 7 человек учащихся – 6 эстонцев, одна русская. Часть из них, как аспиранты, даже не имеют педагогической подготовки. Таких аспирантов-педагогов в уезде оказалось 5 человек.

Количество уроков на родном языке всячески сокращается. Для изучения государственного языка учебной программой отведено пять часов в неделю. Школьный инспектор Печерского уезда требует, чтобы государственному языку отводилось семь-восемь часов в неделю. Требование выполняется за счёт уроков на родном языке. Запутанный учитель всё своё внимание сосредоточивает только на эстонском языке. Остальные уроки, в том числе и родного языка, отходят на второй план. По ряду предметов ребят заставляют зубрить ответы по-эстонски, хотя предметы эти должны преподаваться на родном языке. Это делается в Печерском уезде, где при ревизии школ школьный инспектор по всем предметам задаёт вопросы и требует ответа не на языке преподавания, а на государственном. Уровень знаний, даваемых школой, снижается. Это развал русской школы, вредный для детей, для меньшинства, для государства...

Эстонизация проводится по линии самоуправлений. **Во всех русских волостных самоуправлениях секретарями являются эстонцы.** Во главе Печерского уездного самоуправления назначена коллегия, в которой нет ни одного русского, хотя большинство населения в уезде русские.

Это же явление наблюдается по административной линии на окраинах.

Административный аппарат почти сплошь состоит из эстонцев, часто плохо знающих русский язык. Следует отметить ещё одну особенность назначений в русские районы: назначаются лица наиболее слабые по своим качествам, часто негодные для других уездов. Доступ в административный аппарат для русского закрыт. Это – правило. Некоторые исключения из него можно наблюдать ещё в центре. Однако при таком отступлении от правила часто предъявляется новое требование – переменить фамилию на эстонскую. Требования о перемене фамилии предъявляются как в центре, так и на окраинах. Они облачаются в форму «пожеланий», «советов». За ними всегда стоит принуждение: не переменишь, лишишься или не получишь работы, службы. Для окраинного крестьянина существует другая форма нажима: если при приведении в порядок посемейных списков возьмёшь эстонскую фамилию – у тебя не будет расходов, нет – плати 8-10 крон. Нельзя забыть принудительную эстонизацию фамилий периода двадцатых годов, когда, по образному выражению русских крестьян, их «крестили по эстонскому обряду». В результате такого крещения в чисто русских деревнях появились граждане с эстонскими фамилиями. Имеются русские деревни со сплошь эстонскими фамилиями. Добром своих «крестителей» эти граждане никогда не вспоминают.

При военном обучении молодёжи отдельные чины позволяют себе делать резкие выпады против русской культуры, русской интеллигенции, вообще против русского народа. То же делают и иные гражданские чины в своих публичных выступлениях. Подобные выступления вбивают клин между меньшинством и большинством республики.

Что даёт такая эстонизация? Носит ли она творческий характер или, наоборот, действует разрушающе? Мы считаем себя обязанными сказать, что меньшинственная политика подобного рода сеет национальную рознь, увеличивает отталкивание от большинства, плодит озлобление.

Русское меньшинство всегда было связано с эстонским государством тесными и искренними узами. Оно не ищет иноземной поддержки. Русские не участвовали в выступлениях коммунистических или вабсовских. Было бы непоправимой ошибкой эту связь рвать неправильной меньшинственной политикой. В результате такой политики национальная рознь и озлобление уже появились. Их накопление при данных условиях будет происходить и дальше. Это не укрепляет, а разрушает спайку между меньшинством и большинством, родит протест против национальной политики большинства, болезненно обостряет национальное самосознание. Лучшим доказательством правильности сказанного опять-таки является бегство русской молодёжи в Советскую Россию. Одну из причин этого бегства мы уже назвали: тяжёлое экономическое положение окраин. Другая причина бегства – сознание, что при настоящей меньшинственной политике Эстония не мать, а мачеха. Молодёжь ярче чувствует национальное ущемление, резче на него реагирует.

Русских в Эстонии 8,2% всего населения. Мы – самая большая меньшинственная группа, но и самая неорганизованная, настолько, что до сего времени не имеем своего постоянного и независимого представительного органа, не имеем культурного самоуправления. И даже обсуждать вопросы, связанные с введением его, русским не разрешается администрацией. Хотя институт культурного самоуправления и предусмотрен конституцией республики, но почему-то интерес к этим вопросам считается признаком нелояльности.

Ввиду всего вышесказанного, мы считаем своим долгом привести некоторые соображения относительно тех мероприятий, которые, по нашему мнению, могли бы

внести оздоровление в хозяйственную жизнь русского населения, устранить ущемления его в правовой области и поднять школьное и внешкольное образование в среде русского населения на должную высоту. (...)

Члены Палаты депутатов.

Председатель Правления Союза русских Просветительных и благотворительных Обществ в Эстонии.

Председатель Правления Русского Национального Союза.

Февраль 1939 г.

В.Г. ЖИЛИН

ветеран подводного флота,
бывший командир атомной подводной лодки.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОДВИГ ПОДВОДНИКОВ НА БАЛТИКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война для подводников Балтийского Флота стала серьёзным и тяжким испытанием. Вместе с тем их вклад в общей борьбе с фашистскими захватчиками на Балтийском театре был весьма солидным. Огромную цену пришлось заплатить подводникам в этой борьбе. Десятки подводных лодок вместе с экипажами покоятся на дне Северной части Балтийского моря, в большинстве – в Финском заливе.

Люди должны знать об их боевых делах.

Попытаюсь рассказать о них, о событиях на Балтике в 1941 – 1945 гг.

...В 1940 г. закончилась Советско-Финская война. К сожалению, вскрывшиеся в ходе боевых действий недочёты в тактической и специальной подготовке подводников не были устранены к началу новой войны – Великой Отечественной.

Так, проявилась неэффективность стрельбы одиночными торпедами, особенно по быстроидущим целям, малопригодность 45-миллиметровых пушек, расположенных на надстройке подводной лодки. Лодки не были подготовлены к применению оружия на малых глубинах моря с минимальной установкой глубины хода торпеды. Не обобщался опыт применения подводных лодок в идущей уже более двух лет новой мировой войне.

К началу войны на Балтийском флоте было всего две подводные лодки первой линии, то есть в полном объёме готовые выполнить свойственные им задачи. Остальные считались второлинейными, находящиеся на различных этапах боевой подготовки. Только перед самой войной часть из них приступила к выполнению торпедных стрельб – важнейшего, завершающего этапа курса боевой подготовки.

Отрицательно повлияла на боевую учёбу подводников передислокация лодок в новые базы на Балтике после вхождения трёх прибалтийских республик в состав СССР летом 1940 года. С полным основанием можно сказать, что 1940 г. был выброшен по времени подготовки флота к отражению врага.



**Жилин Виктор
Геннадиевич**
Капитан 1 ранга,
03.09.1932 г.р.
Служил на
Краснознамённом
Тихоокеанском Фло-
те, Краснознамённом
Северном Флоте,
Дважды Краснознамён-
ном Балтийском Флоте.
Был командиром
средней дизель-
электрической
поводной лодки 613
проекта. Начальник
цикла Учебного Центра
в Палдиски.

Руководство Советского Союза, как известно, недооценивало вероятность нападения фашистской Германии на нашу страну. Эта ошибка дорого обошлась подводному флоту Балтики.

Первыми это испытали на себе защитники Либавы (Лиепая), которая уже 29 июня 1941 года (через неделю после нападения) была захвачена фашистами. В Либаве базировалась 1-я бригада подводных лодок в составе 4 дивизионов, общим числом 22 единицы.

Всего на Балтийском флоте к началу войны было 65 подводных лодок различных типов. Кроме Либавы, они базировались на Ханко (Финляндия), в Таллине, Усть-Двинске.

Благодаря энергичным действиям Наркома ВМФ адмирала Н.Г.Кузнецова, который, несмотря на запрет руководства страны, в ночь на 22 июня 1941 года объявил на флотах боевую тревогу, что способствовало успешному отражению первых ударов врага.

Ещё раньше, в мае, в дозоры в различные районы Балтийского моря были направлены 15 подводных лодок. Однако ни разведкой, ни дозорами, ни другими средствами наблюдения не были обнаружены районы многочисленных минных постановок вражескими кораблями и самолетами в устье Финского залива и в самом заливе. Это незнание привело впоследствии к гибели многих кораблей и судов, в том числе и подводных лодок. Особенно трагичными были потери от мин в ходе перехода сил флота из Таллина в Кронштадт в августе 1941 г.

Из Либавы успели уйти только 2 подводные лодки. Семь подлодок из-за угрозы захвата были взорваны (находились в ремонте). Одна из ушедших лодок, М-78, (командир – старший лейтенант Д.А.Шевченко) на переходе в Усть-Двинск, предположительно, была атакована германской подводной лодкой U-140 и утонула со всем экипажем. Это была первая трагедия среди подводников Балтики.

Первой из 15 подводных лодок, развёрнутых на коммуникациях противника, боевого успеха добилась С-11 (командир: капитан-лейтенант А.М.Середа), торпедировавшая 19 июля 1941 г. в районе Паланги вражеский вспомогательный корабль, пустив его на дно. При возвращении в базу из этого похода подводная лодка подорвалась на mine. Раненый командир лодки был спасён, но затем скончался от ран. Уникальность этого события состоит в том, что три матроса из затонувшей лодки сумели выйти на поверхность моря через торпедный аппарат, что говорит о их высокой подготовке и личном мужестве.

В течение июня – августа некоторые подводные лодки, действуя в море, имели боевой успех, потопив несколько неприятельских судов. Подводная лодка С-4 (командир: капитан-лейтенант Д.С.Абросимов) в начале августа 1941 г. потопил вражеский танкер. В момент залпа лодка подвсплыла на глубину 3 метра. Опасаясь обнаружения противником, командир приказал увеличить ход и заполнить цилиндр быстрого погружения. В результате лодка провалилась, ударилась о грунт, продолжая лежать там. Бомбили её ужасно. Но ей повезло. Ночью командир всплыл и увидел вокруг своего места вехи и масляную плёнку. По всей вероятности, противник посчитал по этим признакам лодку погибшей, поэтому ушёл из района. Лодка срочно покинула это место.

Подводная лодка Щ-307 (командир: капитан-лейтенант Н.И.Петров) в конце июля, в районе Либавы, потопила подводную лодку противника U-144.

Большой успех сопутствовал подводному минному заградителю Л-3 (командир капитан 3 ранга П.Д.Грищенко). Выйдя в море в первый день войны, подводная лодка неоднократно ставила мины в районе Клайпеды, в Данцигской бухте, на которых только в 1941 г. подорвались 4 транспорта противника. Результативными были минные постановки подводных лодок «Лембиту» и «Калев» – на их минах подорвались около десяти судов противника.

Вместе с этим за 2 месяца войны на Балтике погибло 17 подводных лодок – в значительном числе подорвавшись на неприятельских минах. Гибель каждой из них – драматическая трагедия. Ведь там оставались люди, до последнего вздоха боровшиеся

за живучесть лодки. Они медленно умирали от поступающей в отсеки воды, дефицита воздуха и невозможности спастись из аварийной лодки, лежащей на грунте.

Характерный случай произошел с подводной лодкой Щ-301 (командир: капитан-лейтенант И.В.Грачев), находившейся на боевой позиции с целью уничтожения кораблей и судов противника. 17 августа 1941 г., обнаружив вражеский транспорт, командир вышел в торпедную атаку. Однако в ходе подготовки торпедного аппарата к выстрелу, заполнения его водой (для сравнения давления в нём), лодка из-за принятия излишков воды провалилась на глубину, и атака сорвалась. Из-за слабой специальной подготовки личного состава подобные случаи были нередки на подводных лодках в первые месяцы войны.

Через два дня, находясь в темное время суток в надводном положении, командир обнаружил очередной транспорт под охраной миноносца и сторожевых катеров. Однако атака опять сорвалась: на транспорте обнаружили лодку, осветив её прожектором. Пришлось срочно уйти на глубину. Через 5 минут лодка всплыла в позиционное положение и атаковала транспорт. Была затем ещё одна неудачная атака из-за того, что двигатель торпеды заработал уже в торпедном аппарате.

При возвращении домой лодка подорвалась на mine, но осталась на плаву, что позволило снять экипаж. Постепенно заполняясь водой, имея опасный дифферент на корме, лодка вскоре затонула.

11 подводных лодок принимали участие в трагическом переходе кораблей и судов Балтийского флота из Таллина в Кронштадт в августе 1941 г., в ходе которого подорвались на минах и затонули две подводные лодки.

После сосредоточения всех подводных лодок в Ленинграде, проведения оргмероприятий, связанных с объединением их в одну бригаду, осенью и зимой 1941 г., они продолжили боевую деятельность. Но теперь это было связано с огромным риском. Противник продолжал минировать Финский залив, наращивая силы надводных кораблей и подводных лодок, ставя задачу полностью заблокировать наш флот в Кронштадте и Ленинграде.

Надо было иметь смелость и желание продолжать бить врага, чтобы решаться на прорыв на коммуникации противника в столь сложных условиях.

В октябре 1941 года, способом эшелонирования, в море вышло 5 подводных лодок. Боевой успех имели только 2 подводные лодки, остальные погибли при форсировании Финского залива. Особенно успешно действовал экипаж подводной лодки Щ-323 (командир: капитан 3 ранга А.Г.Андронов). Находясь на боевой позиции, в октябре 1941 г., лодка потопила немецкий транспорт. Затем, через несколько дней, ею успешно был атакован большой транспорт. В начале ноября лодке опять сопутствовал успех. С дистанции 5 кабельтовых командир выстрелил по танкеру противника, который быстро ушёл на дно. Это видел командир в перископ.

После месячного пребывания в море, лодка благополучно вернулась в Ленинград. За успешные боевые действия она была награждена орденом Красного Знамени. Это было первое боевое награждение у балтийских подводников.

Несмотря на некоторые боевые успехи подводников, Балтийский флот в 1941 г. потерял 26 подводных лодок. Из них: подорвались на минах 11 единиц, 4 погибли от атак подводных лодок противника. С началом ледостава в Финском заливе действия подводных лодок прекратились.

Личный состав занялся ремонтом оружия и технических средств. Некоторые офицеры были направлены на стажировку на Северный Флот. Фашисты наступившей зимой попытались своей авиацией уничтожить вмёрзшие в лёд наши подводные лодки. Им удалось повредить более 20 лодок, которые к началу навигации, весной 1942 г., были введены в строй.

Новый 1942 год предвещал значительное ухудшение условий для прорыва наших подводных лодок на балтийских просторах.

С улучшением ледовой обстановки, противник начал массовые минные постановки во многих районах Финского залива.

В мае фашисты приступили к созданию в самом узком месте Финского залива на линии: остров Нарген (Найсаар) – мыс Порикала – Удд (Финляндия) так называемой линии артиллерийской позиции. Там были поставлены противолодочные сети с системой сигнализации на поверхности моря, дополнительно выставлены якорные и донные мины. На позиции несли дозорную службу артиллерийские и противолодочные корабли. На маршрутах вероятного движения наших лодок были дополнительно поставлены сети.

В начале 1942 г. в бригаде числились: 33 подводных лодки боевого состава и 5 строящихся подводных лодок на заводах Ленинграда.

Проанализировав обстановку и опыт боевой деятельности подводных лодок прошедшего года, командование бригады решило применить новую тактику. Подводные лодки стали действовать эшелонами с предварительной разведкой и противоминным обеспечением. Подводные лодки первого эшелона в количестве 10 единиц поэтапно стали форсировать Финский залив в июне-июле 1942 г.

Некоторые из них, преодолев противолодочные рубежи, успешно атаковывали суда противника в юго-восточной части Балтийского моря.

Первым боевого успеха добился командир Щ-304 капитан 3 ранга Я.П.Афанасьев, атаковавший огромный транспорт, нагруженный боевой техникой даже на верхней палубе, шедший в Таллин в охранении кораблей. Две торпеды, выпущенные с подводной лодки, быстро отправили транспорт на дно.

Несколько транспортов потопила подводная лодка Щ-317 (командир: капитан-лейтенант Н.К.Мохов). Однако из похода она не вернулась. С большим боевым эффектом действовал командир Щ-406, капитан-лейтенант Е.Я.Осипов. Находясь в море более 50 суток, израсходовав весь торпедный запас, он уничтожил 5 транспортов общим водоизмещением около 30 тысяч тонн. При возвращении домой лодка была атакована кораблями противника, сбросивших на неё около 100 глубинных бомб. Всё же командир сумел оторваться от врага и благополучно привел лодку в базу. Боевой успех подводной лодки отмечен орденом Красного Знамени, ее командир Е.Я.Осипов стал Героем Советского Союза.

Огромную настойчивость при выполнении боевой задачи проявил экипаж подводной лодки С-7 (командир: капитан 3 ранга С.П.Лисин). В начале похода, обнаружив вражеский транспорт, командир удачно вошёл в точку залпа. Но залпа не последовало: торпеда застряла в торпедном аппарате. Всплыв в надводное положение, лодка стала преследовать цель, готовя второй торпедный аппарат к выстрелу. Сблизившись с транспортом, выпустила по нему торпеду. Транспорт взорвался и затонул.

Затем было ещё несколько успешных торпедных атак. После одной из них лодка была атакована кораблями охранения. На неё было сброшено 23 глубинные бомбы.

Дерзость и оправданный риск командира лодки в этом походе приводили к хорошим боевым результатам. Приводим доказательства.

Выполняя задачу в районе Виндавы (Вентспилс), командир в перископ обнаружил транспорт противника. Судно шло у берега, на малых глубинах. Условий для торпедной атаки не было. Лисин не мог упустить врага. Всплыв в надводное положение, открыл по транспорту артиллерийский огонь, принудив его выброситься на берег.

Во втором случае, обнаружив два вражеских транспорта, идущих опять под берегом на малых глубинах, командиру пришлось опять всплыть в надводное положение и атаковать торпедами оба транспорта. Один транспорт был потоплен, второму удалось уклониться от торпеды.

В третьем случае, Лисин атаковал небольшое судно с дистанции всего 2 кабельтова (370 метров), стремясь наверняка попасть в него. Снова стрелять пришлось с надводного положения. Противник оказался прытким и бдительным, вовремя заметил торпеду, уклонился, но это не спасло его: командир приказал открыть по нему огонь из 45-мм пушки. Получив множество пробоин, судно загорелось, затем затонуло.

Нужно подчеркнуть, что вышеперечисленные атаки выполнялись днём, когда риск быть обнаруженным и атакованным противником был весьма высоким. И, тем не менее, командир пошёл на риск, взвесив все обстоятельства складывающейся ситуации, будучи уверенным в высоком мастерстве экипажа лодки. Весь экипаж был награждён орденами, а командир лодки стал Героем Советского Союза.

Весьма успешно выполняла боевую задачу подводная лодка С-320 под командованием капитана 3 ранга И.М.Вишневого, имеющего на своем счету потопленный вражеский транспорт в конце 1941 г. Теперь он, мастерски уведя подводную лодку от преследования противника (в течение нескольких часов на лодку было сброшено 24 глубинные бомбы), потопил три транспорта фашистов, в том числе плавбазу с войсками, 8 428 тонн водоизмещения. В октябре 1942 г. подводная лодка была награждена орденом Красного Знамени.

Всего подводными лодками первого эшелона было потоплено 14 транспортов, один военный корабль, повреждено 2 транспорта.

Три подводные лодки погибли, подорвавшись на минах.

Второй эшелон начал боевую работу в середине августа 1942 г. в составе девяти подводных лодок.

Немецкое командование, обеспокоенное активными действиями советских подводных лодок, предприняло серьёзные меры предотвращения их выхода из Финского залива. Интенсивно велись минные постановки на путях вероятного движения наших подводных лодок. Минный интервал был сокращён до 25 метров (расстояние между рядом стоящими минами), что значительно увеличивало вероятность поражения движущейся через минные поля подводной лодки. Была усилена группировка надводных кораблей и подводных лодок в Северной Балтике Германии и Финляндии. Транспорт стал ходить с серьёзной боевой охраной. Противник стал ставить новые антенные мины.

Всё это значительно усложняло боевые действия наших подводных лодок. Безопасный их проход через Финский залив практически исключался. Каждая лодка в походе встречалась – и многократно – с минами и сетями. Поэтому вышедшим в боевой поход трём подводным лодкам этого эшелона, подорвавшись на минах, пришлось возвратиться в базу.

Теперь выход в море подводной лодки обеспечивался как серьёзная морская операция. Проводилось траление маршрута движения, проводилась деразведка противника, назначался эскорт для охранения лодки на начальном этапе движения, проводились мероприятия по дезинформации противника.

Первым из эшелона удалось прорваться в море подводному минному заградителю Л-3 (командир: капитан 3 ранга П.Д.Грищенко). Удалось поставить мины на коммуникациях противника, на которых подорвались три вражеских судна. Предприняты были после этого боевые воздействия на фашистские конвои методом свободной охоты подводной лодки. 2 группы транспортов шли под прикрытием кораблей охранения. Командир лодки умело преодолевал кольцо охранения и успешно торпедировал один из транспортов. И каждый раз подводная лодка подвергалась интенсивному преследованию и бомбометанию кораблями противника. И каждый раз командир грамотным маневрированием отрывался от противника, хотя лодка и получала повреждения от взрывов глубинных бомб.

За время похода П.Д.Грищенко уничтожил 6 транспортов и один эсминец противника. Этот эсминец в течение нескольких часов преследовал подводную лодку. Ночью командир, всплыв в надводное положение, потопил его.

Возвращение в базу Л-3 стало весьма драматическим. Двигаясь по Финскому заливу, лодка коснулась мины. От взрыва осколки посыпались на надстройку, но повреждений не было. Через полтора часа ещё два сильных взрыва. Начал протекать верхний рубочный люк. Затем последовательно прогремело ещё три взрыва.

Тахометры и компас стали давать неверные показания – лодка выскочила на мель. Но снялась с мели, не всплывая. Ночью лодка всплыла и пристроилась к вражеским сторожевикам, ориентируясь на их заборотные огни. Утром погрузилась и благополучно возвратилась в базу.

Успешно действовали и другие подводные лодки этого эшелона. Подводная лодка С-13 (командир: капитан-лейтенант П.П.Маланченко) потопила три транспорта противника.

Подводная лодка «Лембит» (командир: капитан-лейтенант А.М.Матиевич) потопила 2 транспорта, но и сама получила серьёзные повреждения прочного корпуса и аккумуляторной батареи. Многие члены экипажа получили ранения и ожоги. Командир отравился газами и был контужен. Подводники сумели спасти лодку и обеспечить приход её в базу.

Подводные лодки второго эшелона потопили 13 транспортов противника.

Из состава второго эшелона погибло две подводные лодки.

Не дожидаясь возвращения подводных лодок второго эшелона, командование решило развертывать в море подводные лодки третьего эшелона, в который вошло 16 единиц, в том числе 5 лодок вторично из первого эшелона.

К этому времени противник выставил в море около 12 тысяч мин, около 300 донных неконтактных мин (взрываются от воздействия электро-магнитного поля корабля). Начали действовать в море финские подводные лодки, вооружённые шумопеленгаторами. Неприятный сюрприз преподнесли в конце 1942 г. нам наши союзники – англичане, выставившие в южной части Балтийского моря своей авиацией 147 неконтактных мин, не сообщив нашему командованию районы этих постановок.

Поэтому условия выполнения боевой задачи этой группы подводных лодок были значительно сложнее, чем первых двух.

Тем не менее, некоторым лодкам удалось занять районы боевых действий, успешно атаковать суда противника.

Серьёзные испытания выпали на долю подводной лодки С-12 (командир: капитан 3 ранга В.Д.Тураев). Уже на второй день похода её атаковал бомбами вражеский самолёт. От взрыва бомбы в аккумуляторной яме возник пожар. Его удалось потушить. Двигаясь дальше, лодка попала в сеть, была атакована противолодочными кораблями, сбросившими на неё более 20 глубинных бомб, но лодке удалось вырваться и продолжить движение. Снова попала в сеть. С трудом освободившись от неё, вышла в Балтийское море. Уничтожила 3 судна противника. На обратном пути лодка подорвалась на mine, получила повреждения, но дошла до базы. Она находилась в море 58 суток, прекрыв вдвое автономность лодок этого типа.

Трагично сложилась судьба подводной лодки С-7 (командир: капитан 3 ранга С.П.Лисин). Это был второй боевой поход в этом году. Первый был весьма успешный, о чём рассказано ранее.

Благополучно преодолев противолодочные рубежи и выйдя в море лодка, С-7 была атакована и потоплена финской подводной лодкой. Спаслось 4 человека, в том числе командир лодки. Они попали в плен к финнам. Возвратились домой в конце 1944 г.

Хорошего боевого успеха добились подводные лодки Д-2 (командир: капитан 3 ранга Р.В.Линденберг) и Щ-406 (командир: капитан 3 ранга Е.Я.Осипов). Первая потопила 2 транспорта и повредила железнодорожный паром огромного водоизмещения 21 046 тонн. Командир второй потопил торпедами 3 транспорта противника.

Обе подводные лодки благополучно возвратились в базу, причём Щ-406 пятьдесят пять раз преодолевала минные заграждения.

Третий эшелон понёс значительные потери. В ходе боевых действий в море погибло 8 подводных лодок. Всего за 1942 г. погибло 13 подводных лодок – более 30 % их общего количества.

Несмотря на столь большие потери, невероятные трудности форсирования Финского залива, подводники, совершив 35 боевых походов, уничтожили более 40

транспортов противника. Всего за 1942 г. подводники Балтики уничтожили 63 транспорта, 5 боевых кораблей, повредили 4 судна противника. Это невиданный в истории коллективный подвиг. Три подводные лодки стали Гвардейскими.

В 1943 г. попытки нескольких лодок форсировать Финский залив закончились плачевно – они погибли или искалеченные возвратились в базу. Разведка флота весной 1943 г. установила, что противник практически наглухо перекрыл Финский залив на линии Нарген – Порккала – Удд мощным двойным рядом противолодочных систем. Усилил корабельные дозоры, поставил подводные гидроакустические станции. После доклада сложившейся обстановки Сталину тот приказал подводные лодки беречь.

В этом году погибло 5 подводных лодок, так и не сумев выйти в море на коммуникации противника. Три из них подорвались на минах, две лодки погибли от воздействия противолодочных сил противника.

Несколько лодок, получив сильные повреждения на пути к Нарген-Порккала-Уддскому противолодочному рубежу, вынуждены были возвратиться в базу.

Показателен по драматичности поход Гвардейской подводной лодки Щ-303 под командованием капитана 3 ранга И.В.Травкина.

Благополучно пройдя до Нарген – Порккала – Уддского противолодочного рубежа, несмотря на неоднократные касания корпусом минрепов, лодка трижды пыталась прорвать сеть, но каждый раз запутывалась в ней и с трудом освобождалась от неё. Затем в течение нескольких суток, подвергалась ожесточённым атакам вражеских кораблей и самолётов, сбросивших на неё более 100 глубинных бомб. Это был серьёзный экзамен на мужество и стойкость экипажа. Не все на лодке его выдержали. Один из вахтенных трюмных машинистов центрального поста, когда лодка лежала на грунте, обманом отправил вахтенного офицера к командиру лодки в другой отсек, заклинив переборочные двери, продул воздухом среднюю группу цистерн главного балласта. Лодка всплыла в позиционное положение. Обезумевший старшина-трюмный выскочил наверх, стал размахивать бушлатом на виду находившихся неподалеку вражеских кораблей.

Командир лодки, услышав шум продувания балласта, а затем покачивание её на волнах, ценою огромных усилий, при помощи других членов экипажа, открыл переборочную дверь, выскочил в центральный пост, быстро задраил верхний рубочный люк, по срочному погружению увёл корабль на глубину и стал отрываться от наседавшего противника.

Он приложил всё своё мастерство и с большим трудом ушёл от преследования. Немцы уже объявили по радио о потоплении советской подлодки, а Щ-303 всё-таки возвратилась в базу. Израненная, она встала на капитальный ремонт.

Боевые походы подводных лодок прекратились вплоть до октября 1943 г.

1944 год – это год выдающихся стратегических побед Красной Армии над фашистскими захватчиками. Их результатом стало полное освобождение от врага территории нашей страны. Побережье Балтийского моря, исключая Курляндский полуостров, было очищено от фашистов, Финляндия вышла из войны и предоставила свои порты в Финском заливе для базирования соединений Балтийского флота. Упорно сопротивлялась Курляндская группировка немецких войск, обложенная с суши со всех сторон и прижатая к морю. Она очень нуждалась в серьёзном материально-техническом обеспечении, в эвакуации людей и имущества. Оставался один путь – морской. Поэтому перед флотом была поставлена задача: помимо поддержки действий сухопутных войск, перекрыть морские коммуникации противника, несмотря на их охрану мощной корабельной группировкой немцев плюс активные действия их подводных лодок. Для балтийских подводников открылась возможность нанести по врагу мощный и чувствительный удар. Однако сил для этого было мало. Из 65 подводных лодок в начале войны, в бригаде, в 1944 г., осталось 16 боеспособных лодок, к ним прибавилось еще 5 вновь построенных единиц. В связи с полуторагодовым перерывом в боевой дея-

тельности лодок и появлении на них неопытного молодого пополнения, которое надо было учить, возможности успешного выполнения поставленной задачи усложнялись. Надо добавить, что сменились командиры почти всех подводных лодок, они не были в море в новой должности.

В сентябре 1944 г. бригада подводных лодок перебазировалась в финские порты Хельсинки, Турку, Ханко.

К боевой работе было подготовлено 10 подводных лодок, сведённых в три группы. Предварительно тральными силами флота была проведена огромная работа по обезвреживанию от мин маршрутов движения в море подводных лодок через Финский залив. Выход каждой подводной лодки проходил за тралями.

В начале октября 1944 г. началось поэтапное развёртывание всех трёх групп подводных лодок в южные рубежи Балтийского моря для действий на коммуникациях противника методом крейсерства в ограниченном районе.

В конце года вошли в строй и вышли в море 5 крейсерских подводных лодок, построенные во время войны на верфях Ленинграда. Тем самым в море уже находилось 14 подводных лодок. Теперь в их интересах велась воздушная разведка, что резко повышало эффективность поиска вражеских конвоев.

Боевой счёт года открыла подводная лодка Щ-407 (командир: капитан-лейтенант П.И.Бочаров), потопив в районе Клайпеды большой вражеский транспорт. Молодой командир в следующем походе смело и дерзко проник в Гданьскую бухту и потопил крупный теплоход водоизмещением более 12 тысяч тонн.

Боевой успех имели и многие другие подводные лодки, торпедами и артиллерией наносили урон врагу. Особенно успешными были действия подводной лодки Щ-310 (командир капитан-лейтенант С.Н.Богорад). За два похода ею было потоплено 6 вражеских судов. В это же время подводными минными заградителями Л-3 (командир: капитан 3 ранга А.М.Матиясевич) было выставлено несколько десятков мин на выявленных путях движения конвоев, на которых подорвалось несколько судов противника.

Отрадный факт: в этом году не было гибели наших лодок, несмотря на то, что им приходилось с большим риском прорывать мощное противолодочное охранение конвоев.

Противник стал совершать переходы конвоев преимущественно ночью. Это усложняло работу экипажей лодок по выработке данных для стрельбы. Дистанцию до цели ночью, на глаз, определить точно трудно, ведь радиолокации тогда ещё не было. Курс и скорость цели определялись с большими ошибками, поэтому командиры старались стрелять с минимальной дистанции, что увеличивало вероятность попадания в цель. В этой связи результативность ночных торпедных атак была ниже, чем дневных.

Примечательно, что боевого успеха в конце 1944 г. достигли вновь построенные большие подводные лодки, впервые вышедшие в море с новыми командирами.

В этом году балтийские подводники потопили 35 вражеских транспортов и ещё 2 боевых корабля и буксир. Тем самым они добились наибольшей результативности по сравнению с прежними военными годами. При этом не было потерь подводных лодок.

В завершающем году войны бригада подводных лодок Балтийского Флота имела

в своём составе 20 действующих единиц. Стратегическая обстановка на советско-германском фронте благоприятствовала нашим войскам одерживать крупные победы над противником уже на территории агрессора, хотя его сопротивление было жёстким и отчаянным.

С освобождением территории вдоль южного побережья Балтийского моря, вплоть до Свиномюнде (Свиноуйсце), Германия потеряла порты и пункты базирования вплоть до Датских проливов.

До сих пор прижатая к морю Курляндская группировка немецко-фашистских

войск была лишена поддержки и с моря. Наша авиация, подводные лодки, торпедные катера наносили чувствительные удары по конвоям противника, что парализовывало его морские перевозки.

Подводные лодки Балтийского Флота продолжали активно действовать на коммуникациях противника методом крейсерства в ограниченных районах. Теперь они базировались в незамерзающей части Балтийского моря, поэтому впервые за всю войну вели боевую деятельность и в зимние месяцы. Эти действия оказались весьма успешными. За неполных пять месяцев 1945 г. ими потоплено торпедами, подорвано на минах 27 кораблей и судов противника.

Выдающуюся победу одержала подводная лодка С-13 под командованием капитана 3 ранга А.И.Маринеско. Она вошла в историю как «атака века». 30 января 1945 г. ночью был обнаружен конвой противника в охранении нескольких кораблей. Он оказался недосягаем для атаки, быстро уходил. Командир на полном ходу в течение нескольких часов догонял противника, решив во что бы то ни стало торпедировать его. Лодку с кораблей конвоя заметили, запросили позывной прожектором. Командир приказал сигнальщику ответить на запрос прощальным набором цифр и букв. Пока там разбирались с этим ответом, подводная лодка вышла на позицию торпедной стрельбы. Скорость конвоя оказалась большой, времени на погружение не было. Лодка принимает главный балласт, кроме средней группы балластных цистерн, то есть переходит на ходу в позиционное положение. Это необходимо было сделать, чтобы выполнить технические условия для выпуска торпед из труб торпедных аппаратов. Все четыре носовых торпедных аппарата были готовы к выстрелу. Пройдя охранение, подводная лодка подошла к огромному лайнеру на дистанцию около 5 кабельтовых (около 900 метров), и командир выпустил по нему веером три торпеды. Одна не вышла из торпедного аппарата. Все торпеды попали в различные районы корпуса судна. Получив огромные разрушения, лайнер через 50 минут затонул. Сразу стало известно, что А.И.Маринеско атаковал огромный пароход «Вильгельм Густав» водоизмещением 24484 тонны. Первоначально после постройки он предназначался для перевозок немецко-фашистской элиты. Своё название получил в честь швейцарского нацистского лидера, погибшего в 1936 г. В войну использовался как плавбаза подводных лодок. В данном рейсе лайнер выполнял задачу по эвакуации военных и гражданских лиц из Пиллау (ныне Балтийск) в Германию. Он был набит людьми сверх всякой нормы. Многие пассажиры были размещены даже на верхней палубе. До сих пор неизвестно точно, сколько же всего людей было на судне. Это понятно: то было время, когда под натиском советских войск проходило массовое бегство на запад, используя любую возможность тех, кто не мог рассчитывать на снисхождение победителей.

По разным данным на судне находилось от 8 до 9 тысяч человек, в том числе экипажи подводных лодок из учебной дивизии. Среди них 918 офицеров и специалистов-подводников. Спаслось 1 252 человека.

Командир после атаки быстро отвернул лодку в сторону берега на малые глубины и положил её на грунт. Тем самым ввёл противника в заблуждение, не ожидавшего такого маневра лодки, поэтому корабли охранения бомбили в стороне от её места.



А.Маринеско

Гитлер, узнав о трагедии, пришёл в бешенство, приказал расстрелять командира конвоя, а дерзкого командира советской подводной лодки причислил к своим личным врагам.

В этом же походе, спустя десять дней, гидроакустик подводной лодки обнаружил шумы ещё одного крупного транспорта. Опять командир действовал дерзко, несмотря на требования боевых инструкций. Он всплыл в надводное положение, сблизился с целью, развернулся к ней кормой и выпустил из кормовых торпедных аппаратов две торпеды, которые попали и взорвались. Был потоплен транспорт «Генерал фон Штойбен» водоизмещением 14660 тонн, на борту которого было 3 000 человек. Спаслось около 300 человек.



**Памятник А.Маринеско
в Калининграде**

За этот беспримерный боевой успех А.И.Маринеско был награждён только орденом Красного Знамени. Командир бригады, несмотря на серьёзные основания, не стал представлять командира к званию героя Советского Союза из-за строптивости его характера и недисциплинированности. Спустя некоторое время он даже был отстранен от должности командира лодки, назначен командиром тральщика. Мстительные начальники и после войны в течение многих лет делали всё, чтобы не допустить торжества справедливости, охаявая А.И.Маринеско, отклоняя многочисленные ходатайства его сослуживцев ветеранов-подводников. Только в 1990 г., через 45 лет после войны, уже посмертно, А.И.Маринеско всё-таки присвоили звание Героя Советского Союза.

За тот выдающийся поход подводная лодка С-13 была награждена орденом Красного Знамени.

Крупных успехов добилась и подводная лодка Л-3 (командир: капитан 3 ранга В.И.Коновалов). 17 апреля она потопила крупный транспорт противника, на котором находилось свыше 5 тысяч гитлеровцев, через 2 дня уничтожила моторное судно с боеприпасами на борту. За образцовое выполнение боевых задач и проявленные при этом мужество и героизм командиру лодки было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подводная лодка Щ-307 под командованием капитан-лейтенанта М.С.Калинина в ходе январского 1944 г. боевого похода в южную Балтику потопила семь транспортов противника, за что была награждена орденом Красного Знамени. Командиру лодки М.С.Калинину было присвоено звание Героя Советского Союза.

За выдающиеся боевые успехи стала Краснознаменной и подводная лодка Щ-310, а её командир, капитан 3 ранга С.Н.Богорад, стал Героем Советского Союза.

Впервые на Балтике применил новый тактический приём при атаке вражеского транспорта капитан 3 ранга И.В.Травкин, перешедший с Гвардейской подводной лодки Щ-303 на новую большую лодку К-52. Этот приём называется бесперископной атакой, когда все данные для торпедной стрельбы вырабатываются исключительно по гидроакустическим пеленгам на цель. Опытный командир решился на это из-за большого волнения моря, наверняка выбросившего бы лодку на поверхность в момент залпа и демаскируя её на виду у противника. Этот метод требует высокого мастерства гидроакустика и расчётной группы центрального поста подводной лодки. Атака прошла успешно – цель поражена. В этом походе подводная лодка потопила ещё 3 транспорта и каждый раз подвергалась преследованию кораблей охранения с обильным бомбометанием. И каждый раз командир искусным маневрированием отрывал от врага. Последние две победы подводная лодка К-52 одержала накануне

не Победы, потопив 2 транспорта. Экипаж подводной лодки за два похода 1945 г. потопил 6 вражеских судов. Этот подвиг был достойно оценен Родиной. Лодка стала Краснознамённой, а её командир И.В.Травкин – Героем Советского Союза.

За четыре месяца 1945 г. балтийские подводники потопили торпедами, минами, артиллерией и даже тараном 25 вражеских судов и 10 боевых кораблей. За этот же период погибла одна подводная лодка.

Всего за годы Великой Отечественной войны подводники Балтики отправили на дно 124 судна фашистов, 20 боевых и вспомогательных кораблей, повреждено 5 судов и один миноносец. По личным результатам боевых действий среди командиров подводных лодок занимает последовательно: капитан 3 ранга А.И.Маренко (потоплено судов 42 557 тонн водоизмещения), капитан 2 ранга П.Д.Грищенко (35 506 тонн), капитан 3 ранга И.В.Травкин (25 903 тонн).

Три подводные лодки стали Гвардейским, восемь награждены орденом Красного Знамени, шесть командиров подводных лодок удостоены звания Героя Советского Союза. Орденом Красного Знамени награждена и бригада подводных лодок Балтийского Флота.

Героические подвиги балтийских подводников увековечены в многочисленных памятниках.

Александр ОТЛИВАНЧИК
(Минск, Белоруссия)

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ – РЕДАКТОР АВТОРСКИХ
ТЕКСТОВ В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ «ГРАЖДАНИН»
(1873–1874 гг.)**

НОВЫЕ РАЗЫСКАНИЯ И ВЕРСИИ

В современном вузовском учебнике «История русской журналистики XVIII–XIX веков» (СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003) редакторской работе Ф.М. Достоевского в «Гражданине» посвящено всего четыре фразы: «В декабре 1872 г. он (Достоевский. – А.О.) принял предложение издателя газеты-журнала “Гражданин” князя В.П. Мещерского о редактировании издания. Здесь он осуществил свой давний замысел о создании “Дневника писателя” в форме злободневных очерков политического, литературного, мемуарного характера, объединенных идеей непосредственного общения с читателем. Вскоре Достоевский стал тяготиться текущей редакторской работой, мешали и постоянные разногласия с Мещерским. Весной 1874 г. он отказался от редакторства, хотя сотрудничество в “Гражданине” продолжал и позднее» (с. 412–413).

В этом крохотном кусочке текста допущена одна фактическая неточность. Начинаящий журналист и издатель князь В.П. Мещерский вряд ли осмелился бы предлагать редакторство в своем малопопулярном еженедельнике автору «Преступления и наказания», с которым не так давно и познакомился. Можно с уверенностью утверждать, что инициатива в данном случае исходила **от самого Достоевского**. Это следует из короткого письма князя к Достоевскому за 15 декабря 1872 г., которое заканчивается фразой «Жизнь глядит светлее с тех пор, что Вы были так добры предложить себя в хозяева “Гражданина”!»

Не только период работы писателя в «реакционнейшем еженедельнике Мещерского» (припомним это советское определение) – сама тема «Достоевский-журналист» была в СССР полузапретной до 1960-х годов включительно. В «застойные 70-е», после выхода монографий В.С. Нечаевой о журналах братьев М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» и «Эпоха», исследований И.Л. Волгина о моножурнале «Дневник писателя» за 1876–1877 гг. тема постепенно «легализовалась». С недавних пор и в вузовской учебной литературе – т.е. в **единственном** учебнике, цитированном выше, – журнальным изданиям братьев Достоевских отвели подобающее место.

С «Гражданином» так не получилось. Редакторское и авторское участие Достоевского в «княжеском» издании многократно затрагивалось в том или ином ракурсе в небольших узкоспециальных работах – преимущественно в источниковедческих, текстологических, историко-литературных исследованиях, в научных комментариях к публикациям «гражданинских» текстов писателя; при этом обстоятельные работы обобщающего характера по теме практически отсутствуют. «Гражданин»

Александр Владимирович Отливанчик – филолог, преподаватель Института журналистики Белорусского государственного университета (Минск). Основная область научных интересов – публицистика Ф.М. Достоевского. Печатался в периодическом сборнике Института русской литературы Российской АН «Достоевский. Материалы и исследования», в альманахе Общества Достоевского «Достоевский и мировая культура» (Россия). Сотрудник словаря-справочника «Достоевский: Сочинения, письма, документы» (СПб., 2008)

редакции Достоевского до последнего времени не изучался как знаковый факт из мира русской журналистики и общественной мысли 1870-х гг.

Предстоящее комментированное переиздание в России 67 номеров «Гражданина» за январь 1873 – 1-ю половину апреля 1874 г. (проект готовится с 2003 года группой ученых под руководством профессора В.А. Викторovichа) должно наглядно показать, что возвращение Достоевского в начале 1870-х гг. к публицистике и редакторской деятельности представляет интерес не только и не столько как эпизод **писательской биографии**. Имевший в 1872 году всего тысячу подписчиков, «Гражданин» при Достоевском за год увеличивает тираж в разы. К моменту увольнения писателя от редакторства число подписчиков журнала достигает 3 тысячи; розничная же продажа номеров еще в первые месяцы 1873 г. возрастает пятикратно. Молодое издание сразу становится неотъемлемой частью столичной журналистики, всегда, впрочем, резко выделяясь на общем ее фоне и, по сути, играя в ней роль главного «возмутителя спокойствия». Пролистаем подшивки старых газет, посмотрим комплекты журнальных номеров: «Гражданин» как зримый фактор раздражения неизменно присутствует в 1873–1874 гг. на страницах «Голоса», «Нового времени», «Биржевых ведомостей», «Петербургской газеты», «Дела», «Искры»... *«Теперь дошло до того, что мы стали выручкой для всех фельетонистов: не об чем писать – а, ну есть “Гражданин”, обругать его; к тому же либеральная тема!»* – с иронией констатирует Достоевский-редактор в июле 1873 г. Идеиное направление «Гражданина» можно назвать патриотической альтернативой царившему в петербургской прессе начала 1870-х «легкомысленному западничеству» и «либеральному задору». Как издание, смело идущее против модного течения, «Гражданин» и оказался востребован известной частью русских читателей, дерзнувших смель Свое суждение иметь.

«... Прошел год, год счастливый и славный для “Гражданина”, ибо имя автора “Записок из Мертвого дома” и “Преступления и наказания” взяло верх над дружными усилиями петербургской периодической печати уронить издание в глазах общества», и 1874 год *«начался для “Гражданина” при несомненных доказательствах большего сочувствия к нему публики в России»*. Эти слова из воспоминаний В.П. Мещерского (1881 г.) едва ли разъясняют причины относительного успеха «Гражданина» в 1873 году: на одном **имени** Достоевского журнал бы долго не продержался. Популярность «опальному» еженедельнику обеспечивала тогда – в первую очередь – колоссальная ежедневная работа нового редактора. Ее следы как бы запечатлены в 67 номерах, подготовленных и выпущенных Достоевским, – на этот факт впервые обратил внимание один из ведущих сотрудников издания литературный критик Н.Н. Страхов: *«Читатели, которые вздумают перечесть “Гражданин” за этот год (1873. – А.О.), тотчас увидят, как много старания и труда положено было на журнал его редактором. Заботливость была величайшая»*. Уже немолодой писатель формировал редакционный портфель, планировал и составлял еженедельный выпуск, вел в «Гражданине» собственную рубрику («Дневник писателя» с течением времени постепенно превращается в полноценный **«дневник редактора»**), регулярно вступал в нелегкие переговоры с авторами и с издателем В.П. Мещерским, де-факто сохранившим за собой часть редакторских полномочий. Наконец, правил, дорабатывал, перекомпоновывал тексты своих сотрудников, обладавших куда более скромным, чем его собственный, литературным даром.

Последнее и было, по-видимому, самой трудной и ответственной обязанностью официального «хозяина» еженедельника. *«Федор Михайлович немного подписывал с одной корректуры»*, – сухо заметит в своих воспоминаниях метранпаж «Гражданина» М.А. Александров. Более полное представление об объеме работы Достоевского – литературного редактора и стилиста дает личная и деловая переписка романиста за 1873 год.

М.П. Погодину, 26 февраля: «... имея статью и решив напечатать, – переправлять ее с начала до конца, что зачастую приходится. Литературные ценки Генслера (в сегодняшнем №) я почти вновь пересочинил».

Жене Анне Григорьевне:

20 июля: «Вчера всю ночь, не спавши, сидел за корректурой (стоящей сочинения) и сегодня и завтра буду»;

26 июля: «Этот раз целый № прокорректировать по-редакторски, то есть переправляя. Это ужасная работа»;

19 августа: «Я, Аня, <...> всё больше чужие работы переделываю, редактирую, просто как каторжный».

Можно цитировать многие другие письма...

Как уже отмечал В.А. Викторovich, при значительном редакторском вмешательстве Достоевского в авторские материалы «Гражданин» представляет собою неизмеримо трудное поле для текстологов. Где на нем кончается «борозда» редактора и начинаются – Мещерский, Порецкий, Пуцикович, Белов и др.?» Дать исчерпывающе полный ответ на поставленный ученым вопрос в отсутствие наборных рукописей «Гражданина» в принципе невозможно. Сохранились прямые указания на редактуру Достоевским некоторых конкретных произведений («Гаванские сцены» И.С. Генслера, «Свежей памяти Ф.И. Тютчева» В.П. Мещерского, корреспонденция «Градишко в Боснии» и т.д.); в других случаях «опознать» редакторские вставки и правки Достоевского помогало наблюдение над текстом. В части случаев текстологический анализ очевидно неэффективен. Тем не менее, при общей недоизученности «Гражданина» известный «фронт работ» для достоевистов-текстологов, конечно, остается.

Попробуем продвинуться на этом «фронте» еще на пару шагов...

Предлагаемые вниманию читателей «Балтики» наблюдения и выводы впервые были озвучены автором статьи на III Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном контексте»

Москва – Покровское, 18–22 декабря 2009 г..

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ» (1873. № 8)

Рубрика «Петербургское обозрение» появилась в «Гражданине» в 1872 году; судя по внутриредакционной переписке, ее основным ведущим был сам издатель В.П. Мещерский. Отдельные сюжеты обозрения могли поручаться иным авторам (например, К.П. Победоносцеву); в 1873 г. в ряде выпусков рубрики (в №№ 4, 10, 45, 49, 51) несомненно либо вероятно участие Достоевского – соавтора или редактора. Есть основания думать, что и обозрение в № 8 не избежало правки Достоевского. Основная часть публикации связана с предстоящей реформой армии (1874 г.), речь идет о быте столичных воинских частей и взаимоотношениях офицеров. При чтении текста отчетливо бросается в глаза стилистический диссонанс: вялое тяжеловесное многословие, привычное в статьях Мещерского, наскоро сочиненных к очередному номеру, в середине материала вдруг прерывается афористически емкой энергичной фразой:

а) «Таким образом, честь мундира, военная честь является уже не чем-то вроде высоко нравственного начала, насквозь проникающего каждого солдата и чувствуемого всеми одинаково, а просто предлогом сегодня об этой чести думать одно, завтра другое, сегодня поступать так, завтра иначе и, во всяком случае, относительно понимания долга военной чести жить и действовать каждому в своем кружке, вне общения с целым корпусом офицеров, как кому заблагорассудится» (обычный стиль публикации);

б) «Понятие это – фикция, мы это знаем, но в этой фикции, мы тоже знаем, заключается вся нравственная сила войска: внесите фальшь в это понятие, разбейте это начало на разные образы его понимания, и вся физическая сила войска лишается нравственной силы, которая одна и есть сила, одна и есть непобедима...» (диссонанс);

в) «...единомыслие в понимании своего положения как офицера производит единомыслие в понимании военного долга; а это единомыслие в понимании своих прямых обязанностей, столько же служебных, сколько и нравственных, производит единомыслие **в понимании военной чести**. В Петербурге же отсутствие единомыслия в понимании военного долга производит слабое участие нравственных обязанностей в мире обязанностей военных; а это слабое участие нравственных обязанностей имеет прямым своим последствием неясное понимание военной чести, невысокий ее уровень и отсутствие единомыслия в образе его понимания!

Итак, установление единомыслия во всем военном мире Петербурга насчет понимания своих обязанностей военных – вот средство, и, сколько кажется, единственное, для того чтобы в том же мире водворить и навсегда упредить твердое и ясное, для всех одинаковое и для всех обязательное представление о военной чести» (вновь ощутим обычный стиль).

Иное родная тексту фраза имеет аллюзивные связи с художественными произведениями Достоевского. Суждение-парадокс о воинской чести «Понятие это – фикция <...>, но в этой фикции <...> заключается вся нравственная сила войска» как бы отсылает постоянного читателя «Гражданина» к недавно помещенному редактором в журнале (в № 6) рассказу «Бобок». В финале названного произведения барон Клиневич и инженер, скандала с генералом Первоядовым, свысока трактуют офицерскую честь (ее символом выступает шпага) как понятие иллюзорное, мнимое:

«– Я служил государю моему... я имею шпагу...

– Шпагой вашей мышей колоть, и к тому же вы ее никогда не вынимали.

– Всё равно-с; я составлял часть целого.

– Мало ли какие есть части целого.

– Bravo, Клиневич, bravo, ха-ха-ха!

– Я не понимаю, что такое шпага, – провозгласил инженер.

<...>

– Шпага, сударь, есть честь! – крикнул было генерал».

Еще более органично всему мироощущению Достоевского представление «нравственная сила <...> одна и есть сила». В романном творчестве писателя наиболее показательным примером тому служит диалог князя Мышкина и Коли Иволгина в «Идиоте»:

«– Вот видите, вы говорите, людей нет честных и сильных и что все только ростовщики; вот и явились сильные люди, ваша мать и Варя. Разве помогать здесь и при таких обстоятельствах не признак нравственной силы?»

– <...> Гм! Так вы это называете силой? Я это замечу».

«УЖАСНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» (1873. № 19)

С № 17 за 23 апреля 1873 г. состав постоянных рубрик «Гражданина» пополнился хроникой новостей «Из текущей жизни», выходявшей без авторской подписи. В июле у рубрики появился и постоянный ведущий – А.У. Порецкий. Атрибутировать начальные выпуски «Из текущей жизни» (апрель – май) в отсутствие гонорарной ведомости журнала за этот период мы с точностью не можем; две июньских хроники были составлены В.П. Мещерским (в № 23) и Ф.М. Достоевским (в № 24).

Криминальное обозрение «Ужасные преступления» помещено как раздел в выпуске «Из текущей жизни» в № 19 от 7 мая 1873 г. Обзор состоит из четырех блоков

информации (заметок без названий). Общей теме, вынесенной в заголовок публикации, соответствуют только три первых заметки – в них описаны случаи отцеубийства, серийного отравления, попытка матереубийства. Короткое четвертое сообщение, безусловно, прибавлялось к тексту позже («К этой летописи ужасных преступлений присоединяем два знаменательные факта...»), в его основе – два некриминальных сюжета:

«На Волге, между городами Самарой и Саратовом, сорвавшийся плот с четырьмя крестьянами неся затертый льдинами в продолжение трех суток. Во всех селах, где проходил этот плот, никто из жителей не пришел несчастным на помощь, несмотря на отчаянные их крики и на множество людей, видевших плот; и они неминуемо погибли бы, если бы, на четвертый день, не нашелся один купец, который вместе с полицейским офицером и рабочими спас несчастных крестьян.

Воля ваша, а факт этот нов в анналах русской народной жизни. Но вот факт еще новее. В Нижнем Новгороде несколько русских людей зазвали в кабак 11-тилетнего мальчика, начали его поить водкою, смеялись над ним, когда он начал пьянеть, а когда напоили его мертвецки и мальчик упал в бесчувственном состоянии, вышвырнули его на улицу» (в начале текста ссылка на «Камско-Волжскую газету»).

Вряд ли заметка, не встроенная в общий замысел уголовной хроники, принадлежит ее основному автору. Перед нами дополнение, вероятнее всего, редакторское. Работая в «Гражданине», Достоевский ежедневно просматривал множество петербургских и местных газет. «Газеты были его стимулом, так сказать, страстно по фактам изучать, исследовать, разбирать до тонкости эпоху. Он принадлежал к числу **умевших** читать газеты, <...> всегда ловил **характерное**», – вспоминал позже о писателе В.П. Мещерский. Сюжеты последней заметки «Ужасных преступлений» и лаконичный авторский комментарий, указывающий на значение приведенных фактов, можно соотнести с известным издательским проектом героини Достоевского Лизаветы Тушиной («Бесы»), желавшей перепечатывать статьи из газет в особых ежегодных сборниках: «Можно <...> ограничиться лишь выбором происшествий, более или менее выражающих нравственную личную жизнь народа, личность русского народа в данный момент» (этот проект многими учеными ставился в связь с «Дневником писателя» Достоевского как его прообраз). Налицо и параллель с итоговым размышлением очерка Достоевского «Влас» («Гражданин». 1873. № 4): «Но заглядывать в душу современного Власа иногда дело не лишнее. Современный Влас быстро изменяется. <...> Рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, <...> цинизм...»

Вышеизложенное дает основания предположительно атрибутировать приведенную заметку Достоевскому.

«ОТВЕТ НА ПРОТЕСТ» (1873. № 33)

В июньских – сентябрьских номерах «Гражданина» печаталась серия очерков «Письма вольнодумца». Под большинством «писем» стоит подпись-криптоним **О....**; их автором был В.П. Мещерский. На письмо V, содержащее сатирический рассказ о некоем нигилисте, выпускнике Петровской академии земледелия и лесоводства, в редакцию поступил читательский отклик-протест. Его автор И.О. Левитский, сам выпускник Петровской академии, расценил обличительный рассказ В.П. Мещерского как «клевету и несправедливый ряд упреков» и потребовал от публициста «в интересах истины точнее обозначить фамилию» героя. Протест был помещен вместе с развернутым ответом **Вольнодумца О.** («Ответ на протест. Письмо к редактору») в № 33 за 13 августа 1873 г. Исследователями высказывались две взаимоисключающие версии относительно авторства «Ответа...». Согласно В.А. Викторovichу, данная статья была написана Достоевским и лишь помечена псевдонимом Мещерского; по мне-

нию Б.В. Федоренко, «Ответ на протест» писал, безусловно, Мещерский. Ключевым элементом в системе доводов обоих ученых является письмо В.П. Мещерского к Ф.М. Достоевскому за 19 августа 1873 г.; содержание письма при этом истолковывается по-разному. Вот основная часть письма:

Марьино 19 августа 1873.

Получил Ваше письмо, милейший Федор Михайлович, с приложениями¹! Признаюсь, рассмешил меня почтенный Веттер, узнав себя в моем очерке нигилиста! Жаль, что Вы не сказали, что сам автор не знает имени героя и знать его не хочет, ибо интересен не он, а интересен факт! По этому поводу в письме IX, которое надеюсь выслать в четверг, скажу несколько слов. К Вашему ответу нечего прибавлять, разве только то, что эти господа, по-видимому, не могут или не хотят понять, что суду подлежит только клевета или пасквиль именная, а не безыменная относительно лица, выставляемого героем. <... >

Итак, вроде бы, видно по всему: Мещерский толкует об «Ответе на протест», который за него написал Достоевский. Налицо лишь одна странная нестыковка: вместо И.О. Левитского как автор протеста почему-то назван некий Веттер. Чтобы атрибутировать «Ответ ...» Достоевскому, таким образом, требовалось немного: доказать, что «**почтенный Веттер**» есть **И.О. Левитский**. Такое доказательство и предложил было в далеком уже 1984 году В.А. Викторovich: «... в письме И.О. Левитский назван Веттером по имени известного немецкого богослова De Wette (1780–1849), отрицавшего подлинность ряда библейских книг; очевидно, Мещерский сравнивает с ним Левитского, сомневающегося в достоверности фактов, упоминавшихся в “Письмах вольнодумца”». При всей нарочитой искусственности своей эта версия, однако, была признана более или менее убедительной даже редакцией академического Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского, поместившей «Ответ на протест» в 27-м томе собрания в разделе «Dubia». Со временем недоразумение разъяснилось: «почтенный Веттер» оказался Николаем Ивановичем Веттером – тоже выпускником Петровской академии, также, как и И.О. Левитский, приславшим в «Гражданин» свой ответ-«протест» на всё тот же злополучный очерк Мещерского (в письме IX Вольнодумец ссылается на «второй протест», поступивший к нему от г. NN).

Спрашивается: кому в таком случае отвечал Достоевский? Получается ведь, что Веттеру (он, а не Левитский упомянут в цитированном выше письме Мещерского)? Но «Ответ на протест» обращен, несомненно, только к И.О. Левитскому. Ответ Достоевского Н.И. Веттеру в «Гражданине» не публиковался. Стало быть, этот ответ был дан лично – в письме. В числе «приложений» к письму от Достоевского Мещерский получил, очевидно, эпистолярный «протест» Веттера на свой очерк и письменный ответ редактора «Гражданина» Веттеру (последний князю как автору очерка предоставлено было дополнить и переслать по адресу). Такова версия Б.В. Федоренко. «Возможно, такое письмо (Достоевского Веттеру. – А.О.) и существовало», – готов согласиться (с оговорками) даже В.А. Викторovich. Возможна, разумеется, и другая версия: Мещерский, упомянувший Н.И. Веттера в начале письма к

¹ Единственное отрядное исключение из правила, увы, не имеет отношения к российскому достоевковедению. В 2004–2006 гг. в Веллингтоне в научном ежегоднике «New Zealand Slavonic Journal» (выпуски 38–40) увидело свет подробное многоаспектное исследование по «Гражданину» Ф.М. Достоевского, подготовленное профессором Айрины Зограб (Новая Зеландия, Victoria University) «Редакторство Достоевского в “Гражданине” Мещерского» («Dostoevsky's editorship of Meshchersky's The Citizen (Grazhdanin)»). Эта публикация (серия из 3 статей с приложением хронологической росписи содержания «Гражданина» за январь 1873 – апрель (до № 16) 1874 г.), как бы подводящая итог длительной кропотливой работе известного достоевиста с текстами газеты-журнала В.П. Мещерского, по понятным причинам почти недоступна русскоязычному читателю из стран бывшего СССР.

Достоевскому, толкует там дальше и о Левитском, которого не называет по имени. Если это так, то принадлежность «Ответа на протест» Достоевскому не исключена.

Таким образом, когда в единственном в данном случае документальном источнике можно либо видеть, либо не видеть основание для атрибуции статьи, важнейшим материалом, позволяющим исследователю судить об авторстве, должен служить сам опубликованный текст. Причем, конечно, нужно считаться и с тем, что из двух возможных авторов «Ответа на протест» лишь В.П. Мещерский недвусмысленно признал статью своей («Ответ...» был перепечатан в сборнике «Речи консерватора» (вып. 2. СПб., 1876), вышедшем уже под подлинной фамилией Мещерского); Достоевский о своем авторстве нигде не заявлял. Другими словами, мы имеем **прямое** (возможно, и небесспорное) указание на авторство Мещерского² и не имеем таких сведений об авторстве Достоевского. В данной ситуации для приписывания статьи Достоевскому нужно найти очень солидные косвенные аргументы.

Веский (но не решающий) довод в этом смысле дает В.А. Викторovichу сравнительный анализ содержания «Ответа на протест» и IX письма Вольнодумца с ответом г. NN – Н.И. Веттеру. В обеих публикациях очеркист отказывается назвать своим критиком героя письма V, но по-разному это мотивирует. В «Ответе на протест»: «... *порядочный человек в таких случаях должен помнить латинскую поговорку: "Nomina sunt odiosa"*³». В письме IX: «... как его зовут, <... > не знаю, а если и знал, то, право, позабыл». Такое разноречие произошло от мистификации, допущенной в «Ответе на протест»: ни Мещерский, ни Достоевский (кто бы ни писал статью) в самом деле не знали имени нигилиста. Мог ли один и тот же автор сначала прибегнуть к мистификации, а потом (уже вскоре) от нее отказаться? Это не совсем логично, но в принципе возможно.

Позволяют ли атрибутировать «Ответ...» Достоевскому какие-либо интралингвистические особенности текста? Содержит ли данная статья явные текстуальные параллели с теми или иными публикациями Достоевского? Есть ли в ее тексте лексические единицы, синтаксические конструкции, как-то **особенно** характерные языку Достоевского? Можем ли мы указать здесь случаи индивидуально-авторского словопотребления, прямо «выдающие» Достоевского? На все эти вопросы приходится дать отрицательный (или «скорее отрицательный, чем положительный») ответ. Единственное бесспорное текстуальное соответствие с публицистикой Достоевского обнаруживается, как нарочно, в последнем абзаце «Ответа...», который мог быть и дописан Достоевским как редактором «Гражданина» к готовой авторской статье («Ответ на протест» и без своего «финального» абзаца оставляет впечатление вполне законченного текста). Стилистика статьи – вообще довольно «блеклая» и

² Вот основные публикации, полностью или частично относящиеся к теме «Достоевский – литературный редактор в «Гражданине»»:

Бельчиков Н.Ф. Достоевский о Тютчеве // *Былое*. 1925. № 5;

Виноградов В.[В.] И.С. Генслер и Ф.М. Достоевский – редактор «Гаванских сцен» // *Русская литература*. 1964. № 2;

Архитова А.В. Достоевский и Кишенинский // *Достоевский. Материалы и исследования*. Л., 1976. Т. 2;

Битюгова И.А. Достоевский – редактор стихотворений в «Гражданине» // *Там же*. Л., 1985. Т. 6;

Достоевский Ф.М. *Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. (Атрибуция и научный комментарий доктора филологических наук В. Викторovichа)* // *Знамя*. 1996. № 11;

Викторovich В.А. *Достоевский в Обществе любителей духовного просвещения* // *Достоевский и мировая культура*. 2004. № 20;

Отливанчик А.В. 1) *Неизвестный текст Достоевского? К вопросу об авторстве статьи «Семейная неурядица как причина самоубийства» («Гражданин», 1873 г., № 49)* // *Достоевский и современность. Мат. XXI Междунар. Старорусских чтений 2006 года. Великий Новгород, 2007*; 2) *Ф.М. Достоевский и В.Ф. Пуцкович – обозреватели международных событий в «Гражданине» (1873 г. – апрель 1874 г.)* // *Мат. XXIII Междунар. Старорусских чтений 2008 года. Ч. I. Великий Новгород, 2009*.

³ «Не будем называть имён» (лат.).

бесцветная, маловыразительная. В качестве «многих (?! – А.О.) примет, указывающих на стиль Достоевского», В.А. Викторovich называет несколько конструкций типа «*тут пахнет обращением к публике <... > тут довольно самоуверенное распоряжение*», «*я лично знаю <... > знаю и то*», «*я самым решительным и положительным образом протестую*», «*позволительно по крайней мере хоть пожелать*», «*это добрые даже люди*». При этом гораздо более колоритный оборот (но колоритный скорее «помещерски») «*те дурные люди, от них в ста шагах воняет нечаевщиной*» оставлен без внимания. По своему идейно-духовному уровню «Ответ на протест» также, увы, значительно ближе к «Письмам вольнодумца», нежели к «Дневнику писателя» ...

Итак, поставленный 25 лет назад вопрос «Кто написал “Ответ на протест”?», по-видимому, остается открытым до сих пор.

Но обратимся к последнему абзацу «Ответа...». Вот он:

«Г-н Левитский говорит, что теперь студенты Петровской академии заняты только наукою. Слава Богу! Мы первые этому радуемся, мы первые этому верим и первые заговорим об этом новом поколении сельских тружеников, – как только оно появится! Но мы напомним г-ну Левитскому, что герой нашего рассказа, во всяком случае, принадлежит к той эпохе студентов, когда о тружениках науки по отрасли сельского хозяйства что-то мало было слышно!»

В этих фразах повторяется, и местами дословно, ход рассуждений, уже знакомых читателям «Гражданина» (и нам) по «Двум заметкам редактора» (1873. № 27), в которых Достоевский размышляет о студентках московских Высших женских курсов: «*... если от слушательниц до профессоров, – все служили единственно одним только целям просвещения, то мы первые этому радуемся и приветствуем прекрасное событие. <...> может быть, и очень большое число русских слушательниц окажутся “без фальши” <...> мы опять-таки первые тому обрадуемся. В том, что у нас явятся слушательницы безо всякой “фальши” в самом ближайшем будущем, мы и сами уверены; но что доселе было довольно фальши – можете ли вы отрицать?»*

Если Достоевский и не писал «Ответ на протест», то он имеет к публикации отношение, по меньшей мере, как редактор, дополнивший текст основного автора.

РЕДАКТОРСКИЕ ВСТАВКИ «ТЕХНИЧЕСКОГО» ХАРАКТЕРА В РАЗНЫХ ТЕКСТАХ

При компоновке журнальных выпусков Достоевский-редактор при необходимости делал в авторских материалах отсылки к тематически близким публикациям. Так, в «Московских заметках» И.Ю. Некрасова в № 20, составленных 8 мая 1873 г., встречаем ссылку на отчет «Московских ведомостей» о пребывании в Москве персидского шаха, помещаемый в рубрике «Из текущей жизни»: «*Читатели в обстоятельном описании, перепечатанном ниже из “Моск<овских> вед<омостей>”, ознакомятся с разными подробностями приезда шаха, проезда его по Москве, посещения им Большого театра и т.д. Мы заметим только, что...*» Составлять для «Гражданина» подборки газетных текстов, безусловно, не входило в функции московского корреспондента издания, который, к тому же, не мог знать, «ниже» или «выше» его материала их напечатают. Еще более показательным то, что в газетном отчете, на который дана ссылка, речь идет о событиях, происходивших **днем позже** написания «заметок» И.Ю. Некрасова – 9 мая 1873 г.

В статье К.П. Победоносцева «Девятое января. Память Великой Княгини Елены Павловны в Крестовоздвиженской общине» (1874. № 2) редактором сделана ссылка на очерк Н.И. Соловьева «Севастопольские подвижницы». Деловой стиль ремарки Достоевского дисгармонирует с возвышенным слогом основного текста:

«Деятельность Крестовоздвиженских сестер в Севастополе и Крыму принадлежит истории. (Ниже помещается краткий ее очерк). Она составляет целую поэму, которая тем драгоценнее для нас, что представляет непрерывный ряд дел, совершившихся в простоте, без всякой мысли о подвиге или заслуге».

Отсылка к статье К.П. Победоносцева «Церковные дела в Германии» в «Иностранных событиях» В.Ф. Пуцыковича в № 4 «Гражданина» за 1874 г. («о новых узаконениях, вырабатываемых правительством (прусским. – А.О.) в настоящее время, см. ниже “Церковные дела в Германии”») также, возможно, редакторская.

РЕДАКТУРА АВТОРСКИХ ЗАГОЛОВКОВ

Достоевским были исправлены и дополнены заголовки ряда очерков и небольших художественных произведений, помещенных в «Гражданине» в 1873 году. Об этом позволяет говорить, в частности, характерная цепочка соответствий в названиях произведений **разных** авторов (приводим в хронологической последовательности): «Наследство в полтораста рублей. Местная картинка» (Н. Казанцев; 1873. № 3) – «Безызвестные деятели (Картинка первая)» (Н. Казанцев; 1873. № 12) – «Маленькие картинки» (Ф. Достоевский; 1873. № 29) – «Картинки из офицерской жизни. I. “Денег достал!”» (криптоним X; 1873. № 41) – «Мертвое дитя (Картинка)» (С. Крапивина; 1873. № 43) – «На два часа (Картинка)» (криптоним Н.Ю.; 1873. № 44) – «Маленькие картинки (в дороге)» (Ф. Достоевский; сб. «Складчина», март 1874). Жанровая характеристика «картинка» («картинки») везде, бесспорно, принадлежит редактору «Гражданина». В рукописном отделе Российской государственной библиотеки (Москва) сохранилась наборная рукопись стихотворения Вс.С. Соловьева «К ясному небу восходит...», в которую рукой Достоевского вписано редакторское заглавие «Зимнее утро» с подзаголовком «картинки», тут же Достоевским же и зачеркнутым (Ф. 93/II. 8. 122). Под редакторским заглавием стихотворение Вс.С. Соловьева было опубликовано в «Гражданине» в № 46 от 12 ноября 1873 г.

«ИСКАЖЁННЫЙ ЯЗЫК – ИСКАЖЁННЫЙ МИР НАЦИИ»

«Язык народа – это его историческая память, воплощённая в слове». Жизнь русского народа и его тысячелетняя духовная культура отразились в русском языке, в памятниках различных жанров – от древнерусских летописей и былин до произведений современной художественной литературы.

«Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства, передавать наши мысли и чувства, но наследуем самые эти мысли и эти чувства», – писал К.Д.Ушинский, подчёркивая одухотворённость русского языка.

Известный лингвист И.А.Бодуэн де Куртене в одной из своих статей удивлялся тому, что, несмотря на такое количество самых разнообразных обстоятельств, обуславливающих изменения в языке, язык изменяется, тем не менее, не очень значительно и сохраняет своё единство. Но ничего удивительного в этом нет, ведь язык – это важнейшее средство взаимопонимания людей, и если бы он не сохранял своё единство, то и не мог бы выполнять эту важнейшую функцию.

«Болит душа. Болит душа. Болит душа. И я не знаю, что делать с этой болью», – обозначив через боль свою сущность, писал Василий Розанов. Моя душа болит о том, что русский язык в Эстонии становится своеобразным русским диалектом, в котором перемешаны элементы просторечия, избыточные заимствования и сленг. Наблюдается эрозия русской речи. И объясняется это рядом объективных и субъективных причин.

Несколько поколений русских, проживающих в Эстонии, были воспитаны при помощи советского телевидения и радио. Существующая в те годы цензура строго следила за культурой речи дикторов. Отсюда возник стереотип, что все средства массовой информации являют собой образец грамотности. Часто именно у СМИ наша русская молодёжь училась правильной речи и манерам поведения. Сегодня же, слушая, например, «Русское Радио», с горечью думаешь о том, что для многих дикторов стало нормой не следить за правильностью речи, и зачастую слово, услышанное нами в эфире, не может уже служить образцом литературного языка, как в былые времена. В эфире звучит модифицированная русская речь, хотя это слово здесь не совсем подходит, так как модификация подразумевает развитие, а мы в данном случае наблюдаем процесс деградации русского языка. В эфире – «язык улицы», а радио, говорящее «языком улицы», способствует деструкции языкового сознания и ведёт к новым специфическим формам и стереотипам социального мышления.

Досадно, но лексические ошибки, допущенные в речи дикторов, часто связаны с элементарным незнанием значений слов и устойчивых выражений, а отсутствие культуры речи радиоведущих по-разному влияет на слушателей: одни начинают допускать такие же ошибки в своей речи, а другие, пополнив словарный запас, убеждают и своих детей в правильности услышанного.

Например, старинным словесным образом, основательно подзабытым, СМИ часто приписывают не тот смысл, который был когда-то. Выражение «попал как кур в щи», услышанное однажды по радио в изменённом виде («попал, как кур в ошип»), – яркий тому пример. Писатель Борис Тимофеев, один из создателей «ошипа», тридцать пять лет тому назад заметил, что шей из кур, как правило, не варили, а значит, петух (кур в старинном именовании) мог попасть только в ошип. Писатель, разумеется, волен воображать, а лингвист обязан внимать историческим фактам. *Разберёмся.* До конца XIX века «кислые щи» продавали в бутылках. Когда создавалась поговорка, знали, что мяса «во штях» быть не может, поэтому упоминание о незадачливом кура, который умудрился-таки попасть в овощную похлёбку, явно имело определённый смысл, как, впрочем, и полагается ехидной поговорке. Попасть петуху в щи (подразумевается неуместность нахождения) – это нужно очень постараться, а попасть в

ощип – дело простое: каждого петуха, рано или поздно, всё-таки ощипывают. Кстати, в устойчивых оборотах запятые никогда не ставятся. В поговорке «Попап как кур во щи» запятой тоже нет, что и говорит о древности идиомы. Доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Санкт-Петербургского университета В.В.Кóлесов утверждает: «Влип, как кур в ощип – рифма, не делающая чести вкусу».

Л.В. Щерба писал: «Все хотят говорить правильным хорошим русским языком, а где найти его нормы не знают. Ответ, собственно, конечно, крайне прост – читайте произведения непререкаемых классиков нашей литературы <...>, и вы найдёте у них искомую норму».

Массовое тиражирование ошибок, разрушающих норму устной и письменной речи, формирующих негативное отношение к языковой норме в целом, мы часто наблюдаем в рекламных текстах.

Обратимся, например, к рекламному тексту, который показывает, что нельзя необдуманно обращаться с риторическими приёмами. «Ты возьми с собой большую свежесть» – так в недалёком прошлом ежедневно рекламировалась с телевизионных экранов жевательная резинка, обозначенная в рекламном тексте по её характерному признаку – свежести вкуса. Автор, нарушая норму сочетаемости и вопреки психологии восприятия, призывает нас «взять с собой свежесть». Но можно ли свежесть взять с собой? Нет, её можно только почувствовать. Кроме того, свежесть или есть, или её нет, и она не может быть ни большой, ни маленькой. В приведённой фразе дважды нарушены законы русского языка. Другая реклама: «Выбирай свежую энергию». (Опять о свежести). На плакате правящей Реформистской партии Эстонии с этой надписью мы видим члена эстонского парламента госпожу Кейт Пентус, одного из инициаторов проекта закона, согласно которому снесли памятник воинам-освободителям Таллина, известного под названием «Бронзовый солдат». «Энергия – одно из основных свойств материи, мера её движения, а также способность производить работу» (Толковый словарь Ожегова). Свежий – недавно возникший. Выбери «недавно возникшую энергию» – неверный перевод. В русском языке – «свежие силы».

«Если денежка капец – купи себе супец». Такую рекламу вы увидите в одном из кафе Таллина. В рекламе отсутствует логическая связь и привлекает внимание нарочито низкий стиль. По-моему, намеренные логические противоречия и стилистические дефекты – это один из современных приёмов рекламодателей, дабы любым способом привлечь внимание русскоговорящих.

Следует признать, что эти намеренные рекламные «штучки» действительно привлекают внимание людей, но где уверенность, что «рекламные вирусы» не повлекут за собой массовые «болезни» русского языка?

Современную рекламу можно рассматривать как бизнес, как форму коммуникации, как вид искусства и т.д. Её сколько угодно можно делить на различные сферы деятельности (научную, политическую, социальную, экономическую), но рекламодателям надо помнить, что реклама всё же носит уникальный характер: реклама – неотъемлемая часть культуры.

В русских газетах и журналах то и дело появляется новое иностранное слово. Появляется оно без пояснений и перевода, как это было принято в российских дореволюционных периодических изданиях, и часто приходится нам самим (из контекста!) догадываться о значении этого «иностранца». Догадавшись, начинаем удивляться: зачем навязчивое чужое делать насильственно родным?

новая генерация – вместо поколение;

циничные бутáды – вместо выпады;

вариабельность – вместо изменчивость;

инвектива – вместо возражение, протест.

О том, что иностранное слово перестаёт быть «чужим» в разговорном стиле только тогда, когда впитывает в себя смысл коренных слов, когда становится дей-

ствительно необходимым, т.е. не имеет в русском языке эквивалента, указывал ещё Карамзин в споре с адмиралом Шишковым.

Например, литература и поэзия – латинские термины, но пришли в русский язык через польский, а «стих» – слово греческое (ряд, строка), но настолько давнее на Руси, что считалось русским корнем. Эти «чужие» слова, не найдя себе достойной замены, остались в русском языке, обогатив наш словарь.

«Горе тебе, словесность русская и стихотворство, за то, что восприняли имена иноязычные – литература и поэзия!» – с улыбкой восклицал Валерий Брюсов. В шуточных словах поэта есть и доля горечи: заменяя без меры русские слова на «модные иностранные», мы, не замечая того, теряем свою самобытность.

Для разговорной речи нашей молодёжи свойственно, в основном, заимствование из английского языка. Это заимствование носит полущутливый характер: слова-иностранцы легко принимают русские флексии и склоняются в рамках русского языка, образуя словарные гнезда. Например, английское слово «birthday» породило «бездничать» и «бездник».

Многих подростков привлекает примитивная речь «анимэшников». В этой молодёжной субкультуре главную роль играют заимствования из японского языка. Например, представитель этого движения, выражая своё восхищение кем-либо или чем-либо, воскликнет: «Какая кавайная няшка!»

Особое место в языке молодёжи занимает сквернословие, что явно указывает на разрыв между физиологической и социальной зрелостью человека. Ещё Гегель в «Энциклопедии философских наук» в разделе «Субъективный дух» указывал на то, что несовпадение максималистских идеалов с действительностью может ввергнуть молодого человека в ипохондрию. Протест же против действительности выразится в манере одеваться и в культуре речи.

Сквернословие – своеобразный протест русской молодёжи против той действительности, в которой она живёт.

Многие гости Таллина замечают, что в Старом городе вывесок на английском языке не счесть, а по-русски – ни единого слова. Неужели кириллица подрывает территориальную целостность Эстонии? «Официально сфера употребления русского языка в Эстонии предельно сжата. Но в экономике он занимает своё достойное место», – прокомментировал ситуацию газете «Комсомольская правда – Северная Европа» один из руководителей Языкового центра «Пушкин». Жаль, что на фасаде здания Центра «Пушкин» тоже нет ни слова по-русски, только на латинице. Корректность? Понимаю. Даже Розенталь был предельно корректен в вопросе написания исконных слов и заимствований: «В любом языке, помимо исконных слов и освоенных заимствований, используются слова и сочетания, сохраняющие свой иноязычный облик и воспринимающиеся как вкрапления из других языков. Они могут оформляться как латиницей *alma mater*, так и кириллицей альма-матер. При оформлении кириллицей требуется более точное воспроизведение звукового облика слова или сочетания на языке – источнике с учётом морфологической структуры. С этой целью и используют так называемую практическую транскрипцию (исторически сложившаяся система русской графики используется для передачи звукового облика слов из других языков), которая неизбежно может быть только приближительной». Хорошо, Пушкин и на латинице останется для нас, русских, Пушкиным, но как отнестись к тому, что «свежеиспечённые» чиновники пытаются отменить в Эстонии исторически сложившиеся правила русского языка, объясняя это «территориальной особенностью эстонского языка»? Как отнестись к демонстративной эстонизации, которая выражается в изменении имён и фамилий неэстонцев в соответствии с правилами эстонского языка? Петрова стала Петров, а Таллин (на русском языке!) стал писаться с двумя буквами «н». Инспекция по языку даже обращалась в Совет по

топонимике Эстонии с заявлением о том, что в некоторых газетах и журналах на русском языке наименование столицы Эстонии пишется только с одной буквой «н», что явно противоречит принципам написания топонимов, действующих в Эстонии. Лехо Клазер, руководитель службы надзора языковой инспекции, официально заявил газете «День за днём», что на **территории Эстонии** топоним «Таллинн» следует и по-русски и по-эстонски писать с двумя «н», хотя второй абзац 19 статьи Закона о языке обязывает писать эстонские топонимы **на языке национальных меньшинств с использованием других алфавитов (не латиницы) в соответствии с принятыми нормами транскрибирования**. В отношении же русского языка в Эстонии, как мы видим, свои нормы. Читайте постановление № 6 министра образования от 18 мая 1998 года: «Установленные правила транскрибирования топонимов». Так, языковая инспекция, особо не задумываясь над исторически установленными правилами транскрибирования топонимов, «отрегулировала» нормы русского языка, имеющего в Эстонии статус иностранного. Получается так: если вы хотите следовать нормам русского языка, то пишете Таллин с одной «н», но... (и это очень важно для определения вашей лояльности!) если не хотите нарушать законы Эстонской Республики, то пишете с двумя «н». И ещё запомните: если вы, проживая в Таллине и обучаясь в русской школе, в своём выпускном сочинении (тесте), следуя-таки правилам русского языка, напишете Таллин с одной «н», то такое написание будет считаться грубой ошибкой. И всем всё понятно :у русских есть ПРАВО ВЫБОРА !

Историк-археолог В.А.Янин верно заметил: если выкорчевать дерево, то на его месте можно вырастить новое, но если мы разрушаем памятники культуры, стираем с географической карты исторические топонимические названия, то уничтожаем генетический код нашей исторической памяти. Язык – это код нации. Русский язык – это код русской нации. «Искажённый язык – искажённый мир нации. Умиравший язык – умирающий мир нации».

Русский язык самодостаточен, и никакие принудительные меры пока не могут ограничить сферу его использования в Эстонии. Налицо все факторы, свидетельствующие об устойчивости русского языка: статус международного, наличие сети СМИ на русском языке, культурных и религиозных учреждений.

Ситуация может измениться в том случае, если русские, проживающие в Эстонии, утратят школу на родном языке.

По словам вице-канцлера Министерства науки и образования Эстонии Катри Райк русским школам, которые намерены по собственной инициативе ускорить переход на эстонский язык обучения, будут выделяться денежные премии. «Сумма, которая стала бы стимулом для школ, должна быть не менее 70 000 еек за каждый дополнительный предмет на эстонском языке», – отметила Райк в интервью portalу Delfi. Наше молчаливое несогласие с политикой «выдавливания русского языка» из системы образования в Эстонии приведёт к тотальному обучению на эстонском языке. Итогом же нашумевшей школьной реформы будет маргинализация русской молодёжи.

«Железный канцлер» Бисмарк, создатель германской империи, проводил политику «KULTURKAMPF» («Борьба за культуру»), направленную на подавление культуры и национального своеобразия народов, не относившихся к немецкой национальности. Похоже, что в современной Эстонии перевод русских школ на эстонский язык обучения ставит перед собой ту же самую задачу.

После 1991 г. русский язык в Эстонии был лишён официального статуса, но де-факто продолжает так широко использоваться в быту, деловом и частично в государственном секторах страны, что Дуду Дьен, участник спецдоклада ООН по расизму, расовой дискриминации и ксенофобии, посоветовал Эстонии сделать русский язык вторым государственным, однако правительство Эстонии согласия не дало.

Нынешними эстонскими властями изучение русского языка трактуется как нежелательное, и продолжают попытки замены русского языка английским, как основным языком международного общения.

Культура русского языка может и должна быть осмыслена в собственно экологическом аспекте. Сохранение русского языка в Эстонии – первостепенная задача политиков, которым отдали свои голоса русские избиратели. Понимаю, что не всем на Тоомпеа хочется вспоминать мудрые слова соотечественника просветителя Карла Якобсона («Процветание Эстонии я вижу только в непосредственной связи с Россией»), а хочется побыстрее искоренить русский язык в Эстонии, напрочь забыв про историческую связь с восточным соседом. А напрасно. **Русский язык** обойдётся без каждого из политиков, но обойдутся ли серьёзные политики без русского языка! (вопрос риторический).

Лев ВЕСЕЛОВ

Рассказ. Из цикла «Унесенные»

Лени Вальдес

Впервые я увидел её осенью 2009 года на обрывистом берегу Средиземного моря, сидящей на лавочке смотровой площадки и глядящей на волны, играющие лазурью.

Свежий бриз ласково теребил её светлые, аккуратно уложенные волосы. На деревянном настиле у её ног лежала маленькая собачка, скорее щенок, явно непородистый, но ужасно симпатичный, который при виде моего померанского шпица встал, однако особого интереса к нам не проявил.

Его хозяйка, казалось, дремала и не обернулась даже тогда, когда моя собака недовольно заворчала. Не проявил к ним особого интереса и я.

Тот вечер был чудесным, с необычно прекрасной видимостью. Хорошо видны были отроги гор, на севере, в районе Аликанте, и коса курорта Ля Манга на юге, до которых почти полсотни километров.

Но всё моё внимание занимало море, которое всегда, когда небо бывает безоблачным, потрясающе красиво: лазурное, с пятнами янтарного цвета, над песчаными отмелями и тёмно-синими полосами подводных рифов. Красные скалы с белой полосой прибоя обрамляют море, словно красивая рама картину Айвазовского, а шум волн только подчёркивает тишину ещё одного уходящего дня безмятежной (ой-ли!?) жизни капитана на пенсии, по-прежнему влюбленного в море.

Как всегда на юге, быстро темнело. Глядя на мерцающие огни проходящего в нескольких милях судна, я представил, как сейчас там, на мостике, наблюдают за зажигающимися огнями нашего городка, и мне вновь захотелось оказаться рядом с ними, но это продлилось недолго – желание исчезло, как только я обернулся. Яркие освещенные улицы моего города были ближе и реальней, и убедительно говорили мне, что с морской жизнью покончено и уже навсегда. От этой мысли зануло сердце, я поискал в кармане валидол, но вспомнил, что уже давно не ношу его собой, с тех пор как смирился с береговой жизнью. Так простоял я с полчаса, а уходя, глянул на скамейку, она была пуста.

Прошло несколько дней. В конце ноября погода резко изменилась – зачистили шторма, быстро остывало море. Холодные волны с остервенением набрасывались на пляжи, разбивались тучами брызг о скалы, стремясь взобраться на набережную к порогам небольших ресторанчиков и кафе, хозяева которых с окончанием курортного сезона открывали их только в хорошую погоду. Однако мы с моим четвероногим другом выходили на прогулку в любую погоду, и если не было дождя, подолгу гуляли вдоль берега.

Но однажды от прогулки пришлось отказаться – ураганный ветер сносил крыши, вали столбы электролиний, выбрасывал на берег запоздавшие укрыться суда. Улицы превратились в реки, которые мстами, из-за бурного течения, не смогли преодолеть даже хваленые внедорожники. С лоджии моих апартаментов было видно, как волны захлёстывают берег, взмывая выше домов у берега, и я решил снять шторм на видеокамеру. По бурлящей улице осторожно доехал до скал и под градом солёных брызг подошёл на безопасное расстояние, поняв, что в сплошной водяной завесе снять происходящее обычной любительской камерой невозможно.

Я вернулся к машине и уже собрался уезжать, как сквозь залитые водой стекла разглядел сидящую на скамейке фигуру в плаще.

Неужели это та же женщина, подумал я, вспомнив о седоволосой сеньоре со щенком, и открыл было дверь автомашины, когда очередной столб пенной воды вырвался из-под скалы и окатил меня с головы до ног. В потоке воды фигура на момент исчезла, но когда вода скатилась на землю, увидел ее вновь. Потом я понял, что волны, вырываясь из-под скалы, перелетали через площадку, лишь заливая ее брызгами. Сидеть вот так при штормовом ветре под градом брызг мог человек или влюблённый в море, или судьба которого была накрепко связана с ним. Такие люди всегда интересовали меня, и я уже знал, что не успокоюсь, пока не поговорю с этой дамой. Однако подойти я так и не решился и на утро пожалел об этом.

Прошла неделя, потом месяц, затем наступила Средиземноморская субтропическая зима. Она оказалась, по заявлениям старожилов, самой холодной за последние пятьдесят лет. По ночам температура воздуха падала до восьми градусов тепла, но в погожие дни и в январе можно было позагорать на пляже. Мы с собакой продолжали прогулки у моря, встречая многочисленных собачников, в основном из зимующих здесь скандинавов, но женщины со щенком я не видел.

В середине марта, довольно поздно по местным меркам, попробовали открыть купальный сезон, но вода еще оставалась холодной, а вскоре и исландский вулкан с трудно выговариваемым названием отпугнул туристов, напустив на Европу и Скандинавию завесу из пепла. Курорты Испании стали нести убытки – пустовали апартаменты, кафе, рестораны, и казалось, что курорт не может проснуться от зимней спячки.

В один из солнечных дней в середине апреля, искупавшись на пляже Лас Локос, я со своим четвероногим другом, как всегда после полудня, отправился на берег моря к скалам. Утомлённый солнцем зашёл в небольшой ресторан болгарина Миро, у которого мы любили иногда поесть или просто выпить традиционный полуденный кофе и бренди. Найдя на веранде свободный столик, мы уселись – я за столом, а Чико (так зовут моего шпица) – рядом в кресле, и в ожидании заказа усталились в сторону моря туда, где метрах в ста от нас находилась смотровая площадка. На лавочках сидели несколько человек, но ее я узнал сразу, и меня охватило непонятное волнение.

– Миро, – спросил я хозяина ресторана, – тебе знакома та сидящая на лавочке женщина?

– Вы спрашиваете о той, что крайняя слева? Так это сеньора Веласкес. Я здесь уже лет пятнадцать, и всё это время летом она появляется, а осенью – исчезает. Живёт где-то рядом, несколько раз заходила ко мне выпить вина. Странная она, – пожал плечами Миро.

– Почему?

– Всё время одна со своей собачкой. Раньше у неё был белый скотч – терьер, а теперь этот щенок.

Странная? Видимо, это так, раз она заинтересовала меня, подумал я, и, быстро выпив свой кофе, направился к берегу.

На этот раз её подросший щенок при нашем приближении поспешил к моей собаке с весёлым и звонким гавканьем. Синьора не шелохнулась, только потравила рулетку, отчего поводки спутались, и обе собаки оказались перед ней.

– Буэнос диас, пердон, – поздоровался я и, извинившись, не глядя на неё, стал распутывать поводки.

– Ола! – поприветствовала меня она и внезапно сказала на русском:

– А вы русский. Я поняла это, услышав, как вы разговариваете с вашей красивой собачкой, хотя, глядя на вас, сразу этого не скажешь.

Столь длинная фраза и довольно чистое произношение могли принадлежать только человеку русского происхождения либо испанцу из числа детей, вывезенных в годы гражданской войны из Испании в СССР, с которыми мне здесь уже приходилось встречаться. Вот это удача, подумал я, всё ещё не зная, как продолжить разговор.

– А я ведь тоже немного русская. – Она указал мне на место рядом. – Если посидите со мной, то я вам скажу, почему.

– С удовольствием, – сказал я, радуясь удаче и сел рядом.

– Вы, наверное, моряк на пенсии, – она повернулась ко мне лицом и внимательно заглянула мне в глаза.

– Вы не ошиблись. Я капитан и отдал морю более пятидесяти лет. А что связывает с морем вас?

– Связывает? Так могут говорить только русские моряки, испанцы так не говорят, хотя море они любят и очень гордятся тем, что они великая морская нация и открыли Новый Свет.

– А разве кто-то с этим не согласен?

– В нашей жизни не согласных гораздо больше, чем вы думаете, капитан. В том числе и в этом. Но это так, к слову, – она задумалась, и я испугался, что на этом наш разговор закончится.

– Вероятно, вы правы, но хотелось бы услышать – почему?

– Это же просто, если прожить столько лет. Наступило время, когда люди мечтают об одном – иметь больше денег, делают не то, что нужно, не видят тех, кто рядом. Говорят «да», вместо того, чтобы сказать «нет», и при этом уверены, что не лгут и не обманывают себя. Американцы, к примеру, считают, что вся Америка принадлежит им, а испанцы открыли только несколько островов. Они не согласны с тем, что для испанцев это её прежние владения, а проживающие на них испано-язычное население – их меньшие (сложноватая мысль!) братья, за которых они в ответе за то, что дали им свою религию, свой язык и обычаи. А как считаете вы, русские?

– Не могу говорить за всех, но моряки и большинство моих друзей думают так же как испанцы. Но есть и несогласные, особенно среди молодых, преклоняющихся перед американским образом жизни.

– Нам уже ничего не изменить в этом мире, и это грустно. Вот только море люди будут любить всегда, пусть иначе, чем мы, но не любить его нельзя. Правда, понимают это не все, а только те, в ком хотя бы немного живёт романтика.

Она повернулась ко мне и посмотрела на меня внимательным взглядом поверх очков.

– Скажите честно, чем я вас заинтересовала?

Я не ожидал такого вопроса и внезапно испугался, что она считает меня нескромным и навязчивым.

– Вы показались мне необычной, и потому интересной. Не так много женщин могут подолгу смотреть на море под холодными брызгами и штормовым ветром.

– Из вашего ответа я могу предположить, что вы не только моряк и романтик, но ещё и пишете. Только последнее заставило вас подойти ко мне для разговора. Не возражайте, – остановила она меня, – я люблю писателей, мой последний муж автор известных книг, да и я в свое время по-пи-сы-вала. Я правильно сказала последнее слово?

– Правильно, – согласился я, – и вообще, вы удивительно правильно говорите.

– Открою вам секрет, – улыбнулась она, – это все Лев Толстой и мой любимый Лермонтов и другие русские писатели. Кстати, я даже пыталась переводить их на испанский язык, но поняла, что другие сделали это лучше.

– Тогда все понятно, остается узнать причину такой любви к русскому языку.

– Вы меня разочаровываете, я же вам сказала, что я немного русская.

– Извините меня, но почему немного?

– Да потому, что мой папа был офицером русской армии, а мама – сербка.

Она внезапно замолчала, вынула из сумочки платок и прижала его к глазам.

– Я сегодня много ходила и устала, вот и ваша собачка тоже. Если хотите, давайте встретимся завтра часа в четыре.

– Не почтите за назойливость, но завтра я обязательно приду. Вас проводить?

– Спасибо. Я живу в этом пансионате для пенсионеров, – она указала на стоящее

рядом здание, которое я принимал за гостиницу. – Одним нам выходить из него не разрешают, но я уже десять лет в нём, и мне делают одолжение. Если у вас есть авто, я покажу вам мое любимое кафе. Одну меня туда не отпускают, а с таким мужчиной разрешат. Аста маньяна (до завтра, исп.)!

На другой день я ждал её в машине. Она вышла, как и обещала, ровно в шестнадцать, но я её не узнал. Совсем не старческим шагом она направилась к моему «Форду». Её легкий изящный костюм, кокетливая не по годам причёска и туфли на шпильках смутили меня. Я едва успел оторвать дверцу, забыв поздороваться, и смущённо извинился:

– Простите, я вас не узнал.

– Неужели я вас смутила, – сказала она, и на её лице засветилась довольная улыбка.

– А знаете, это приятно. Здешние мужчины в вашем возрасте остаются галантны, но раздадут комплименты, ничуть не смущаясь.

– Благодарю. Куда едем?

– Мимо пляжа Лас Локос и по Хабанерос до офиса эмиграционной полиции, а там я подскажу.

– Тогда я, кажется, знаю это кафе и уже бывал там. Это ведь «Ла Баретта» (бочонок), не правда ли?

– Я так и думала, ведь вы здесь уже четвертый год, мне об этом сказал Миро,

– произнесла она с легким разочарованием.

– Это ничего не меняет, ведь мы встречаемся для разговора. Я уверен, что вы расскажете много интересного. С некоторых пор я больше люблю слушать, чем говорить.

– А я осталась болтушкой, так любил называть меня отец, который обычно молчал, но это от трудной жизни. Он ведь был военным, а в изгнании пришлось работать и грузчиком, и строителем, и шофёром. Мама знала только сербский, да немного выучила русский, поэтому ей было трудно найти работу, все легло на отца. Она задумалась, и лицо ее погрустнело.

Молчанье длилось до самого кафе, и я испугался, что не смогу услышать её рассказ.

Посетителей было немного. Нас встретила сама хозяйка, радостно стреляя словами, словно пулемёт. Как принято у испанцев, расцеловала посетительницу и усадила за столик на двоих, в стороне от бара.

– Что вы будете есть и пить? – спросила меня моя спутница.

– Я же за рулем, поэтому, если позволите, – бокал красного вина.

– Вы торопитесь? – удивилась она и пояснила, – у нас не слишком строгие полицейские, да и через два-три часа, а я думаю, столько времени займет мой рассказ, можно будет ехать. На обед советую взять треску, здесь её готовят изумительно.

– Треску? – удивился я, – простите, но у нас...

– Знаю, знаю, – замахала она руками, – сухая, вымороженная и с амбре, как говорил мой отец. Нет, здесь она очень свежая и ценится выше лосося, вам понравится. За еду плачу я, а вы заплатите за вино и кофе, и не возражайте, женщине в моём возрасте очень хочется казаться состоятельной. Какое вино будете заказывать, из категории DO (марочные испанские вина) или DOCa (вина самой высокой категории)?

– Я бы взял Гарначу из Риохи, – ответил я, поскольку успел оценить это красное вино.

– Вижу, вы времени зря не теряли, оно крепче других, но выпью его с удовольствием под мою тортилью, которую здесь очень хорошо готовят. Хотя русские считают её обычным пирогом с овощами, не хотите её отведать? Испанцы ею гордятся и не зря, потому что все готовят её по-своему.

– Боюсь, она будет лишней, жена все же заставила меня перекусить.

– Перекусить? А что это?

– В данном случае это что-то вроде полдника, как у вас кофе с десертом.

Треска оказалась действительно очень сочной, нежной и вкусной, совершенно не расслаивалась, как обычно и осталось впечатление, что это все же была другая рыба.

Но я не стал говорить об этом, и когда нам подали кофе и десерт, неожиданно для меня моя знакомая заказала небольшую сигару и коньяк. Несмотря на выпитое вино, она была совершенно трезва. Затянувшись сигарой и положив ногу на ногу, она выпустила небольшое колечко дыма и, довольно вздохнув, произнесла:

– Вот теперь я готова, задавайте ваши вопросы.

– Какие вопросы? Хочется немного узнать о вашей жизни и, если можно, немного о ваших родителях.

– Я уже говорила вам, что мой отец был офицером, а точнее – капитан– лейтенантом, и командовал авто с пулемётами. После переворота в Петрограде служил у генерала Деникина, потом у барона Врангеля. Из Крыма уплыл в Турцию, оттуда в Сербию. Несколько лет служил в Белграде. О своей семье, оставшейся в Петрограде, ничего не знал и женился на моей матери.

Я родилась в 1924 году. По желанию матери меня назвали Миленой, отец часто называл Леной, а позже испанцы, при регистрации, сделали моё имя ещё короче – Лени. В 1930 по приглашению друга отца мы уехали в Париж. Друг имел гараж и несколько авто– такси, ему был нужен хороший механик. Четыре года мы жили счастливо, папа много работал, а мама окончила медицинские курсы сестёр милосердия, но в 1932 году друг отца разорился, и отец стал работать шофером на машине скорой помощи. В том же году друг предложил отцу поехать в Испанию, где вновь хотел открыть свое дело. Мама очень не хотела, но отец все же уехал, хотя в Испании уже начинались беспорядки, и безработица была не меньше, чем во Франции. Друг вскоре вернулся, а отец остался, Он нашел неплохую работу. Когда началась Гражданская война, мы получили от отца только одно письмо. Он писал, что работает шофером в Мадриде на медицинской машине. Потом еще одно письмо передал нам один раненый француз-анархист, который прибыл на лечение домой. У нас тоже было беспокойно и для того, чтобы я могла учиться, мама работала няней в больнице. Нам много помогал друг отца, мама была ему очень благодарна, а когда его жена уехала с другим мужчиной в Канаду, он стал жить у нас.

Война в Испании закончилась весной 1939, а мама часто плакала и говорила, что отец жив и вернется. Отец вернулся к рождеству 1939 года, английские врачи помогли ему выйти из лагеря, он ведь не держал оружия в руках. Я радовалась его приходу, мама плакала. Отец простил ее с условием, что мы уедем в Испанию, где его ждали врачи английской миссии, но испанцы не давали ему визы до тех пор, пока немцы не напали на Францию.

В Мадриде нам жить не разрешили, и отец выбрал Аликанте, где его знали врачи английской миссии. Я неожиданно легко выучила испанский, спасибо отцу, он мне много помогал. Когда немцы начали войну с Советской Россией, отец вопреки другим верил, что Гитлер войну проиграет. В 1943 по конкурсу я прошла в университет и стала получать стипендию. Отец к тому времени был совсем плох, выручала работа матери переводчицей в госпитале, где лечили сербов и хорватов, воевавших на стороне немцев.

Отец умер в конце мая 1945 года, как он сказал перед смертью, счастливым оттого, что Россия победила. В университете я познакомилась с бывшем военным моряком, аргентинцем Хорхе, за которого чуть не вышла замуж. Он учился на историка, и мы с ним на каникулах много путешествовали по Испании. Однажды, целую неделю были в Гранаде, а когда вернулись, я нашла письмо от матери, которая все же решила возвратиться во Францию, куда ее звал друг отца. Так я осталась одна, вернее – с

Хорхе. Университет мы закончили вместе, и я поехала с ним в Буэнос-Айрес. Но его родители меня не приняли, они были состоятельными, и у них для сына была готова богатая невеста.

По возвращении мне предложили работу в архиве истории гражданской войны. Дополнительно для заработка занималась возвращением детей из СССР – я делала переводы писем для родителей, у которых там находили детей, готовила документы на возвращение.

На одном из вечеров меня познакомили с молодым человеком, хорошо говорившим по-русски. Он был старше меня на пять лет, и работал в немецкой фирме отца, которая строила в Испании дороги. Звали его Эрик. Мы стали встречаться, а вскоре он сделал мне предложение.

В свадебное путешествие мы отправились пароходом в Бразилию, и целых полторы недели я любовалась океаном. В Рио де Жанейро Эрик арендовал катер, на котором мы десять дней вместе с его отцом плыли по Амазонке. Это было чудесное время, я была очень счастлива. Возвращались мы опять пароходом. Вместе с нами плыли несколько цыганских семей. Однажды, когда я была на палубе одна, ко мне подошла старая цыганка и предложила погадать. Я отказалась, а она рассердилась и сказала – запомни: счастье твоё с женихом недолгое, будь готова к тяжёлому испытанию и знай, что тебе предназначено быть женой человека, которого встретишь, но вначале – пройдёшь мимо.

– Какая ерунда, – ответила я, но сердце вдруг сжалось и перестало на время биться. Всю ночь я не спала, целовала Эрика, но ничего ему не сказала. Еще раз я встретила цыганку перед приходом парохода в Малагу. Она подошла ко мне и сказала:

– У твоего жениха и его отца родовое проклятье. Если не веришь мне, посмотри родимое пятно под левой рукой.

– Откуда ты об этом знаешь? – рассердилась я. – Подсмотрела, когда они купались в бассейне?

– Нам нельзя смотреть на неодетых чужих мужчин, и нас не пускают на верхние палубы. Такие вещи нам подсказывает сам дьявол, – ответила она. – Они оба уже в его власти. Счастье ты найдёшь с другим, которого встретишь еще не скоро, пока не забудешь своего жениха. Он придет к тебе на корабле, жди его, сколько бы ни пришлось.

После этих слов, моя собеседница пытливо глянула на меня.

– Мистика какая-то, – проговорила я не совсем уверенно, поскольку к тому времени знала, что предсказания цыганок в жизни мамы сбылись, да и от других я слышала об этом неоднократно. И хотя не хотелось верить, в мою душу вселился страх, и я решила, что не отойду от Эрика ни на шаг.

Предсказания цыганки сбылись через месяц. Эрик с отцом поехали осматривать новый участок дороги. Встречный грузовик вылетел на их сторону. Оба погибли сразу. К тому времени мы так и не оформили наш брак. Я думаю, что Эрик предчувствовал свою смерть. Его родственники, очень хорошие люди, оформили на меня квартиру и счёт на довольно большую сумму, которая позволила мне несколько лет жить безбедно. Я долго жила одна, и мужчины меня мало интересовали – долго не могла забыть Эрика.

Сидеть без дела одной дома было тяжело, и я стала искать работу. Однажды, прочитав на доске объявление: «Ищу человека с хорошим знанием русского языка для корректуры перевода на испанский», отправилась по указанному адресу в пригороде. Найдя нужный адрес, позвонила в дверь небольшого дома, стоящего на скале недалеко от берега моря. Двери мне открыл небольшой и совершенно седой человек с такой же седой, густой бородой закрывающей половину груди. На его лице среди седых волос и бороды совершенно, непривычно светились голубые очень молодые глаза, которые смотрели на меня, как показалось, с надеждой.

– Вы по объявлению? Тогда проходите, – промолвил он на русском с ужасным акцентом и шире распахнул дверь, пропуская меня в залитую полуденным солнцем комнату с большим письменным столом у окна с видом на море. Это была гостиная, хорошо, даже богато обставленная, но не прибранная. В ней не было порядка, заваленная книгами, листками бумаги, тетрадями, она совершенно не гармонировала с пышным буфетом, огромными напольными часами, многочисленными вазами и прекрасными картинами на стенах.

– Не обращайтесь внимания на беспорядок, – промолвил он, освобождая для меня кресло. – Я живу один и у меня все на своем месте. Хотите, я угощу вас чаем, это единственное, что я умею хорошо готовить, – и не ожидая ответа, он скрылся в кухне.

Чай действительно был хорош и очень расположил к откровенной беседе, в ходе которой я узнала, что мой новый знакомый из смешанной испано-французской семьи и долгое время проживал в Андорре, но после смерти родителей переехал сюда – ближе к морю и теплу. Он закончил два университета и, как обеспеченный человек, жил в своё удовольствие – нигде не работая. Сначала увлекался живописью, достиг неплохих успехов – несколько его картин купили музеи, но потом решил заняться писательским творчеством, написал несколько книг, изданных небольшим тиражом.

Но вскоре забросил писать и однажды, прочитав русских писателей, занялся изучением русского языка. В последнее время он открыл для себя таких писателей, как Грин, Паустовский и решил сделать свой перевод некоторых их повестей и рассказов. Для корректуры он и решил подыскать помощника.

Я была не готова к такой работе и отказалась. Он огорчился и попросил меня не уходить сразу, я осталась. Он познакомил меня с внутренним двориком, с красивым садом и пригласил пообедать. Обедали мы недалеко от дома в уютном ресторанчике на берегу, где немногочисленные посетители хорошо знали моего знакомого. Уходить сразу после обеда было неудобно, и я решила еще немного побыть с ним. Мы гуляли по берегу моря, взобрались по узкой дороге на скалы, откуда открывался чудесный вид на море. Он рассказывал мне о жизни в Андорре, о том, как любит кататься в горах на лыжах, о своих родителях, рано ушедших из жизни.

Время прошло незаметно и когда мы спустились со скал, быстро наступил вечер.

– Куда вы поедете, на ночь глядя? – заявил он и внезапно предложил, – оставайтесь ночевать у меня. Сама не знаю почему я согласилась и не пожалела об этом. До полуночи мы просидели в гостиной. Он был очень хорошим рассказчиком: всё, о чём говорил, было увлекательно и понятно мне.

Ночевала в небольшой уютной комнате мансарды, уснув крепким сном, которого я не знала со дня гибели Эрика. Проснулась от яркого солнца, пробивающегося сквозь щели в плотных шторах. Открыв окно и выйдя на балкон, я ахнула от открывшейся картины: огненный шар солнца над морем окрашивал всю восточную часть неба в золотисто пламенный цвет. Огненная дорожка пролегла по воде от его диска до самого берега, к удивлению, не слепила глаза. На воде в его лучах были хорошо видны большой парусник и несколько рыбацких лодок. Паруса парусника были окрашены в тот же алый цвет. Мой новый знакомый, стоящий на балконе этажом ниже, посмотрел на меня и радостно закричал:

– Смотрите, Елена, этот парусник с алыми парусами идёт за вами. Теперь я буду звать вас Ассоль!

В тот момент я поняла, что этот человек даёт мне то, что очень нужно. Мы стали с ним неразлучными друзьями на несколько лет. Нет, любовниками мы не были, не знаю почему, он даже не пытался добиться близости. Мы просто были нужны друг другу, как два одиноких путника идущих одной дорогой.

Вскоре мы сделали перевод нескольких рассказов Грина и Паустовского, он отпечатал их в небольшой типографии, часть из них издавалась в журналах, но вскоре стало понятно, что в нашем переводе не хватало той выразительности и романтики, которая

свойственна только русскому языку, и больше переводами русских классиков мы не занимались. Я нашла работу в туристической фирме. Испания быстро становилась раем для туристов, несмотря на режим Франко, и туризм становился доходной статьёй бюджета страны, давал работу фермерам, производившим овощи и фрукты.

Незаметно пролетели три года. Вскоре я заметила, что он забросил работу, много грустит, вечерами сидит один допоздна за бутылкой вина. По делам фирмы я часто бывала на быстро развивающихся курортах и тогда впервые увидела Торревеху. Мне очень понравились её пляжи, и отсутствие городского шума на уютных улочках. У Жака, так звали моего нового знакомого, были деньги, и я предложила ему поехать посмотреть этот развивающийся курорт, купить дешёвую тогда недвижимость. Он остался доволен поездкой, и все же категорически отказался заниматься бизнесом.

– Видишь ли, моя девочка, – сказал он, – я художник и романтик, к тому же – РАНТЪЕ. Я могу трудиться для своего удовольствия, но не ради денег. Ты же знаешь, что я считаю их злом, которое разделяет людей на бедных и богатых, а я не хочу быть ни тем, ни другим. Я просто хочу интересно жить.

– Извини, я была уверена, что тебе хочется нового, вот и предложила тебе эту поездку

Ты последнее время ничего не делаешь, и это меня тревожит.

– Раз ты сама завела этот разговор, признаюсь тебе, что решил уехать в Индию, вернее на Гоа. Я встретился с одним художником индусом, он здесь знакомится с испанской живописью. Мы договорились, что уедем отсюда вместе. Надеюсь, ты не будешь меня отговаривать?

Не знаю, что он хотел сказать последней фразой, но тогда я ему ничего не ответила.

На другой день шеф моей фирмы уезжал на знакомство с курортами Коста дель Соль, и я выехала в Малагу вместе с ним. Когда вернулась через неделю, Жака уже не было.

«Прости за всё. Уезжаю, не простившись – так будет лучше, и ты навсегда останешься моим другом, о котором буду помнить всю жизнь. А ты, я уверен, обязательно встретишь свою любовь и очень скоро. Можешь жить в моём доме, если захочешь – он такой же и твой. Хочу тебе признаться, что до твоего прихода я готовился уйти из жизни из-за большой безответной любви. Спасибо тебе за всё.

Твой Жак.

P.S. Я верю, Ассоль, ты ещё встретишь своего капитана».

Тогда я была готова расплакаться, но сдержалась, хотя было грустно и тепло от этого короткого прощального письма. Я вернулась жить к себе домой, а когда было свободное время, приезжала в его дом встречать на балконе утреннее солнце, но алых парусов всё не было и не было. Не было и Жака, которого я всё же ждала, хотя и не верила в его возвращение. Через год я получила ещё одно очень короткое письмо, в котором было фото Жака. На нём он сидел на берегу океана в позе йога в одной набедренной повязке и индийской чалме на голове. Огромная борода не скрывала его ужасно худое тело и половину едва узнаваемого лица, и лишь глаза оставались прежними.

«На всякий случай сообщаю тебе – я счастлив и остаюсь здесь навсегда. Желаю тебе быть любимой и счастливой».

И хотя я не совсем поняла, о каком случае он говорит, но одно было понятно – он уходит из моей жизни навсегда. Теперь, когда стало ясно, что он не вернётся, я впервые так ясно ощутила одиночество и задумалась над тем, что со мной происходит. Почему от меня все время уходят близкие люди? Что это – рок, судьба? Или я сама во всём виновата? Мне скоро тридцать пять, а у меня нет ни мужа, ни семьи, ни детей. Преждевременно ушёл из жизни мой отец, не сложились отношения с первой любовью, погиб Эрик, а теперь – лишилась Жака, последней опоры и надежды.

Может быть, нужно было уехать вместе с матерью, которая, как я считала, бросила

меня? Почему я не смогла удержать Эрика и Жака, и чего жду теперь? Алые паруса? Счастливого завершения пророчества цыганки? Но ведь теперь уже знаю, что жизнь жестока и беспощадно расправляется с романтическими грёзами юности. Как часто говорил мой отец, где родился – там и пригодился. Может быть, все это от того, что мы живём не на своей Родине? Но где моя Родина – в Сербии, Франции, Испании? Во всяком случае, не в России, решила я, отгоняя всё чаще появляющуюся мысль считать себя безродной, как говорил отец в часы хандры после тяжелого похмелья и неудач.

Я стала реже смотреться в зеркало, перестала ездить в дом Жака, в котором вскоре появились новые жильцы, что явилось подтверждением, что Жак ушел от меня навсегда. Работа и редкие развлечения по субботам и воскресениям целиком заполнили мою жизнь, но не могли избавить от раздумий. Тогда я решила добавить к ним путешествия по стране, и каждую пятницу уезжала в новые места. Вот тогда-то я по-настоящему влюбилась в Испанию, в ее людей, которые в глубинке страны совершенно отличались от жителей большого города.

Прошёл еще год, я несколько ожила от поездок, стала следить за своим внешним видом и вновь почувствовала вкус к жизни. И хотя у меня появилось больше знакомых, но мужчины меня не особо интересовали. Как-то в чудный октябрьский день, когда ужасная жара сменяется умеренным теплом, а редкие еще дожди способствуют обильному цветению и яркой зелени, я проснулась ночью от беспокойного чувства ожидания чего-то необычного и волнующего, и вдруг я поняла, что хочу увидеть рассвет над морем, такой же, как мы наблюдали когда-то с Жаком. До рассвета оставалось ещё часа три-четыре, и я решила поехать туда, где море и горы всегда необыкновенно красивы. Такое место было совсем недалеко, это была Картахена, чудный городок с одной из самых красивых бухт.

Быстро приведя себя в порядок, я села в «Сеат» и через два часа остановилась у набережной Картахены, собираясь оставить на стоянке машину и подняться на цитадель, но горизонт быстро светлел. Я проехала до набережной и прошла на причал, где швартуются грузовые суда, и стала выбирать место, откуда будет лучше виден восход.

К моему удовольствию, всё повторилось, как тогда в доме у Жака, только солнце оказалось крупнее да вместо парусника был лес мачт многочисленных яхт. Я собралась уходить, когда с моря подошло судно и стало причаливать как раз там, где я стояла. Оно было не очень большим, почему-то с большим креном на один борт (морскую терминологию выучу впоследствии). На палубе у него высилась груда досок, из которой часть была обломана и хаотически торчала за борт. Несколько встречающихся озабоченно переговаривались между собой, и я услышала фразу: «Досталось Энрике от последнего шторма. Хорошо, что ещё не весь груз с палубы потерял». Я отошла к машине и, понимая, что для завтрака время ещё не наступило и кафе закрыты, продолжала наблюдать, что будет дальше,

С судна спустили трап, и по нему сошёл высокий мужчина в толстом свитере и капитанской фуражке с белым верхом.

– С приходом, капитан, – сказал один из встречающих, очевидно старший. – Здорово тебя потрепало, раз ты нарушил старую традицию и сошёл на берег не той ногой.

– Не до этого мне сейчас. Лучше поднимайтесь на судно, выпьем за приход, обсудим дела, – ответил капитан и, глянув в мою сторону, спросил: – А это что за синьора?

– Наверное, кого-то из «ваших» жена, она раньше нас прибыла, – ответил старший, и они стали подниматься по трапу. Еще немного постояв, я уехала и, не останавливаясь, возвратилась домой в приподнятом настроении.

Прошло два дня, и я поняла, что я не могу забыть лицо капитана из Картахены и его глаза. Почему я запомнила его взгляд, не знаю, это случилось со мной впервые за последнее время. Даже сидя в кабинете у шефа, я думала об этом, когда раздался звонок телефона. Знакомый голос меня насторожил. Шеф взял трубку.

– Извините, вас беспокоит судоходная компания «Посейдон». Вы не могли бы сказать, кто из ваших работников пользуется авто с номером ..., – и я хорошо слышала, как он назвал номер моей машины.

– Разумеется, если владелица авто не возражает, – ответил шеф, вопросительно глядя на меня. Я кивнула головой, и он протянул мне трубку телефона.

– Слушаю вас.

– Я капитан Энрике Веласкес. Простите, что пришлось искать вас через номер вашего авто. Очень хотел бы встретиться на нейтральной территории, если не возражаете.

Я почувствовала, как подо мной вдруг закачалось кресло и, с трудом преодолев волнение, сказала только: – Не возражаю!

– Где? – спросил он.

– Где вам будет удобно.

– Тогда буду ждать вас у главного входа в яхтклуб «Аликанте» через три часа.

Он положил трубку, а я пожалела, что разговор был таким коротким, мне хотелось еще и еще слышать его голос. Очнувшись от вопроса шефа:

– Это ваш знакомый? Красивый голос у вашего капитана. Ну, и как он выглядит?

Но мне было уже не до ответа, я вскочила с кресла и, не спрашивая разрешения шефа, как сумасшедшая помчалась в парикмахерскую.

Впервые за много лет я не знала, что мне надеть и как успокоиться. Время летело, а я не могла сообразить, как вести себя при встрече. От моего дома до яхтклуба минут десять хода, и только усилием воли я заставила себя не прибежать заранее.

Я увидела его сразу, еще не переходя бульвар. В легкой светлой куртке и таких же брюках капитан выглядел гораздо моложе, чем тогда на причале. Он стоял у раскрытой двери красного «Мустанга» с откидным верхом, на капоте лежал красивый букет белых роз. Я подошла.

Он протянул мне букет.

– Почему белые? – спросила я, едва справляясь с волнением.

– Это цвет надежды, – ответил он, – ведь это все, что у меня пока есть.

На большее меня не хватило, молча села на сидение рядом с ним, и у меня вновь закружилась голова, что от него не укрылось.

– У вас был трудный день? – не то спросил, не то констатировал он. – Я предлагаю вам отдохнуть в уютном ресторане, выпить хорошего вина и немного поговорить для знакомства. Скажите, где. Готов выполнить ваши любые пожелания.

– Зачем же так много сразу, – не сдержалась я, приходя в себя. – А впрочем, готова указывать вам дорогу, – решив показать ему ресторан, где мы часто ужинали с Жаком.

Вскоре пожалела о своем не очень вежливом ответе (– видимо, он показался ему (чего тут обидного?) обидным. Теперь он молчал, лишь кивая головой в знак согласия, когда я указывала ему куда следовало поворачивать.

В «Зелёном крокодиле», который стоял на берегу рядом с домом Жака, бармен меня узнал, приветливо улыбнулся и подвёл к столику в глубине, где мы когда-то любили сидеть вечерами. Я села и по привычке глянула на окна дома, в котором не была уже более двух лет. Окна его были темны, а живая изгородь из кустов бутенвиллии разрослась и выглядела неухоженной.

– А в вашем доме, сеньора, уже год никто не живет. Говорят, что хозяева уехали в Южную Америку, – увидев мой взгляд, услужливо отрапортовал бармен.

Капитан сохранял полное спокойствие, словно не слышал сказанного барменом. Я сделала вид, что сообщение меня мало интересует, хотя понимала, что вряд ли он не расслышал слова молодого болтуна.

– Я бы с удовольствием поел для начала, а что желаете вы, сеньора Лени? – спросил он.

– Вечером предпочитаю устриц с вином, и кофе.

– И я не против. Выбирайте вино, вы здесь, кажется, постоянный посетитель.

– Да. Была, когда жила вот в этом доме, вернее здесь жил один художник, мой старый друг, но это было давно, – я расстроилась непредвиденному началу и своей поспешности. Какой черт понес меня сюда.

Он поспешил успокоить:

– Это не имеет никакого значения. Я ведь тоже был женат еще совсем недавно, а теперь – свободный человек.

– Зачем вы говорите это мне? А разве это имеет какое-то значение? – ответила я несколько поспешно.

– Не торопитесь, когда мы расправимся с устрицами, я вам все объясню, – заинтриговал он меня.

Когда были съедены устрицы и выпито вино, я обрела уверенность и рассматривала его уже без стеснения. Он молчал, наблюдая за мной, и когда нам принесли кофе и десерт, спросил, как отдал команду:

– Ну, и как я вам? Нравлюсь? – его смелые и потеплевшие глаза ждали положительного ответа.

– Пока не знаю. Вы очень самоуверенный и опытный мужчина, однако все же хочу знать, зачем я вам нужна.

– Раз уж вы догадались об этом, непременно отвечу на ваш вопрос, но сначала расскажу немного о себе. Он достал из кармана куртки набитую табаком трубку, раскурил ее от специальной зажигалки. Немного подумав, добавил:

– Нет, пожалуй, я начну с другого, если не возражаете.

Я кивнула головой в знак согласия.

– Как вы уже знаете, я моряк и как все моряки мира верю в приметы. Если у вас не было знакомых, крепко связанных с морем, то вы наверняка не знаете приметы испанских моряков, а их немало. Одна, к примеру, гласила, что нельзя сходить с судна на землю правой ногой, другая – перед отплытием, как и после жестокого шторма, необходимо непременно исповедоваться морю. Все мужчины нашей семьи со времен Колумба были моряками, и как учили меня мой дед и отец, я так делал всегда, до предпоследнего рейса. Три месяца назад, мы уходили в русский порт Игарка за пиллосом, и я нарушил сразу обе заповеди из-за того, что с приходом, впервые, здесь, на причале в Аликанте, не увидев среди встречающих жены, сошел на берег, ступив правой ногой, а с выходом в море забыл ему исповедаться. Хочу пояснить: жена моя была намного меня моложе, красива и капризна, как все актрисы. Женившись на ней, я первым нарушил еще одну семейную заповедь – никогда не жениться на актрисах, балеринах и художницах.

Брак наш длился четыре года, но встречались мы редко, она была занята в театре или была на гастролях и всегда жаловалась, словно оправдываясь, что очень тяжело переживает разлуку, чего по ее виду и поведению не скажешь. Вы понимаете, что в моем возрасте о многом не трудно догадаться, но я надеялся, что со временем все утрясется. Однако этого не случилось. Ничего не объясняя, она потребовала развода, и я не стал ее удерживать. Именно по этой причине совсем забыл о приметах, и море этого не простило. Весь рейс туда и обратно нас буквально терзали шторма и неприятности сыпались как из рога изобилия. Особенно нам досталось на обратном переходе и подходе к Гибралтару, впрочем, вы видели наше судно и груз на палубе.

Теперь о третьей примете. В особо критических ситуациях, если капитан был холостяком, он давал обет Богу, морю и всей команде, что в случае спасения возьмет в жены первую попавшуюся ему в порту женщину. Так вот, в Картахене в этот раз я ступил на землю левой ногой, а первой попавшейся женщиной оказались Вы и я с удовольствием выполняю требование примет. Теперь – слово Вам, но вы имеете полное право им не воспользоваться.

Я была ошеломлена и подавлена столь неожиданным признанием, больше похо-

жим на морскую шутку, но выражение его лица и глаз, все говорило о том, что он с волнением ждал ответа. В голову пришла мысль: вот тебе, Ассоль, и алые паруса, которые ты ждала.

– А какие приметы на этот случай были у женщин, встречающих моряков, – попыталась я потянуть время.

– Наверное, говорить правду, – серьезно сказал он.

– Но все это неожиданно романтично, красиво приятно и не лишено оригинальности. Надеюсь, Вы дадите мне время подумать?

– Не могу дать того, чего у меня нет, Лени, к тому же все это серьезно – вы не случайно оказались первой встретившей меня в порту женщиной, и вы мне ужасно нравитесь.

– Я могу спросить, сколько времени вы пробудете здесь?

– Еще два-три дня, не больше, но хозяин обещал отпустить меня через месяц в отпуск.

«И что же я должна буду делать без тебя через два-три дня», – подумала я, но, помимо своей воли, спросила:

– И что мы будем делать эти дни?

– Будем начинать новую жизнь вместе. Я верю в судьбу.

Так вошел в мою жизнь человек, живя с которым, я ни минуты не жалела о том, что в тот день осталась у него. В перерывах между любовью, в коротких снах мне снились алые паруса, а просыпаясь, видела рядом с собой капитана и настоящего мужчину. Цыганка оказалась права – он пришел ко мне на корабле, чтобы я познала настоящее счастье любящей женщины.

Он ходил в море еще три года, но потом ушел на берег, объяснив свой поступок желанием быть всегда со мной. Но с морем мы расставаться не собирались. Купили дом Жака и небольшую морскую парусную яхту. Энрике обучил меня работе с парусами, управлению яхтой, и мы в летнее время совершали продолжительные морские путешествия по Средиземному морю, к берегам Франции и Великобритании. Побывали у меня на родине, но родных отыскать не удалось. Мы были очень счастливы и у нас было все, вот только по моей вине не было детей, но он ни разу не упрекнул меня за это.

Подумав, мы взяли из приюта во Франции двух африканских детей, мальчика и девочку, которых очень любили. Это было счастливое время, которому казалось, не будет конца. Но, получив медицинское образование, дети через год уехали в Нигерию лечить нуждающихся. Мы не стали их удерживать от опасного шага, надеясь на счастливое возвращение. Однако судьбе было угодно отнять их у нас – сын погиб от рук бандитов, а Лили, наша красавица и умница, бесследно пропала. По некоторым данным ее выкрали в один из гаремов африканских султанов. Энрике ее очень любил, несколько лет безуспешно искал, после чего у него стало болеть сердце.

На берегу Энрике попробовал писать, его первая книга роман «Любовь под парусами» пользовалась большим успехом. Потом появились еще пять книг. Все они были изданы небольшим тиражом и теперь мне не кажутся удачными, но для меня они дороги и близки, ведь в них есть строки и обо мне. Но последняя его книга – «Африка, верни моих детей» мне очень дорога, хотя я думаю, именно она ускорила его смерть.

Когда его не стало, я продала дом, где всё напоминало о нем, и я начала сходить с ума. Купила квартиру в пригороде Санта-Поло, а потом ушла в пансионат для пенсионеров, там все такие, как я, и многие спасаются от одиночества.

Было видно, что рассказ ее утомял. Лицо ее изменилось и выглядело утомленным. Она прикрыла глаза и словно отключилась минуты на две. Я испугалась, что ей плохо, налил воды и вопросительно посмотрел на хозяйку кафе. Та прикрыла глаза и показала жестом, что все нормально.

– Извините меня, – открыв глаза, промолвила моя спутница, – я стала уставать даже от молчания, а так много я не болтала уже давно.

– Это вы должны простить меня за то, что я вас заставил.

Она засмеялась, вновь обретя прежнюю уверенность.

– Вашей вины нет, вы даже ни разу не перебили меня и не задавали вопросов. Вот я и разговорилась. Наверное, вы хотите меня еще о чем-то спросить?

– Спасибо, но на сегодня достаточно, надеюсь, мы еще увидимся.

Она меня поняла и неожиданно нагнулась, сняла туфли и, не обращая внимания на взгляды окружающих, босая направилась к выходу.

По возвращении нас встретила молодая сестра милосердия, недовольно глянула на меня. Я извинился.

– Завтра, капитан, будет очень красивый восход солнца. Я непременно буду на своем месте. Смотрите, не проспите, – и шутливо пригрозив мне пальчиком, сеньора направилась в дом.

Утром я проснулся рано, восточная часть неба только еще начинала светлеть, но когда я подъехал, она уже сидела на скамейке.

– Я так и знала, – произнесла она бодрым голосом. – Настоящие капитаны пунктуальны, никогда не опаздывают и не тратят зря времени. Через пять минут все начнется, смотрите, как меняют свои краски небо и море. Скоро смолкнет шум волн, море тоже будет любоваться восходом и радоваться новому дню.

Как удалось этой почти девятидесятилетней женщине сохранить такое романтическое восприятие окружающего, подумал я, ведь моложе ее на пятнадцать лет, но даже мне это не всегда удается.

– Смотрите, – на этот раз она произнесла полушепотом, – как появятся первые лучи. Если они уйдут высоко в небо, будет много хороших и теплых дней. Тогда и мне Господь подарит удачу.

– А зачем вам удача? – сорвалось у меня. Она посмотрела на меня с удивлением, и мне стало стыдно за глупый вопрос.

– Я отвечу вам потом. Вот они – смотрите!

В порозовевшем на востоке небе действительно блеснул изумрудно-зеленым едва заметный первый луч, а за ним устремились вверх другие, постепенно превращая горизонт и небо над ним в пурпурно-золотистое пламя. Показался верхний край диска, и лучи слились в три мощных потока, один из которых устремился высоко в небо, а два других распластались по обе стороны над поверхностью моря. На какое-то время стихии света и воды слились в один бушующий костер, остальной мир исчез. Так продолжалось до тех пор, пока диск солнца не оторвался от поверхности моря и, поднимаясь над ним и утрачивая власть над морем и горизонтом, стал превращаться в обычный огненный шар.

– Вот и наступил еще один день нашей жизни, капитан, – обратилась ко мне моя знакомая. – Когда-то я встречала его вот так же со своим Энрике. Сегодня вы разделили начало дня со мной, и я благодарна вам за это. Задавайте ваши вопросы, вчера я, простите, увлеклась. Так что же вас интересует? Ведь вы и без меня уже многое знаете об Испании.

– Если честно, то мне хотелось бы услышать ваше мнение о Франсиско Франко.

– Я догадывалась, что вы спросите меня об этом, но вам, человеку знакомому с войной и выросшему в СССР ответить просто – такое же, как у вас об Иосифе Сталине. Не будем говорить о Гражданской войне, большинство испанцев винят в ней и ту, и другую сторону, а кто из них больше уничтожил людей, разбираться уже ни к чему. Зачем тревожить души погибших, они захоронены в одной братской могиле.

Поведение каудильо во время Второй мировой войны показало, что генерал, прежде всего, – патриот и отдавать Испанию ни правым, ни левым, а тем более нацистам не собирался. Вы, вероятно, уже знаете, что Гитлер, в отличие от многих, не видел воз-

возможности соприкосновения с Франко и вынашивал планы перехода через Пиренеи с целью его свержения. Для этого он собрал и готовил сорок тысяч испанских рабочих в эмиграции во Франции и собирался использовать «Голубую дивизию» и ее командира генерала Аугустино Муньоса Грандеса. Он даже перебросил на юг Франции в Байону войска и авиацию. Кстати испанские баски были первыми пособниками Гитлера, и надеялись получить от него независимость, вот почему к ним до сих пор относятся с неприязнью.

С победой ваших войск под Сталинградом, Франко начал готовиться к нейтралитету. Уже тогда он выступал против войны с Россией, считая идею такой войны необоснованной, чем вызвал неудовольствие Уинстона Черчилля. Англичане, старые враги Испании, издавна мечтали захватить Канарские острова, не хотели отдавать Гибралтар, поэтому Франко пошел на уступки США, хотя они отобрали у испанцев много земли на американском континенте. Попросил от них гарантий, зная, что и американские спецслужбы готовили наемников в Мексике, как и англичане в Канаде и Англии. Как бы ни обвиняли Франко в симпатиях к нацистам, он устоял, а после войны стал проводить в Испании сильную социальную политику, что помогло ему сохранить режим на многие годы.

Эрике был представителем консервативной Испании и не одобрял, как он говорил, всяких либеральных штучек, был уверен, что Франко был типичным консервативом. Как и многие в Испании, он утверждал, что каудильо был всегда заинтересован в стабилизации общества и защищал «традиционные испанские ценности», основанные на католицизме, пытался создать средний класс для дальнейшего экономического развития страны. Не зря его завещанием было восстановление наиболее традиционной для Испании формы правления – монархии. Так считают многие исследователи и историки, так же считаю и я, жена испанского патриота Эрика Веласкеса, и испанка, несмотря на сербско-русское происхождение. – Последние слова она произнесла с гордостью.

– Ну и как я справилась с ответом? – повернулась она ко мне с улыбкой на лице.

– Блестяще! Я бы поставил вам высший бал за ответ.

– Тогда о чем бы вы еще хотели спросить?

– Немного подробнее рассказать о вашем муже, – не совсем уверенно попросил я. Улыбка сошла с ее лица, она немного задумалась.

– Понимаю, – продолжила она, – у вас, очевидно, не хватает информации для рассказа о нашей встрече. В данном случае ваше любопытство похвально, информация порождает размышления. При этом они оказывают определенное воздействие на человека, в зависимости от его интеллекта, как любил утверждать мой муж. Не удивляйтесь – как и сказанное мною о Франко, это я хорошо запомнила, когда переводила на русский одну из его работ для студентов, изучающих русский в университете. Простите меня, но со временем я все больше идеализирую мужа, теперь мне кажется, что он из-за встречи со мной не смог проявить себя ни как большой писатель, ни как ученый, хотя у него, как утверждали, были большие способности. (покороче бы Лени говорила!)

Сейчас любят говорить – большие деньги требуют тишины, а муж говорил – хорошие мысли тоже рождаются в тишине и одиночестве и как хорошее вино требуют выдержки. Люди зреют с годами, впитывая информацию, угадывая смысл происходящего. А еще он говорил, что наша голова это бутылка, в которой мозг – вино, и полученная информация дозревает в нем, иногда даже меняет содержание, наполняясь более глубоким смыслом. Открыв бутылку, (разумеется, образно) и лишая содержимого, мы как бы вынимаем из нее душу, превращаем ее в пустую тару, в никому ненужное стекло. Вот и моя голова постепенно превращается в бутылку, которая вскоре окажется пуста.

Я бы уже давно отправилась ТУДА, к нему, но не могу. Он слишком многое отдавал мне при жизни, исполняя мои прихоти, и вероятно потому не сделал всего, что мог. Вот и держусь я за жизнь, давая ему возможность отдохнуть от меня и найти себя ТАМ, на том свете.

Она замолчала и задумалась, но через некоторое время спохватилась.

– Простите меня, вы ведь, хотели узнать что-то о моем муже, а зачем это вам? Он уже никому не нужен на этом свете, кроме меня, ведь я очень любила и продолжаю любить его, своих детей да, эту страну – мою Испанию, и спасибо ей за все.

Говорят, каждому нужно жить там, где он родился, где живут родственники, могилы предков. Может быть, это и так, но не всем дано. «Для тех, кто был унесен безжалостным вихрем времени революций и войн, всегда будет не хватать Родины, ведь она у человека, как и мать, – одна», – говорил мой отец, когда вспоминал о России. Может быть, он был прав иначе, чем объяснить, что после нас с Энрике на земле ничего не остается.

Не прощаясь, она встала и остановила меня, чтобы я ее не провожал. Сделав несколько шагов, она обернулась:

– Я не ответила на ваш вопрос. Вы спрашивали, зачем мне нужна удача? Я очень хочу встретиться с Энрике и детьми хотя бы ТАМ. Ведь я так устала от одиночества.

Я приходил на берег еще несколько дней, но ее больше не видел. Вскоре мы улетели в Таллин, где обычно переживаем жару испанского лета. Возвратившись в сентябре в Испанию, узнал, что сеньора Вальдес больше в пансионат пенсионеров не приезжала.

Каждый раз, когда я встречаю восход солнца на берегу, я вспоминаю о ней и мысленно желаю ей удачи.

2010 год.

Резиденция Альдеа дель Мар,
Торревьеха, Испания.

Мария РОЗЕНБЛИТ (Таллин, Эстония)

КОЛЫБЕЛЬКА ИЗ ИВОВЫХ ПРУТЬЕВ

В детстве у Маши было прозвище – Баюшка. Прозвище как прозвище, бывают и хуже, но, тем не менее, оно Машу злило.

– У всех прозвища понятны, – рассуждала про себя Маша, – взять хотя бы Катьку-Тростинку или Аньку-Цыганку. Катьку её мама назвала так за удобу, а у Аньки, говорят, был прадед – цыган, у меня же – непонятно что, – сокрушалась Маша. И донимала свою маму и бабушку расспросами.

Те молчали или отделялись общими фразами. Про себя же Маша решила, что её прозвище как-то связано со сном, и старалась на всякий случай поменьше спать.

– Бабушка, признайся, это ты меня так прозвала, потому что я много спала в детстве, да? – в очередной раз приставала Маша с расспросами. – Почему «Баюшка», скажи?!

В то время Маше было восемь лет, и она с уверенностью считала, что её детство осталось в прошлом.

– Да чего же плохого в этом слове-то? – рассердилась бабка Александра. – Ну и спала, так что же? Благодаря этому и жива осталась, что спала-то!

– Бабушка, расскажи! – чуть ли не со слезами просила Маша.

– Малая ещё такое слушать, – ответила бабушка и, погрузнев, добавила:

– Подрастёшь – мать расскажет.

Прошли годы. Маша достигла того возраста, когда её прозвище и прозвища её сверстников забылись. Бабушку схоронили. Со временем бабушкой стала Машина мама – Катерина. Машины дети её любовно называли бабушкой Катей.

В один из летних отпусков, когда все съехались в дом бабушки Кати, на семейном совете было решено подремонтировать крышу дома. Начали с чистки чердака. Сколько же неожиданного извлекли оттуда! Особенно радовались дети.

Самой удачной для них оказалась находка колыбельки, сплетённой из ивовых прутьев. Покрыв колыбель серой пылью и паутиной, время этим утешилось, поскольку колыбелька была прочной и совсем не думала рассыпаться. Только дотошные дети, перевернув её на зелёной травке вверх дном, нашли два маленьких отверстия друг против друга. По размеру и форме они были одинаковыми и располагались ближе к доньшку. Машин самый младшенький улёгся в колыбельку, и дети с упоением стали раскачивать её во все стороны. Бабушка Катя, занятая хозяйственными хлопотами, наконец-то обратила внимание на визжащую от восторга детвору.

Увидев колыбельку, она нахмурилась и, подзвав Машу, сурово сказала:

– Вытащи оттуда ребёнка, а эту рухлядь брось в костёр – пусть сгорит!

И твёрдой походкой пошла в дом. Маша непонимающе посмотрела матери вслед, но послушаться не посмела. Отвлекла детвору и отправила колыбель в костёр.

Ивовые прутьики весело вспыхнули, Маша зачарованно на них смотрела.

– Это, наверное, моя колыбелька, – промелькнуло в сознании Маши. – Мне бабушка Александра говорила, что моя колыбель на чердаке. Но почему мама так расстроилась и велела её сжечь?

А потом, когда все улеглись на ночь, Катерина долго рассказывала о том, о чём Маша так хотела услышать в детстве от бабушки, но так и не услышала.

Шёл 1943 год, июнь. Немцы хозяйничали в селе. С утра ещё всё было тихо. Но уже к обеду все сельчане были охвачены тревогой. По главной сельской дороге колонной стали двигаться немцы в сторону районного центра.

Кое-где были слышны автоматные очереди, в некоторых дворах вспыхивали пожары.

Бабка Александра вывела всех домочадцев во двор. Их было трое – две дочери, Катька и Лидка, и младший сын Колька (остальные два – на фронте). Ещё был Катькин трёхмесячный ребёнок – девочка Маша. Катька как раз успела покормить её грудью и уложила спать в колыбельку. Днём колыбель подвешивали в сенях, у дальней стенки, напротив входной двери. В жару в сенях было прохладно, и если закрыть входную дощатую дверь – не донимали мухи. Бабка Александра, убедившись, что ребёнок спит, закрыла дверь на крючок, для надёжности поверх крючка воткнула палку, чтобы было понятно, что в доме никого нет, и отдала распоряжение:

– Прячьтесь все по отдельности под кусты и сидите тихо, не пикните, кто бы во двор ни зашёл! Когда немцы уйдут, тогда выйдем.

Спрятаться успели вовремя. Два немца (один из них пнул ногой калитку) вошли во двор. Катька сидела за огромным кустом смородины, который рос напротив двери в дом. Она прислушивалась с ужасом, не раздастся ли детский плач в сенях. Катерине всё хорошо было видно. Немцы явно спешили. Один подошёл к кусту со стороны, противоположной той, где сидела Катерина, и стал справлять малую нужду. От страха у Катерины одеревенели ноги, она сидела на корточках. Потом ужас, достигнув определённого предела, видимо, превратился в какую-то иную форму, поскольку Катерина вдруг стала рассматривать листья смородины и вспоминать, как выхаживала этот куст по весне после зимних заморозков.

Гортанный немецкий говор вернул страх на место. С дороги неслись окрики, видимо, поторапливая этих двоих. Немец, застегнув штаны, направился к выходу. Второй стоял среди двора, так и не решив, что же ему надо. Очередной окрик с улицы прозвучал приказом и для второго немца. От злости за бесполезную потерю времени немец поднял автомат и, дав длинную очередь по входной двери, побежал догонять колонну. В двери сразу же зачернели дыры от пуль.

Женщина за кустом вскрикнула и упала так, как если бы очередь из автомата была выпущена по ней...

Гул на дороге постепенно затихал, немцы уходили всё дальше. Старая Александра выползла из-за сарая, кликнув Кольку и Лидку.

Они слышали выстрел и крик Катерины. Подбежав к кусту смородины, увидели распластанное тело. В одной руке была зажата ветка смородины, вторая рука вытянулась по направлению к простреленной двери, за которой в сенях висела колыбель.

Лидка громко заголосила, Колька грязными кулаками тёр глаза. Александра присела возле Катерины и стала её ощупывать.

– Замолчите! – прикрикнула на детей. – Она не убита и даже не ранена, слава тебе, Господи, немец-то в дверь стрелял, а не в неё.

Александра осенила себя крестом.

– Колька, достань холодной воды из колодца, она в обмороке.

Пока Колька доставал воду из колодца, Лидка опасно коснулась руки сестры и спросила мать:

– Мама, а почему она в обмороке?

– От страха, – ответила Александра и, вздохнув, добавила: – А больше от горя.

Колька поднёс ведро. Лидка набирала ладонями воду и обрызгивала Катерину всю с ног до головы.

Сначала дрогнули веки – один раз, второй... потом Катерина открыла глаза. Увидев, что дочь пришла в себя, Александра обратилась к младшей:

– Ты, Лидка, протирай её водичкой, вот, возьми фартук, кончик намочи и протирай виски, грудь. А ты, Николай, иди за мной!

Александра с младшим сыном подошли к двери. Осмотрели дыры от пуль, которые были на одном уровне с колыбелью.

Прислушались. В сенях было тихо. Осторожно вынув палку и сняв крючок с петли, Александра тихо открыла дверь. Колька испуганно прятался за спиной матери.

Переступив порог, женщина застыла. Хоть колыбель была у стенки, зоркий глаз женщины увидел круглое отверстие от пули. Края ивовых прутьев почернели.

Подняв руки ко рту, женщина простонала:

– Господи, чем же младенец перед Тобой провинился!

Обернувшись к младшему, приказала:

– Возьми лопату, иди на огород. Там, возле грядки с луком, есть пустое место. Выкопай могилку, да не очень большую, по размеру колыбельки. Так в колыбельке и схороним, только одеяльцем обмотаем. Пусть колыбель тоже схоронится, чтобы Катьке душу не рвала. – Перекрестилась, про себя добавила: – Придёт, даст Бог, лучшее время – потом перезахороним.

С этими словами Александра повернулась и пошла к Катерине. Та уже сидела. К ней постепенно возвращалось сознание. Как только её глаза стали осмысленными, она взялась обеими руками за грудь и вскричала: – Боже мой, молоко идёт, мне же надо Машку кормить! – и стала подыматься с земли.

Александра, бросив младшей дочери: – Не пусти её, придержи, – повернулась обратно к дому, чтобы закрыть сени.

Но она не успела этого сделать. Одновременно с нею у двери оказалась Катерина. Две руки вцепились в крючок. Обе – материнские.

Так и осталось неизвестным, кто бы тогда победил. Потому что в это время подошёл Николай и со всей прямоотой обратился к матери:

– Мам, могилку я выкопал, но Машку я туда не понесу, хоть она и маленькая, а всё равно жутко.

Обе женщины убрали руки от двери и усталились на Кольку.

Старая Александра – рассерженно, Катька – непонимающе. Потом вдруг до сознания Катерины стал доходить смысл слов, сказанных Колькой. Но природа чувствует, когда человек на грани, и становится на его защиту – сначала у Катьки посинел подбородок, потом синева поползла выше к глазам и вискам, и, наконец, глаза закатились...

И если бы не дверь, она бы со всего роста брякнулась на землю. А так, слегка ударившись о дверь, медленно сползла вниз. Старая Александра гневно схватила Кольку за ухо:

– Когда ты поумнеешь, дурья твоя башка?!

И потом громче окликнула младшую дочь:

– Лида, неси воду, Кате опять плохо!

Но в это время из сеней послышался громкий детский плач. Он был требовательным и не допускающим никаких промедлений. Катерина очнулась. Открыв дверь, кинулась к колыбели. Взяв на руки дочь, вышла во двор. Она прижала ребёнка к груди двумя руками, как будто слилась с ним воедино.

– Баюшка ты моя, – прошептала Катерина. – Навеки теперь моя Баюшка. Господь тебя убаюкал и сохранил для меня! Благодарю тебя, Боже!

Лидка подошла с водой и, не зная самого страшного, восприняла всё происходящее как будто в порядке вещей. Колька опасливо поглядывал на маленькую Машку и пытался погладить её по головке.

Старая Александра молча опустила перед пробитой пулями дверь на колени и стала молиться. По её почерневшим щекам медленно катились слёзы.

Прошло уже более шестидесяти лет, и немца того, который прошёл автоматной очередью дверь, уже, наверное, нет в живых, а колыбелька из ивовых прутьев с двумя маленькими круглыми отверстиями, расположившихся так, чтобы я жила, всё качается перед моими глазами.

Таллин, 2008 г.

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ (Россия, Москва)

ДВОЕ, ТРОЕ, ДВОЕ

Никогда их отпуска не совпадали, в лучшем случае пересекались на недельку, и в такой малый срок они могли наконец-то побродить по окрестным полям и перелескам, посидеть в ложине у родника или у костерка в углу дачного участка. А в этом году им выпала удача: впервые за двадцать два года совместной жизни они – в разгар лета! – отправились на привычный отдых вдвоём, ну а если точнее, втроём. Третьим был пёс Альт. В прежние годы Альт, тоже исконный любитель вольных просторов, большей частью сопровождал кому-то одному: или Любе – жене, или ему – Валерию. И всё же Альт, радуясь и такому раскладу, чуточку грустил. В выходные же дни, когда стая (по его, собачьему, понятию) воссоединялась, Альт преображался и глаза его светились тихим ликованием.

... Вот он, положив голову на вытянутые лапы, сладко подрёмывает на зелёной скамейке под каштаном... А вот на красных плитках дорожки появляется Она. Альт её сразу учуял; он дремлет, но трепетные его ноздри и уши не спят. Веки поднимаются, и глаза сопровождают её до самого цветника. А вот из-за угла бани появляется Он. Он идёт по той же красной дорожке к дому. Полуприкрытые глаза сопровождают теперь Его. Альт встаёт, встряхивается и меняет позицию – уходит на веранду. Но и оттуда, из-за стекла, с высокого кресла, он отслеживает все перемещения по участку – и Его, и Её, и пронырливой соседской кошки. В будничной жизни он их, кошек, котов, ежей, не замечает, они ему ни к чему. Но в такой-то день (когда стая в сборе) – извините... Альт вылетает с лаем из своего укрытия – и кошка мигом исчезает под забором. Да что там кошка! Достается своя звонкая порция лая и доброму его знакомцу, соседу, посмевавшему проехать на велосипеде мимо ворот – в такой-то день!

В начальные отпускные дни Альту исполнилось восемнадцать лет. Он уже года два назад заметно постарел. С сочувственной болью они смотрели, как Альт совсем уж бережно, почти робко берёт с ладони праздничное угощение – кусочки шоколада, тщательно пережёвывая левым рядом зубов, правые же повалились подгнившим заборцем и оттого губа оттопырилась и надулась, будто Альт на них, на своих, малость обиделся. Хотя и кажется крепким его небольшое чёрное тело, тронутое там и сям сединою, хотя вроде и быстры в случайном радостном беге его лапы, но уже нет у него, судя по поведению, былой остроты зрения и слуха и не пойдёшь безоглядно кружить с ним по полям да перелескам, да оврагам. Семенит за Валерой, семенит за Любой след в след, будто малыш несмышлёный, будто боится потеряться. А может, и точно боится? И тепла ему уже явно не хватает: прикроют в летний день знакомые руки половинкой старой дублёнки – вздохнёт и положит голову на лапы, причмокнет звучно – и уйдёт в сны своей юности.

... несётся по зелёному лужку близ синей Оки, несётся по кругу за беленькой подружкой Майкой, не чуя под собою мелькающих в воздухе лап, а бабушка Таня, старинной куколкой одетая хозяйка Майки, сидит на лавочке у дома да, всплещивая руками, приговаривает:

– Ай да жаних! Ай да какой!

И вот сидят они рядышком, ошалелые от бега и счастья, и, высунув языки, глядят невидящими глазами в заречную даль.

... кочка шевельнулась, подпрыгнула! Зайчишка-русак! Подпрыгнул и метнулся краем поляны к мелкому ельничку. Вот тут-то и взвизгнул звонко он, Альт, и кинулся

по следу... О, как он несётся-летит по стриженному клеверному полю!..

Голова Альта вздрагивает, он сучит передними лапами и дважды выдыхает приглушённо: «Ав-в!.. Ав-в!..»

В тихую музыку, выплывающую из радиоприёмника, в негромкий разговор Её и Его вмешиваются другие голоса. Альт открывает глаза, поворачивает голову и понимает, что другие голоса – это соседи Её и Его. Он привстаёт под своим меховым покрывалом и вытягивает одну заднюю лапу, потом – другую... Приободрившись, он встряхивается и легко спрыгивает с диванчика.

Когда стол уже наскоро накрыт, и ароматы всё плотнее, всё гуще заволакивают веранду, когда уже слышится знакомое «Давненько не виделись... Может, за это и...», Альт кладёт лапу на край стола и выдыхает клокочущее:

– Ур-р-р– рэ!..

Первым спохватывается сосед и хлопает себя по коленке.

– Что же мы, такие добрые, старика забыли!

Люба ойкает и вскакивает с места.

Валерий смущённо оглядывается на пса, видит его отливающие тёмным фиолетом глаза и перед ним – в который уже раз! – распахивается давняя февральская картина.

... Ветер вздымает облака снежной пыли, гонит их на возвышенность, где голубеет новый дом. Валерий расстёгивает ошейник и отпускает Альта на волю.

– Гулять, Альт, гулять!

Альт, даже не покружив для порядка, прыжками уносится вверх по склону, в белую крутоверть, к новому дому. Бежать за ним, одолевая снежную кручу? Звать? Кричать?

Валерий, сунув поводок в карман, закуривает. Ну и сволочь! А если там собачья драка? Вон какой там лай слышится... Ну и Альт! Да они тебя в клочья порвут. Если сунешься!

Он бросает сигарету в снег и стоит, ждёт. Чего?

Минут через пятнадцать Альт выныривает из снежной мути и, остановившись шагах в пяти от Валерия, ложится в снег и ползёт к нему, как провинившийся раб, глядя в его гневные глаза.

Валерий, сложив поводок вдвое, размахивается и ... Рюмка в его руке дрожит, и он, не дождавшись тоста, опустошает её. Альт неторопливо берёт из привычной миски кусочки пахучего варева и неторопливо ест. Потом снова обнюхивает содержимое посудинки, облизывает усы и продолжает трапезу...

Альт появился у Метелицыных в начале их совместного житья. А было это так. Молодой и, похоже, бесшабашный охотник из Зауралья, некто Редков, передавая посылку от бывшего однокурсника, сказал между прочим, что хочет купить хорошего щенка – для д е л а. Через неделю, погостив у каких-то знакомых, припухший лицом Редков снова появился у Метелицыных (чтобы захватить с собой ответные дары товарищу Валерия) и опять-таки между прочим сказал, что хочет утопить купленного щенка.

– Искал себе, понимаешь, работника... А мне что подсунули? Терьера, ягда мелкотравчатого! Знающий человек сказал. Вот так-то! Вон он какой, гляньте!

И вытащил из-за пазухи полушубка чёрный пушистый комок.

Люба, добрая душа, конечно же, пожалела беззащитное существо и попросила Редкова отдать его им; мол, она отдаст денька через два или три кому-нибудь из знакомых – в добрые руки.

Прошла неделя, потом – другая... «Добрых рук» среди знакомых не оказалось, а вот они сами к щенку-увальню незаметно привыкли. Альтом же щенок стал из-за своего звончатого голоса. Охотничьим псом, даже «мелкотравчатым», Альт, ясное дело, не стал, поскольку охотников в доме не было, а вот семейный климат явно умягчал и, может быть, даже облагораживал. К примеру, бытовые стычки, большие или малые,

пресекал на корню резким лаем или требованием ласки и внимания к себе, то есть плачивал стаю. Так Альт стал для Любочки и Валеры вроде младшего братишки или...

Умер Альт тихо, ничем, кажется, не нарушив их летнего сна. Повозился, как обычно, укладываясь спать на своём коврик, потом (Любовь вроде слышала) глубоко вздохнул... А ночью, мягко вспрыгнув на диван, втиснулся между ними. Видимо, его познабливало. Когда же его тело успокоилось от их тепла, Альт задремал, засопел с хрипотцой. Под утро (Валерий вроде слышал) Альт неловко сполз на пол и забрался под диван. А утром... Утром среди вольных просторов их стало двое.

ИСКРИТСЯ СНЕГ

В начале все топтались в неглубоком снегу, стоя на обочине и подтрунивали над Данилой: вот, мол, себе отменную квартиру купил... а какую машину... загородный дом строит... по заграницам ездит... а родители... а у родителей такой скромный дачный домик... нет, Данька жадина, сто пудов, жадина... на ком, балбес, экономит... Но совесть его перед родителями была чиста (он не раз предлагал построить новый дом, ответ же был один: нам так привычно, уютно, хорошо), и он тоже смеялся от души – и над своими несовершенствами, и над дурашливостью приятелей. Когда смешки поиссякли, он показал, куда лучше поставить машины – у забора, перед фасадом дома, распахнул калитку и, сияя глазами, радушным жестом пригласил всех: прощу!..

Пока Данила, Андрей и Степан выкладывали содержимое своих пакетов на стол, заполняли снедь и напитками холодильник, жены, быстренько сняв сапоги, отправились инспектировать комнаты; собственно их было три: одна поменьше, в которой шуршали пакетами их мужья, и две побольше – спальни. В оконных проёмах – плотные деревянные рамы, укрытые шторами и занавесками, на полу – серые паласы... Ага, есть батареи отопления... На стенах из бруса висят бра... Люстры – кто-то щёлкнул выключателем – светят... Диван-кровать... Ещё диван-кровать... Полы тёплые, значит, есть автоматический подогрев... Ага, это душ, тут – туалет... Лестница на мансарду... Жить можно, да? Конечно, можно.

– Даня, а знаешь, ничего... – сказала Оля, снимая меховую курточку.

– Это всё батя обустроивал. Он же был военным инженером... Теперь к нему соседи приходят, смотрят, советуются... Ну, батареи я привёз...

Остальное – он сам...

– И за что же мы выпьем – спросила поигрывая бокалом красного вина, Люда.

Вот именно, за что? – поддержала её Юля.

Тут и думать нечего, – ответил Андрей. – Мой тост такой за наших стариков! – и добавил коротко своё привычное: Ура!

... – А когда мы в прошлом году отдыхали в Турции, меня эти местные жигало замучили, – рассказывала Оля. – Чуть отойдёшь от Андрея – тут как тут: “Эй, Наташка, пайдём купатыца!” Вот балбесы...

– Ну ты же белая женщина, аппетитная...

– Ага! Не подавятся?

– А мы туда больше не ездецы, – сказала Юля.

– Не ездоки, – поправил жену Данила.

– Ну не ездоки... Примелькалось всё.

– А я вот теперь вернусь домой, сяду за комп, и всем знакомым сброшу на аську: “А вы ездецы в Турцию или не ездецы?”

– А мы с Любой в Китай махнём летом, – сказал Степан. – Да, Любань? Хотя и во Вьетнаме неплохо. Помнишь – по реке на лодках?.. Класс!

Данила встал, включил музыку и погасил верхний свет. За стеклянной дверцей железного камина плескался огонь, обвивая березовые поленья; мягко светились раскалённые угли... Отсветы огня играли на лицах, на спинах, на стенах, на потолке... Все разом притихли.

– Смотрите, сказала шёпотом Люба, какой идет снежок на улице... Прямо как в новогоднюю ночь... Помню, – продолжала она чуть погромче, – как в деревне у бабушки и у дедушки на зимних каникулах была. Вечером такой пушистый, такой чистый снег падал, а утром я вышла на крыльцо... Все деревья, все ветки из ваты будто – и тихо-тихо...

– А я помню, как мы с папой снежную бабу лепили, – негромко сказала Юля.

– А меня там не видела? – Рассмеялся Андрей. – Я тоже в парке лепил снеговика. Только – с мамой. А папа дул пиво в пивной точке, с народом болтал. Реальный мужик был...

– а утро... снегири... такие алые!

– Мальчишки-девочки! – сказал, вставая, Степан. – Предлагаю выйти на улицу, подышать озоном. Как, годится?

– Зачётное предложение, – кивнул Данила.

– Мы согласны! – встали девочки-жёны.

Мальчишки-мужья тоже встали.

Остановились на перекрёстке

Под светом фонаря сеялся снежок.

Искрится снег! Ой, как искрится!.. Смотрите!

Тёмное небо во всю ширь усыпано звёздами. Оно, кажется, внимает сейчас посвежевшей земле...

А вон там, над лесом, месяц!

А какая тишина!..

Далеко-далеко огоньки какие-то...

Там посёлок Новый, – пояснил Данила. – А правее – Ипатьево и Изверино. Сёла. В Изверине церковь интересная, старинная.

Изверино? Звери?

Да уж, звери... Видимо, люди там когда-то устали жить без веры, изверились.

А теперь каждый кузнец своего счастья. Или – несчастья. Так?

В десятку.

Снег уже не поскрипывал под ногами, снег визжал.

Морозец, однако, ребята.

В тёплую-тёплую нору и бай-бай?..

Угу!

Проснулся Степан от какого-то неясного шёпота. Спросонья он не сразу сообразил, где он. А-а!.. На даче у родителей Даньки! Какие-то два силуэта у окна... Кто? Так, вон тот, наверное, Люба, жена. А второй?... Юлька, что ли? Вроде – она.

Шу-шу-шу... О чём это они?..

... про любовь... И у Бакунина... да-а...

У Бакунина? У анархиста главного?..

Да нет!.. У Бэ Акунина! У Бориса!..

Степан закрыл глаза.

... – “Голубое сало” ... Да, Сорокин... Вот “Опричник” – совсем круто! А ты у меня возьми...

“Книжницы! Балбески ночные!”..

Степан снова увидел белый ночной перекрёсток под фонарём. Сеялся искристый снежок, как бриллиантики микроскопические... или крошечные звезды из тёмной бездны...

Бум-м!.. Кто-то двинул во сне пяткой по стене. Через приоткрытую дверь в соседней комнате слышалось негромкое бу-бу-бу... Там Андрей с женой. Тоже не спят, значит. Может, и Данюха не уснул? Неужели всем им стало просто хорошо под этой тихой заснеженной крышей – и теперь, ночью, почему-то не спится?

МОЙРА

Седая косичка, схваченная зелёной девчоночьей резинкой, тёмная потёртая куртка на невысокой фигурке, тяжёлые мужские ботинки на ногах – всё это, немного, говорило о неуюте её быта и одиночестве, пускай и в большом, густо населённом людьми городе...

В такие апрельские дни, когда в мире заметно прибавляется света, когда день как-то сам собой становится долог и очень хочется жить, когда деревья и кусты во дворах и скверах усыпаны щебетом почти не заметных глазу птиц, когда неодолимо тянет гулять по окрестности и смотреть вверх, вокруг, под ноги, с тихой радостью замечая явные признаки новой поры – игриво вылепленное воздушным потоком облачко,

Первые травинки, жёсткие профили домов, смягчённые щедрым солнцем, женщин, легко расставшихся с красивой обувью – зимней одеждой (я им с удовольствием сочувствую), тёплый затишок у станции метро, где примостились на распластанных картонных коробках небритые низкорослые люди без своего угла и малого достатка (щурятся, неловко улыбаются... перезимовали...).

Она остановилась у круглого серого куста боярышника на краю просторной лужайки, утыканной редкими зелёными иголками травы, и плавно повела рукой в воздухе, будто бы давая знак невидимому оркестру. Но музыканты не откликнулись – и она начала свою речь.

– Что, что случилось? Почему не явились сюда светлые головы? Почему, когда тяжело... Оправдания не принимаю!.. Нечисть корчит рожи, хохочет, пляшет полунагая, разжигает похоть, кричит: дай-дай-дай! Посмотрите телевизор!.. Почему никто не учит добру и скромности? Оправдания не принимаю!.. Почему не лелеют отцов и матерей... бабушек и дедушек... детей? Ваши возражения смешны!..

Редкие прохожие в парке. Привычный шум проспекта за станцией метро. Просторное голубое небо.

... и неправда! А чтобы “дай-дай” вам дали, нужно пойти и умереть другим. Вы боитесь вида своей крови,

Вы не хотите брать в руки оружие! Вы хотите, чтобы другие добывали вам “дай-дай”! Вы хотите погубить леса и реки, изрыть мать-землю! Вам мало куска хлеба, вам много всякого дай-дай! Игрушек всяких дай-дай! Такой жор, такой жор! Вы сожрёте будущее! Все остряки, все остряки!.. А за остротами – о... да, какой острый ум! – мелкие, жалкие, жадные жабёныши. Да-да! Жабёныши! Светские львы! Светские львицы! Живых львов, живое губите, а хотите сам быть львами... Ваши возражения смешны! Вы боитесь жить как люди и умирать как люди! Где светлые головы? Где лица?.. Рожи, нечисть!..

Мощёная серой брусчаткой дорожка, помалу закругляясь, вела меня обратно, к входу-выходу, прогулка по парку заканчивалась.

Странно, – думал я, – неужели вот звонко тинькающие синицы и прочие посвистывающие птицы напрочь забывают карканье ворон? Вроде маячат там и сям на деревьях, а не слышно их. Или заворожило их пустячное и веселое щебетанье?

На проспекте вправо-влево лихо летели -улетали машины; сновали люди; сияло солнце; бурлил пропахший выхлопами ветерок... Апрель господствовал!

Странно, – думал я, – уходя вглубь знакомых дворов, – очень странно устроен человек. Возьмём, к примеру, такой аспект, как обращение – “вы”. Помню, как-то на

пешеходном переходе девушка обозвала идущих ей навстречу мужчин – козлами, в том числе и меня. Да-да, вот сразу – зло: “Все вы –козлы!..” Может быть, кто задел её плечо, а может, просто – по настроению. И теперь вот нет-нет – то утром ясным, то перед сном – да зазвенит из ниоткуда: “Все вы...”. Мог бы мысленно отмахнуться: не мне это адресовано, при чём тут я, да никак не удаётся. Или вот сегодняшняя пророчица-ведунья... К кому она обращалась, стоя у пустынной поляны-лужайки? К серому колючему кусту? К дальним случайным прохожим? Ко всему миру?.. Но её горячечную речь (пророчество, проповедь) слышал, похоже, только я. Теперь наверняка приму её обращение “вы” на себя и, следовательно, все обвинения, все догадки о сути моего современника и прочее, приму и... Понимаю: возможно, весна, апрель, обострение болезни... И всё же... Я не видный деятель и не “дай-дай!”, я частный человек, я не наворотил чего-то такого, чтоб ужасались близкие люди, я особо не шумлю, для себя ничего не требую, я почти чист перед народом и собою, хотя, если вспомнить простые высочайшие заповеди, то, конечно, как сказать...

Хорошо еще, что не обернулся, проходя мимо неё, не увидел её лица, её взгляда, а только – седую прядь с зелёным детским колечком...

ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО

За сорок лет у Георгия Васильевича Трефилова скопилось немалое богатство – свидетельства о жизни знакомых ему современников на этой земле, то есть их светописные портреты.

Вот Юра Воробьёв на своём самом первом празднике – на родинах. А поскольку это был год шестьдесят второй, кажется, и не миновать ему было своего имени – Юрий; его тёзка, Гагарин, невольно заставил всё человечество по-новому взглянуть в надмирные высоты и, может быть, иначе глянуть на земное...

Вот Егор Демьянович Бондарев... Когда он медленно шёл по улицам Трубежа, мужики и бабы желали ему здоровья, величая по имени-отчеству; никаких там «дед» или «дедка» и прочее... Детвора тихонько обходила его стороной, видимо, ввиду его рослой мощной фигуры и огромных кулаков. Но был ли кто в округе безобиднее этого восьмидесятилетнего старика? Тихая полуулыбка под седыми усами, мерно гудящий в груди голос, василькового цвета глаза... – всё, скорее, располагало к себе встречного человека, чем настораживало. Уходящая натура, думал о нём ещё в ту пору Георгий Васильевич. Вот какие деды и прадеды были у нас! Проходили через многое и разное и оставались самими собою. Сейчас же посидел кто-либо два-три года в тюрьме – и всё, отвык от человеческой жизни. Нет в таком внутренней крепости. Снова лови его, милиция... А Егор Демьянович и в германскую воевал, и Великую Отечественную, и румынский плен прошёл под Одессой... И кто о нём здесь хоть одно худое слово сказал? Кому он свои награды в глаза тыкал? Если бы не разговорчивые соседи, то и не знал бы о них никто. Живёт человек человеком.

Или вот тётка Настя... Дочь вырастила, замуж выдала. Одна свой век доживала. Погладит ладонью ствол старой ракиты, которую муж перед войной посадил, вздохнёт: «Эх, Данила, Данила...» Вот и всё, что услышишь о её переживаниях. Чаша горя была общая, а отхлёбывал из неё каждый отдельно от других, но выходило всем, считай, поровну.

Так... А это – фотографии Саньки Горелова. Это он заснял его на крестинах. Не лицо ещё, а личико... Это – Санька на проводах в армию... А тут он на своей свадьбе... Счастливый... Да, а лет через пять-семь жена уехала к другому, и Санька, красавец – парень, повесился...

Другой конвент... Коля Сапрыкин... Своим же трактором грудную клетку раздал у забора...

Тут... тут Саша Кармазин . Гитара, гармонь, мандолина – всё пело-играло в его руках!.. Спился, умер.

А это фотографии для совхозной Доски почёта...

Достойнейшие люди были перед его объективом!

Что ж, не снимал он на цветную плёнку и, наверное, не будет... Документирование вех жизни не нуждается в цвете.

– Ну вот, Егорка, и шестьдесят пять тебе скоро отметим, – сказала недавно жена. – Давай – в школе? В актовом зале? Ты же у нас свой человек... Да, вот и будешь ты старик. Законный. То есть будешь идти позади конного, всадника, защитника. А потом и я к тебе присоединюсь. Вдвоём будем идти в спокойствии и беззаботности. Сейчас дети, а потом внуки в сложном случае кусок хлеба обеспечат, так ведь?

– Я – старик?

Жена увидела в его взгляде неожиданную растерянность.

– Да что ты, что ты! Это я вовсе не к месту ляпнула. Какой же ты старик! Вон как ласково по плечу гладить да и за бочок крепко хватаешь. А коли ты такой озорной, то вовсе, выходит, и не старик, а зрелый, в соку, мужчина. Так ведь?

Пой, птичка, пой, усмехнулся Георгий Васильевич, вспомнив слова жены. Он стоял, ухватившись за колья ограды сада, точно рулевой матрос парусника. В какие зелёные дали нёс его судно тёплый майский ветер? Обогнуть бы хоть раз в жизни земной шар, увидеть масштаб планеты, на которой живёшь! Увидеть Африку – не по телевизору, а въяве! Постоять, похрустеть песочком на белом пляже в Рио-де-Жанейро (река птиц, вспомнил он дословный перевод), а потом махнуть в гости к старику Фиделю; скучает, небось, без яркого, горячего дела Фидель... Поговорить о былом, о том, что помнит он, и том, что помню я... Вот он действительно может называться стариком: как-никак девятый десяток... Легко ли было рулить страной рядом с Островом сокровищ, где верховодят маньяки, поставившие на алтарь денежный мешок? Э, нелегко! Да, Фидель видел многое, был вожаком и участником великих дел. А я... В семнадцать лет сломал неудачно ногу – и всё: прыг-скок... вперевалочку...

Трефилов повернул голову и увидел, что за огородами, на автобусной остановке, стоят двое подростков и смотрят в его сторону. Вот, наверное, переговариваются: мол, что это старик уцепился руками за колья? Да какой я старик, обиделся Георгий Васильевич, ну и что, что борода окладистая, она же аккуратно подстрижена; да и на голове не космы – седой ёжик! Я – зрелый крепкий мужчина и до стариковского звания мне ещё жить да жить! Ребята отвернулись, стали вдвоём рассматривать газету и тыкать в неё пальцами. Ну вот сообразили, а то устались... Ребята вы неплохие, Толи Кузьмичёва сыновья, но зачем же так смотреть, не тактично ведь...

А была ли полной его жизнь? Что он видел? Что понял?

Ну, давай загибать пальцы... Реки, речки, поля, луга да холмы видел? Видел. Зимы, вёсны, летние деньки, осенние дни и ночи видел? Видел. Плугом землю пахал? Пахал. Лунными ночами с ватагою парней и девчат сиживал? Бывал в ночном? Влюблялся?

Пальцы пришлось загибать по второму разу.

А не его ли фотопанорама села Трубеж висит в Доме Культуры? Его. А сколько поколений земляков сидело перед его камерой на треноге? Матёрые старики и улыбочивые старухи. Бывшие фронтовики и послевоенные люди. Их дети и внуки. Снимки на память. На паспорта. На военные билеты. Крестины. Дни свадеб. Похороны. Его работы – в семейных альбомах. В личных делах и архивах – здесь, в Трубеже, и в разных городах страны... Полстены занимает в доме стеллаж с негативами и интересными (ему) отпечатками. Много это? Мало?

Утром, подравнивая ножницами бороду, он вспомнил ночной сон.

... Он вышел из районной библиотеки и направился к дому друга-одноклассника. На пустыре он заметил, что за ним увязались отъявленные бандиты. Они и не

скрывали, что идут именно за ним. Наглые ухмылки. В руках ножи и молотки. Будут убивать, понял он. И стал карабкаться всё быстрее и быстрее на кучу гравия, которая возникла на его пути... А покалеченная нога всё чаще оступалась, оскальзывалась... Кирпичный дом, где на третьем этаже живёт его друг, вон он, рядом, рукой подать... А поганые, наглые рожи всё ближе, полукругом, гонят его, будто зверя...

Пустое, решил он, бессмысленный сон, тут нет и намёка на старость, нечто подобное снилось ему и в молодые годы... Что-то блеснуло в глубине зеркала, даже на миг ослепило... Нож?.. Он вздрогнул. Фу т-ты, прости Господи! Да это же ножницы! Лучик попал...

– Не боишься? – раздался голос жены за спиной.

– Чего? – От неожиданности он опешил. – Старости?

– Какой старости, дурачок! – Жена рассмеялась. Он явно развеселил её. – Не боишься, говорю, что сорока тебя украдёт? Вон какой: рубашка белая, волосы сияют, борода сияет... Ну чем не ваше сиятельство? Весь молодой, звонкий!

– Сам чувствую что-то такое.

Трефилов. Георгий. Васильевич. Так... Морщин всего ничего. Глаза голубые, ясные. Нос... нос, как и прежде, прямой. Усы, короткая борода... Как у писателя... у этого, друга Фиделя... Так... Губы чётко, по-прежнему, держатся... Спину держит прямо. Плечи прямые, крепкие... Ну?..

– Ну и... Ну и чего вы желаете, ваше сиятельство? Наград? Почестей?

– Нет, не желаю.

– Другой судьбы?

– Не желаю.

– Счастья?

– Я уже подумал вчера... Я счастливый человек.

– Искупления грехов, если таковые были?

– Думаю, были. Но искупить грехи трудно. Наверное, очень даже трудно. Получится ли?

– Главное тут – осознание их, раскаяние и делание добра.

(Пауза.)

– Простите... Но сегодня воскресенье... И, может быть, стоит – любви и настроения ради – украсить стол графинчиком домашней настойки с вишнёвым листом?

(Пауза.)

– Надюша!..

Владимир СУТЫРИН (Россия)**СТРАННЫЙ ПРАЗДНИК**

Из цикла «Eхercісы на оборотках»

Нет, всё-таки, что ни говори, странный это праздник – 9 мая. Мы тут цветы возлагаем, погибших вспоминаем, песни прежние поём и слушаем. А весь остальной мир как бы и ни при чём...

Вот тёща моя, труженица тыла, хвалится: «Мне сегодня из Италии даже Танечка позвонила, поздравила!»

«Ну, здóрово, – отвечаю, помогая тёще подвязывать ветку в саду (А Танечка – это её внучка, замужем за итальянским латифундистом). – Они там – у себя – тоже, небось, празднуют».

«Не-ет, – отвечает всеведущая тёща. – Они же воевали на другой стороне...»

«Ох, точно...», – вспоминаю я расклад Второй мировой и даже как-то не верится, что Италия лишена этого весеннего праздника лишь потому, что исторически более полувека назад поставила не на ту лошадку...

Хотя ведь и там сражались партизаны, которые изловили и повесили дуче за «уды тайныя», там же и крупнейшая в капиталистическом мире компартия была. Но все уже давно пошло прахом – партизаны вымерли, партия самораспустилась... А Танечка (обладательница двух паспортов – нашего и тамошнего) всё равно будет отмечать этот праздник в своём новом доме, пригласив одноклассницу Надю, которая тоже удачно вышла замуж в эту же лигурийскую деревню. Я не знаю, о чём они станут разговаривать за столом – эти две молодые жены. Но песни петь будут точно – про синий платочек, Катюшу, ещё про что-то. И слезу пустят по-бабьи – то ли в солидарность с соотечественниками, то из ностальгии... Их итальянские мужья будут уважительно слушать: у них не проходит очарованность русскими жёнами, которые ведут себя здесь не по-итальянски активно, во всё местное вникают, выучили язык и уже поступили в местные вузы – надо же вживаться по-настоящему!

Итальянки другие. Если уж домохозяйки, то сугубые. Их материя не в небе, а под ногами. Выше пиццы и кьянти не летают. Феллини, Антониони для них – названия магазинов...

Но ведь были же и у них песни «Bella ciao» и «Bandiera rossa»! Нынче красный цвет здесь не в моде – всемирная полихромия, это да. Пусть цветут все цветы! Может, отсюда и рост смешанных браков...

Однако прошлое проросло и в нынешних итальянцах, не воевавших с Адольфом Гитлером. У того же Танечиного мужа было два деда, и прямо по В. Шекспиру один был фашистом, а другой – коммунистом. Но политические пристрастия XX века – это не родовые предрассудки XVI столетия, и дети разных родов беспрепятственно сошлись во взаимной любви, и поножовщины между этими «монтекки» и «капулетти» не возникло. Да и чего махать кинжалом, когда сторонник Муссолини оказался в политическом проигрыше. Ему бы на наш манер сменить мировоззрение и записаться демократом, все, глядишь, стало бы тип-топ – «колебался мол с линией партии». Ан не так!

Этот неизвестный мне синьор остался при своих убеждениях, и до конца жизни общая родня чуралась его – то ли за тяжёлый характер, то ли за чёрную рубашку, носимую им в молодости. Нынче его уже нет в живых.

О втором деде, коммунисте, мне известно ещё меньше. Видимо, в силу интернационалистской доктрины он был более открытым человеком, и его этакие взгляды проклаюнулись во внуке, любителе русской экзотики и наследнике большого хозяйства...

После обеда на меня с поздравлениями по поводу 9 мая вышла на связь по e-mail

бывшая сокурсница Ирина. Эта уже третий десяток лет тянет счастливую супружескую лямку в другой загранице – Болгарии.

«Сегодня вечером, – написала она, – мы соберёмся в Димитровграде: русские жены и местные русофилы, числом где-то в 100 чел., и от души пообщаемся в связи с праздником».

«А что же, – подумалось мне, – на официальном уровне в стране, освобождённой Красной Армией, ничего не состоится?...» – И снова, как удар по лбу: «Да ведь и эти воевали на стороне оси : Берлин – Рим – Токио...»

Ёкорный бабай! Как мы завязли в клише былой пропаганды – болгары наши братушки, мы их спасли от полного истребления османами, мы их освободили в 1944 г., они в благодарность соорудили самый высокий памятник русскому солдату – «Алёшу»... И вдруг отрезвление: и в Первую мировую, и во Вторую – эти премилые братушки воевали против православной Сербии и, стало быть, против нас... Это как понять? «А никак, – говорила нам пропаганда. – Не думайте об этом. И всё! Это ихний царь-коллаборационист был немецких кровей, он и направил». Однако и наш Николаус был по крови абсолютно не русским, но ведь не предал православной веры. Царицу-то подозревали в измене, а Николая – нет (хотя позже Россию он всё же бросил, отрекшись от венца, но тут дело не в крови вовсе...)

И уже совсем вечером, когда по ТВ показали отчёт о праздничном параде на Красной площади, когда всё вокруг гремело, сияло и даже лоснилось, я вдруг ощутил какое-то щемящее чувство ненастоящего. Меня всегда раздражали эти ряженые в новую форму ветераны, которые много-много лет назад выполнили свой гражданский долг, а теперь, как по обязанности, ежегодно отрабатывают то, что остались живы и доскрипели на лекарствах и протезах до сего дня, как будто бы не Господь Бог и не судьба сохранили им жизнь, а эта всемилостивая светская власть, что покачивала плечами в габардине сначала на гранитной трибуне, а теперь спустилась вниз, поближе к народу.

Отчего прячется власть за этих стариков в бесчисленных наградах – может, потому что легче штамповать юбилейную бронзу и латунь, чем реально обеспечить каждому из них бесплатное существование по всем статьям бытия?... Да, типовой памятник посмертно им установят за счёт государства, но почему при жизни эти жалкие уже остатки «бессмертного гарнизона» не могут быть помещены в свою ветеранскую «Рублёвку», где в покое и пении птиц догрызли бы оставшиеся семечки-дни?..

Наверное, потому что власти предпочтительнее дешевле прикрыться ряжеными во всё новое дряхлыми героями минувших лет, нежели вырастить в реалии героев молодых – тех, кто должен **сегодня защищать страну и народ**, а не строить дачи «товарищам генералам» и калечить друг друга во время «дедовских» забав.

Отчего каждый раз, проходя мимо общественной бани, где по четвергам моют солдат местного гарнизона, я вижу не пышущих здоровьем парней в погонах, а задохликов с опущенными плечами, в штанах с по- уставному вытянутыми коленями, которые клячат у прохожих по «несколько рублей» – не на пиво (заметьте!), а на чипсы или что-то другое съестное?..

Да, таких на парад не пошлешь. Они, как крестьяне некрасовской деревни Терпигорево, будут исполнять свою гражданскую повинность на плацу – за высоким забором (чтоб не разбежались ещё до первого выстрела).

Помнится, в послевоенные 50-е годы стоило только солдату появиться на нашей улице – мы, пацанята, срывались со двора и бежали смотреть на него: для нас этот солдат был полпредом великой армии Победы, Пересветом и Александром Матросовым в одном лице, хотя сам, конечно, по возрасту повоевать не успел... А сегодня от солдата на улице шарахаются, как от погорельца, гастарбайтера, а то и бомжа – столь жалок облик этого воина, а в глазах его – вечная вина, как у героя картины Ф. Решетникова «Опять двойка»...

А ведь лицо армии – это лицо государства. И внутреннее здоровье армии – это диагноз всего государственного организма... Вот почему на парадах 9 мая до сих пор маршируют те, кто шёл защищать Родину добровольно, осознанно, а не для «прикола» или из-за красивой формы и фронтовых 100 грамм... Они бы и дальше безропотно откликнулись на призыв протопать по брусчатке, да скоро вряд ли оторвут свои спины от теплых лежанок и разогнут коленные суставы... Неужели тогда и празднование 9 мая прекратится?..

И я снова обратился душой к скромной, хотя и не бедной, гостинице в итальянской деревне, к дому культуры в болгарском городке, где русские люди, лишённые по счастью «высокой заботы» отечественного начальства, сами, по велению сердца, встретились друг с другом и отметили этот странный для Европы праздник, и не было у них ни блеска труб, ни рева авиатурбин над головой, а слёзы на глазах – были.

Александр УРИС (Эстония, Нарва)

(Цикл: Дачные истории)

Держись, брат

На вечерней прогулке с котом и старой собакой вновь встретился с соседским мальчиком, который живёт двумя этажами выше. Неоднократно он попадал в лифт вместе со мной, собакой и котом, который всегда сидел на моих плечах. Там, в камерной обстановке, мы и заговаривали. Он уже знал, что у кота поранена лапа, что собака у меня добрая. Сегодня мальчик возвращался домой от бабушки. Разговор он начал с того, что его мама не хочет видеть у себя в доме ни кошек, ни собак.

– Это понять можно, – ответил я. – Ведь ей тогда предстоит убирать ещё и за ними, кормить.

– А так хочется, – мальчик сказал это каким-то печальным голосом, но одновременно я почувствовал в голосе и нотку своего мнения, своей воли. Мальчик разговаривал, словно сам с собой вслух, разговаривал о чём-то своём, наболевшем, о том, о чём он, должно быть, думал не переставая. – Когда был папа, то он тоже хотел заиметь собаку, но мама и тогда была против.

– Знакомо, – вздохнул я. – А что с твоим папой?

– С папой? Его нет. Убили.

– Как?

– Выходил из магазина, и ударили монтировкой, а когда упал, то добивали. Папа, правда, одного тоже свалил, – спохватился мальчик. Последнее, скорее всего, было выдумано им, чтобы создать в своих глазах из отца образ героя-мученика.

– В больнице умер. Но я знаю, кто ещё виноват в его смерти, – как-то по-взрослому уже, но словно повторяя чужие слова, сказал он.

– Врачи? – спросил я, проверяя свою догадку.

– Да, врач, твёрдо сказал он. – Я теперь даже знаю, где он живёт. Я эту фамилию теперь долго буду помнить. Отца с такими травмами положили в общую палату. Не в отдельную, а в общую. И дежурил именно этот врач.

Лицо мальчика сделалось мстительным. А я подумал о том, почему он не возмущается хулиганам-убийцам, а обвиняет врача? Это так традиционно для города. Здесь

в смертях винят врачей, но никак не водку, никак не хулиганство, никак не невежество. Нет, это всё ни при чём, их образ жизни. Она, их жизнь, обыкновенна – драки, разборки, пьянство, – от неё не умирают. Умирают из-за нерадивых врачей. Мальчик явно повторял то, что было на устах старших – матери, бабушки.

– Когда это случилось?

– Год назад 9 марта.

– 9 марта родился мой сын, – сказал я.

– И умер мой отец. Там такие чудеса начались. После его смерти. Стуки в дверь, ручки двигались.

– Что ты имеешь в виду?

– Дух являлся. Умер только, и пока не похоронили, так приходил. Потом успокоился, – мальчик замолчал. Потом продолжил. – Мама уже другого себе нашла.

– Не удивляйся. Женщины одни не могут, – сказал я ему.

– И вот интересно. Я вдруг стал не главным. Не главным для неё.

– Меньше тебе уделяет внимания?

– Она всё для него, для Анатолия этого. Как будто меня тоже не стало.

– За что убили отца, не выяснилось?

– Нет, ни за что. Ограбить хотели. Он тогда дома редко появлялся. Пить начал. Они с мамой не жили уже.

– И сколько ему было лет?

– Двадцать семь.

– А тебе сейчас сколько?

– Девять.

– Этот новый мамин муж с вами живёт?

– Нет. Он приходит. Но не всегда. У него есть дети, другая жена.

– А твоя мама об этом знает?

– Знает.

– Держись, брат, – говорю ему. – Тебя как звать?

– Как папу. Дима.

– Ты держись. И главное – подрастёшь – не пей.

– Я знаю. И не курить. Это главное.

Я поднялся на свой этаж, неся на плечах своего белого кота. Рядом шла собака. – Что-то не то вокруг, – помню, сказал я мальчишке при расставании. – Что-то не то. Будь осторожен.

– Я знаю. Бесовщина какая-то, – ответил он.

Пал мелкий снег. Небо было чёрным. Снежинки, похожие на мелкое битое стекло, сверкали в лучах фонарей. Нам обоим не хотелось уходить с улицы. – Но холодно, надо идти, – сказал я.

– Холодно. Постою, простужусь. Я хочу простудиться. Тогда не надо будет идти в школу. И мама будет ко мне внимательней.

Из цикла «Лавка»

Атака солнца

Солнечная буря продолжается. Выброс учёными оценён девятью баллами по десятибалльной шкале. Возможны сбои в технике, электронике.

У «Т-Маркета» в Нарве во второй половине дня множество посетителей. Они входят в универсам и выходят беспрерывно, не давая сенсорным датчикам закрыть раздвигающиеся двери. Территория у входа также полна народа. Рядом почта, бан-

комат, остановки такси и автобусов, киоски и самодельные прилавки.

Среди людей в толпе перед магазином заправски снуёт на своих негнущихся ногах отвратительный бомж Борька-ювелир. В стороне, прижавшись к столбу со знаком «проезд запрещён» – стоит его напарник – низкорослый, бородатый, сопливый старик. В отличии от Борьки он менее самоуверен и даже возможно испуган. Он неотрывно следит за напарником. Даже издали замечаешь, насколько он вонючий.

Из-за рядов киосков появляется другой бомж – похожий на клоуна в своей детской чёрной панамке с болтающимися в районе щёк коротенькими завязками. Это Олег Колесо. Он из другой компании, но среди толпы легко узнаёт коллег. Все остальные вокруг – нормалы для них – просто фон, просто средство. Проходя мимо Борьки-ювелира, Колесо слышит вместо приветствия: «Опохмелишь?»

Колесо на минуту останавливается, потом плюёт на асфальт, в сторону Борьки, что-то резко ему отвечает и идёт дальше. Доносится лишь его гордое бубнение – опохмелишь! Хрена ему! Буду я его похмелять! Меня здесь все знают. Я здесь вырос. Я здесь король! Буду я его опохмелять! Я его в тюрьме колотил и сейчас отколочу! Олег Колесо хоть и говорит, что он здесь король, похож на клоуна Карандаша. Борька-ювелир – на чёрта. У обоих есть деньги и сигареты. «Т-Маркет» для них синекура. О Солнечной атаке они и не помышляют, в то время как в Литве от сбоя в приборах уже рухнул российский СУ-27, а в Ингушетии не прекращают взрываться взрывные устройства.

День гладиолусов

Первое сентября, День Гладиолусов начался в магазинчике с визита полицейского Курочкина, одетого в гражданку по случаю своего выходного. А перед этим он двое суток просидел в засаде в одном из пригородных садоводств, за одну ночь, сгорело шесть домов, причём в разных концах кооператива.

– Поджог, – пояснил полицейский. – Явный поджог! Намёрзлись в этой засаде, но так никого и не поймали.

Порассказал, купил себе гвоздей и ушёл, оставив меня размышлять над поджогами. Ведь у самого дача. Правда, в другом кооперативе.

– Об этом все городские газеты пишут, – говорит заглянувшая в лавку поздороваться парикмахерша из соседнего с лавкой помещения. – Об этих пожарах, только о них и говорят. Слава Богу, у меня дачи нет!

Оказалось, не все говорят о пожарах. Следующая посетительница, молодая женщина, пришла искать в комиссионке свой кухонный комбайн. К ним в квартиру забрались воры. На второй этаж, через раскрытое кухонное окно. Забрались вечером, когда хозяйка сидела в другой комнате и смотрела телевизор. Воры аккуратно прикрыли кухонную дверь и унесли через то же окно новый кухонный комбайн.

– А также пачку сигарет, которая лежала на подоконнике, – делится женщина. – Мы даже не заявляли. Всё равно не найдут!

Так что у каждого своё, свои поджоги. У кого-то в реальности, у кого-то – в головах.

– Какие сады поджигают? Ольгинские? – переспрашивает старуха-посетительница, как две капли воды похожая на Елену Боннер. – Там у меня знакомая дачу держит. Говорит, хотела продать и не может. Даже за двадцать пять тысяч не может. – Хоть бы поджог кто, так деньги бы получила! – говорит. – У неё дача на девяносто тысяч застрахована.

– Так сама бы и подождла, – говорю ей.

– Я так свой сарай сама подождла. Это ещё в советское время было. Или в перестройку?

Тоже застрахован был. Сама и подожгла. Это когда у меня свой хутор был. Сейчас нет...

Такой вот День Гладиолусов выдался. А почему Гладиолусов? Всегда Первого сентября школу вспоминаю, начальные классы. Одни букеты шагают, чуть ли не вдвое выше самих детей. Букеты гладиолусов. Гладиолусы в каждом огороде сажали к этому случаю. Кто для своих детей, кто для рынка. Как и нарциссы к Восемьмому марта.

Выстраются первоклашки перед школой перед входом в новую жизнь и стоят, испуганно прячась за этими огромными букетами, как мальчики-с-пальчики перед людоедом со своими саблишками из прутиков, со своими цветастыми мечиками-гладиолусами.

Молотки

Внесолнечный дождливый летний день, когда в лавке почти никто не показывается, стою и слушаю рассказы одинокого бомжа Михальча. Кофе горячего налил в его кружку – пусть хоть дождь немного переждёт, который зарядил ещё со вчерашнего вечера, сплутнув с моей дачи залётных гостей-таллинцев, путешествующих по Северо-востоку Эстонии с детьми на машине, останавливающихся то у одних знакомых, то у других. Ко мне вот позвонили – можно пару дней поживём?

– Почему бы и нет? Столичные новости узнаем. Повидаемся, – отвечаю.

С мужчиной пришлось когда-то вместе поработать на одном из предприятий Таллина. Там и познакомились. Таких знакомых у всех нас уйма, с кем когда-то и где-то пришлось поработать. В одном городе встретишься, кивнёшь в знак приветствия, обмолвишься парой фраз и разойдёшься. А вот вдалеке окажись оба – чуть ли не близкими родственниками покажемся. Так и в этом случае. Переночевали, рассказали столичные новости да сплетни (жена у знакомого – дочь известного в стране редактора), а как зарядил дождь, то и засобирались они восвояси. Даже поездку в ближайшее Тойла отменили. Словно и не было их. Лишь стопка журналов «Таллин» и «Вышгород» за прошлые годы, оставленные в подарок – на этажерке.

– Где обитаешь-то в дождь? – спрашиваю у чуть согретшегося от горячего кофе Михальча. – Ведь ты говорил, что бомжатник ваш закрыли до первого сентября. На ремонт.

Оказалось – в каком-то проёме под городской больницей. – Там вместо решётки железная крышка, её отодвинуть можно, – пояснил Михальч. В проёме их несколько человек. Когда вместе – им безопаснее. Одинокого бомжа могут убить.

– Месяц назад убили ещё одного. Вовку. Он жил на чердаке какого-то дома. Болел. Ему живот резали, потом зашивали. Я ему говорил: «Не пей, пусть заживёт, затянется». А он всё равно пьёт.

– Что мне тогда делать, если не пить? – говорит.

– Тебе же силы нужны, мало ли что, а ты больной, – говорю.

А он мне: «У меня вот это есть». И показывает отвёртку.

– Да чего эта отвёртка? Ну одного пырнёшь, а их много.

Так и оказалось. Полиция нам фотографию принесла: «Узнаёте – кто это?» Там всё лицо изуродовано, избито. Еле узнали Вовку. Потом недавно ещё одного нашли, в коробке картонной. Лицо, руки изрезаны.

Наслушался, а, возвращаясь после работы домой, другого бомжа увидел, коллегу Михальча. Поздоровался, а тот словно и не узнал, испуганно посторонился. Лицо какое-то странное. Распухшее? Сзади плетётся его грязная собачонка.

– Что случилось? – спрашиваю. – Не узнал?

– В молотки попал. Избили, – озабоченно объяснил он. – Малолетки-наркоманы. Ну что я один против четверых буду? И он, махнув грязной ладонью, побрёл дальше.

Сто первый

Иду утром на работу, в магазин, и встречаю по дороге женщину. Молодую, ту, что буквально на днях заходила в комиссионку в поисках украденного из своей квартиры кухонного комбайна. Она рассказала, что у мужа сигареты тогда оставались на подоконнике.

– Их-то пропажу он сразу заметил! А то, что комбайна на кухне нет...

Квартиру ограбили, забравшись через открытое кухонное окно на втором этаже, когда сами хозяева сидели в другой комнате и смотрели телевизор.

– Ну как, не нашли комбайн? – спрашиваю, подходя.

А она в ответ рукой машет. – Какое там! У нас вообще полоса неудач! Муж умер.

– Как так умер? Ничего себе! Он же молодой у вас. Вы – молодая пара. Под машину попал что ли? – восклицаю я.

– Нет. Просто умер. Сами не знаем от чего.

Пришёл на работу. Открыл магазин. А сам продолжаю об этой смерти думать. О смерти незнакомого, в общем-то, мне человека. О случайности смерти. Знакомый заходит. Томас. Работник государственного телевидения. Он заходит почти всегда, если случается бывать в городе по работе. Просто поговорить или и что-то купить. Старыми радио и телевизионными лампами интересуется. Выдвинул ему коробку с лампами – пусть выбирает. Покопался Томас в коробке и отобрал несколько. Потом подсчитал свои деньги и часть ламп положил обратно в коробку.

– Томас, забирай всё, что отобрал. Деньги потом завезёшь, если сейчас не хватает, – говорю.

– Понимаешь, случайно заехал, даже денег с собой не взял, – объясняет он.

– Тем более, – говорю. – В другой раз заплатишь. А сейчас забирай, раз нужны.

– Нет, не буду, – отвечает он. Потом задумывается. – У меня тут соседка умерла на днях... Нет. Лучше в другой раз приеду, отложи, если можешь.

– Понимаю и уважаю. И соглашаюсь с ним я, ещё не успевший отрешиться от мыслей о бренности бытия.

Среди посетителей лавки уйма тех, кто предпочитает об этом не думать и набирает кредиты, берёт в долг, где сколько можно. Авось пронесёт, авось подфартит, авось что-то само собой изменится. О конце лучше вообще не думать, а если такое и случится, то тем более – нет меня – нет моих проблем!

Конечно же, их нет, не будет у него. У других они останутся, его проблемы, – банкиры не простаки, но это уже не его забота!

После ухода Томаса вспомнилась старуха с бесцветными глазами, которая играет в казино и, не стесняясь, занимает направо и налево деньги. – «Мы же привыкли хорошо питаться, как раньше. И водочка, чтобы к столу всегда была не какая-нибудь, а магазинная». Она вчера забегала в лавку прощупать почву по поводу одолжения денег: «Мы собираемся с дочерьми поехать подработать за границу. Да и квартиру трёхкомнатную будем продавать и покупать однокомнатную – деньги будут! Мне люди доверяют!»

Когда же задуманное не удалось, она, несколько не сконфузившись, поспешила в другое место за поддержкой. За ней же следом зашла другая бабка. Девяностолетняя ветеран войны. Выглядела она так: зимой, в помятой белой ситцевой ночнушке с глубоким вырезом, а поверх неё не застёгнутое, а просто наброшенное на плечи пальто, уж и не вспомнить какое – зимнее или демисезонное. Тут уж, как говорится, не до мелочей, когда такое явление перед глазами, вдобавок вздохмаченное, а в руках – мясорубка. Оказалось – сломался прижимной винт и поэтому, пользоваться инструментом по назначению у бабки не получалось. Пришла за винтом. Бабка в войну в Ленинграде служила в сапёрной части. Сейчас получает неплохую пенсию. – «Деньги у меня

всегда были и есть!» – говорит она гордо. Но не в мой адрес, а чуть развернувшись, в адрес приплёвшегося с ней пьяного старика, годившегося, впрочем, ей в сыновья, так как ему не было шестидесяти лет, и явно альфонсившегося при ней. Старуха же держалась барыней.

– В Нарве я с 1952 года! Вышла здесь замуж – говорила мне, словно старому знакомому, старуха. – Я всегда любила работать! (она опять скосила взгляд на молодого кавалера). Замуж вышла, а больше любила работать! Сын вот у меня непутёвый! Всё по тюрьмам, да по тюрьмам. И сейчас сидит. От отца его всё пошло. Тот тоже сидел. И вообще, после войны Нарва сто первым километром стала. Городом уголовников. В отца он. А Тонька эта, что только что от вас вышла, – сестра моего мужа. Покойного уже. Вечно ходит занимать ко мне. Не всегда отдаёт. У неё же все – сын, дочери, муж, внуки – все безработные. Живут на её шее и на то, что она наодалживает. Все пьют.

Вспомнились старухи, а потом и молдавская сказка о честном парне, который работал у чёрта, деньги от доходов принимал. А к нему бояре зачастили. Взаимы брать. Как быть парню? Совета у хозяина спросил.

– Дай им денег! – велит хозяин-чёрт. – Только расписку с них для меня возьми.

Боярину того только и надо. Написал расписку, схватил деньги и побежал с другими боярами в карты играть. Пока всё не проиграл. И так несколько раз, пока не остался вообще без ничего. А парня чёрт не тронул. Потому что честным тот был. Лишнего не просил, деньги не крал, в карты не играл.

Когда-то были динозавры и ящеры. Со временем обмельчали. Не больше варанов и крокодилов стали. Но тоже опасны. Похоже, с боярами теми тоже метаморфоза – обычный сто первый километр по нынешним временам.

Судьба

Старичок-эстонец зашёл в лавку в момент, когда по радио передавали песню в исполнении «Биттлз». Старичок остановился, дослушал песню до конца и начал вслух вспоминать молодость.

– Но всё равно мне больше Элвис Пресли нравился. Красивый такой мужчина. А как про Маму пел!

Старичок оказался коренным нарвлянином. Во время войны с родителями был увезён в Германию. В 1945 году вернулся.

– Но в Нарву не пустили. В Кивиыли жили. Сейчас вернулся. Три года как здесь, на Родине. Служил в Германии. В 1961 году предлагали поехать на Кубу служить. Год за два зачитывали. Я согласился. Другие – нет.

Португальцы

— Люди они добрые, отзывчивые, недалёкие, ну, цыгане, в общем. Всё красиво. В порядке. Питание дешёвое, как в Эстонии, а зарплата выше. Но нашим, без гражданства, там трудно, так как у них жизнь, как и во всей Европе, в кредит. Кредитов наберут, а дети расплачиваться будут. А нам, приедем, кредиты не дают. Язык выучили, и даже не один, а четыре. За пять лет четыре языка. А тут эстонский не могла выучить. То одна категория требуется, то другая, а всё равно для них – не знаешь. Почему это? Может потому, что боятся нас, что мы энергичнее? Уравниют в правах – мы их и потесним. Комплекс неполноценности? Воровства в Португалии нет. Таких магазинчиков, как у вас, много. Открыты ещё и воскресные барахолки, где каждый может что-то своё продать. Но цены там большие. Живут спокойно, за образованием не гонятся, детей не мучают. Хочет ребёнок учиться – учится. А не хочет – идёт

работать. Муж мой на фабрике работал. А у директора фабрики образование – четыре класса. У мужа моего – два высших. – Ну и что? – говорят ему португальцы. – Почему ты тогда не директор? Муж и не нашёлся, что ответить. Женщина выговаривалась, а её муж, не спеша, осматривал содержимое лавки.

Пара была не молодой, обоим далеко за сорок. Оба, похоже, изрядно в жизни хлебнули лиха и от того понимали и чужую боль, и причины многих людских неурядиц.

Познакомились друг с другом они в Португалии. Мужчина был из Украины, женщина из Нарвы. – Сюда временно вернулись. Квартиру мою продадим и к мужу на Украину поедем. Дом там у него остался. Долго здесь не была, в Нарве. И никак их тут не поймём, нарвитян – у самих, простите за выражение, штанов нет, а кредиты набирают, чтобы стеклопакеты вставить в окна! Мозгов что ли у людей нет? Отремонтировали бы старые, и, глядишь, деньги бы съэкономили. Европейцы так не поступают.

Вещи

Заходит пара – мужчина и женщина. Женщине магазин понравился сразу, и она этого не скрывала.

– Хорошо, что есть такие магазины, – говорит.

Я подыграл, сказав, что не всем женщинам здесь нравится. Они воротят носы и говорят: Фу, мы думал здесь вещи!

– А здесь разве не вещи? – удивлённо спросила посетительница у меня и у мужа.

– Я тоже так отвечаю, – говорю. – А они мне: «Вещи – это одежда». А у вас одежды нет». Да и многие женщины называют вещами только то, что мужчины называют тряпками – одежду.

– Нет. Здесь как раз вещи. И столько много, – развела руками дама. – Теперь будем сюда заглядывать чаще.

Они прошлись, кое-что купили себе по мелочи и, попрощавшись, вышли в вестибюль. В вестибюле же они увидели раскрытую дверь в соседний Сэконд Хэнд, где в проёме двери виднелась развешанная на вешалках одежда.

– Смотри, вещи! – донёсся до меня возглас обратившейся к мужу женщины. – Заглянем?

Из цикла «Нарвские зарисовки»

Спирт

Стою у банка. Жду открытия – налог заплатить. Минут десять ещё ждать. Дедок подходит.

«Сколько времени?» – спрашивает. А затем: «А какое число?» А после: «Который день недели?»

– Понедельник, – отвечаю.

– А-а. А то я загулял. Не помню, что за день.

– По вам не скажешь, что загуляли.

Старик был чисто выбрит. Выдать могли разве что глаза, но и то, если приглядываться.

– Опыт есть. Школа. Тридцать пять лет в авиации. Спирт.

– В военной, гражданской?

– Чего? А-а. В военной. На Севере. Испытателем поначалу. Думал – самолёты? А мы только приборы различные испытывали. На простых старых самолётах. Потом на сверхзвуковые перешёл. Фотосъёмкой занимались. Мончегорск, Архангельск.

Постоянно вылетали на съёмки. Вот у нас, у русских, обед, всё в сухомятку. А эти, аж на подлодках всплывают и обедают. Бывало время, над ними пролетишь, сфотографируешь, а они только рукой машут. В Нарве как оказался? Отдыхал в Адлере. У нас, у лётчиков, знаешь, спирт-то всегда был. Канистру с собой на Юг взял. А там познакомился в доме отдыха с секретарём горкома нарвского. Сидели на пляже, спирт мой попивали. Вот тон тогда мне и говорит – если что, мол, так ты ко мне обращайся, помогу, устрою. А я в госпиталь попал с глазами. Повязку одели, – старик сказал это, прижав ладонь к глазам, – а сняли, объявляют: «Умер Сталин».

– И как теперь быть? – спрашиваю у медсестёр. – Радоваться или плакать?

– Лучше молчать, – отвечают.

Дочь у меня под Питером живёт. Вот и вспомнил я однажды про это предложение.

Приехал, посмотрел на Нарву. Город мне понравился. Тогда платили не много, но со спиртом не пропадёшь. Здесь, в Балтике, в городском кафе и покушать, и отдохнуть можно было. Стал узнавать, как переехать. А там Афганистан начался. Всё жильё им в первую очередь. Ну, я к знакомому. Выпили, поговорили. Сделал он мне квартиру, сначала в хрущёвке, правда, в центре. А потом уж и посolidнее, в сталинском доме. Сейчас вот один остался.

– Жена умерла?

– Да.

– А дети есть?

– Дочка же, под Питером!

– Ах, да!

– Вот, слышал, если пятнадцать лет в Эстонии работал, то может ещё и эстонская пенсия идти к российской. Надо попробовать.

– Попробуйте.

Этот дед ещё рассказал, что его, по тому же спиртовому благу, устроили на работу начальником пожарной части.

– Потом, когда начали притеснять бывших военных, меня перевели в другую пожарную часть подальше от глаз. Классно было быть пожарным! Сутки через трое! Плюс военная пенсия и спирт! О чём задумался, паря?

– Да так, ни о чём, – отвечаю ему. – О своём.

Задумался же я о «Послесловии автора», тоже военного лётчика, ровесника этого старика, Юрия Фролова, написанном к своей книге рассказов «В небе и на земле», которую на днях начал читать. Переживал в своём «Послесловии» старый лётчик о стране, о её народе, о том, что времени ему мало осталось. Тоже на Севере служил, а потом в Эстонии оказался. Вот только не о спирте вспоминал, не к нему в жизни за помощью тянулся.

Из цикла «Старуха Нарва»

Вж-жик!

На дворе солнечно. Мороз. Холоднее, чем вчера. Пьяный, в чёрной заячьей ушанке с опущенными ушами Вадик Веснин здоровается и блаженно-пьяно поясняет своё состояние.

– Ты ж знаешь... Спирт. И знаешь откуда. Из больницы.

– Значит, опять там же работаешь, ведь ты увольнялся?

– Увольняли, ик..., – поправляет он. – Да, теперь опять там. Платят мало. Всё на маленьких должностях. Кровь поднести, кровь унести. Этот... вж-жик! – прилетит. Погрузишь. Вж-жик! – улетит. В-жик...

– Вертолёт?

– Ну да, ...вертолёт, – кивает он.

– Много доноров сейчас? – интересуюсь, ведь сам когда-то донором был.

- Много.
- И как, за деньги, или как раньше – за отгулы?
- Какое там, за деньги, – вяло машет он рукой. – За покушать... За масло растительное, молоко...
- За покушать? – задумываюсь я.
- Конечно, – говорит он чуть ли не засыпая в блаженном спиртовом сне. – Но это не в больнице кровь принимают, не в больнице...
- А где? И почему не в больнице?
- В библиотеке.
- Где?! – удивляюсь я. – В Кренгольмской?
- Ну да. В библиотеке.
- Но ведь для пункта сдачи крови должно быть особое помещение, – не перестаю удивляться я.
- Ну, ты не понимаешь... И не поймёшь! – многозначительно поднимает он палец и тихо, тайно, добавляет: «Это акционерка».

Смерть

Иду зимним вечером меж домов в районе улицы Уускуола. Темно, мрачно, бабки ходят, еле передвигая ноги, враскоряку. Собачонки лают. И в этой темноте вижу силуэт молодой высокой и худой женщины в длинном приталенном пальто. На высоких каблуках. Ни лица, ничего не разглядеть, только чёрный, какой-то колючий силуэт и красный маленький огонёк от сигареты в руке. Показалось вдруг, что это идёт Смерть. Нарвская Смерть именно такая – худая, в длинном чёрном пальто, на тонких высоких каблуках. У неё безучастный взгляд, торопящаяся, будто в постоянных пустых хлопотах, походка и сигарета в руке, которую она бессмысленно курит на ходу. Здесь, в спящем, заколдованном, сомнамбулическом городе невест многие женщины курят на ходу, на ходу пьют пиво, водку могут пить как лошади и матерятся как сапожники.

Афганцы

Встречаю бомжа Молдована. Он направляется с пакетом в руках в Кренгольмскую больницу. Его напарнику ампутировали ноги. Обе. На одной – ступню. На другой – несколько пальцев.

- Обморозил? – спрашиваю.
- Обморозил. Я ему говорил – доиграешься. Вот и доигрался. Сейчас несу ему передачу. Мы ж ровесники. Тридцать восемь лет. Я разве друга в беде оставлю? Ты бы оставил? Мы в Афгане с ним служили. Доигрался ... на скрипке. Значит, музыку любил. Третий день его навещаю.

Не наши русские

– **В**о мне течёт чистая русская кровь, чистая польская и чистая ижорская! – говорит подвыпивший мужчина.

Недавно его уволили из Кайтселийта. За пьянство. Но он убеждает себя, что пьёт именно по причине своего увольнения.

– Ты знаешь, как русские отпустили солдат двадцатой дивизии СС, что оборонялась в Синимяэ? Без выстрела. Из-за того, как они сражались! Боевые эсэсовцы были

другие. Дядька рассказывал, он жил в оккупации под Питером, немцы же стояли в одиннадцати километрах от города! – что эсэсовцы шли после боя – морды чёрные от грязи и копоти, детям конфеты давали, фотографии показывали. Сентиментальные были. Боевые – это не те, что по тылам работали... А во мне – чистая русская, чистая польская, чистая ижорская кровь! – повторил он пьяно.

Но почему-то тех, кто отпустил пленных эсэсовских героев, он не назвал нашими, а как-то отстранённо – русские.

Картошка

Дворничиха съездила на родину, в деревню под Сланцы, к родне. На вопрос, как там живут, лишь махнула рукой. – Да ну их! Сплошная пьянь. Всё пропивают. Два мужика: сорок семь и пятьдесят лет. Пенсия пять тысяч. И даже картошки не посажено! Отцу семьдесят с лишним. Пенсия пять тысяч – его. А они говорят отцу – ничего, картошку купим. – На что, на какие шиши? – спрашиваю братьев. – На отцову пенсию? В деревне – и картошки нет!

Крона

Старуха-еврейка в искусственной шубе, в чёрных расклешённых брюках, чёрных старомодных на высоких большущих каблуках и с двойными пряжками ботинках подошла на барахоловке к продавцу сантехники.

– Вы знаете, – очень вежливо и даже поэтично заговорила она. – Вчера случайно оказалась в районе мебельного магазина Нарова. И увидела там прокладки – маленькие, чёрные, для крана. Что-то промелькнуло в голове, что пригодятся. А домой пришла – кран потёк. У вас, случайно, таких в продаже нет?

Старик-барахольщик протянул ей целую коробку с прокладками.

Модная старуха обрадовалась. – Сколько?

– Крона штука.

– Вот хорошо-то. Возьму две, на случай.

Потом посмотрела-посмотрела и говорит: «Нет, возьму одну пока. У вас же они ещё есть? А то с деньгами туго».

Так старик заработал в тот день свою единственную крону.

Светлана ВЬЮГИНА (Россия, Москва)

Попугайчик Рома

Всё началось с покупки попугая. Маленького, волнистого, зелёного Ромы. Мы привезли его с птичьего рынка в переноске и посадили в просторную, заранее купленную в зоомагазине клетку.

Сутки попугайчик не ел, три дня не выходил из клетки, неделю молчал и не летал. Просо и канареечное семя даже не клевал: сердился. Мол, в новый дом привезли, от попугайского коллектива оторвали, объявляю-ка для начала голодовку.

Нахохлившись и распушив свои пёстро-зелёные пёрышки, Ромка сидел на жёрдочке, как цыплёнок, и зорко наблюдал за нашими попытками подружиться с ним.

– Птичка, пти-и-и-чка! – суетились у клетки мама и папа.

– Пичужечка, ну давай летаем! – уговаривал Вовка.

Рома важно цеплялся за протянутый палец розовым коготком, топорщил крылья, беззвучно разевал клюв и пытался взлететь вверх, к потолку, но скользил по плоскости, упирался в стены и падал.

Ромка не умел летать!

Птичка, пти-и-и-чка! – шептал Вовка, подсовывая «столбики» подорожника, веточки с семенами конского щавеля, кусочки белокочанной капусты.

– Ну, хоть чирикни, хоть пискни! – удивлялись родители Ромкиному молчанию. Теперь-то попугай охотно клевал то, чем его потчевали новые хозяева, но по-прежнему молчал и не летал.

Заговорил и полетел он в один день. Увидел за окном сидящих на карнизе синичек и, пронзительно закричав: «Пти-и-и-чка!» – метнулся к оконному стеклу.

С тех пор и пошло. Ромка клюёт зёрнышки, семечки, витаминную смесь и приговаривает:

– Птичка, Пти-и-и-чка!

Придёт Вовка из школы – Ромка летит ему навстречу и со звонким криком «птичка, пти-и-и-чка!» на плечо садится. Всё бы хорошо, но никак не хотел Ромка в клетке сидеть. Только захотим мы его поймать, чтобы на место посадить, как он начинает вопить:

– Птичка, пти-и-и-чка, пти-и-и-чка!

Вопит жалобно. Хоть из дома беги! И мы сдались: попугай зажил на свободе. Только ночью спал в клетке. А днём уцепится за свою любимую занавеску и дремлет. Или сядет в ванной на стеклянную полочку напротив зеркала и со своим отражением разговаривает.

Особенно привязался попугайчик к Вовке. Сядет тот за уроки – Ромка сразу к нему на плечо! А то за пуговицу на рубашке уцепится, голову вниз свесит и разговаривает сам с собой. А слов он через пару недель выучил много. Вечером прилетит на обеденный стол и чирикает на все лады:

– Пичужечка, лапочка, душечка!

А потом новое появилось: то телефонной трелью рассыплется, то зазвонит, как будильник. Сначала было даже смешно, хотя, если честно, то временами было не до смеха: голова от его «разговоров» и трелей начинала болеть.

Конечно, радостей от него было больше, чем огорчений. Придёт мама с работы, за дела принимается: ужин готовит, убирается, стирает. Устанет, а Ромка тут как тут. Сядет на её плечо и приговаривает:

– Ну что? Ну что?

– Ничего, Ромочка, всё в порядке.

Папа с работы придёт, тоже усталый, хмурится, а попугай к нему на плечо – и давай его подбадривать.

– Пичужечка, пичу-у-ужечка! – воркует. Ну, чистый голубь! И воркует до тех пор, пока папа не улыбнётся.

Одно плохо: пристрастился Ромка всех своим кормом потчевать. Ухватит зёрнышко и первым делом к Вовке летит. У Вовки вся голова в семечках. К вечеру у Вовки в волосах чего только нет – и крупа, и семечки. А мама не успевает полы подметать и мыть. Всюду шелуха! Беда, да и только!

– Мам, а мам, – успокаивал Вовка, – разве это беда?! Уберём мусор, не горюй.

День убрали, два. А Рома в очередной раз крылья расправит, взлетит, а за ним – фонтаном шелуха.

– Это не попугай, а летающий крокодил, – говорила мама. – Невозможно так больше жить!

– Мам, а мам! Он же птенец ещё, играет он. Потерпеть надо, – защищал попугая Вовка. А сам потихоньку, как мог, наводил дома порядок...

Однажды Вовка заболел. Пришли родители домой – лежит сын, губы жаром обметало, горит весь, а попугай сидит смиренно в изголовье и наговаривает ласково:

– Птичка, пти-и-ичка, пичужечка!

Мама приготовила клюквенный морс, напоила им сына, укутала одеялом. Потом села рядом, сказку начала рассказывать. Вовка очень любил, когда мама сказки ему рассказывала, читала книжки о жизни зверей и птиц.

Попугай сидел рядом и тоже внимательно слушал. Немного погодя мама пошла на кухню, чтобы принести ещё морса. Едва вышла, как услышала крик:

– Мам! А мам!

Мама бросилась к Вовкиной постели. Сын дремал, а Ромка сидел на прежнем месте и очень строго смотрел на маму. Мама пожала плечами и снова пошла на кухню. И снова услышала жалобное: «Мам, а мам!» Вернувшись к постели сына, мама услышала, что её звал... попугай!

Всю ночь Ромка беспокойно скороговорил: «Мам, а мам!»

Всю ночь просидела около Вовкиной постели мама. Утром температура у сына спала.

...Вовка пил свой лечебный клюквенный морс и наблюдал за Ромкой. Попугай сидел смиренно, время от времени чистил пёрышки и при этом очень даже весело напевал:

– Пти-и-ичка, пти-и-ичка, пичужечка!

Но потом вдруг встрепенулся, взмахнул крыльями, разбросал шелуху по всему полу и весело так закричал:

– Мам, а мам!

А мама привычно уже взяла веник в руки и улыбнулась.

Черёмуховое крылечко

«ОГА, МОГА...»

Мы сидели на верхней ступеньке деревенского крыльца. Крыльцо было тёплым, согретым долгим солнечным днём – и белым. Это огромная черёмуха душисто отцветала, потом тихо осыпала крылечко лёгкими лепестками и теперь скромно наклонилась над нами, как бы прислушиваясь к маминой вечерней сказке.

Я хорошо помню то лето: нам с Лёшкой было по шесть лет и мы проводили последнюю вольное лето в маленькой деревушке на берегу Оки. На сон грядущий мама нам рассказывала разные истории и сказки, которые придумывала сама. Вот и в тот вечер

мы с братом Лёшкой просили маму:

– Про черёмуху придумай сказку, про черёмуху!

Но мама не соглашалась:

– Черёмуха сама о себе рассказывает. А вот послушайте лучше про вечер... – И мама, сделав страшные глаза, перешла на шёпот. – Вечер – это такой маленький старичок. Он приходит к нам со снами, с мечтами, а непослушным детям засовывает туманные холодные пальцы за шиворот.

И тут мама схватила Лёшку в охапку. Вы бы слышали, как заорал Лёшка! Я от неожиданности даже чашку с молоком выронил. Вот тут-то мы и услышали эти странные крики:

– Ога, мога, подмога!..

Мама несмело улыбнулась:

– На помощь зовут?

Видно было, что она из последних сил скрывает страх. Но мы с Лёшкой даже и не думали от мамы таиться:

– Да не человеческий голос это вовсе! – И мы бросились в дом.

Успокоившись, попили молока и только потом открыли окно. Тяжёлый черёмуховый дурман ворвался в комнату. Ивы, под которыми мы провели столько счастливых часов, показались нам суровыми великанами. Они качали седыми космами и надрывно скрипели.

И вдруг снова на улице что-то сердито захоло:

– Ога, мога, перемога...

Всю ночь мы спали не выключая света, а дверь подпёрли кочергой. Нам даже показалось, что пошёл снег, черёмуховый снег...

Проснувшись, мы бросились к окну. И наши страхи в одночасье растаяли. Так тает туман поутру. Крыльцо было по щиколотку в цветку. Аромат маленьких черёмуховых лепестков показался нам сегодня нежным. Листочки ивы тихонько трепетали на ветру.

А тут ещё мама сонным утренним голосом пропела:

– Ну что, напугала вас вчера моя страшная сказка?!

И мы с Лёшкой согласно закивали.

Вот только бабушка Таня, наша соседка, выслушав рассказ про ночного крикуна, насупилась:

– Жх, да не померещилось вам. Это домовушка балуется...

– Какой такой дымовушка?

Мы думали, что это про грибы баба Таня толкует. Знаете, такие дымовики, белые шарики? Их ещё дождевиками называют. Когда эти грибы маленькие, из них варят вкусный суп. А из перезревших мы с Лёшкой дымовые шашки делали. Наступишь на такой дымовик, а из него струйка жёлтого дыма...

– Нет, детки. Домовик – это не гриб, а существо.

– Существо?! – притворно ужаснувшись, завопили мы.

– Да-да, существо, – грустно улыбнулась нам бабушка Таня. – Я сама его никогда не видела, но, говорят, домовик – маленький и мохнатый. Раньше домовики в каждом доме жили: охраняли хозяев от нечистой силы. А вашего домовика обидел кто-то, а может, ваши проделки ему надоели.

– Баба Таня, так вы нам сказки рассказываете? – засмеялись мы с Лёшкой и весело переглянулись. – Мама каждый вечер нам такие придумывает...

– Сила ваша, воля Божья. – И, почему-то обидевшись, бабушка Таня ушла.

А вечером всё снова повторилось:

– Ога, мога, перемога...

Домовой Угоша

Мало-помалу отцвёл жаркий июль. Лето красное катилось с горки. Мы стали привыкать к таинственному Угоше и уже не подпирали входную дверь кочергой. Но в ивах играть перестали, да и вечерние небылицы мама рассказывала уже не на черёмуховом крылечке, а в доме.

– Августовские ночи холодные, – говорила задумчиво мама.

Все побаивались Угошу, но никто не хотел признаться в этом первым.

Так бы мы и съехали с дачи и вернулись в город, не посидев поздним вечером на черёмуховом крылечке. Но как-то бабушка Таня хмуро сказала:

– Ребятки, вот вы уезжаете, а с домовушкой не помирились...

Легко сказать – не помирились! Мы с Лёшкой этого домовушку и не знали вовсе. В глаза не видели.

– А вы попробуйте приманить его. – Баба Таня поджала губы, и было непонятно, шутит она или говорит серьёзно.

– Мёдом, что ли, крылечко намазать?! – захихикал Лёшка.

Сказано – сделано. Мы с Лёшкой блюдечко маленькое нашли, молока налили в него и оставили на крылечке, а сами сели у окна и стали наблюдать. Но никто к нашему блюдцу не подходил. Мы и сухарик чёрный рядом положили. А толку?

– Утро вечера мудренее, – сказала мама и отравилась спать.

У неё-то день не зря прошёл: огромный таз варенья сварила и теперь разливала его большой деревянной ложкой по банкам. Мама была похожа на усталую пчелу, а яблочное варенье – на мёд. А на кого были похожи мы? Нам не хотелось об этом думать. Мы тоже без дела не сидели – домовика приваживали. Пока у нас ничего не получилось. А вот завтра... С этими мыслями мы и спать легли. Не знаю, что снилось Лёшке, но он ночью во сне кричал, а когда мы с мамой его разбудили, сказал, что во сне приходил Угоша и утащил банку с вареньем. А мне снился мохнатый домовый. Он держал в маленьких лапках блюдце и пил из него молоко.

Утром мы первым делом бросились к своей приманке – сухарик исчез, да и блюдце было пустым, а на крылечке, мокрым от росы, три следика осталось, три растопыренные чёрточки.

Мама плечами пожала:

– Сухарик мышонок сгрыз. При чём тут Угоша?

– А молоко? – возмутились мы с Лёшкой. – Молоко кто выпил?

– Молоко соседский кот Мякиш вылакал.

У мамы на всё был скучный, не сказочный ответ: она сегодня снова варила варенье.

– Соберите-ка мне лучше яблочек!

Нам это было нетрудно: яблоки были крупные, и за несколько минут мы набрали целую корзинку. Но нас манило черёмуховое крылечко, ведь это был наш последний вечер в деревне.

На завтра назначен отъезд. Мы чувствовали себя героями, способными защитить маму от Угоши и ото всех прочих опасностей. Мы с Лёшкой заигрались и забыли о времени. Уже и звёзды летние, яркие засияли, и мама, закончив дела, вышла и, помахивая черёмуховым прутиком со спелыми ягодами, с нами на ступеньки присела, а Угоша всё молчал. А ведь мы с Лёшкой, окрепнув за лето, готовы были с ним познакомиться. Но Угоша и голоса не подавал, и к нам не выходил. Было тихо-тихо. Слышно было только, как у реки квакают лягушки...

Бабушка Таня, обнимая нас перед отъездом, то ли в шутку, то ли всерьёз обронила:

Не сердится больше Угоша, видать, в дом перебрался.

РОССИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ**Татьяна ГОРЕЛИКОВА (Россия, Псков)**

О чём-то липы шепчутся таинственно.
 Завесила окно ночная мгла.
 Прости меня, родной, прости, единственный,
 Что от разлуки не уберегла.

А вдовьи ночи непомерно длинные.
 Заря – печальница глядит в окно.
 Мне б улететь со стаей журавлиною,
 Коль встретиться с тобой не суждено.

Не возвратить рассветы соловьиные, -
 Надежды не оставила война.
 А вдовьи ночи непомерно длинные,
 И глохнет под окошком тишина.

* * *

Ещё вдыхают облака
 Очарованье дивной ночи.
 Спешит Великая – река
 И гребни волн о берег точит.

Оберегая древний град,
 Застыли башни – изваянья.
 И белокаменных палат
 Едва заметны очертанья.

Когда скитаться надоест
 По голубому небосводу,
 Слетают звёздочки с небес
 И пьют серебряную воду.

Почти невидимый в ночи,
 Туман над берегом струится.
 Ночная музыка звучит,
 Чтоб в наших душах повториться.

Гореликова Татьяна Викторовна (4 января 1958 г.) – поэт, член Союза писателей России. Родилась в местечке Киверово Псковской области. С 1960 года живёт в городе Пскове. Работала оператором льночесальных машин, лаборантом физико-механических испытаний. С 1991 года – монтажист Псковской областной типографии. Её стихи опубликованы в альманахах «Скобари», в поэтических сборниках «Берёзы, не покидайте Россию», «На ладонях небес» и других. Автор книг «Стихи – моя молитва» (1999 год), «Падающая звезда» (2001 год). В 1980-х годах избиралась депутатом Псковского областного Совета народных депутатов.

* * *

Не спеша выплывает луна,
 Обозначились тайные тени.
 Осторожно сползла тишина,
 Зацепившись за ветку сирени.

А берёзы, молодкам подстать,
 Не таясь, подобрал сарафаны,
 Зовывают пойти погулять
 На поля, в голубые туманы.

Затерялось детство

Затерялось детство, где его искать?
 Дом родимый буду вечно вспоминать.
 С маминой молитвы начинался день,
 И смотрела в окна белая сирень.

Суетились птахи в кружеве ветвей,
 Распевал о счастье песню соловей.
 Вечер опускался тихо, не спеша,
 Чтоб не испугалась детская душа.

Чтоб смогла услышать сказки тополей, -
 Мне шептал их ветер, принося с полей.
 С маминой молитвы начинался день,
 И смотрела в окна белая сирень

Александр КЕРДАН (Россия, Екатеринбург)

Философия для двоих

Ум в женщине – источник искушенья,
 А красота – предчувствие греха...
 Чтоб не прийти к такому заключенью,
 Прощаясь, говорю тебе:

– Пока!

И от тебя в ответ «пока» услышу,
 А в нём, как ни крути, не угадать,
 Чем я дышу, чем ты, родная, дышишь,
 Чего ты ждёшь,
 что от тебя мне ждать?..

Так, обретая радости в печали,
И знание в незнании своём,
Наивностью спасаясь, как в начале,
Мы до конца, быть может, доживём

Меняла

В заглавном храме в Иерусалиме
Менял червонцы он на медяки,
Хотя казалось, все – не простаки,
Шли люди в храм с червонцами своими...

Пока однажды не явился Он
И не изгнал лукавого из храма,
Предупреждая нас, живущих, прямо,
Что будет мир – беспутный Вавилон.

Рыдал осёл. Манил вином трактир.
Кипел базар торговыми страстями...
И даже не заметили мы с вами,
Как превратился в рынок целый мир.

Меняла снова возвратился в храм:
Всё продаётся, всё имеет цену!
Но всё ещё не верим мы в подмену,
Которую предсказывали нам...

* * *

Человек – это ночь для себя самого...
Так нам Гегель об этом сказал.
Я, конечно, не против, точнее – не прочь.
...Ночь. Такси. Еду я на вокзал.

Если я – это ночь, и вокруг – тоже ночь,
То когда же наступит рассвет?
Я в окошечко кассы кричу во всю мочь:
– Дайте мне до рассвета билет!

Что за прелесть кассирша – скромна и мила,
На тебя так похожа она:
Не зовёт постового – мол, тут без ума
Пассажир. Вот такие дела.

Мне билет подаёт. На перрон выхожу.
Забираюсь в какой-то состав.
– Человек – это ночь, – непрерывно твержу,
От иронии смыслов устав.

И куда-то качу. И светлеет в душе,
Хоть и повода в общем-то нет...
Может, сам-то я – ночь, но – под утро уже.
А любимая, точно, – рассвет!

На озере

Тишиной небесной дышат вёрсты,
И не видно огоньков нигде –
Вёслами зачерпываю звёзды
В пахнувшей чернилами воде.

И стекают медленно созвездья
С гладких вёсел прямо в темноту,
И не нарушает равновесья
Сердца еле слышный перестук.
2009

Руки

Я глядел на тебя и не видел лица,
Так бывает, когда только миг до конца,
Только миг до грядущей разлуки...
Я глядел на тебя и не видел лица –
Только тонкие нервные руки,
Что браслет теребили, пытаюсь сорвать,
Не желая простить, не желая понять...
2009

Восход

Солнца ещё не видать,
Но посветлело уже,
А за окном – благодать:
Нежное ветра туше
К веткам седых тополей –
Форте -
 пианный
 аккорд...

Музыки нет светлей,
Чем предстоящий восход,
Что гениален и юн
Даже в стотысячный раз,
Словно Шопена ноктюрн,
Сыгранный только для нас.
2009

* * *

Бывают дни – судьба в миниатюре,
 Где стать восходом норовит закат.
 В них всё прекрасно: радости и бури,
 Но как-то гениально не попад.

В такие дни живём неосторожно,
 Как в юности одной умели жить.
 И кажется, что всё ещё возможно,
 И верится, что некуда спешить.

Как будто вся природа нам подвластна,
 И небеса в душе растворены...
 И дождик льёт, и солнце светит ясно,
 И вечно мы любить обречены.
 2009

Борис ОРЛОВ (Россия, Санкт-Петербург)

Иеромануху Александру (Фауту)

Хотя ещё безумствуют химеры
 И в грешных душах много пустоты,
 Гуляет по России ветер веры
 Христовой. Встают золотом кресты.

Яснее память. Ярче предков лица.
 Светлее рам. Пышнее каравай.
 Россия куполами колосится –
 Хранит Господь духовный урожай.

* * *

К чему вернулся? И отец, и мать
 Лежат в земле. Сгорел, как свечка, дом.
 Зачем прорехи в памяти латать?
 И прошлое, и жизнь пошли на слом.

Урочище непуганых осин –
 И нет ветров, и не дрожит листва.
 К чему вернулся? Слово блудный сын,
 Стою. Как слёзы, капают слова.

* * *

Тихо обживал миры астральные
Там, где вечность разлилась рекой.
И мои слова исповедальные
Погрузились в дрему и покой.

В сердце остывают чувства юные,
Соловьи теряют голоса.
Облетают с неба блики лунные
На поля, озёра и леса.

Тонут деревушки безымянные
И в траве забвенья, и в золе.
Сумрачные, влажные, туманные
Тени расстелились по земле.

На рассвете травы музыкальные
Пропоят мелодию реки.
И мои стихи исповедальные,
Как молитву, вспомнят земляки.

А дороги – ближняя и дальняя –
Заросли крапивой навсегда
И моя судьба исповедальная
Догорает в небе, как звезда.

* * *

Листва дурманит запахом земли,
Лишайник растекается на стенах.
Архангелами в небе журавли
Трубят о предстоящих переменах.

Тревожит сердце облачная рябь –
Печаль о невозвратном и любимой.
Как сигареты, раскурил сентябрь
Берёзы, наслаждаясь жёлтым дымом.

Слепым дождём прибило в парке пыль,
Кольшутся аллеи в дымке зыбкой.
Парит над Петропавловкою шпиль –
Божественный смычок над красной
скрипкой.

И отраженья кораблей царя
Хранит Нева, прижавшись к парапетам.
Намыло листьев, словно янтаря,
На влажных берегах балтийским ветром.

Перемешалось всё: и цвет, и звук,
И бесконечной кажется прогулка.
Осенне-золотистый Петербург
Поёт, как музыкальная шкатулка.

Николай ТРЯПКИН (Россия, Москва)

Подражание Экклезиасту

Всё на земле рождается,
И всё на земле кончается,
И то, что было осмысленно,
В бессмыслицу превращается.

И вот она – суть конечная,
И вот она – грусть извечная.
Земля ты моя неустанная!
Галактика наша Млечная!

И если мы все рождаемся
И с волей своей не справляемся, -
Зачем же тогда к посмешищу
Мы заново устремляемся?

<...>
1982

Обращение неопита к народу у дверей первого христианского храма

Древним проповедникам

Это – скиния такая, это – горница святая,
Это – Господа Иисуса Дом Воскресшего Царя.
Посмотрите, посмотрите: это – скиния такая!
Это – храмина святая! Это – Новая Заря!

Это – хижина совета, церковь Нового Завета,
Ибо Старого Завета закрывается Ковчег!
Посмотрите, посмотрите: сколько ласки и
привета!
Сколько радости и света, несказанного навек!

И гласится в этой вере: будьте – люди, а не
звери!
Это нам в небесной сфере золотой сияет крест!
Это я вам – Неизвестный – говорю у этой
Двери:
Заходите, заходите! Не гнушайтесь этих мест!

Эти гулкие хоралы! Эти свечи, эти Лики!

Эти своды и порталы, что восходят над толпой!
 И склоняются пред ними в прахе римские
 владыки,
 Простираются, рыдают и стучатся головой.

И пускай там запустела и сгорела Самария
 И под цезарской стопою издымился Рушлаим.
 Заходите, заходите, истомлённые, глухие,
 Воздохните за воротами, пред которыми стоим.

Заходите, заходите, будьте люди, а не звери.
 Эй, вы, отроки и дочери у погасших алтарей!
 Это я вас призываю: заходите в эти Двери!
 Ибо стал я христианин, а вчера был фарисей.

Посмотрите, посмотрите: сколько ласки и
 привета!
 Сколько радости и света, несказанного навек!
 Это – храм земли грядущей, церковь Нового
 Завета,
 Ибо Старого Завета закрывается Ковчег.
 1982

Фёдор ЧЕРЕПАНОВ (Россия, Москва)

Вот сейчас... погожу и усну,
 И уймусь, и смирюсь с этой ночью.
 Вот ещё – нагляжусь на луну,
 Неминучее думой отсрочу.

Всё шумит под скалою бурун.
 Будто вдаль мимо дома родного
 Нескончаемый гонят табун
 И гремят на порогах подковы.

А на тех звонконогих конях
 Всё бывалые всадники едут.
 Посреди молчаливых папах
 Узнаю диковатого деда.

И глядят не глядят на меня
 Опьянённые медом угодьев.
 И звенят в тесноте стремяна,
 Но никто не натянет поводьев.

Так проходят они. А потом,
 Набегая резвей от стремнины,
 Кони-звери шальным косяком,
 Чьи свободны до времени спины.

И ревёт под горою бурун,
 Будто рвётся осилить преграду.
 И тревожится в поле табун,
 И пастух заливаает досаду.

* * *

Мама, мама!.. Что не спишь ночами?
Снова встанешь и впотьмах пройдёшь.
Только слышу: тихо звякнет чайник,
Глухо ухнет ветер – ты вздохнёшь.

Просвистели пули пулемётные
По-над садом поездом гостей.
И примолкли птахи беззаботные
От таких весёлых новостей.

А в ответ: «Скажи мне правду, сына.
Грустен ты. Аль трудно жить со мной?»
«Мама, мама! Отчего же стыдно
Мне в дому за счастье и покой?»

Нас сегодня величай по отчествам,
Мы сошлись, вояки – хоть куда:
Бой так бой, а не игра в песочнице,
Плещет в поле жаркая руда.

И ушла до срока, молодая.
И простилась, как ступила в ширь.
От любви меня освобождая,
Чтобы всё, что должно, совершил.

Хорошо мы бражничали-спорили,
Почивали крепко на стерне,
И седое небо раззадорили,
Заходили тучи в вышине.

Плачу я, как при втором рожденье.
Ты ж спокойна и светла в гробу.
Может, есть мне впереди прощенье...
Где такую мне стяжать судьбу?

И над всеми долами-дубравами,
Накрывая брани голоса,
И над всеми нашими забавами
Раскатилась Божия гроза.

* * *

Когда его руки коснулась
Её согласная рука,
Когда лицо с лицом сомкнулось,
Как грозовые облака,
Когда разверзлась глубь вселенной
В её зияющих глазах
И пылью зряшной, зряшным тленом
Исчезли в полых небесах
Окно и стол, и сами стены
И в ту воронку увлекли
Отшельный пенёк и куст согбенный,
И все подробности земли, –
И всё лишь стало небом звездным,
Невозмутимым – да иль нет,
Внизу, под гнётом этой бездны,
Слезой сияла бесполезной
Свеча на сгинувшем окне.

Черепанов Фёдор Николаевич родился в 1962 году на Рудном Алтае. Окончил Усть-Каменогорский энергетический техникум и Литературный институт им. М.Горького. Автор трёх поэтических книг: «Гремячий ключ», «Устье каменных гор», «Гусиная пристань», главный редактор литературно-художественного и общественно-публицистического альманаха «Братина» (Москва), член Союза писателей России.

* * *

В этих добрых морщинах вы здесь и не здесь
И сквозь возраст глядите с неясной виной,
Будто вглубь заманил вас диковинный лес
И серебряной вдруг оглушил тишиной.

Сколько дум я нажил, сколько будет их впредь,
Только с вами вовек не сравнится судьбой,
И готов я по вашему слову лететь,
Словно всё я на этой земле молодой.

Я пришёл потрудиться на этой земле,
Мне поручен под небом старинный покой,
Да столбы вековые подгнили во мгле,
Накренился над долом навес голубой.

Я пошёл подпереть наше небо плечом –
На закат, за реку, за туман... И пока
Я по свету мотался, оставленный дом
Подхватила времён воронья река.

На печальный, в крестах, погляжу косогор,
На труды, что пришлось вам делить не со мной...
Что же в общий с дороги внесу разговор? –
Никогда не сравнятся мне с вами судьбой.
И на чёрном яру погляжу в вышину,
Богатырь, понадевавший столько чудес...
В этом мире взрастил я диковинный лес,
Вороную по миру пустил я волну...

* * *

Нечего ждать... Побелели хребты.
Веет зимою над поймою мглистой.
Стаю по небу несет, точно листья,
Вдаль – за дома, за обрыв, за кресты...

Словно когда-то он был, этот миг...
Так же осины гудели над кручей,
Зыбился плёс... Этой болью певучей
С той стороны меня выкликнул мир.

Люди родные, к добру и любви
Ваша усталая кликнула стая.
Вспомнил я: эти поля покидая,
Вы завещали мне думы свои.

Вот я – стою на утрюмом ветру,
Вашей молитвой доныне хранимый.
Снег пролетает над речкой родимой
В голый топольник, как в брошенный сруб.

Много загадывал, мало успел...
 Чем, уходя, оправдаюсь на свете?
 Клики иные – неистовый ветер
 Душу несёт за последний предел.

* * *

Ветер в походке и взгляд голубой,
 Взмах невесомый, улыбка шальная...
 Кто ты такая, что рядом с тобой
 Любый мне край я больней вспоминаю?

Может, шальная, одна ты из тех:
 В чистое я загляделся сиянье,
 Белой черёмухой брызжет твой смех,
 Ветер в походке и ветер в ласканье.

Знаю, мелеет родная река.
 Точно редеет плывущая стая,
 Точно уходит она в облака,
 Птицу за птицей за мной отпуская.

Всё ты забыла: и путь, и наказ.
 И оглянуться смешно тебе – кто ты.
 Только одно ты и любишь сейчас,
 Эту весёлую бездну полёта.

* * *

Вспомнится снова, как сон поутру,
 Свет до рожденья в небесной глуби.
 К песне и яви, к людскому добру
 Птицей с ладони отпущен – люби!

Порохом пахнет на западе дым...
 В пламя заката направил ты шаг.
 Знал: для другого ты в мире храним,
 В Божьем полку ясноглазый казак.

Юность и Русь. За плечами – заря.
 Солнце по жилам струится, знобя.
 Ветру вершинному веришь – не зря
 Вольная воля кохает тебя.

Звёздный теперь подошёл сенокос...
 Вот напоследок тебе благодать:
 Долго ты в счастье да в радости рос –
 Скорби чужие сей мерой принять.

Ты жив, братишка? Главное – ты жив.
 Ты жив. И ладно. И, наверно, скоро,
 Себя дождём апрельским освежив,
 Зазеленеет наш укромный город.

И скоро в клёны рамы отворим,
 Вновь будем мы по вечерам утрюмо,
 Приняв винца, пускать в окошко дым,
 А там споём, чтоб ни о чём не думать.

Все говорят, что песни мы поём,
 Никто не знает, как мы глухо воем.
 Но вспомни, брат, позиций дальний гром,
 Ведь видел я, каким ты был героем.

С чего же ты сегодня оробел?
 Иль ослабел от водки и раздрая?
 Чирикает нахальный воробей,
 В твоих ногах соломинкой играя.

Что делать, брат, робеешь – так робей,
Хотя знавал ты горе и почище...
Прими привет за песню от людей,
Припомни гром днестровских батарей,
Утри слезу гранёным кулачищем.

В этом золоте вечер – не вечер,
И шумит листопад по лесам.
Словно ветру и звёздам навстречу
Прорывается Русь к небесам.

Нагрели без толку и меры,
Дожились до голодной сумы.
Не лишай только, Господи, веры
В заповеданный свет после тьмы.

Поднимаются скорби и беды,
И гремит неоконченный бой...
Не бывало ни красных, ни белых –
Мы в душе разбирались с собой.

Лишь родное вступить и сумеет
В этот сад, где шумит листопад,
А чужое, с повадками змея,
Подползёт и отпрянет назад.

Даже Ангела светлую руку
Отвели, словно ветвь от лица.
Дай допить до конца эту муку,
О себе дорешить до конца.

Расчесала медовые волосы,
Увязала их строгим узлом.
«Я дождусь», – проводила вполголоса
И для всех затворила свой дом.

Десять лет за дорогами минуло.
Десять стай пронеслось надо мной.
Я припомнил весёлую милую,
Я пустил было душу домой.

«Что ходить тебе в осень далёкую?
Я рекою по следу теку.
В стольких женщин свою одинокую
Я с тех пор обращала тоску.

Но с тобою удел мой – прощание,
Вброд меня перейдёшь ты везде,
А взглядишься в моё ожидание,
То увидишь звезду на воде.

Не болей только жалобой поздней,
Не тужи: зачерпнул, так испей.
Я рекой провожу тебя звёздною,
Протеку над дорогой твоей».

Я сегодня всех людей люблю.
Эх, дорожка ты моя прямая!
Я губами белый снег ловлю,
Я руками небо обнимаю.

Нашу чашу лёгкий клонит снег.
Где его, в какой я сказке видел?
То с руки твоей струится свет,
Как от ветра иней с ветки ивы.

А потом?.. В какой я тьме блуждал?
Так спит теперь твоё сиянье.
И откуда глупым сердцем знал,
Что тобой простится всё заране?

Эх, дорожка, нет тебя прямей.
Сердце нынче ослепило снегом.
Я живу, я вновь среди людей,
Я руками обнимаю небо.

Чистая комната к Пасхе побелена –
Ясное солнце назвать.
Ты мне от думы тяжёлой да медленной
Руку отводишь опять.

Что, белозубая? Что, сероглазая?
Всех не раздумаешь дел?
Как же случилось, что слишком не сразу я
В мире тебя разглядел.
Тонкую, звонкую, гибкую, русскую...
Понял я нынче – зачем
Всё распускала ты волосы русые –
Россыпь рассветных лучей.

Как угадала ты, как ты проведала?
Там, за разливами бед,
Там, за далёкими соснами медными,
Этот мне чудится свет.

Брежит сквозь дым и туман над болотиной
Трудной судьбы благодать.
Там отдохнём мы с усталою Родиной...
Разве ж такое отнять?

Что ж ты, Катя, хмуришься во сне?
 Наживёшь, красивая, морщины.
 Для того ли ластилась ко мне,
 Да чертила знаки на окне,
 Да с утра смеялась без причины?

Над тобой, как месяц молодой,
 Русый волос катится за плечи.
 Задержи сиянье над рекой
 Ты своей весёлою рукой,
 Отведи с дороги этой млечной.

Занялись под вечер купола.
 В первый раз тебя увидел спящей.
 Засыпал – ты сон мой стерегла.
 Просыпался – ты была светла
 И легка, как ветерок над чашей.

Что ж ты, Катя, хмуришься во сне?
 Наживёшь, красивая, морщины.
 Для того ли ластилась ко мне,
 Да чертила знаки на окне,
 Да с утра смеялась без причины?

Задержи покорностью своей.
 Жизнь давно несёт меня куда-то.
 И боюсь я, Катя, всё сильней,
 Что лечу всё дальше от людей
 В хмурые осенние закаты.

Напоследок нагляжусь на Москву.
 Отчего я так задумчив и тих? –
 Как на острове средь моря живу,
 Словно в пуще – среди лиц дорогих.

Ах вы, други – золотой мой полёт!
 Видел вас и словно видел я рай,
 Там, где солнце на престоле живёт,
 На закате оставая мой край.

Ну а дальше – мне Москвы не видеть.
 Кроме улиц и железных в них рыб.
 Но окликнула церковей её стать –
 Как живое среди холода глыб,

Ах ты, стая... Мне в раздолье пора.
 Ждать недолго остаётся зимы.
 Всё родней вы, будто вправду за грань
 Этой стаей переселимся мы.

Словно чистые глаза среди зла,
 Лебединый среди зыби покой –
 Вот раскинет, как сиянье, крыла
 И простится с неродною рекой.

На вечерней дороге постою у откоса:
 Что там есть за лесами – далеко ли до снега.
 Поистлели оглобли, раскатили колёса,
 Но сверкает осями золотая телега.

Но стада над покоем потянулись высоко,
 Но ни шири, ни ветра не убыло от века.
 Что ты знаешь такое, молчаливый осокорь?
 Что не терпишь поведать, хлопотливая ветка?

Иван ЧИСЛОВ (Россия, Москва)

член Союза писателей России

Деревня

Снега серебристое мерцанье,
 И над лесом – полная луна.
 Уходя в безмерность расстояний,
 Белая застыла тишина.
 На деревьях иней от мороза
 Искорками светлыми горит.
 И стоят задумчиво берёзы
 Над притихшей порослью раakit.
 Белизной пороша забросала
 И поля, и тополя, и сад.
 Тоненькие ветки краснотала
 От ночного холода дрожат.
 В свете звёзд, таинственном и древнем,
 В океане хрупкой тишины,
 Тихо-тихо спит моя деревня...
 Ей, наверно, тоже снятся сны.

Начало

Не повторить дорог пройденных
 И дней прожитых не прожить...
 Под синим тентом небосвода
 Кольшутся колосья ржи.
 На горизонте три берёзки,
 Польшь маячит вдалеке.
 Заката тёплая полоска
 И облака лежат в реке.
 Их режут рыбы плавниками,
 Глядят ромашки в их покой...
 А где-то за материками
 Срывает кливер штормовой
 Свирипой лапой урагана.
 Ветра, как погребальный плач...
 В безбрежной страсти океана

Былинки тоненькие мачт.
 Два мира – зелени и сини
 Столкнулись в сердце,
 Тронув стих,
 И красотой певучих линий,
 Искрясь, звенел любой из них.
 В морях, раздольных и былинных,
 Где вместе радость и печаль,
 Кренясь, летела баркентина
 В неугасающую даль.
 Жизнь шла к черте,
 Где всё смешалось –
 Шторма и чуткость тишины,
 Берёзок солнечная радость
 И горечь вспененной волны.

Григорий ШУВАЛОВ (Россия, Москва)

Переход

На бедность пиликает скрипка,
за совесть, обиду и страх.
Недетской выходит улыбка
на детских, поджатых губах.

Мотивчик тоски и неволи
запойный отец стережёт,
и тычется классика боли
в московский, глухой переход.

* * *

Моё детство не верило в горе:
я играл во дворе дотемна,
улыбался, сидел на заборе,
но недетскою стала весна.

А когда всё закончилось летом,
я от шалостей детских отвык:
всё сидел вечерами со светом
и учился спокойствию книг.

И когда в нашей доблестной школе
утверждался закон кулака,
постигал я понятие боли
от ударов в живот и бока.

Выходил на прогулку, сутулясь,
и не думал об этом всерьёз.
Это только потом затянулось,
это только потом утряслось.

И валялся на землю в бессилье,
и пощады себе не просил,
и месили меня, и месили,
и один я домой уходил.

Вечерами мы пили в подъезде,
и, домой возвращаясь ко сну,
я глядел на развалы созвездий,
как уже никогда не взгляну.

* * *

Как осень за дымкой тумана,
как праздники, пьянки, цветы,
надежда – продленье обмана,
обман – продолженье мечты.

Калёная прихоть, причуда
с поправкой на гений и труд.
Свалить бы скорее отсюда
туда, где жалеют и ждут.

И после такого нелепо
в сознание чужой правоты
смотреться в московское небо,
где нет ни единой звезды.

Соринка, жестянка, шутиха,
мелькнувшая в сизом дворе.
Мне будет спокойно и тихо
лежать на Поповской горе.

* * *

Упала капля света
На влажную сирень.
Стихи – лишь тень поэта,
Стихи – всего лишь тень.

Когда меня не станет,
Читатель – рифмоплёт
Стихи мои помянет
И в тень мою зайдёт.

* * *

Живу в Москве, как эмигрант –
 Не унываю.
 Господь вдохнул в меня талант
 Я точно знаю.

И современник я не ваш,
 А так – припёка,
 Хотел подставить карандаш –
 Подставил щёку.

И мне Москва всей пятернёй
 Дала с размаху.
 И снится мне не вечный бой,
 А вид на плаху.

Русское поле

Эх, вино – приворотное
 Зелье – обожгло нас похлеще войны:
 Воскресенья не будет с похмелья
 Для меня и великой страны.

Мы на мельнице совесть смололи,
 Наши прадеды нам не простят,
 Что качается русское поле
 И бутылки, как пули, свистят.

* * *

Взирая на трубы завода
 И церкви разбитый хребет,
 Выходит поэт из народа,
 Как тени выходят на свет.

Забуть эти дрызги и кипеж,
 Спокойно дожить до седин,
 Увидеть, как сказочный Китеж
 Всплывает из тёмных глубин.

Течёт-утекает водица,
 Как этот денёк голубой.
 Хотел бы я снова родиться
 И встретиться снова с тобой.

Смотри – словно белые птицы,
 Уходят на юг облака.
 Хотел бы я снова родиться,
 Хотел бы, да жизнь коротка.

Новый Сократ

Как волны бьются об утёс,
 Так мысли бьются о сознание.
 Вопрос, вопрос, ещё вопрос –
 Утёс меняет очертанья.

Окно, открытое во двор,
 Как сеть, улавливая звуки,
 Несёт ревнителю науки
 Привычный вздор.

И тает, тает жизнь моя,
 Как сахар, в беспощадных волнах,
 И солнце ходит, как подсолнух,
 В тревожном круге бытия.

Шумит пятиэтажный лес,
 В бокале плещется цикута,
 И, как топор, висит минута:
 «Мне скучно, бес».

Григорий ПЕВЦОВ (Россия, Москва)

Чернеют старые дубы,
 Размеренно звенят цикады,
 И знак неведомой судьбы
 Хранят в мерцании Гиады.

На мир сошла ночная мгла,
 И то, что днём так сердцу мило,
 Звезды упавшая стрела
 В пучине вечности затмила.

* * *

Там, в облаках золотых колесниц
 Медленно день догорал...
 Следом за стаей взлетающих птиц
 Поезд по рельсам стучал.

Вечер над вечностью далее седых
 Медленно плыл за окном.
 Плыл в очертаниях елей немых
 Сумрак гигантским крылом.

Сердце устало мгновенья считать.
 В крике испуганных птиц
 Медленно день продолжал догорать
 Заревом дальних зарниц.

* * *

Издали казались сладки
 Злые, дикие края.
 Заманила, окрутила
 Непостижная земля.

Там, в зловещей тьме, хохочет,
 Режет сумрак грозовой
 Чёрный спутник южной ночи –
 Трахикарпус роковой.

ЭСТОНСКАЯ ТЕТРАДЬ**Галина АНДРЕЕВА (Эстония, Пярну)****Осеннее**

Снова осень, снова осень...
 Как прощальная улыбка,
 Неба просинь.
 Дальней тучею темнеет птичья стая,
 И метель кружит по ветру золотая.

Так дождливо, так дождливо...
 Непогоду пережду я терпеливо.
 Мне не жаль нарядов летних изумруда
 В ожидании серебряного чуда!..

Уходит лето

Глаза печально смотрят вдаль,
Умолкла песня, не допета.
Звенит наполненный хрусталь,
А мне так жаль – уходит лето.

Вуаль осенних паутин
На травы летние надега,
И шелестит листва осин
Им в унисон – уходит лето.

Твоей рукой оживлена,
На грусть не требуя ответа,
Исторгнет чуткая струна
Прощальный звук – уходит лето.

Оно уходит, и его
Уход мои потери множит.
И мне не легче от того,
Что не уйти оно не может ...

* * *

Повеют холодом ветра,
И грусть причалит.
Меня осенняя пора
Всегда печалит.

Деревьев падает листва –
Не удержаться,
И безысходные слова
В строку ложатся.

А впереди ещё зима,
И тьма, и стужа,
И одиночества тюрьма–
Чего нет хуже.

Весны дождемся – будем жить -
Одна отрада.
И ничего не изменить,
Да и не надо ...

Борис АРТЮХОВ (Эстония, Таллин)

Слёзы

Накрапывал колокольный дождь!

М.Цветаева

Куполов бессонница –	В синеве купаются	Тени набегают
Золотой покров.	Жёлтые кресты,	На глаза икон.
В небесах расходится	Возле плит качаются	Слёзы. Слёзы. Слёзы.
Гул колоколов.	Синие цветы.	Пе-ре-звон!

Мой Таллин

Неужто песенка отпета,
И Таллин – мой финал. Тупик...
Он отворачивал свой лик,
Словно от бешеного ветра,
И сердцу не давал ответа...
Я, впрочем, ко всему привык.

Как будто утренний туман
Бродил по улицам без спроса
С ватагой списанных матросов,
И брагой пенился стакан...
Куда был зван или не зван -
Никто не задавал вопросов.

Молчали стены. Кто ж раздул
Уголья юмеровских сосен,
Кто в роковую ночь нас спросит,
Какую весть душе доносит
Морского шторма дальний гул...

Простит ли скорбная земля,
Простят ли кейлаские ели,
Что я в личине бобыля
Рос на задворках высшей цели?!..

Простит ли самый лучший друг
За то, что не ходил кругами,
Как Одиссей, не ладил лук,
Чтоб рассчитаться с женихами!..

* * *

И кажется–нет постылей
В белёсой гудящей ночи
Вьюги зловеще-унылой,
Пронизывающей кирпичи.

И кажется–боли и мрака
Довольно! Чему же я рад,
Увидев, как носится в поле
Сошедший с ума снегопад...

Гуляй, прихотливая вьюга,
Туши вдоль дорог фонари.
Мы можем увидеть друг друга
На узкой полоске зари.

* * *

Мне б слова отыскать –
Поставить точку.
Мне бы вызволить из суеты
Бесплодной проклятой ночи
Незамаранными мечты.

Мне б тебя вернуть–
Как слепому–зренью!
Да разве же это –игра?
Кара. Расплата. Отмщенье–
Стылым сидеть до утра.

Владимир БОВСУНОВСКИЙ (Эстония, Нарва)

То не колокол громко звонит,
Весь окрестный народ поднимая,
То Господь нам с небес говорит
О наличии ада и Рая!..
Чтобы каждый из грешных людей
Призадумался снова и снова:
Удостоен ли жизнью своей
Вечной милости мира иного?..
Суть всей жизни предельно проста:
Бог – Любовь!.. И нет чувства сильнее!
Лишь внимая законам Христа,
Сможем стать мы мудрей и добрее!
3 апреля 2009 года

* * *

Аромат весенний
Запах новизны.
Чудо Воскресенья
Ласковой, чем сны!..

Отворилась дверца,
Заиграла кровь.
Окрыляет сердце
К Господу любовь!

Перезвон Пасхальный
Слышится вдали
– Чтобы стать добрее
Люди всё смогли.

Яркий луч спасенья
Засиял с небес.
Нам открылась правда,
Что Христос воскрес!
7 апреля 2009 года

Надежда БРЯНЦЕВА (Эстония, Пярну)**Маме**

А за мною не плачь, не надо -

Это время моё пришло...

В.Бурмакова

Образ мамы не изгладится -
Память цепкая жива...
Мамина слезинка катится,
Слышу мамины слова.

Отболело сердце нежное,
И душа покоя ждёт.
Даль открылась безмятежная,
В путь– дороженьку зовёт.

А дорога уходящая
Хвойным запахом полна...
Мамина душа парящая
С высоты небес видна.
09.11.09.

Прошла по краю острия...
Вернулась из небытия –
Остановилась.
Как страшен мой кошмарный сон,
Но душу исцеляет он, -
Я – изменилась.

Беспечно трачу время зря,
А где-то теплится заря,
И сроки близки.
Что я могу взять за черту –
Лишь лучезарную мечту
В закате диска.
03.11.02.

Геннадий ВЕРЕЩАГИН (Эстония, Пярну)

А на финише – как на планку,
И с рекордом, хотя бы личным!
Всё решает пехота, а танки
Догорают в бою, как спички.

Я смиряюсь для взрыва воли
Православием и державой!
Потому я в когорте соли -
Той, что в силе, не той, что ржава.

Я умру, но на поле боя.
Умереть на дому – потеря!
Иудеям я – из изгоев,
Православным я – брат по вере.

И по мне моя пуля стонет
И холодная сталь булата,
Только время меня не тронет:
Я с ним в сговоре, я заклятый!

Моё тело – врагу добыча.
Скорбь по телу – забота брата.
Вы попробуйте тело вычесть,
Что останется, то и свято!

01.01.2009

Мы видим то, что нам дано увидеть,
Что не дано – то уровень богов,
А выбор: иль любить – иль ненавидеть,
Не требует излишества шагов.

Но время нам дано для примиренья.
Чем меньше час раздумий – тем глупей
Самообман – основа самомненья
И гибели грядущих степеней.

Счастливыцы – кто земное знали тенью,
Кому сокровищем являлся божий стих,
Чем глуше скит и чем мрачнее келья,
Тем больше свет от Бога в нас самих.

10.08.2008

За фантазии – ответите,
Но по правилам ментальности,
Все фантазии – герметики
Недостаточной реальности.

Но нельзя увлечься чувствами,
Это – прелюбодеяния.
То, что скрыто за искусствами,
Недостойно раздевания.

Фантазёры – дорисовщики,
Прояснители подробностей,
Фантазёры – дрессировщики
Наших умственных способностей.

Может, ты моя фантазия
В сердце, что никем не занято?
Хорошо, что есть оказия
Нашей встречи в достопамятном...
22.11.2008

Что есть, то есть – мне большего не надо.
Табу на всё, что в жизни не моё.
И мне несносна человечья падаля
И жрущее ту падаля шакальё.

Прости мне, друг, обман и равнодушие.
Прости налитый до краёв стакан.
И то, что не хотел тебя послушать,
Когда ты ставил на волков капкан.

Мне друг и только. Ну и что, что беден.
Он духом полон как весна листвою,
И завтрак на двоих бывает съеден,
И друг бывает пьяный или злой.

Я, как и ты, с утра накину маску,
Начну смеяться или громко петь...
Жизнь коротка. Всё остальное – сказки,
И даже то, что есть вторая смерть.
27.01.2009

Но где-то под лохмотьями зарыта
Душа живая – тельце малыша.
Ей деда жаль, а не жену с корытом.
Её отогреваю не спеша.

Предел у любви – распятые,
У ненависти – пустыня.
Люди по крови – братья,
А по уму – гордыня.

В цвете – соблазны мира,
Исчадия богоборцев.
Не сотвори кумира
Из смеха и смехотворцев.

Я не люблю цветного:
Белого с чёрным хватит
Изобразить любого
И в наготе, и в платье.

Падая в ноль как птица,
Помни, в тоске сгорая,
Что человек – единица,
Отнятая у рая.
25.05.2009

Георгий ГЕОРГИЕВСКИЙ (Эстония, Кохтла-Ярве)

Боянова песнь

Я без толпы силен, но голос Мой негордый,
хоть не берёт «на чай», с эстрад и не реком.
Трубят в глуши времён все три Моих аккорда,
обрушив невзначай немой Иерихон.

У всех Я на виду, хотя не замер в зале, –
сердечное литьё застылостью не врёт! –
чтоб птицы на лету уже не замерзали
и чтобы их людье не забивало влёт.

Бестрепетно глядит Огонь грядущих зорь на
заявленную честь громам казённых лир.
А песни из груди, раздавленные зёрна,
всё норвят процвьсть в нерукотворный мир!

И в песенном огне расту из-под колёс Я.
Кто в узах! Погоди и не околейвай:
уже взошли оне – сердечные колосья
в разорванной груди – Христу на каравай!
2009

Песня слепого бандуриста

Поспевая и шажочком,
сердца всё не запалю,
в лапоточках с посошочком
по Украине пылю.

Кто меня не оберёт и
не прогонит за лес тот!
Но пока иду вперёд Я –
сердце мхом не зарастёт!

Я за те ли, эти ль вины
и с пустой мошной прожил.
В ров низвержен был Я львиный –
и со львами подружил!

В сердца глубь раздёрнул шторы,
как Мне дольний свет померк,
в горние пределы чтобы
заглядеться без помех.

Зодчий песенного мира,
помню, посошок храня:
с посошочком Мне и лира –
как незримая броня!

Хитро лязгая клыками,
коль Я к ним поворотил,
вместо хлеба дали камень,
чтоб Я в песню превратил –

то ль казак, то ль лыцарь латный
сунул от сердечных ран:
что не жалко, то и ладно –
всё сойдёт на Божий храм!

В думах, кровию политых,
заспиваю из огня,
як там Хмель на посполитых
силу Божу разогнал!

Всем Украйна, вишь, невеста!
Всем наш край подорожал! –
коль Ярёма Вишневецкий
и пред Хмелем не дрожал!

Жив, спиваючи над бездной,
Я под струнный рокоток,
коль Богдана Царь Небесный
поддержал под локоток.

Позади утрат дурманы
в спину тычут озорно.
Но полным-полны карманы
новым песенным зерном!

Глотки, злобою урчащи,
вольных дум не оскопят –
на слезах Моих горчайших
новы, краще тех, вскипят!
23.02.2006

Запорожская песня

*Как шли ляхи на три шляхи,
а татары на четыре...
Украинское присловье*

*Щоб нашим ворогам було тяжко!
Запорожский тост*

Как шли ляхи на три шляхи,
а татары на четыре...
Что ж не сметь им, вражьим детям,
коль им тесно в Божьем мире!

Коли бунчуки казачьи
сбиты бурей-ураганом,
коли гетман Сагайдачный
пал под турецким ятаганом!

...Непричаленные струги
наши беды довершали.
...Атаман Сулима с други
на колу сидит в Варшаве.

Как шли ляхи на три шляхи...
а татары на четыре...
Что ж не сметь им, вражьим детям,
коль им тесно в Божьем мире!

Заплела на шее руки,
до мучительного стога,
наша смертная порука
как любовная истома!

Закаляют жар и холод
казачине дух и тело.
Из небесной кузны молот
всё крушит, что омертвело!

Как шли ляхи на три шляхи...
а татары на четыре...
Что ж не сметь им, вражьим детям,
коль им тесно в Божьем мире!

Хоть посулов-то ясачьих
хану нынче не копило,
Снова кровушкой казачьей
панство мир себе купило.

Свой пихая в руки рай нам,
рады римские сутаны
для погибели Украины
замириться и с султаном!

Как шли ляхи на три шляхи...
а татары на четыре...
Что ж не сметь им, вражьим детям,
коль им тесно в Божьем мире!

Вот мы, раззадорясь круто,
горе оторвём да бросим!
Ни у хана, ни у круля
мы свободы не попросим!

– Бахарь, Богу угоди ты,
пробряцай на вешей лире:
скоро, трохи погодите,
батька Хмель нас всех помирит!

Как шли ляхи на три шляхи...
а татары на четыре...
Что ж не сметь им, вражьим детям,
коль им тесно в Божьем мире!

Божий промысл все, да разом,
мукой сердца оросили!
Отыскался след Тарасов
от Украины до России!

Как шли ляхи на три шляхи,
а татары на четыре...
Нашу веру и на плахе
сберегли мы в этом мире.
1.05.2005

Владимир ЖИЛКИН (Эстония, Кохтла-Ярве)

Из сборника «УЗНАТЬ СЕБЯ»
(Стихотворения в прозе)

1. Воз сена

Далёкое-далёкое детство... Лето. Закончились покосы. Сено высушено. Сено с дальних лугов развозят на телегах по сеновалам. Я сижу на верху воза с сеном. Я – маленький. А воз – большой и высокий. Дорога неровная, и телега едет как бы прихрамывая, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда очень сильно. Как пьяная.

И я тоже пьян. Волшебно пьян. Пьян от колдовского запаха сена, пьян от чарующих запахов со скошенных лугов. Пьян от колдовского многоцветья высушенных трав, от волшебных красок вечеряющего неба. Пьян от ласкающих всё моё маленькое существо звуков: поскрипывания телег, фырканья лошадей, стрекотанья кузнечиков, тихих спокойных разговоров мужиков, идущих рядом с телегами.

Кажется, что всё на свете состоит из этой необыкновенной радостной симфонии запахов, красок, звуков; и хочется, чтобы воз ехал долго-долго, всю жизнь.

Это удивительное путешествие на возу сена – самое прекрасное, что случилось со мной в жизни. Иногда мне кажется, что это была встреча с самим Богом. Все остальные годы моей долгой и трудной жизни были только постоянным растрачиванием этих божественных запахов, красок и звуков.

23 октября 2004 г. Кохтла-Ярве

2. Спокойствие

Спокойствие осенних деревьев, облетающих и облетевших...

Спокойствие седых зимних деревьев...

Спокойствие весенних деревьев, одевающихся в нежность зелени...

Спокойствие деревьев лета, набравших силу...

Спокойствие умерших деревьев...

Божественное спокойствие деревьев...

Спокойствие, которого давно нет у суетных жителей города, а на сегодня и у нервных жителей села.

24 октября 2004 г

3. Вечен

Я смотрю на деревья. Всё вокруг них вечно. Вечна земля, питающая их корни. Вечна вода, питающая их тела. Вечен воздух, играющий их листьями. Вечен огонь Солнца, каждой новой весной дающий им новое цветение. Если всё вокруг деревьев вечно, значит, сами они тоже вечны...

Я смотрю на людей. Всё вокруг них вечно. И земля, и вода, и воздух, и дух-огонь. Если всё вокруг людей вечно, значит и сами они вечны. Только многие люди, как и деревья, не знают или забыли об этом...

Я и сам узнал об этом недавно, мне об этом рассказали деревья...

Как прекрасно знать, что всё – вечно! И я тоже – вечен!

31 октября 2004 г

4.

Я познал однажды Твоё чудесное прикосновение. Я никогда не забуду это огненное прикосновение. Ты есть Огонь!

Я познал ласковое прикосновение ветра к моему телу. Я осознал, что воздух – это Ты!

Я познал очищающее, возрождающее действие воды. Я осознал, что вода – это Ты!

Я познал целебную силу земли и всего, что на ней. Я осознал, что земля – это Ты!

Мы отравили воздух, мы отравили воду и землю. Мы хотим отравить Тебя?

Но разве можно отравить, убить Тебя? Разве можно убить Огонь, Огонь-очиститель?

Мы травим и убиваем себя! Самоубийцы!..

Я никогда не забуду Твоё огненное прикосновение. Ты есть чудесный Огонь!

31 октября 2004 г

5.

Опять апрель зимы залижет раны,
И выплывут из долгой темноты,
Как сон прекрасный, юности туманы,
Любви начальной чистые черты.

И сквозь покров апрельского тумана
Сквозь немоту душевной пустоты
Ты уплывёшь бездумно, перевозданно
К истокам неизменной красоты.

Идёшь себе по городу неспешно,
Себя в других обличьях узнаёшь,
И всем желаешь жизнь прожить безгрешно,
Не зная мира дьявольскую ложь.

10.04.05 г. Кохтла-Ярве

6.

Среди прошлогоднего сора,
Веток, листвы, шелухи
Вышли для радостей взора
Подснежники, очень тихи.

Чисто весну начиная,
Они мне – такой укор.
И видится жизнь иная
Сквозь дней моих прошлых сор.

17-18.04.05 г. Куремяэ

7.

И снилось мне: зима, любовь моя,
Мы – в городе большом, мы одиноки,
Идём куда-то, нет у нас жилья,
И денег нет, и люди так жестоки.

Весь день меня преследует сей сон,
Его воспринимаю так реально:
Я был когда-то точно так влюблён,
И было всё, как в этом сне, печально.

19.04.05 г. Кохтла-Ярве

8. Марине А.

Марина, скоро стает снег,
И птиц опять вернутся стаи...
Жизнь – это ряд заветных вех:
То манавантары, то прадаи.
И снова веха: 45!

Центральная, быть может, веха.
Всё прошлое пришло сиять
Залогом верного успеха
В работе, в дружбе и в любви,

В познании сил своих и мира.
Ты вехи новые твори
Среди разбоя, драк и пира
Страстей разнузданных, потех.

Пусть будут светлыми пралайи!..
Марина, скоро стает снег,
И певчих птиц вернутся стаи.
29.03.05 *Кохтла-Ярве*

9.

Жизнь проходит то в угаре, то в кошмаре.
Но и светлая бывает полоса...
Помню кружево листвы на тротуаре,
Чьи-то тихие ночные голоса.

Мы идём с тобой по Вологде старинной,
Мы свободны от невзгод и суеты.
В этой улице, как будто вечность, длинной
С небесами мы и с городом слиты.

Мы слиты с тобой со строчками Рубцова
И с поэзией, что всюду разлита.
И так ясно, что «вначале было Слово»,
Что поэзия по-прежнему свята,

Что поэзия есть светлая дорога
К тому дому, где нетленна красота,
Что поэзия — всегда касанье Бога,
Неожиданно сошедшего с креста.
30-31.07.82, 24.05.05 *Вологда. Кохтла-Ярве*

10. Из окна автобуса

Я еду в Таллин
И ещё куда-то.
Я еду в тайну...
Жизнь есть утрата
Вещей, иллюзий.
Что есть реальность?
Привет обузе
Стремиться в дальность!
Жизнь есть банальность
Всяких мельканий,
Как на TV каналах:
Полей и зданий,
Реченок малых,
Цветов июньских,
Эстонцев, русских.
И моря близость и необъятность,
И чувств невнятность.
У птиц есть крылья, а у поэта
Есть вдохновенье.
Куда я еду?
В стихотворенье,

Что мне слагает
Дух этих далей,
Дух этих высей!
Есть жизнь другая,
И мы зависим,
Хотим ли, нет ли,
От зова духа.
Мелькаем листьями.
На планете
То дождь, то сухо.
И очень часто мы так бесплодны.
А виденья мои так бесплотны.
Хочу увидеть я сквозь мельканья
Людей духовные состояния.

Я еду в Таллин?
Я еду в тайну!
18.06.05 г. *Дорога*

Аврора НЕВМЕРЖИЦКАЯ (Эстония, Таллин)**М.Ц.**

По чёрному следу,
По тёмному лесу,
За кем – неизвестно ...
Куда – интересно ...
Толь – к свету,
Толь – в прорву –
В том разницы нет –
По снежным сугробам
Один только след...

**В узеньких улочках
Таллина**

В узеньких улочках
Глухое эхо
Бьётся о стены и крыши домов.
Кто-то
Как будто в карете проехал –
Слышится дробная песня подков.
В час,
Когда Время
Над городом спящим
Суд свой
Неправый и правый вершит,
Томас железный,
С душой
Настоящей,
Снова к своей Маргарите
Спешит.

Аврора Невмержицкая (в девичестве – Власова) родилась 03.09.1937 года в городе Рыльске Курской области. Писать стихи начала рано, с шестнадцати лет печаталась в Медвенской районной газете, участвовала в телепередаче «В добрый путь», которую вёл Сергей Наровчатов, публиковалась в воронежском литературном художественном журнале «Подъём», затем - в эстонской русскоязычной прессе, литературных сборниках и альманахах, выступала на республиканском радио, на различных литературных вечерах, возглавляла дискуссионный клуб «Встречи» и «Со-Творчество».

Выпустила авторские сборники стихов: «Крылья Надежды» и «Белые сны». В последние годы публиковалась в десяти тематических сборниках в Москве: «Времена года», «Мой любимый город», «Загадки души», «Поэтам Серебряного века», «Посвящение Марине Цветаевой» и др. Есть публикации в Санкт-Петербурге. Член Союза поэтов Эстонии с 2003 года.

* * *

Я надену платье
 лучшее-
 То, что соткано
 из облака.
 Как плащом
 накроюсь тучею
 С горизонта
 недалёкого.
 Зачерпну ковшом
 Медведицы
 Из галактик дальних
 сини.
 Заколю причёску
 месяцем,
 Чтобы стать
 чуть-чуть красивее...
 И приду к тебе
 нежданная,
 Удивляю
 своею нежностью...
 Напою тебя
 туманами
 И предутреннюю свежестью.
 Я возьму тебя,
 усталого,
 За большие руки
 тёплые...
 Уведу на тропы
 талые,
 Где стоят берёзы
 мокрые,
 Где чуть слышен
 шёпот моря...
 Уведу!
 С судьбою споря!

Кони

Вдали, на росистой поляне,
 Где высветлил сосны закат,
 Я вижу, как в строгом молчаньи
 В объятиях кони стоят.

Понятно молчание встречи,
 Ведь мы с тобой тоже
 стреножены.
 Тревожно друг другу на плечи
 Печальные шеи положены.

А им бы лететь раскованно,
 Лишь гривы в полёте путая!
 Но путы не снять –
 рискованно...
 Смирись же ты, вольность
 глупая!

И нам не уйти далеко...
 Встречаемся так осторожно.
 Тебе без меня нелегко...
 А мне без тебя – невозможно!

Вдали, на росистой поляне,
 Где высветлил сосны закат,
 Обнявшись, как будто в
 прощаньи,
 В молчании кони стоят.

Питерский дождь

Убыстрённый шаг –
 Гонит дождиком.
 Лишь украдкой взгляд
 Из-под зонтика.
 Купола церквей
 В серой мороси.
 Но слова теплей
 В хриплом голосе.
 А с Невы ветра

Зонтик рвут из рук.
 Грозный взгляд Петра
 Растревожил вдруг:
 – Что с тобою, Русь,
 Нынче деется?
 За узду возьмусь –
 Переменится!

По асфальту дождь
 Расплескал века...
 Ты со мной идёшь
 И в руке – рука...

Василий САЗОНОВ (Эстония, Таллин)

Глагол поэзии мятежной
Средь глухомани и нужды,
Как во спасенье ветер вешний,
Благие в засуху дожди.

И Русь внимала изумлённо,
И постигала свой язык,
И хорошела, как Мадонна,
Испив живительный родник.

А он внимал своей подружке
В избушке тёмной, при свечах,
Ещё не всем известный Пушкин,
Лишь гений в няниных глазах.

* * *

Выйду за порог и вздрогну оттого,
Что тополь мой засох, незнамо отчего?
А как шумел листвой на яростном ветру!
В осень, как костёр, был виден за версту
И вдруг – весь почернел, как побывал в Аду,
И путь означил мне, а может быть, судьбу?
И эта мысль меня подхлёстывает жить,
И в жизни, Ангел мой, тобой лишь дорожить.

* * *

Моя бесхитростная Муза,
Как незаконное дитя,
Несчастной беженкой Союза
Бредёт неведомо куда.

Ночует в тёмной каталажке,
Где счёты многих сведены...
А утром вскинется пораньше
И будет путать явь и сны.

В дырявом платице, босая,
С мольбой в испуганных глазах,
Она стоит пред образами –
С безмолвным криком на устах.

Брести в туман от лиха к лиху
Невидимкою в миру.
Мой тяжкий грех, мои вериги,
Так с этим, видно, и умру.

* * *

Зыбок берег – сплошь трясина,
И не ловится карась.
Есть тому одна причина –
Тучка с громом пронеслась.

Воздух сдобрила озоном,
В лонах радугой светясь.
Поутихли птичьи звоны,
И не ловится карась.

Посветила, погремела,
Как весёлый фейерверк.
Провожала громом стрелы
Оглушая всё и всех.

Я поймал себя на мысли,
С меркантильностью простясь,
Что вполне доволен жизнью,
Как непойманный карась.

* * *

Не выразить словами удивленья –
Открылось море с горной высоты,
И замер я, охваченный волненьем,
Открывшейся внезапно красоты.

С мечтою будто дивное свиданье –
Как сотворенье Мира в краткий миг.
И я забыл о каверзах изгнанья,
И обо всех обидчиках моих.

* * *

Дивны встречи на трудной дороге,
Встречный странник, как добрая весть,
Кто кому из нас будет подмогой,
Облегчением тяжести с плеч?

Тут сгодится и ложь во спасенье,
Дабы посох не выпал из рук.
Неизвестный, загадочный гений –
Постижимым бывает не вдруг.

Поднимусь я в рассветном свеченье,
Распрямлюсь стебелёчком цветка.
И не жди от меня отреченья –
Только прошлым душа высока.

* * *

Зажигались знакомые звёзды
В предвечерней сквозной вышине,
Соловья оглашённые звоны –
Бурь пророчили ранней весне.

Ошалелое время безбрежно
Всех счастливых мечтами дарит,
Всех бодрит окрылённостью вешней,
Только в сердце разбитом грустит.

Только раннее так ненадёжно,
Как чудесное слово «Авось»,
Всех затей предсказать невозможно
В перепалке разительных гроз.

Скорбно – праздничный чувства оттенок
Мне наваял увядший цветок,
Что лежал у тебя на коленях,
Как любви отрешённой упрёк.

* * *

Звенят цикады в поле диком,
Не отмахнуться, не уйти,
Где светит каждая травинка
Росинкой солнечной в горсти.

Приветливо распелись птицы
Во всю безоблачную высь,
В деревню тянет воротиться,
Но невозврат диктует жизнь.

Давно уж я не деревенский,
Но вот – нахлынуло опять,
И чувством поделиться не с кем,
Осталось – землю лишь обнять.

Владимир САДОВНИК (Эстония, Таллин)

Виденье

Матерям посвящается

Тихим миражным виденьем
Пльвёшь предо мною в ночи...
Безмолвно я светлым моленьем
Просил: оглянись, подожди...

– Чудес не бывает, увь, –
Мне голос неверья шептал,
Но знакам посланца судьбы
Я трепетно сердцем внимал.

Мерцанием дальнего света
Виденье открыло душе,
Что Матерь в неведомом где-то
Прощение вымолит мне...

Сиреневый конь

Лепесток сиреневый
Падает в ладонь,
В сердце зов невеленный
Затеplил огонь.

На сиреновой волне
Я – сиреневый седок,
На сиреновом коне
Превратился в лепесток.

И сиреневый огонь
Замерцал, чуть-чуть.
Появился странный конь –
В грезы путь.

Лепесток сиреневый
На ладонь упал,
Сердцем было велено –
Я тебя позвал.

На сиреновом коне,
Но не вскачь, пльвя,
Закружился и в себе
Я нашел тебя.

Во сиреневый туман
Из твоей ладони
По сиреновому звал,
Поманил: здесь кони!

Вся в сиреновом цвету,
Дуновенья шорох,
И слова «тебя люблю»,
Словно сполох.

На сиреневых волнах
Много лепестков,
На сиреневых конях –
Двое седоков.

Тимофей СИНИЦКИЙ (Эстония, Таллин)

Теперь мне палуб не топтать

Теперь мне палуб не топтать.
 Не ставить паруса и тралы.
 Хотя в душе шторма и шквалы
 Мне не дают ночами спать.

Мне барк крылатый не догнать.
 Судьбой я выброшен на скалы.
 Ветшают корабли, причалы...
 Мне мёртвый якорь не поднять.

Но по ночам, когда штормит
 И море между скал гремит,
 Я парус странствий поднимаю.

Вновь подо мною Океан.
 И я простором звёздным пьян.
 И ветер странствий обнимаю.

* * *

Ещё звенят в душе моей сонеты,
 Хоть август на дворе, а не апрель.
 Ещё кипит страстей весенний хмель
 И любви глазу женщин силуэты.

Ещё нет дум о чёрных водах Леты.
 (Ещё не переплыл ту параллель).
 Ещё не замела дорог метель.
 Ещё волнуют тихие рассветы.

Ещё зовут далёкие моря.
 Ещё тревожит песня соловья.
 Ещё лишь первая в висках сверкнула проседа.

Ещё, ещё... вдруг стук в моё окно.
 Я посмотрел. На улице темно.
 Дверь отворил, – а на пороге Осень...

Людмила СЕМЁНОВА (Эстония, Таллин)

Вы пели Вертинского

О.П.

Боясь уподобиться юной поклоннице,
Скажу я с вершины прожитых высот,
Что Вашими жестами ангелы молятся,
А голосом Вашим природа поёт.

Звучание песни легло в подсознание.
Всплывало, и явственно чудилось мне:
Из окон закрытых магнолий дыхание
В холодной и северной нашей стране.

Вы пели Вертинского, что-то забытое,
О встрече случайной в лимонной глуши.
И эта мелодия, в зале разлитая,
Касалась тончайших нюансов души.

Вы пели Вертинского в зале классическом,
Вибрировал голос в слезе хрустала,
И сила была в том искусстве магическом
И больше, и выше, чем власть короля!
Март 2009

Там

Там осталась моя радость
И живёт, до сей поры.
Мёдом клеверная сладость
Переполнила двory.

Там пьянит настоем крепким
Зелье красной бузины.
И грибы, одевши кепки,
Пересматривают сны.

Там впадает речка Ипуть
В малахит березняков.
Ей не жалко мне отсыпать
Карасиных медяков.

Там, за недоступной гранью,
Звёзд раздробленный хрусталь.
И томится в ожиданьи
Тихо мамина печаль.

Там сурепка вдоль дороги –
Золотистую волной,
Там поля лежат отлого
Необъятной шириной.

Рыжим отроком смиренным
Зарумянится рассвет.
День придёт благословенный,
Но меня давно там нет.
Декабрь 2009

Там торжественный молебен
Пропоёт могучий лес,
И коровка божья хлеба
Принесёт опять с небес.

Муза

Когда меня изводит грусть
И в облаках житейской пыли
Мне кажется, что задохнусь,
Что все давно меня забыли...
Тогда появится Она –
Сестра родная ли, подруга?
Тихонько встанет у окна;
Вдруг явственно запахнет лугом,
И ветер освежит лицо.
Пахнёт лекарственной ромашкой,
Медвяно-терпким чабрецом.

Она в фарфоровую чашку
Заварит мне зелёный чай
С листочками сушёной мяты.
Грусть испарится, невзначай,
А вместе с чайным ароматом
Вплывает ямб витиеватый
И заполняет чем-то новым
Пространство. Рифму я ловлю,
Что ляжет гармоничным словом
В заветную тетрадь мою.
Сентябрь 2009

Татьяна ТАММОЯ (Эстония, Таллин)

Белая ночь

Меж деревьев – паутина.
Зори нежно белёсы...
В тихой речке – не тина,
А русалочьи косы.

Вечерами туманы
Белым призраком светятся.
Нам ни поздно, ни рано –
Суждено было встретиться.

На беду ли, на радость –
Я про это не знала.

Трав медовую сладость
Я росой запивала.

Над водою мерцающей
Где-то там, вдалеке,
Время ноченьки тающей
Растворилось в реке.

И над ивою вешнею
Серебрилась ночь.
И была я нездешнею,
Как русалочья дочь.

Осень ранняя

Жёлто-красные рябины,
Бело-чёрные берёзы
В голубые вод глубины
Листья сбрасывают слёзы.

Клён потрянул роскошной гривой –
Полетела листьев стая.
Осень ранняя игриво
Ярким золотом блистает.

Татьяна Таммоя – родилась в Ленинграде. Получила техническое образование, много лет работала в Карелии. Является членом Объединения Русских Литераторов Эстонии, членом клуба «Лито», Литературного клуба «Гармония». Публиковалась в журналах «Таллин» и «Радуга». Выпустила четыре сборника стихов.

* * *

Расшумелась непогодушка,
Ветер гонит листья старые,
В декабре нет и воробушка,
Лишь вороны кружат шальные.

Замерла да затаилася
Жизнь на всполье, за околицей.
Только речка заструилася:
Всё бормочет, словно молится.

Снега ждёт земля остывшая,
Но мороз не отзывается.
Эх ты, зимушка постылая
Предсказанья не сбываются...
15.12.2007.

ПРОБА ПЕРА

Лилия ХОВАНСКАЯ (Эстония, Таллин)

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Дрёма

Тишина. Замолкли птицы.
Это ночь пришла.
Ребятишкам на ресницы
Дрёму принесла.

Закрывайте, дети, глазки.
Баю-шки, баю...
Волшебство из доброй сказки
Вам я подарю.

И поёт тихонько дрёма
Песенки свои:
Засыпают ребятишки –
К ним приходят сны.

Что сейчас тебе приснится?
Сон слетает на ресницы...
Вот уже закрылись глазки –
Это и начало сказки!

До утра от дома к дому,
Так и ходит наша дрёма:
Волшебство на всей планете,
И во сне смеются дети.

МЫШКИН ДОМ

(сказка-быль)

Летом мышки жили в поле,
Были норки, ели вволю.
Солнце ласково сияло
И мышат не обижало.

Папа-мышь и мама-мышка,
Бантик, Фантик – их сынишки –
Два мышонка – близнеца,
Два весёлых сорванца.

Мышки в тёплые денёчки
Загорали на пенёчке.
Ну, зачем же им трудиться,
Если можно порезвиться?..

На лесной полянке тихо
Расцветала ежевика
И чудесным ароматом
Удивляла земляника.

Лето быстро пролетело.
Пожелтел зелёный луг.
Больше солнышко не грело –
Это осень, милый друг.

Стало мышкам холодно,
Неуютно, голодно.
Кто возьмёт домой мышат –
Будет этому не рад!

Обсудив всё – всё на свете
На мышинном педсовете,
Решено – не стоит ждать,
Нужно зиму переждать.

Мыши долго не грустили –
Ход подземный в дом прорыли.
Так без спроса к деду Мише
Тайно в дом проникли мыши.

Старый дедушка дремал,
Никого к себе не звал.
И не знал, какое горе
Поджидает его вскоре.

И собачка на крылечке
Спит, свернувшись колечком...
А мышата в настроенье
Отмечают новоселье!

Легкомысленные мышки
Со стола стащили пышки,
Угостились молочком –
Веселится мышкин дом!

А пушистый серый кот
Только песенки поёт:
Сочиняет он поэмы –
Не нужны ему проблемы.

Мыши, пользуясь моментом,
Источают комплименты:
«Мур-мур-мур», – такие страсти!..
Браво! Бис!.. – в твоей мы власти.

Громко славили кота –
Лесть приятна иногда.

Но вспылал однажды дед:
– От мышей спасенья нет!
Должен я кота кормить,
Ну а он – мышей ловить.

Вот такие-то делишки:
Бегают по дому мышки
Без заботы и печали,
Ничего не замечая.

Хоть и маленькие детки,
Но от них большие бедки.
Дед стоит на карауле,
А мышата бедокурят.

Он их ловит на столе,
Они пляшут на ковре.
Он их ловит под окошком,
Они прячутся в лукошко.

Настоящее сафари,
Как в пустыне Калахари!..
Но мышата не сдаются
И над дедушкой смеются.

Деду Мише не до смеха,
Продолжается потеха:
Чтоб мышей переловить,
Нужно их перехитрить.

Уважаемые мышки, -
Продолжали спор сынишки, -
Бесполезны все уловки:
Сыр бесплатный в мышеловке.

Обижали деда Мишу
Невоспитанные мыши:
– У него слетела крыша, -
Похихикивали мыши.

Продолжается борьба –
Каждый день идёт война.
Погодите вы, малышки,
Скоро вам наступит крышка!

В доме – страсти. Нет спасенья.
Всё охвачено волнением.
Но ... не будем торопиться –
Мышки могут пригодиться.

С виду милые зверюшки,
А прожорливы, как хрюшки!
И к весне, как не хотели,
В доме крошки все подъели.

Нет, мышинная охота –
Бесполезная работа.
Очень наглые ребята
Эти милые мышата.

Мчались быстро дни недели,
Отступали холода:
С юга птицы прилетели,
Возвратилась к нам весна!

Много по весне забот
И у дедушки хлопот –
Огород вскопать, полить,
И картошку посадить.

Но откуда взять картошки?..
В доме пусто – нет ни крошки:
Беззастенчивые мышки
Съели даже кочерыжки.

Успокоившись немножко,
Дед идёт в пустой подвал.
Где-то было здесь лукошко ... -
Но ... внезапно замолчал.

Расчудесное мгновенье,
Замер он от изумленья:
Вот, полным-полно лукошко,
И... три ящика с картошкой.

С кем придётся объясниться,
Неужели это снится?
Дед глазам своим не верил,
Сосчитал всё и проверил.

Вот полным-полно лукошко,
И три ящика с картошкой...
И задал себе вопрос:
Кто сюда её принёс?

Как могла себя картошка
Положить сама в лукошко?..
Ведь работа нелегка –
Ноша слишком тяжела.

Неужели у картошки
Появились за ночь ножки?
И она пришла в подвал
На весенний карнавал.

Мышки, милые созданья,
Кто отдал вам приказанье?
Чей подвал вы посетили,
Чью картошку принесли вы?

Все соседи удивлялись,
По-хорошему смеялись:
Далеко отсюда банк,
Ну-ка, мышки, все ва-банк.

Огорчался очень Том:
– Был закрыт надёжно дом –
Всё в порядке, только грустно,
Что в подвале стало пусто.

Так заботливые мышки
Отработали за пышки:
Если вам не платят злом,
То и вы тогда с добром!

В скромном маленьком домишке
Удивительные мышки
Веселятся и резвятся –
Больше деда не боятся.

Папа-мышь и мама-мышка,
Бантик, Фантик – их сынишки.
Так вот, мышки старый дом
Превратили в мышкин дом!

Мяу, что я говорил? –
Важно кот заговорил, -
Что не стоит торопиться,
Мышки могут пригодиться.

В доме – пир и финтифлюшки,
Мышкам – пышки и ватрушки.
В доме – счастье и покой,
И покончено с войной!

До свиданья, ребятишки! –
Пропищали мышки в книжке.
Будьте счастливы, здоровы,
Приезжайте в гости в Лоо!

Это – быль. Не небылица.
Подошла к концу страница.
И рассказ необычайный:
Сохранили мыши тайну.

Павел ЛИЛЛЕНУРМ (Таллин-Москва)**«Под знаком белого креста...****Северо-Западная Армия в словах и образах».**

**Выступление на историко-краеведческой конференции «Белый меч»
(Нарва, 24 октября 2009 г.)**

Уважаемые участники конференции!
Дорогие товарищи и друзья!

В этот день и час, ровно 90 лет назад, на ближних подступах к Петрограду решалась судьба России. Сейчас, с высоты наших знаний и опыта, оглядываясь назад, в полный катаклизмов и страданий Двадцатый век, наверное, не будет ошибкой сказать: не только нашего тысячелетнего Отечества, но и многих других стран и народов, ближних и дальних, операция «Белый меч», синхронизированная с наступлением армий Колчака и Деникина, имела не столько военную, сколько исключительно важную политическую задачу – взятие одной из российских столиц позволило бы, наконец, созвать Учредительное собрание и вернуть страну в русло правового развития.

Говорят, история не знает сослагательного наклонения. Возможно. Но, сверяясь с чеканной поступью богини Клио, мы не должны забывать о вариантах возможностей, которые предоставляет нам каждый ключевой узел земной летописи: возможностей реализованных, а ещё более – упущенных. Выбор того или иного пути всегда зависит от современника. То, что сегодня – политика, завтра – уже история.

Бытует мнение, что история никогда, никого, ничему не учит. Это, увы, так. Роковые ошибки, вызванные национальным эгоизмом, ложными фобиями и сумасбродными фетишами, повторяются с завидным постоянством. Тем не менее, это зависит сугубо от нас: прийти другому народу на помощь в тяжёлую минуту и тем самым заложить основы добрососедства и взаимопонимания на долгие годы, если не на века, или поступить по принципу: умри ты сегодня, а я – завтра. Пусть это «завтра» и будет оттянуто на два десятилетия.

В этот самый миг, что мы с вами беседуем здесь, в гостеприимном замке древней Нарвы, там, под Ропшей и Красным Селом, в живописных местах среди деревень и сел с финно-угорскими названиями, уроженец Ревеля барон генерал Фердинанд Раден лично повёл лучший полк Северо-Западной Армии – 17-й Либавский – в атаку на Петергоф, стремясь ликвидировать брешь между российскими и эстонскими частями, в которую хлынули советские курсанты.

Барон Раден, ветеран Русско-японской и Великой войн, Георгиевский кавалер, получивший эту награду за защиту посольства России в Пекине во время китайского восстания 1900 г., сложил в том жестоком бою свою голову.

В память этого замечательного сына России и Эстонии и его доблестных однополчан я хотел бы прочесть поэтическую эпитафию под названием «Венок на гроб убитого воина». Это потрясающее стихотворение Яновской впервые было опубликовано в августе 1919 г. в северо-западной газете «Новая Россия».

*Вокруг ничто не изменилось,
И дни по-прежнему летят:
Одна лишь жизнь остановилась,
И не вернуть ее назад.*

*И люди только написали:
– Он смертью храбрых пал в бою –
И этим словом увенчали
Его угасиую весну.*

*Но перед смертью великой,
И всемогущей, и простой,
Такая честь казалась дикой
И неуместною хвалой.*

*Война и смерть Творцу не нужны.
Его закон святой любви,
И отреченья – вечно чужды
Потокам пролитой крови.*

*Нет, позабудьте эти битвы;
Он тихо пал в другом бою,
Где вечно шепчутся молитвы,
Где тяжело вести борьбу.*

*И чужд теорий зла новейших,
В наш век, исполненный греха;
Он стал на сторону храбрейших –
Его душа была чиста.*

*А потому, забыв людское,
Скажите лучше: Он убит
В незримой битве, где святое
Победным пламенем горит.*

Мое выступление, возможно, будет не совсем обычным. Я не стану говорить о большой политике, собственно, и сыгравшей роковую роль в судьбе белого движения на Северо-Западе, не буду совершать экскурс и в перипетии боевых операций.

Говорят, поэзия – самый близкий путь к душе и сердцу слушателя. Вот о ней, о Белой Лире северо-западников, и пойдёт сегодня речь.

Русский стих вообще всегда завораживает своей удивительной, уникальной мелодикой и образностью, неподражаемой мозаикой формы и содержания. Поэтическое наследие СЗА тем более интересно, что, принимая во внимание чрезвычайно суровое время, в которое творили поэты-северо-западники, даже так называемые «окопные» стихи довольно лиричны, по-философски миролюбивы и полны христианского смирения, что резко контрастирует с озлобленностью, глумливым безбожием и площадной руганью советских поэтов того времени. Далеки они и от слащаво-гламурных виршей про «поручика Голицына и корнета Оболенского».

Эти стихи отражают глубокое чувство патриотизма россиян, вставших, как в 1812, так и в 1914, на защиту Отечества от коварного и смертельного врага. В поэзии северо-западников звучит живой голос здоровой нации, работающей и хлебосольной, сражавшейся за свою землю, свой дом, свою честь и свободу, своё будущее. Потерпев поражение на поле боя после пятилетнего упорного сопротивления, Россия в историческом и духовном плане одержала победу, уйдя в Зарубежье с гордо поднятой главой. Чтобы вернуться спустя 70 лет. Уверен, что навсегда.

Вот, например, стих «РОДИНЕ МОЕЙ», подписанный «И.» и напечатанный в газете «Новая Россия» от 10 апреля 1919 г.

*С первой пулей боевою
Сердце нежное открою
И отдам за отдых твой
Весь мой жар и мой покой.
Будь тверда, моя родная –
Таковы все дети края,
Все с оружием встаем,
Победим или умрем!
Но и в поле умирая,
Мы погибнем, заражая
Сильной волею своей
Стариков, жен и детей,
И они пойдут за нами
Возмущенными рядами...
Снова встанешь ты живой
На крови сынов святой,
Вечной славою блистая,
И под светлый свой покров
Соберешь сынов ты вновь,
Русь, всем русским дорогая.*

Есть ещё один немаловажный аспект поэтического наследия северо-западников, и связан он с религиозной темой. Напомню, что отправным моментом во взаимоотношениях белой северо-западной вооруженной силы и православного духовенства стало благословение Святейшего Патриарха первому командующему Северной Армии генералу графу Ф.А.Келлеру, данное осенью 1918 г.:

«Патриарх Тихон прислал... через епископа Нестора Камчатского генералу от кавалерии графу Келлеру (рыцарю чести и преданности Государю) шейную иконочку Державной Богоматери и просфору...».

Такая исключительная милость первоиерарха РПЦ и после трагической гибели Ф.А.Келлера, в декабре того же года, незримо сопровождала небольшую, но героическую белую армию

Одновременно с водворением элементарного правопорядка и законности на освобождённых Северо-Западной Армией территориях восстанавливалась и духовная жизнь. В войсках Северо-Западного фронта, насколько это было возможно, постарались возродить традиционную структуру российских военных священников и древнюю традицию почитания того или иного христианского Святого как небесного заступника воинской части. В такие даты обычно проводились торжественные молебны, освящение знамен, парады, собрания и т.п.

И хотя практически вся поэзия северо-западников пронизана глубоким религиозным чувством, здесь я хотел бы озвучить именно произведение Е.Дроздовской, появившееся в самом конце марта 1919 г. в газете «Ревельское слово». Мне оно показалось просто берущим за душу.

*Молюсь Тебе за тех, кто там, на бранном поле
Льёт кровь свою за нас... Храни их, Боже мой!
За тех молюся, кто уже не дышит боле,
Кто пал в бою и спит в земле сырой...*

*За матерей молюсь... ты слышишь их рыданья?
Они душою там, где льется милых кровь...
Храни их, Господи, от нового страданья,
Верни им сыновей, пусть их обнимут вновь!*

*Молюсь Тебе за всех томящихся в разлуке,
За жен покинутых, измученных тоской;
Они не ропщут, нет, но ты их знаешь муки,
Дай сил им, Господи, и сердцу дай покой!*

*Молюсь и за детей, оставленных отцами,
Их ручки слабые протянуты к Тебе,
Ведь их отцы ушли за Родину борцами...
Храни, Господь, детей, внемли моей молитве!*

Подчеркнуто христианской была и символика северо-западников, главным смысловым элементом которой выступал белый равносторонний, т.н. «греческий» крест. Его изображение присутствовало на нарукавной эмблеме воинов СЗА, на трёхцветных национальных знаменах Северо-Западной области, на официальных штемпелях и денежных купюрах. Существует легенда, проливающая свет на происхождение знака белого креста. Ротмистр А.Ефремов, один из офицеров Особого конного отряда С.Н.Булак-Балаховича вспоминал, что в конце ноября 1918 г., когда части Псковского корпуса в тяжелейших условиях отступили в Эстонию, в районе м.Нейгаузен (Вастселийна) измученным бойцам явилось «знамение»: «Был вечер, уже совсем стемнело. Небо было в облаках. И вдруг все как один явственно увидели на небе сияющий белый крест! После этого североармейцы и стали носить на рукаве белый крест. Это оказалось так неожиданно, столь впечатляюще, что даже самые неверующие атеисты должны были поверить, что мы боремся за правое дело».

Этот ключевой символ белых северо-западников, конечно же, был воспет и в стихах. Один из них, который я сейчас прочту, так и называется – «БЕЛЫЙ КРЕСТ». Автор неизвестен, он подписался инициалами «М.А.». Текст размещен в «Вестнике СЗА» от 23 ноября 1919 г.

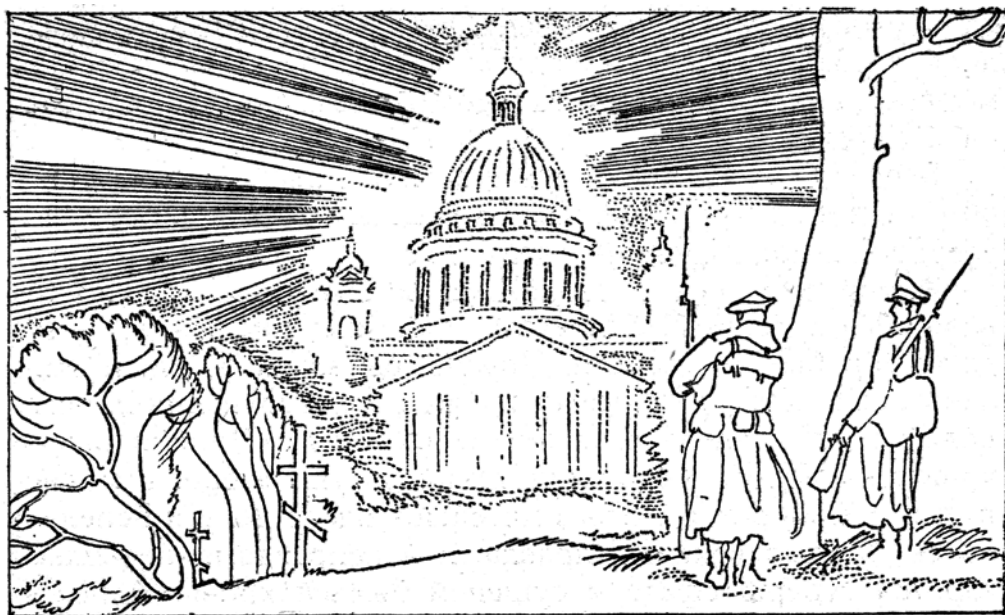
*Когда в порыве злобной бури
Стонал и мучился народ,
Когда закрылся свет лазури,
И всех давил кровавый гнет,
Когда под ношею страданья
Народ больной изнемогал,
Тогда в восторженном сияньи,
Крест Белый в мраке засиял.*

*На мир кровавый, мир суровый
Лучей пролилась благодать
Любви святой, надежды новой,
Что нам не долго уж страдать.
Всю грязь души людей преступных,
Всю мерзость мыслей их и дел
В сияньях света недоступных
Мир пораженный разглядел.*

*Сияй же нам, свети средь ночи,
Буди прекрасные мечты.
Очисти ум, открой нам очи,
Как гений чистой красоты.
И, осененный светом ясным,
Священным символом Христа,
Мир станет чистым и прекрасным.
Под сенью Белого Креста.*

Обратите, кстати, внимание на дату – конец ноября 1919 г. Армия прижата к реке Нарове и отчаянно бьётся за узкую полоску российской земли. Люди измучены только что оттремевшими упорнейшими боями на подступах к Северной пальмире, холодом и бескормидцей, неясной перспективой. Но – дух не был сломлен, коли рождались такие строки.

Показательно отношение населения к белым как к Христолюбивому воинству. 18 октября 1919 г., когда Либавский полк выдвигался через Красное Село для решительной атаки на Стрельну, горожане высыпали на улицы и восторженно чествовали своих защитников: «... нас так провожали! Многие женщины стояли с иконами, пока весь полк не прошёл мимо. Крестили. Благословляли...».



Ещё более сильное впечатление на идущих в бой ливенцев произвёл увиденный ими с господствующей высоты 101 метр в районе д.Куттузи (ныне Каукази) собор Св. Исаакия Далматского – главный храм российской столицы. Этот потрясающий и глубоко символический момент зафиксировал для истории фронтовой корреспондент ревельской газеты «Свобода России» Де-Бужим. «Достиг вершины Стрельнинской горы отряд и как по команде останавливается. Восторженный гул пробегает по рядам... Там, внизу, у сверкающего залива, широко, так, что глазами не окинуть, распростёрся город, весь сияя в белых лучах осеннего солнца. И царствуя над ним, горит, как второе солнце, мощный купол Исаакия... И с дружным «Ура!», охваченный безумным, окрыляющим, головокружительным восторгом бросается отряд вниз с горы,

к Петрограду, к вожделенной, прекрасной, великой цели всего похода. И кажется: вот выросли за спиной крылья...».

В «Куполе Святого Исаакия Далматского» А.И.Куприн, однако, отдаёт «пальму первенства» лицемерия собора солдатам Талабского полка.

«При мне пришел в комендантскую молодой офицер 1-й роты Талабского полка, посланный в штаб с донесением...»

– Понимаете, господин капитан. Средняя Рогатка...– говорил он, ещё задыхаясь от бега,– это на север к Пулкову. Стрелок мне кричит: смотрите, смотрите, господин поручик: кумпол! кумпол! Я смотрю за его пальцем... а солнце только-только стало восходить... – Гляжу, – батюшки мои, Господи! – действительно, блестит купол Исаакия, он, милый, единственный на свете. Здания не видно, а купол так и светит, так и переливается, так и дрожит в воздухе.

– Не ошиблись ли, поручик? – спросил Лавров.

– О! Мне ошибиться, что вы! Я с третьего класса Пажееского знаю его как родного. Он, он, красавец. Купол святого Далматского! Господи, как хорошо!

Он перекрестился. Встал с дивана длинный Лавров. Сделал то же и я.

Весь день я только и слышал о куполе св. Исаакия. Какое счастье дает надежда...».

Очевидно, великий русский писатель, называвший себя «пламенным бардом» Северо-Западной Армии, желая создать яркий образ кульминации ее боевого успеха, с точки зрения географии все же несколько заблуждался. В силу рельефа предметий Петрограда увидеть купол храма можно было либо с красносельского холма и Вороньей горы близ Дудергофа (т.е. мест, занятых Ливенской дивизией), либо, собственно, с самих Пулковских высот. Увязнув в ожесточенных схватках за Царское Село, 2-я дивизия генерала М.В.Ярославцева (и доблестный Талабский полк в том числе) их так и не достигла.

Патетику Осеннего наступления на Петроград, начавшегося в ночь на 11 октября, азарт победоносного, на одном дыхании, похода к ближним подступам российской столицы и восторг кануна победы мы находим в творениях подполковника Бориса Михайловича Севостьянова, печатавшегося в официальных армейских изданиях «Вестник СЗА» и «Приневский край». Подписывался он «Б.С.». Борис Севостьянов сперва служил в штабе Ливенской дивизии, а с конца июля 1919 г. был переведен в Управление военных сообщений армии. После демобилизации из рядов СЗА остался в Эстонии, перебиваясь случайными заработками то в Нарве, то в Ревеле, то на сланцедобыче в Везенбергском уезде. В 1924-25 гг. редактировал «Былой нарвский листок», одновременно являлся местным корреспондентом «Службы связи Ливенцев». В 1932 году он эмигрировал во Францию, где некоторое время сотрудничал с бюллетенем «Часовой».

Стихи полковника Севостьянова «Часы бегут неудержимо...» были опубликованы 23 октября 1919 г. Здесь главком Красной Армии Лев Троцкий фигурирует под своей истинной фамилией – Бронштейн.

*Часы бегут неудержимо
И, смертным ужасом объят,
Боясь последнего нажима,
Боясь за «красный» Петроград,
Теряя голову и силы,
Бронштейн, собрав свои полки,
Безумно гонит их в могилы,
На наши гонит их штыки...*

*Нет белой Армии препоны,
Нет для полков её преград
И скоро «белые» знамена
Собой украсят Петроград.*

*И в годовщину своеволья,
В годину тяжких русских бед
Бронштейн поймет с сердечной болью,
Что тьму рассеял «белый» свет.*

Вообще, пожалуй, из всех северо-западников ливенцы выдали, что называется, «на гора» самое большое число т.н. «фронтовой» поэзии. Что удивительно, фамилии всех ливенских стихотворцев начинаются на одну и ту же букву «С» – Севостьянов, Северин, Семёнов.

Так, Александр Александрович Северин, ветеран 1-й роты 1-го полка Либавского отряда, прошёл со своей частью весь путь побед и поражений. Летом 1920 г. он продолжил борьбу с большевиками в рядах 3-й Русской армии в Польше, потом уехал во Францию, где возглавлял Объединение Ливенцев в Омекуре (Эльзас-Лотарингия), и выступал в качестве постоянного корреспондента «Службы связи Ливенцев и Северо-западников». Печатался в журнале «Часовой», работал над историей Ливенской дивизии. Уже в эмиграции он написал песнь Либавского (1-го Ливенского) полка, взяв за основу заливхатскую песню 5-го гусарского Александрийского полка Российской Императорской Армии – знаменитых «Бессмертных» (из-за своего символа – адамовой головы), или «Чёрных» (по цвету формы) гусар «Оружьем на солнце сверкая...».

Итак, песнь Либавского полка.

*Штыками на солнце сверкая,
Под песни лихих молодцов,
По улицам пыль поднимая,
Проходил Первый ливенский полк.*

*Припев.
Марш вперед!
Россия ждёт!
Ливенцы, в атаку!
Долг святой,
Зовет нас в бой,
Нагоним красным страху.*

*В полку есть лихие ребята,
То Ливена князя отряд.
Не раз вспоминали солдаты
Геройский поход в Петроград.*

*Там стойко дрались солдаты,
Геройски стоял офицер.
Все дружные были ребята,
Что может служить всем в пример.*

*Лишь двинутся наши отряды,
Коммуна от страха бежит.
И нет ей, проклятой, пощады,
Попался, – так значит висит.*

*И снова, штыками сверкая,
Шагает наш доблестный полк,
О новых боях он мечтает,
Чтоб говор Коммуны замолк.*

На 10-летний юбилей Ливенского объединения Борис Севостьянов написал поэму «Ливенцы, аллаверды», в которой весьма ярко и живо описал все этапы боевой истории Либавского отряда светлейшего Князя Ливена, впоследствии выросшего в Ливенскую (5-ю) дивизию СЗА. Эти стихи написаны здесь, в Нарве, на Кренгольме, 14 декабря 1928г. и напечатаны в юбилейной «Памятке Ливенца», изданной в Риге в 1929 г.

*Уж десять лет промчалось мимо
От той поры, когда всех нас
Спасти жизнь родины любимой
Звал долг, и в этот грозный час
Со всех сторон: через Варшаву,
Чрез Лондон, Прагу и Берлин
Стремилась в скромную Либаву
Все офицеры... Здесь один
России прежней сын примерный
Отряд бойцов формировал
И каждый воин, долгу верный,
В него с надеждою вступал.*

*Одним желанием объять,
С одною целью впереди
Смелись в едино и солдаты,
И офицеры... В их груди
Один порыв, одно стремленье:
Не зная на пути преград,
Нести России возрожденье,
Идти грозой на Петроград!*

*Злой рок не дал сформироваться,
Как Ливен князь хотел, и нам
Пришлось с Либавою расстаться
И плыть по северным волнам
В седую Нарву. С места в битву
Пошел Князь-ливенский отряд,
Творя в душе своей молитву
И в даль стальной вперяя взгляд.*

*Сметая красные отряды
В мечте лелея Петроград, -
Мы шли, не ведая пощады,
Не зная окрика «назад»!*

*Мы много наших положили,
Но твердо к цели шли все, шли,
Мы у заставы Нарвской были,
Исаакий высился вдали...*

*Увы, Господь не дал отрады, -
Кто виноват – не здесь судить.
И от родного Петрограда
Мы злобно стали отходить...*

*Но Ты в делах, о, Боже, дивен!
Придет и красным ведь закат;
И верим мы, что прежний Ливен
Войдет с отрядом в Петроград!*

Финальным аккордом боевого пути Ливенской дивизии стала героическая оборона Принаровья: узкую полосу русской земли в районе деревень Большая и Усть-Жердянка к северо-востоку от Криушей (сейчас эти места поглотило водохранилище) она удерживала с конца ноября 1919 г. почти в течение месяца, пока ураганным огнем красной артиллерии эти населенные пункты не были сожжены дотла, а местность вокруг превращена в лунный пейзаж.

Драматизм эпопеи последних недель войны передал в «Стихах о командарме» другой талантливый поэт-ливенец, павший от мстительного красного меча уже после гражданской войны – Борис Семёнов.

Борис Константинович Семенов родился в 1894 г. в семье псковского купца. В 1912 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который не окончил, поскольку в декабре 1914 г. добровольно пошёл в армию. Юноша закончил ускоренный курс Владимирской школы прапорщиков и получил распределение в 168-й пехотный Миргородский полк. 6 августа 1915 г. был ранен в бою под Влодавой в Польше и взят в германский плен. В Ливенцах Борис Семёнов с апреля 1919 г., впоследствии во 2-м (18-м Рижском) полку 5-й дивизии, за боевые отличия произведён в подпоручики. После демобилизации из рядов СЗА проживал в Печорском крае, вёл активную общественную деятельность, был активистом Русской крестьянской трудовой партии («Крестьянской России»). В июне 1940 г. он был арестован органами НКВД Эстонской ССР и скончался в Саратовской тюрьме в мае 1942 г.

*Дружные волки со всех сторон
Гнали в болота и дебри.
Красной подковою выжжен фронт,
И командарм вепрем
В топь оседал,
Бивни в упор,
В стороны яро прыдал,
К прорванной линии через бугор
Снова швырял бригады.*

*Вновь начинали катать холсты
Крепче и круче прачки.
К небу подпрыгивали мосты,
Станции и водокачки.*

*Пел телефон – шаги считал:
Пятьсот, четыреста, триста...
Стрепетом алым в окна хлестал
Вновь отбиваемый приступ.*

18 декабря 1919 г. остатки 4-й и Ливенской дивизии были отведены с фронта вглубь территории Эстонии в район Пюхтицкого монастыря, где они и ряд других соединений подлежала переформированию и приведению в порядок. Пюхтица стала предтечей Галлиполи – знаменитого лагеря Русской Армии генерала П.Н.Врангеля в Турции после её эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г., символа силы духа белой армии и начала тернистого пути эмиграции. Даже после заключенного между эстонскими и советскими войсками соглашения о перемирии (вступило в силу 3 января 1920 г.) командование Северо-Западной Армии не считало борьбу за Россию оконченной. Эпидемии сыпного, брюшного и возвратного тифа, гриппа и других инфекций, разразившихся в СЗА зимой 1919/1920 г. в местах расположения тыловых и интернированных воинских частей, а также районах компактного проживания беженцев, продолжались несколько месяцев и унесли тысячи жизней.

В этот период Борис Севостьянов написал стихотворение под названием «Северо-Западной Армии». Оно появилось в Рождественском выпуске «Приневского Края» за №50 от 7 января 1920 г.

*Окончен путь Голгофы страдной...
С могучей верой в наш народ,
С надеждой светлой и отрадной
Мы снова двинемся вперед!
Вперед! В защиту чести, славы
Родной России мы встаем;
В защиту попранного права
Победоносно мы пойдём.
Весна уснувшую природу
Разбудит солнечным лучом,
Даст речкам скованным свободу,
Дохнёт живительным теплом.
Тогда... С весенним пробуждением
Воспрянем мы на страх врагу,
И крик «ура» с победным пенем
На Невском грянем берегу!
Забыв невзгоды и тревогу,
С благословения Христа
Теперь... Смелее в путь – дорогу
Под знаком «белого креста»!*

В той же газете часто печатался и поэт Ярослав Оредовский. Одно из его произведений от конца декабря 1919 г. – «Мы победим!» – выполнено в оригинальной стихотворной форме, почти как у Маяковского.

*Не победит неправый,
Не победит кровавый
Стяг.*

*Ведь с каждым новым боем
Теряет строй за строем
Враг.*

*Нам надо помнить, белым,
Что Бог владеет смелым
Бог!*

*День будет искупленья,-
Протрубит наступленье
Рог.*

*Пред нами ляжет ясный,
Победный и прекрасный
Путь.*

*То время недалеко,
Когда вздохнет глубоко
Грудь.*

*Нас в братские объятия
Измученные братья
Ждут.*

*Заменит день веселый
Наш боевой тяжелый
Труд.*

*Среди полей любимых,
Среди своих родимых
Мест.*

*Мы водрузим высоко
Сияющий далеко
Крест.*

Увы, весеннему походу Северо-Западной Армии, о котором грезил оставшиеся в строю северо-западники, не суждено было сбыться. Эстонско-советский договор, заключенный в Юрьеве, похоронил всякие надежды на продолжение активного сопротивления. Горькую участь российских воинов, интернированных своим недавним союзником смог донести всем нам известный Игорь Северянин. Это его стихотворение, написанное в Ревеле 14 марта 1920 г., так и называется – «По этапу»:

*Мы шли по Нарве под конвоем,
Два дня под арестом пробыв.
Неслась Нарова с диким воем,
Бег ото льда освободив.*

*В вагоне заперты товарном,-
Через Везенберг и через Тапс,-*

*В каком-то забыты кошмарном,
Все время слушали про «шнапс».*

*Мы коченели. Мерзли ноги.
Нас было до ста человек.
Что за ужасные дороги
В не менее ужасный век!*

*Прощайте, русские уловки:
Въезжаем в чуждую страну...
Бежать нельзя: вокруг винтовки.
Мир заключен, но мы в плену.*

Завершить своё выступление я хотел бы двумя стихотворными произведениями о Северо-Западной Армии уже наших современников, причём достаточно молодых. Первое – посвящение ливенцам.

*Небесной лазурью покрыты погоны,
Русские души в мундирах фельдграу,
Северо-Западным стали Вы фронтом,
Малою горсткой остатков державы.
Левый рукав несет белый крест –
Белый символ защитников веры,
Холодных штыков тускло-мертвенный блеск,
Гражданской войны «тамплиеры».
Крест нарукавный венчает углом
Трехцветный России поруганной флаг,
Терновый венец лег на Ваше чело,
Крестовый поход и призывный набат.
Небесной лазури растоптан погон,
Нет Вашей вины в катастрофе.
И стал Ваш Крестовый священный поход
Крестным путём на Голгофу.*

Другое называется «Поход на Петроград» и написано также в 2008 г., а автор – талантливый петербуржец Александр Лысев.

*Снова России непросто
После всех лживых наград.
Минуло лет девяносто.
Белые шли в Петроград.*

*Выйдет и скроется. В прятки
С нами играл этот год.
Цепи на Средней Рогатке,
Стража у Нарвских ворот.*

*Толпы бездушные кукол.
Мы об одном говорим.
Вот Исаакия купол.
Низкий поклон Вам, Куприн.*

*Жёлтые русские клёны.
Тянет улечься на печь.
Веры железом калёным
Красную б гидру прижечь.*

*Минули годы почину
С души наших накипь сточить.
Ибо, не видя причину,
Всё бесполезно лечить.*

*Злобный нам морок конвойным
Вечером, днесь, поутру.
Я высытаю обоймы –
Веру и дело беру.*

Павел ЛИЛЛЕНУРМ (Москва-Таллин)

А.А.ЕНШ И ЕГО ПОВЕСТЬ

Художественных произведений о Северо-Западной Армии, тем более написанных участниками и очевидцами её героической эпопеи, не то что мало – вообще единицы. «Купол Св. Исаакия Далматского» Александра Ивановича Куприна, увидевший свет в 1928 г. в Риге и переизданный в 1992 г. в Москве, – вот, в общем-то, и всё, что известно нашему современнику. Повести А.А.Енша «С Белым Крестом», которую мы представляем вниманию читателя, повезло меньше. Она была опубликована в юбилейном сборнике ветеранов дивизии Светлейшего князя А.П.Ливена в 1929 г. – «Памятке Ливенца», тираж которой измерялся несколькими сотнями экземпляров. Книжка распространялась среди однополчан по подписке, и ныне этот сборник – абсолютная библиографическая редкость.

Анатолий Арнольдович Енш, чех по национальности, родился 20 октября 1899 г. в Ярославле в семье губернского инженера. В 1905 г. семья переселилась в Ригу, откуда в ходе Великой (Первой мировой) войны 1915 г. эвакуировалась обратно в Ярославль. Здесь А.А.Енш сдал на аттестат зрелости. В 1918 г. семья вернулась в Прибалтику, и Анатолий поступил в Рижский политехнический институт. Испытав все ужасы большевистского террора (красные латышские стрелки удерживали здесь власть почти полгода), так и не доучившись, после освобождения Риги 22 мая 1919 г. частями Балтийского Ландесвера



Анатолий Арнольдович Енш

А.А.Енш добровольцем вступил в Либавский стрелковый отряд, более известный как Ливенский, и был зачислен вольноопределяющимся в 1-ю роту.

В роковом бою под Русским Капорским 24 октября 1919 г., когда Либавский полк



**Здание госпиталя сохранилось.
Сейчас это дом № 13 по ул. Восстановления.**

потерял половину своего состава, Анатолий был ранен пулей в живот. Красносельский госпиталь при Авангардном лагере, в котором находились нетранспортабельные тяжелораненые, при оставлении белыми города попал в плен к противнику. Революционный трибунал пощадил Енша, «всего лишь» осудив к заключению в концентрационном лагере.

Выйдя на свободу в 1921 г., но так и не оправившись от последствий ранения, бывший ливенец возвращается в столицу независимой Латвии, где принимает активное участие в общественной жизни русских студентов. В 1923 г. он переезжает в столицу Чехословакии для продолжения университетского образования, здесь же вступает в панславистский «Союз Русских Соколов». Успешное окончание юридического факультета, однако, не принесло Арнольду достатка. На фоне эмигрантских неурядиц резко ухудшилось здоровье – у него развился туберкулез. Не помогло и санаторное лечение: 15 февраля 1936 г. наступила смерть от кровоизлияния в горло.

А.А.Енш был похоронен в Праге на Ольшанском кладбище. Правление Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) позаботилось о достойном, с воинскими почестями, его погребении. «Ушёл от нас типичный идейный молодой белый доброволец, с нехитрой душой, который верил в скорое возрождение покинутой им дорогой Родины. Но не довелось ему дожить до этого дня. Его жизнь угасла, потрясённая тяжёлым ранением, нуждой и туберкулезом. Да упокоит Господь душу этого тихого страдальца за Родину свою». Так оплакивал безвременную кончину соратника его командир, светлейший князь А.П.Ливен.

В повести «С Белым Крестом» описан боевой путь 1-й роты 1-го Ливенского (17-го Либавского) стрелкового полка – пожалуй, самой легендарной части Северо-Западной Армии. Своей храбростью и натиском она вызывала у противника ужас и уважение. Имя «ливенцы» на петроградском театре военных действий стало синонимом знаменитых «капелевцев».

Хронологически произведение охватывает период с начала мая по конец октября 1919 г. Внутри этих временных рамок – череда величественных и жертвенных событий. Это, прежде всего, боевое крещение Ливенского отряда на нарвском фронте – взятие 18 июля 1919 г. сводным батальоном (1-я, 3-я и 7-я роты) мызы Сахарова и д.Устье Ямбургского уезда (ныне Кингисеппский район). Обстоятельно выписаны и период «стояния на реке Луге» в августе– сентябре 1919 г., и звёздный час дивизии, в которую был развернут отряд – октябрьский поход на Петроград. Полон драматизма блок, повествующий о борьбе на самых близких подступах к Северной Пальмире под Красным Селом и Лиговом.

Повесть «С Белым Крестом» глубоко автобиографична. В её основу, судя по всему, легли записи из дневника, которые А.А.Енш вёл на фронте: исторические реалии и даже мелкие бытовые детали отражены им на удивление точно. Места боёв, особенности ландшафта, номера подразделений, предметы вооружения – всё, вплоть до погодных условий, описано совершенно достоверно. Правильна, за несколькими исключениями, и датировка: наиболее очевидные ошибки (скорее всего – опечатки корректора или наборщика) мы сопроводили соответствующими сносками.

Образы сослуживцев переданы автором почти фотографически. В «сухом генерале» узнаваем командир Либавского полка барон Ф.В.Раден, смертельно раненный в бою 24 октября, в «поручике» – ротный начальник А.А.Енша, впоследствии принявший 1-й батальон – Г.Ф.Галактионов. Наконец, в «прапорщике» – непосредственный взводный, а потом и ротный, командир – Г.С.Елисеев, старообрядец. В межвоенной Латвийской Республике он стал депутатом Сейма (парламента) третьего созыва от русского меньшинства г.Двинска (Даугавпилса) и, как и многие белые северо-западники, пал жертвой советских репрессий в 1940 г.



Г.С.Елисеев

По сравнению с купринским «Куполом» у Енша меньше патетики, но больше правды жизни. Это во многом роднит его произведение с «17 месяцами с Дроздовцами» Георгия Венуса, написанными примерно в те же годы. Оригинален язык повести. Сочный, эмоциональный и «объемный», он создает у читающего полное ощущение вовлечённости в события от первого лица. Особенно колоритны многочисленные и динамичные диалоги.

С учётом правил современного русского языка орфография публикации 1929 г. претерпела существенную корректировку, однако мы постарались по возможности сохранить оригинальное (пусть и устаревшее) написание отдельных слов и речевых оборотов. Что касается пунктуации, то она приводится практически без изменений.

Анатолий ЕНШ

С БЕЛЫМ КРЕСТОМ

На поле брани живот свой положившим.

Был тысяча девятьсот девятнадцатый год. Распласталась на здании Окружного суда пятиконечная колючая звезда, корчился в узорной тени листвы бородатый Марк на бульваре – он в сумерках напоминал сатира. Трепались по ветру плакаты со стен: – Смерть врагам трудового народа!

Глухо вбивал в вечернее небо свои удары церковный колокол. Жемчужными ожерельями сверкали свечи в полутьме, в голубых волнах ладана дрожали косые лучи, и тихо звякало кадило. Усталый священник молился о державе Российской:

– Господи, помилуй!

Отец лежал больной. Странно белели на одеяле сложенные руки, и золотыми кольцами вилолось по пальцам солнце. Совсем другими казались сверху глаза. Тихо, одними губами, он сказал:

– Не будет России без царя.

1.

Сгустились сумерки над Россией, дымилась кровь. Государь был убит. Судорогами расходилась смута. На Красной площади в Москве стоял с винтовкой китаец и щурил раскосые азиатские глаза – казалось, он усмехался.

В те страшные дни священным заветом были прощальные слова Императора:

– Твёрдо верю, что не угасла в наших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине.

Молча умирали русские люди на полях.

Воронками кружилась пурга, заматывая дороги, столбом поднимался снег – ни умять, ни притоптать. Из Острова и Пскова, в буран, шла горсть офицеров и солдат неизвестно куда, с врагом на пятах. Днями голодали и крепче завязывали на онучах телефонные провода, отставшие погибали. Без шинелей лежали на морозе и стреляли раненые с дровен, ледяные затворы горели в руках. Песенники выступали вперед и от стужи приплясывали, убитых хоронили сугробы. Весною, в талую воду по первой траве ходили в атаки босиком, патроны отбивали у противника. Так начался Северный корпус – с боем прошёл он Прибалтику и вышел на Нарову, насчитывая тысячи штыков. Без отдыха, не зная смены, без поддержки, раздетые, сражались и побеждали, сынками звали бабы в деревнях. Перед летом, когда отшумели первые грозы и пролетели журавли, пошли в наступление. В смелом порыве был опрокинут неприятель и смят, трудные переходы сменяли блестящие подвиги. С музыкой переходили полки, население встречало хлебом, сдалась Красная Горка, и под угрозой стал Петроград. Северо-Западная армия подходила к своему Китежу.

2.

В трёх десятках вёрст от города шёл фронт, и месяцы стоял он на месте, извиваясь. Переплетались голод и террор, каждое утро с оберточной бумаги кричала о мировой революции «Правда»: бастуют английские рудокопы, в Баварии республика советов, против интервенции рабочие всех стран. Замерло всё, притаилось – о союзниках говорили, о Колчаке, считали дни.

Неожиданно город был взят. Утро началось обыкновенное, лавочник сказал:

– Пригнали красноармейцев из России, – и стало больно от этих слов.

Высоко показались аэропланы, затрещала на крышах пулемётная стрельба.

А после полудня поспешно закрывались магазины, опускали железные шторы. Улицы почернели от народа, были бледные, тревожные лица у всех. Беспорядочно двигались солдаты, верхами, пешком, громоздились телеги. Кричали исступлённо, били лошадей. Раздались выстрелы на бульваре, прохожие бросились в подъезды – многие двери были на запоре. Сразу стало пусто. Лишь две девушки в папахах набекрень с винтовками за плечами еще долго кружили переулками – они попали в тупик. Жуткое время надвинулось.

Уже смеркалось при входе войск. Конный проскакал, первая редкая цепь прошла на торопях. С опаской, робко сначала выходили за ворота люди, вновь запрудили тротуар.

Громкими криками встречали солдат; запылённые, в касках, проходили ряды, звучали шаги. На перекрёстках собирались толпы, передвигались – казалось, они чего-то ждут.

На углу, у суда, лежал навзничь труп, уткнувшись, на нём были высокие сапоги. Из разбитого черепа выступил мозг грязной губкой, запеклась лужа чёрной крови.

– Так им и надо, злодеям, – проговорила женщина и ткнула ногой.

Провели улицей двоих: один был бородатый и большой, а другой – маленький и сморщенный. Он смешно припрыгивал, и в руке его болтался котелок красной тусклой меди. Бежали следом мальчишки, крича:

– Коммунистов поймали, комиссаров!

Кольцом обступили стрелка. Измученный, молодой, почти мальчик, он грустно опирался о винтовку.

– Наша рота первая пробилась и захватила переправу под огнём. С полуночи шли, не отдыхая.

Продвинулась девушка и подняла чёрную вуаль, зарыдала.

– Почему раньше не пришли вы? Убили братьев моих, на прошлой неделе – обоих.

Закусив губу, она ушла – и расступалась толпа, давая дорогу. А молодой солдат оправдывался виновато:

– Не могли мы наступать, не было снарядов тогда.

Хлестнули по воздуху выстрелы, стреляли из домов, где-то близко совсем. Сгорбились люди и расходились.

– Ведь это немцы пришли, – неожиданно отчётливо явилась мысль, зародилось смутное чувство.

Ночью горело. В чёрном небе за окном полыхало огненное зарево и погасло на рассвете.

* * *

Город превратился в лагерь. Всё полно было войск, площадь заставили фургоны, по улицам ходили патрули. Женщины казались наряженней.

Набирали добровольцев в Русский Отряд, тянулся по двору длинный черёд. Офицеры были в погонах, гимназисты, студенты, красноармейцы жались боязливо. Говорил веснушчатый выхрастый солдат.

– Так я не скрываю, что у них служил. По мобилизации шёл, тверские мы. Отлучился я это время из роты, да и отстал, а тут стрельба пошла. Всю ночь я в канаве пролежал и выйти боялся, уже наутро пошёл прямо на караул. Так и так, говорю, что хотите, то и делайте, а я ещё под Варшавой воевал. Ты коммунист, спрашивают. Ну, а какой я коммунист, разве такие они бывают. Твоё, говорят, счастье, иди к нам, белым хлебом кормят. Я и пришёл, я сам тверской, Кашинского уезда – может, знает кто.

– Господа, адмирал Колчак Самару взял, – крикнул артиллерийский подпоручик, вставая на носки, – вот газета! Да здравствует великая, единая Россия!

Ответили радостно и громко. Мальчик-реалист отвернулся, в глазах его были слёзы. На лестнице замолкли голоса, скрипели ступени. Закрылась дверь. У окна сидел полковник, откинулся на стул назад, играя пером, – я подошёл к столу.

– Студент, в войсках не был.

– Завтра с вещами в двенадцать часов. Следующий.

В больнице лежал отец, он сильно изменился. Что-то новое было в знакомых до боли чертах, может быть, тени у глаз.

– Плохо со мной, – сказал он. – Если случится что, помни, ты старший.

– Папа, я записался в отряд.

Долго молчали. Пахло из сада зелёным листом, и впервые почувствовалась весна. Золотыми квадратами ползло по полу окно и удлинялось.

– Ну, иди с Богом. Может, не увидимся больше.

– Не надо, папа.

Отец перекрестил меня широким крестом, мы поцеловались. Жгло в глазах.

На следующий день, в обед, нас построили во дворе, выровняли. Тяжело опустился полковник с крыльца, замерли все. У ворот пригорюнилась баба.

– Чины нашего Отряда подчиняются уставу до семнадцатого года. Война ведётся нами до полной победы над большевиками. Увольнение возможно только по инвалидности, или при расформировании.

Он остановился, мы стояли неподвижно.

– Согласны вы служить?

– Согласны, – раздалось среди тишины.

– Поздравляю вас с зачислением в Отряд.

Он сделал несколько шагов. По шеренге прошло движение, и глубоко вздохнула грудь.

– Кто старший по чину?

Выступил вперёд штабс-капитан и козырнул.

– Вот списки. Доставьте добровольцев в штаб.

– Слушаюсь.

Он сделал полуоборот.

– Направо, шагом марш!

Мы повернулись и пошли. На небе было большое блестящее солнце.

3.

В польских лагерях жили русские солдаты, им было некуда идти. Тянулись дни.

В офицерском бараке от скуки вольноопределяющийся писал дневник. Скверный был у него почерк, с одного взгляда ничего не понять, и не любил он, когда заглядывали через плечо в его тетрадь.

Вот отрывки этих записей.

– **Пятница, 2-го мая.** Не знаю, что делать дальше. Хочется домой, хотя бы взглянуть, что там. У Ковеля, говорят, можно перейти границу – но ведь не вырваться назад. А остаться нельзя. Чувствовать и переживать этот кошмар – и молчать, не в силах помочь. На Родине быть чужим. Боже, когда это кончится? Вечерами сжимается сердце от песен.

Воскресенье, 4-го. Отношение к русским враждебное, выбраться бы скорей. Возле Пинска формируется офицерский отряд, но не тянет туда, всё равно не будет толка.

Среда, 7-го. Хорошо выспался. Познакомился с русской девушкой, вышло это нелепо. На неё напала собака, стараясь ухватить зубами платье, а она беспомощно озиралась – пришлось вмешаться мне. Может быть, глупо, но я снова почувствовал себя мальчишкой.

Пятница, 9-го. Во сне я видел батюшку. Он прошёл мимо меня с винтовкой, и я не мог его окликнуть: был связан рот. Будь что будет, свой долг перед Россией я выполню. А если вернусь домой, то сумею в своих поступках дать отчёт. Только бы встретить всех живыми.

Понедельник, 12-го. Итак, решено. На юг пробраться не удалось, но записался в армию генерала Юденича. Завтра предполагается отправка во взятый Петроград, маршрут – Либава, Данциг, Гельсингфорс.

Четверг, 15-го. Нашёл земляка, он не так давно оттуда. О родных ничего не знает, все там изменилось, и улицы называются по-иному. При нём тронулась Волга. Вечером я бродил с Гаиной по полям, она рассказывала о себе, и не понять, что было в детстве и что вчера, – она и теперь ребёнок и на белом свете одна. Мать умерла, отца расстреляли, а ночью ушла и ищет какую-то тётушку.

Понедельник, 19-го. Записался в западную группу армии ген. Юденича. База – Либава. Этот фронт неважный, но везде можно пользу принести. Всё равно, только бы ехать.

Суббота, 24-го. Был у всенощной. Галка говорит, что молится о радости жизни. Когда она вдруг замолчит, хочется погладить её по волосам.

Вторник, 27-го. Все сидим на месте, и кажется, что не будет конца. Годы проходят, а нет ни знаний, ни опыта – когда же жить? А если нам не суждено, то с честью бы погибнуть за святое дело. Ведь уже четырнадцать месяцев, как мы не то беженцы, не то пленные, не то ещё чёрт знает что. Предлагают ехать на Мурман, но всё равно не отправят, да и подальше от англичан.

Четверг, 29-го. Едем в армию. Эта весть всех вострепнула, не верилось даже. Вчера на толчке продал лишние вещи, некоторые будут не нужны и чтобы не возиться. И тут же проигрался в лото – случилось в первый и последний раз. Вечер провел с Гаиной, она опираться на мою руку, и сердце её билось громко. Она не хочет оставаться и собирается с нами – сестрой или добровольцем, только волос ей жалко. Отец бы позволил, и её не узнают. Потом заплакала.

Вторник, 3-го июня. Встал рано, написал письма, настроение было неопределённое. К радости примешивалась грусть разлуки с близкими теперь людьми. На вокзале нам выдали деньги. На небе не было ни облака – дай Бог, чтобы наш путь и вся последующая жизнь были таковы. Начинает темнеть. Пробегают поля и леса. Кажется, что едем после долгого отсутствия домой. А закроешь глаза – и на самом деле так.

1.

Майское наступление окончилось, части с боем отходили, сдерживая натиск превосходящих сил. Армия возросла и завоевала тыл. По всему фронту шли упорные атаки противника.

2.

Тридцатого¹ июля, в воскресенье утром, мы прибыли в Ямбург.

Солнцем был залит вокзал, напирала толпа, горели нарядные разноцветные платки – грянула музыка. Зазвучали медные трубы, барабанный бой, звенели бубны. На путях бежали, спотыкаясь о рельсы, шумели, строились, замолкали и равнялись ряды, поворачивались головы. Ухал выстрел, раздалась команда:

– Смирно!

Эхом перекатилось издали, всё приближаясь:

– Слушай, на караул! Беззвучно блеснули и застыли винтовки, заиграли на них лучи.

На платформе, окружённый офицерами, командующий встречал войска, почтительно

¹ Правильно – 14-го июля.

наклонился адъютант в белых аксельбантах. Поднималась к высокому небу молитва Русской Армии.

– Коль славен наш Господь в Сионе, не может изъяснить язык.

Откинулся народ. Подобрал штыки, плечом к плечу, друг другу вслед, отбивая тяжёлый шаг, проходили, и одним дыханием, как толчком, отвечали роты, ударяя на последний слог:

– Постараемся, ваше превосходительство!

* * *

Тихий уездный город, издали видны одни колокольни и главы церквей. Тянутся заборы вдоль песчаных улиц, ржавеют вывески. В трактире роились мухи, и на покоившемся билиярде все шары падали в один угол. По запущенному парку гуляли швеи.

– По случаю теплой погоды, позвольте вас проводить.

– Ах, нахал!

* * *

В полночь выступили. Город спал, глухо отзывался топот ног. Неподвижно чернели вагоны, летели фонари в невидимых руках. В темноте разместились, заревел паровоз, рванулся поезд и загромыхал. На станции, в лесу, выгрузились и пошли, занялось утро. Вытянулась по дороге колонна, завернула, запели впереди.

3.

4-го июля, в понедельник, вольноопределяющийся нашей роты на привале, сидя на пне, записал в дневник:

– Начинается новая боевая жизнь. Сейчас мы пообедаем и пойдём, в трёх верстах отсюда находятся большевики. Ещё не могу себе представить, какое будет чувство, пугает неизвестность. Я никогда не стрелял в человека, это будет такой же русский. Как бы хотелось, чтобы этот первый бой был за нами.

4.

Деревню мы заняли безлюдную – особенная, редкая тишина лежала над ней. На берёзовой опушке выставили посты, горечью трав напоён воздух. Хлопал лист лопуха. Несколько дней прошло спокойно, и вернулись из леса крестьяне. Старый дед с пробитым морщинами лицом, как у Чудотворца Николая, крепко засел на печи и оттуда медленно расставлял слова. Тёмный он и ему все равно умирать, а только бес одолев. Хлеб отбирают, скотину и ту переписывать стали, опять земля, так она не всякому нужна – вот коммуна. За грехи всё, Бога забыли, не стало правды у людей, и потому ушёл Государь. За Уралом скрывается он в скиту, молится и слёзы считает и пролитую кровь.

– Так сказано в Писании и сроки назначены – шесть лет. Тогда он вернётся и будет крестьянским Царём.

В пятницу в полдень выступила третья рота, и тотчас с другой стороны из рощи показался неприятель. Затрещали выстрелы, и по дороге вскачь понеслась конная разведка. По тревоге мы заняли окопы, и было приказано молчать. С громким криком приближались всадники, поднимая тусклую пыль. Сверкнули наголо шашки, и слышался топот, – уже были видны отдельные кони и различались лица. Судорожно корчились над спуском пальцы и рябило в глазах.

– По кавалерии пальба, – растягивалась и вдруг оборвалась команда:

– Вздо, пли!

Раздались, перекатились по полю выстрелы, подхваченные лесом, придушенные, смолкли вдали. Грянули снова и рассыпались. Присели передние кони и повалились, прыжками вытаскивал ногу из стремени солдат и упал. Все завилось и метнулось клубком.

Перед вечером нас сменили, и мы пошли коляями, изрытой дорогой, было сухо и пыльно. Взвилась и полилась широкая песня:

– Перед ротой капитан, перед ротой капитан хорошо маршировал.

За золотыми полями синела даль, терпко пахло медуницей, и розовела кашка. Легко ступала нога, не слышно было винтовки на плече, полная дышала грудь.

– Эй, эй, любо да люли, здравствуй, милая моя!

Низкое солнце било в глаза, и слабый ветер бежал. Смолкла в погорелой деревне песня и снова отозвалась. Из пепла и камней торчали чёрные дымоходы. Обуглились ветви белых берёз.

– Деды всплакнули, рукою взмахнули: Божья, знать, воля идти на врага.

Погасли последние лучи, и серыми стали облака, тени протянулись через всю дорогу. Расходился грязью перекресток. У околицы нас встретил тяжёлый капитан, запыхавшись.

– Благодарите поручика, он погоны увидел в бинокль – мы собрались стрелять.

– Ну, нас тоже так просто не возьмёшь.

– Мы устроили вечеринку.

Капитан махнул рукой. С темных крылец и скамеек доносился визг и смех, что-то белело. Бездумно шли и молчали. К дороге подступил бор лохматой стеной, и мягче сделались шаги, впереди были спины 1-го взвода. Вдруг окрик:

– Кто идёт?

– Свои.

– Какого полка?

Мы дошли до усадьбы. Была ночь, усеянная звёздами, и в ней блудили ружейные выстрелы.

* * *

Безоблачным утром мы двинулись дальше, дорога шла сосняком и было свежо. Томила усталость и тянуло ко сну, взводный угрюмо ворчал. У загиба остановились, за стволом стоял часовой и прислушивался. Занялись, пулеметы сняли с подвод – они были как звери, вот встряхнутся и побегут. Мы расступились и пропустили седьмую роту вперед. Молча и с поднятыми головами она пошла и пропала за поворотом, – было жутко и в то же время жаль, что не мы повели наступление. В тишине с лязгом примыкал кто-то штык.

– Посмотрю я на тебя, настоящий ты будто солдат и всё на месте. Только самого главного нет – тридцать пятого винтика.

– Иди ты к чёрту, дурак!

Застучали выстрелы, как будто рубили дрова, завизжали пули. Спокойно сидел на камне полковник, тростью чертя на песке. Девочка-подводчица спрятала в ладони лицо – вздрагивала тонкая косица.

– Нет хуже этого стука, когда долго не был в бою. Потом снова привыкнешь.

– Скорей бы начать.

Затихло, и обочиной мы зашагали узкой, твердой тропой. Поручик впереди не оборачивался, пригрело солнце. За лесом в пустых окопах валялись винтовки, патрон-таши. Было брошено пулеметное гнездо, точно деревянные лежали убитые – у одного, вывернувшись, упиралась в насыпь нога.

– Ранен, – проговорил кто-то позади.

– Шальная, от неё не уйдёшь.

Были раскиданы красные повозки, вели навстречу пленных с опущенными головами, и не хотелось на них смотреть. Попадались раненые и носилки – как много крови в человеке.

- А хорошо мы шли, и вы им покажете.
- Будь спокоен.
- Ефрейтор, как вы пленного ведёте? Сзади нужно идти.

Потянулся зелёный молодняк, подорожник рос. Шли глубокие колеи и расплывались. Поручик смял и бросил папиросу:

- Налево!

Мы свернули, рассыпались. Густо было и просвечивало наверху. Проваливались ноги, били ветви по лицу. Неожиданно вокруг начался треск сухой лучины, и запели пули тонким свистом, по-комариному. Хотелось броситься на землю, но мы побежали вперед. Щёлкнули затворы, взлетели винтовки – в яме с хворостом засели два человека, дернулись и замерли без звука. Казалось, нужно остановиться и что-то сделать, но вдруг выпала мысль. На опушке легли, и разом сузился горизонт.

- Когда ты услышишь пулю, она уже пролетела. Ей и поклонись.
- Смотреть вперед, на неприятеля!

Опрокинулось небо бездонным куполом, как куча грибов лежала деревня перед нами, поблескивали стекла. Пряло солнце в траве, и нельзя себя было представить раненым или убитым.

- Высоко берёт, – сказал кто-то, и невольно поднялись глаза.

Сердито рывкнуло оружие позади, ширкнул птицей снаряд и лопнул впереди, как стакан. Дымом и пылью разорвалась земля.

- Перелёт, опять – эх, не умеют они.
- Этот попал, там ползут.

Направо пулемёт, как ящерица, рвал воздух, плашмя лежали по бокам номера. Поднимались, злобно крича. Мы побежали, брызнуло пулями. Сквозящим березняком обогнули и ворвались в деревню. Стояли избы с закрытыми ставнями и не отворяли нигде, мычала корова. За забором прятались солдаты и вдруг подняли руки, гурьбой двинулись и стали. Темные, большебородые, последний молодой – каждый имел своё лицо. У одного был табак, и он вытряхивал пальцем кисет.

- Ты много не бери, чтобы хватило на всех.
- Господин поручик, куда пленных девать?
- Стреляли они?
- Мобилизованные мы.
- Я, ваше благородие, старый унтер-офицер.

За улицей опять начался лес. Шли гуськом, на соснах трещали шишки. Связь обрывалась и терялась, отвечало эхо – ржавое болото тянулось в стороне, пахло хвоей и грибами. Сбились кучей, у поручика потемнели глаза.

- Прямо вперёд, на дорогу!

Синим пологом поднялось небо за стволами, неожиданно остановились, прежде чем выйти из деревьев. Нас встретил огонь, дрогнули люди. Схватился раненый за руку другой рукой и выронил винтовку. Встал крик и треск, пищали пули. Мы в поле перебежали и ложились, выстрелы шли. Тело было лёгким, шумела кровь в ушах.

- Не отставать!

Слепило солнце, приплюснулась деревня за рекой. Обезмолвилась, мы спустились под откос. Быстро неслась вода, журчала галька, опирались прикладами и перепрыгивали по камням. Все торопились, но не стремился никто быть первым.

- Та-та-та, – рассыпал пули, точно бусы, пулемет и стал нанизывать.

Сердце забилось раздельно, тяжелыми, медленными толчками. Мы приникли к земле. Роились пули, змейками вставала пыль. Мгновенной тенью метнулся огромный шмель, шелковой рубахой прошуршала шрапнель, высоко сверкнула желтая звезда, ударило, как градом в окно, поплыл дымок. Прозвенел, падая, пустой стакан.

- А-а-а, – посышался стон, и притворно кто-то закричал.

И вдруг почувствовалось все тело, до пальцев на ноге, и захотелось сжаться – оно занимало столько места. Казалось, что сейчас вопьется пуля и что это уже однажды было пережито.

– Так до темноты не уйдешь.

– Ты патроны береги.

– Теперь бы закурить.

Рассеялась стрельба и замолкла, мы продолжали лежать. Из опушки выдвинулась цепь, растянулась темной лентой. Перетаскивали пулемет – он упирался, спотыкался. Тогда мы бросились напрямик по деревянному мосту, все держались вместе. Нетерпеливо застучали в дверь, босоногая девка вынесла чашку молока – она была, как жеребенок, и пахла яблоками. Оскалила белчьи зубы.

– На, поддержи винтовку.

– Боязно мне.

– А нас ты не пугаешься?

– Нет, молодых не страшно.

С двух концов входили в деревню солдаты, вздрагивало длинное оружие, прислуга тряслась на передках. Были видны бабы и дети и среди них мужики. Солнце скрылось за оцетинившимся лесом, чище становилось небо, и вышла бледная луна.

* * *

Ночью спать не пришлось. В низком, беззвездном небе, хрипя, неслись снаряды. Как будто гремела железная телега. Иногда на них не обращали внимания, но страшны были другие, и тогда ждали разрыва. Загорелись избы красным огнём и немолчно трещали. Голосили бабы, и бегали мужики. Лошади толпились, путая построжки, бесясь, звеня недоуздками. За деревней мяли, топтали высокую рожь, она не ложилась. В проросшей земле рыли окопы. Незаметно позеленел восток, и в смутной дали появились густые, черные цепи. Пулеметчик припал к пулемету и одной дрожью задрожали оба, заливаясь серебром. Вспышками усеялось поле. Опять и опять вставала мушка, толкая плечо. Кричал прицел.

– Тринадцать!

– Двенадцать!

Поднялись цепи, пулемет поперхнулся и стал неподвижен.

– Ленту, ленту, номер!

Звон стоял в ушах. О том, что будет, не думали.

5.

21 июля, в понедельник, вольноопределяющийся записал в дневнике:

– Мы были в боях, наша рота показала себя. Много было новых для меня ощущений. Хуже всего пулеметы, но в общем чувствуешь себя спокойно – я ни за что не дал бы заметить другим свой страх.

6.

В дождь выступили, земля была сырая, и дорогой мы присаживались на брошенных патронных ящиках. В деревне разместились в покинутых избах, в раскрытых сундуках пестрели тряпки, и поодиночке возвращались крестьяне. Через два дня мы выбили противника из укрепленных позиций в лесу и стали заставой.

Погода была жаркая, мело небо. Далеким громом доносилась канонада. На пригорке дремали усадьба с белой колоннадой и тинной подернутый пруд. Но в доме не было целого окна, горы разбитой посуды и взломанные шкафы, крапива росла у крыльца. Садовник обещал смотреть за могилами.

Красный закат за стволами и золотистый туман на полях. Потом зыбкая ночь и на луне длинные тени. С деревьев что-то сыплется, неясный шелест, как дождь, в вышине. Вдруг выстрел.

– Та!

Отзывается глубина, все замирает. Чудится движение у оврага. Зажмуришь глаза и снова их откроешь: нет ничего. Дрожит высоко голубая звезда.

– Та-та!

Бледнеет сумрак, и запах трав пряный, на сапогах роса. Ломая хворост, пробирается чащей лось на водопой.

– Та!

Пламя костра, мигают отсветы в вершинах, лежит офицер.

– Разрешите, господин поручик. Не спится.

Отодвинулся и поднял лицо. Две половины – чёрная и красная, и не видно – двадцать пять лет ему или пятьдесят. Затянулся, и дым у него, чудилось, выходит из волос. Темными листьями шелестят слова.

– Я помню другую ночь, ничего нельзя забыть. У меня был образцовый сад – я каждое дерево знал, что сажал мой отец. В одну ночь всё вырубали, так, просто. Но о саде, быть может, я не думаю вовсе. У меня была жена, она заплетала волосы перед сном и тогда казалась девочкой. Откинет косу, а пальцы уже перебирают вторую. И вдруг пьяные крики.

– Лучше не надо. Нам будет тяжело встречаться.

– С тех пор я считаю убитых.

Он опустил голову, на лицо упала тень, и только руки горят как в крови. Слышатся шорохи ветра.

7.

2-го августа, в субботу, вольноопределяющийся записал в дневнике:

– Расстрел у нас называется отправкой в Могилевскую губернию.

1.

Почему мы ушли за Лугу, никто не знал. Утром вернулись в деревню с заставы, ночью нас сняли с гулянки. Красными гривами польхали на поле дымные костры, жались друг к другу нарядные девки, была примята, притоптана кругом трава. С громким криком впрягали в телеги лошадей, тянула тонкую ноту гармонь – мы с песней пошли. За краем дороги волновалась темная рожь, теплый ветер дул навстречу.

– Кому мои кудри, кому мои русы доставались расчесать.

Только наутро, при переходе через реку, стало ясно, что мы отступаем. Текла вода. Стоял над глубоким обрывом полковник, освещенный розовым солнцем, ничего не говорило его лицо. Грудились у спуска подводы. По одному сводили коней, осторожно ступавших передними ногами. Размытая глина оползала. Толпились, кричали солдаты.

– За оглобли бери ее, черт! Правее держи, правее!

– А ты что здесь за командир? Без тебя хороши.

На подводах переправились стоя – вода струилась по ногам. Фыркали кони. Кручею поднимались наверх, плечами подпирая задки. Блестели вымытые колеса.

– Поддержи, разом бери! Э-эх!

Уже на этом берегу, в ожидании сбора, заговорили о прорыве. Какой-то полк не устоял, эстонцев винили. День начинался жаркий, – клонилась тяжелая рожь, и на межах синели васильки.

2.

3-го августа, во вторник, вольноопределяющийся записал в дневнике:

– Мы в походе, идем в тыл. Люди шагают бодро, во всех взводах свои песни, не смолкают. Недели, проведенные на фронте, связали нас, и рота стала мне родной. Я знаю, что в каждом могу быть уверен, как в себе.

3.

Река осталась позади, уходила дорога за холмы. Черный куст вдали топорщил ветку, точно звала куда-то рука. Змеей расползся обоз. Дребезжала кухня, на запятках подмигивал хромой кашевар:

– Что ж, я вас плохо кормил, ребята?

– Молчи, не то утопим во щях.

Большими переходами шли, стояли в деревнях, двигались дальше. С песнями смыкались в ряды, растягивались далеко; скрипели подводы. Утром окутывала роса, блестела на затворах, жгло в полдень солнце, на плечах давила винтовка, к вечеру тускнело кругом, по пятам следовали длинные тени. То жаркие были дни, то лили дожди. Тогда темнело все, полно было водой, пахло шинелями.

Стягивались, перемешались части. С пехотой сталкивались на перекрестках, закуривали, спрашивали земляков. Повозки с ранеными ехали шагом, с сеном воза – на счастье вырывали пучки. Проходила конница, догоняли всадники, качаясь в седлах. С железным грохотом застряло оружие в топкой луже у моста. Гикали, хлестали лошадей ездовые.

Дорога была все одна – поля, леса, перелески, луга, деревни, села, белые церкви. Один день был похож на другой. Лаем встречали собаки, звенели у колодцев ведра, скрипели журавли, по улицам металась квартирьеры и ругались. Крестьяне считали нас своими, и только из-за яблок были ссоры; их солдаты сбивали ночью в садах. На стоянках повторяли строевые учения, перебежали, ложились. Подпоручик никак не мог втолковать семь главных частей винтовки.

В деревнях собирали сходы и требовали лошадей.

Наконец настало ясное утро. Калачом свернулся обоз и лег, как-то сразу затих. Рыжели пропаленные кострами дыры в траве. Отделилась, вытянулась лентой голова и оторвалась. Толстый артельщик стоял на перепутье и говорил нам вслед бессмысленные слова:

– Уж вы там тово, а мы тоже всегда.

Частью пошли, начинались низкорослые сосны. В воронках от снарядов ржавела вода, белели деревья на перегонах. На полянах в лесу пахло кострами, в козлах стояли винтовки, и распоясанные солдаты выглядывали из шалашей. Мы штыками раздвинули кусты. Хлопотливо стучал вдали пулемет, как дятел, внизу переливалась вода. Мы вернулись на реку.

4.

1 августа, в воскресенье, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Мы стали на позицию. Сегодня при смене заспорили подводчики. Размахивая кнутовищем, наступала скуластая Дунька, а чужой старик топорщил бороду, но крепко стоял на своём – что его полк лучше. И только на довод, что у нас и форма своя, особая, и что англичане нас знают, он замолчал и отъехал в сторону».

1.

В начале августа полуторамесячное наступление противника было сломлено. Отдав Ямбург, наши части остановились на линии реки Лути. Фронт затих, и только на юге продолжались крупные бои; потом пал Псков.

Армия восстанавливала и пополняла свои силы. Наш отряд был развернут в дивизию

– мы стали первой ротой первого полка. Вторую составляли из пленных и перебежчиков, а в третью вошли по призыву окрестные крестьяне. Поручик принял батальон, и ротным сделался прапорщик.

Потянулись будни позиционной войны.

2.

В болотах и лесах темным телом распласталась река, повернулась и обвалила берега. Золотом сверкает на солнце чешуя.

Чёрная деревня торчит на бутре, точно выползла утром из чащи и к вечеру снова в неё уйдёт. Уже потянулись к опушке гумна и бани, но избы еще в раздумье жадут. Как на зеркало, загляделась на воду и не оторвется крайняя над склоном – а на что ей, сутулой?

Не хотят и крестьяне жить в лесных берлогах. Широкие здесь девки, бабы полногрудые – у них ветер в голове. Мужиков подняла и разметала война, а старики, известно, упрямы – одна надежда у них – на Бога.

– Не волки мы, чтобы быть в бору. Вот из села ушли, и всё сгорело дотла. Может, Господь помилует и так.

Так все и остались, только скот угнали на поляны, а в деревне засела застава. Она весь берег, как оспой, изрыла окопами и гнездами. В сараях на соломе солдаты закурили табак, а в крайней избе поместился поручик – только окна завесили одеялом. Не смолкала перестрелка на реке; по утрам будил бомбомет, и к избам начала пристреливаться артиллерия. Теперь уж им не уйти.

Была ночь предосенняя, сухая. Деревня спала мертвым сном. Насутился бор, впронсонках шепталась река. Улицу вымеривал шагами часовой, – в каждую сторону пятьдесят. На углу он постоял, потом вскинул винтовку и снова зашагал.

– Спокойно все.

У сарая в тени закурили торопливо, подтянули ремни, поправили подсумки и пошли. Два человека в дозор. Оставшийся взглянул на небо, нашел в звездах ковш, зевнул и повернулся к дверям.

– Через час сменить посты.

А те двое шли просекой, потом тропой и дальше берегом. Лизала, глодала песок вода, тянуло прохладой, и стлался туман.

– Ты перебежчик?

– Нет, пленный.

– Охотой шел?

– Нет, по назначению. Не спрашивали нас.

– Ну и что?

– Ничего. Все одно, где служить.

Был в чаще овраг, поросший буквицей; немолчно журчал на дне его ручей, слышный только ночью, – казалось, не выбраться отсюда никогда. В окопе под коряжистым обрывом стоял пост. Опутали черные корни упавшую глыбу огромной паутиной. Лунный луч метнулся за рекой и застыл. Побежал камень и зазвенел.

– Та-та-та. – сорвал три выстрела пулемет на той стороне, и по веткам чиркнула пуля.

– Кто идет?

– Свой, дозор.

В полевом карауле на даче топили забором камин. Серым пеплом затягивались угли, колыхались тени. Лежа на локтях на полу, непонятно и путанно говорил о правильной жизни солдат.

– Ну, правду все равно не найти. У Бога она.

– Так зачем ты живешь тогда?

– А черт его знает! Это одно рассуждение.

* * *

Шли вдоль берега в ельнике, приостановились. Не шевелились деревья, зашумели вдруг и снова стали неподвижны. В заводи вздрагивали светляками звезды. Вынырнула, унырнула с тихим плеском рыба.

– Та-тах!

Загорелась красная вспышка, сделалось темнее, пронесся выстрел и еще долго звучал над водой, перекидываясь с берега на берег. Не спеша тот отдернул затвор, опустил винтовку, и дальше пошли.

– Ты что все позади идешь? Не уйду.

– Да. Не уйдешь.

– От них не бежал и от вас не убегу.

Над болотом было влажно и тихо, плыл месяц серебряным рогом. Оторвалась тень и покатила. Стороною следовал волк, осторожно хоронясь.

– У них-то лучше, что к дому близко. Все как-то тянет.

Корчила рожи поваленная сосна, волосами вились растрепанные корни. В елях, в колючем можжевельнике, прятался секрет. Загибалась река, мурлыкали, ластились к берегу волны, плыли по воде раскаты далекой стрельбы. Задувались звезды одна за другой. Упала подгнившая ветка.

– Кто идет?

– Свои, дозор.

Светлела ночь, зеленели черные листья. В лесной труппе в яме потухал костер, тянулся по воздуху голубой дымок. Укутанные шинелями лежали солдаты вокруг, прапорщик согнувшись обхватил колени руками и далекими глазами глядел вперед.

– Донесете поручику: у меня сегодня ночью перебежал унтер-офицер вплавь, с поста. При смене нашли только винтовку.

3.

30 августа, в субботу, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Вчера утром наша батарея обстреляла противоположную деревню. Попадания были хороши. А перед полуднем стали бить по заставе, и первые четыре снаряда разорвались возле избы. По телефону было слышно, как наблюдатель корректировал огонь, но успели его прервать. Почему-то он считал, что хутор на том берегу. Контужены капитан и один из стрелков. Сегодня в нескольких местах были попытки большевиков перейти реку, но везде отражены».

Того же дня, вечером:

«Правее прорвались большевики. Часть полка отошла, мы также собираемся, чтобы не быть отрезанными».

4.

Посты и дозоры, три смены по два часа, а через сутки в полевой караул вперемежку со второй ротой – кто их знает. Из деревни мы перешли на хутора.

Хозяева были чухонцы. Вспугнутой курицей носилась старуха с утра – за всем не доглядеть – потом устанет и сядет у печки. А старик болтался больше так. Молчит, молчит и вдруг подойдет и вынет трубку.

– Ползут там, ты начальнику скажи. Как бы не было чего.

– Ничего не будет, это смена у них.

Поднимались за рекой обгорелые трубы, как пни. Утром, в обед и под вечер спускались оттуда бабы и девки за водой, а они не могут не говорить. Вся деревня нам была знакома. А одна была девка, Марфушка, так та приходила белье полоскать. Ну, не выжимать же его молча, зато речиста была – язык без костей. Крикнешь:

– Марфа, что слаще меда, скажи?

– Бабий подол тебе, озорник, – уж она отгадала, а будь ближе – отогрела бы мокрым жгутом.

Раньше и с красноармейцами был у нас разговор. Выйдет, бывало, маленький прапорщик на берег и во все горло зовет: эй, кто там, поговорим. А там в кустах покажется высокий человек в кавалерийской шинели, комиссар. И пойдут они лясы точить на разные политические темы – тут тебе и революция, и старый режим, и золотые погоны, и Западная Европа, и Америка. Прапорщик был, как кипяток, – сначала будто ничего, а потом как забурлит, как вскинется. Комиссар же походил на веретено – ему все пункты подавай, во-первых и во-вторых, и наматывает и наматывает. А мы лежим начеку, винтовки на боевом взводе – на всякий случай. Только, как дойдут они до точки, прапорщик махнет рукой и отойдет: черт с ним со всем. А комиссар бы рад, да мы не даем: довольно, стрелять будем. Так всегда эти разговоры и кончались перестрелкой. По правде сказать, прапорщик смешной был: короткий, в куцой шинели. Говорил он нескладно, путаясь в собственных словах – наберет их полный рот и подавится. Но мы его постоянно считали правым.

– Тот, что баба, – говорил густобородый солдат второй роты. – Ты ему слово, а он тебе десять. А что толку в бабих словах?

В то время мы выменивали также табак. Мы станем на этом берегу, они на своем. Сначала сговоримся, что давать, а потом начнутся пререкания, кому переплавляться – нам, добровольцам, нельзя, а они все мобилизованные.

– Эй, кто там у вас прячется в кусты?

– Да это часовой.

– Так пускай выйдет и положит винтовку.

Тогда переплывал красноармеец, в одной фуражке. Вылезет из воды, весь мокрый, станет навтыжку и руку к козырьку.

– Здравия желаю, ваше благородие. Так что явился в ваше распоряжение...

– А ты бы остался у нас, что тебе там делать? Верно, ефрейтор?

– Никак нет, младший унтер-офицер. Только нельзя мне – у них брат.

Табак был у него в фуражке, сало и хлеб он завязывал в узел на спину и отправлялся обратно.

Но потом утонул перебежчик, другого ранил поручик, не стало комиссара-соловья, и части против нас сменились – мы стали брать друг друга на мушку, и были потери.

И вот мы однажды пообедили, поспали на сеновале и вышли на реку. Знойный день был и ни ветра. Свистнула пуля, и раздался выстрел. Кто-то сказал:

– А может, они так стреляют, зря. Мы, ведь, им неизвестны.

– И то правда. А ты втолкуй!

Мы засели в окопе, положив винтовки на вал.

– Товарищи, а товарищи!

– Щи, – ответило эхо.

– Товарищи!

– Щи.

– Ну, ребята, стреляй. По кусту бей, там он сидит.

Мы дали залп, и выстрелы зазвенели в ушах. После одной обоймы зашевелился куст.

– Чего вам? – донеслось через реку.

– Ага, заговорил! Ты какой губернии?

– Псковской.

– Земляк, значит!

– Чево?

– Земляк, говорю! А уезда?

– Порховской.

– Ага! А я Островской! Слышишь, Островской!

– Знаю.

– А как же ты, земляк мне, и вдруг комиссарам служишь, а? Нешто ты не понимаешь, что не православные они, а?

– А вы за помещиков идете.

– Это вас коммунисты смущают! Коммунисты, говорю, смущают! А мы за – это самое, как его, Учредительное Собрание, стоим! Чтобы весь народ, значит, собирался! И чтобы земля крестьянам была! Земля, говорю, чтобы крестьянам была!

– Слыхали мы эти сказки, товарищи, пора забыть. Еще Керенский баял.

– Керенский дурак, слышишь?! А я тебе, хоть и земляк, а не товарищ! Это ты брось!

– А как тебя, господином называть? Так теперь господ нету – вышли все.

– А вот мы тебя сейчас поучим, раз ты обращения не понимаешь!

– Стреляй, ребята, патронов не жалей!

Пошла стрельба. Сначала мы, потом из деревни ответили, вправо кто-то затрещал, вешался пулемет, и по всему участку началась перестрелка. Умолкнет, раздастся одинокий выстрел, другой, и снова все загремит. Только под вечер кончилось, когда затенились склоны. Тогда вышла баба с ведром и черпнула воды.

– Эй, тетка, как живешь?

– А вы, товарищи – земляки, – поправилась она, – не стреляйте, пожалуйста, в окна, такая к вам просьба от нас. Вот давеча бабу поранило и девку, а одну так убило совсем. А солдаты вам велели сказать, что не сидят они в избах – есть у них блиндажи.

– А девку-то какую убило?

– Ивана Петрова Марфушка, брательника держала на руках. Так вы уж постарайтесь.

5.

8 сентября, в понедельник, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Вчера вечером тяжело был ранен один из старых добровольцев, надежды нет. Пуля пробила подсумок и разорвала патроны. Было темно, шли редкие выстрелы, и вдруг раздались залпы. Я побежал на берег – часовой лежал в кустах, по животу его ползли желтые огни. Он крикнул: все спокойно!»

6.

Нас разбудили ночью. Впотьмах разобрали винтовки и вышли на улицу. Нависло небо овчиной, накрапывал дождь. Мелькали солдаты черными тенями, где-то в избах горели янтарные огни. Слышались сдавленные голоса, отдаленные выкрики.

– Становись, скоро ли там?

Возрос и замер шум. Слились плечи. Кашлянул кто-то.

– Кто чужую винтовку взял? – раздался тонкий голос в стороне.

– Какой ты солдат, – ответил бас. – Солдат бабу может перепутать ночью, а винтовку должен знать.

Хочется спать, дремлешь, опираясь на штык. Зябко.

– Что за дурак построил нас в самой грязи?

– Тише, не рассуждать в строю!

Это взводный. Зацокали, захлопали удары подков, храпнула лошадь. Поздоровался кто-то.

– Вот и начальник, должно быть ефрейтор.

Снова тихо, путаются мысли, спипаются веки.

– Винтовку убери! Глаза выколешь, черт!

– Первая рота, шагом марш!

Задвигалась темная масса, оторвалось плечо. Смешались ряды, с лязгом сцепились штыки. Привычным шагом мы пошли. Пропел на задворках петух, собака брехала. Во дворах молотили хлеб, и пахло ржаной соломой. Потянулось поле чёрным простором.

– Вот тебе вместо отдыха и набег. Как будто только мы и есть.

– Говорят, без первой роты разведчики не идут. Да и то, куда им.

Светлел восток, по небу разливалась липкая муть. Резче выделялись винтовки, плечи и каски солдат, выступали темные обочины. Сапоги выплескивали лужи.

– А мне так кажется, нарвёмся мы, что не узнаем своих.

– Мне бы только сапоги там найти, одно название осталось.

– А мне бы куртку кожаную, комиссарскую.

– Гостинец бы достать Клаудюшке, это где мы ночью были. Эх, девка!

– Покажут там тебе такую Клаудюшку!

У перекрестка свернули на поля, прыгали через канаву по одному. Расплавалась земля, вязли ноги, тяжелыми сделались сапоги. Как-то сразу выползла, раздвинулась землянка из полутьмы. Вилась проволока, потухал костер. Дремавший солдат вскочил, подхватив винтовку руками. Брызнули и рассыпались искры. Стопились, присели солдаты, офицеры собрались у огня. Загорались погоны, проваливались рты. В низкую дверь вышел, нагнувшись, батальонный командир, красный от пламени.

– Прапорщик, вы с добровольцами первой роты перекинете мост через быки. Займете деревню и двинетесь дальше.

– Быки пристреляны, нам лучше на лодках перейти.

– Прапорщик, я вас не спрашиваю, а приказываю.

Прапорщик повернулся и отошел от костра, разом потускнев. Хмурыми были в сумраке лица солдат, падали тяжелые капли.

– Все мы добровольцы, по назначению надо.

В тумане пошли, как в молоке, сыро было и глухо. Огромные призраки вставали и расплывались, вырастали неожиданно они. Не было ни звука, одни шаги только. Хрустнула ветка под ногой – громко, нет, чуть слышно.

– Ванька, это ты?

– А что?

– Так, ничего.

Забурлило впереди. Оторвалась, зашуршала и комом плеснулась земля. Черной глыбой дымился бык.

– Не кури, ты, дьявол, увидят!

В мокрой траве, над обрывом легли. Наклониться хотелось и слушать. Бесформенным пятном поднялся навстречу часовой и вздрогнул.

– Пора.

В тягучем рассвете, беззвучно скользя, подавались лодки – из канавы наверх и вниз под откос, дальше от берега по камням и к быку. Корягами протягивались руки. Холодела зеленая вода, занозилась ладонь.

– Тише, в воду не бросай.

Вдруг хлестнул выстрел, как удар бича, шаром пробежал над рекой. Раскатистое эхо проснулось в лесу. По телу побежали струйки. Долгое и жуткое настало молчание. Хлопнул снова выстрел, загрел железом залп. Сорвались, зарокотали пулеметы. Сжались, остановились солдаты, задвигались. Крик стоял:

– Доски, доски, давай!

– Оглох ты, дьявол!

– Доски, доски, давай!

Как от молнии упала кудрявая береза с высоты, низко пронесся черный, громадный звук, шлепнулся в воду. С ревом вырвался столб, разлетелись брызги.

– Мина, – коротко сказал кто-то в возникшей тишине.

Спадал туман, бурела та сторона. Текла вода, в заворотах кружила, глотала. Плющились о камни пули. Ржавыми котлами громыхла река.

– Не глуши ты под самым ухом, черт! Куда бьешь?!

Нестерпимо было стоять, хотелось в камень врасти и спрятаться. Лопнуло небо голубой полосой, брызнула и покачнулась серая завеса, клубясь. Вспыхнул солнечный

свет. Швырком пронеслось над головой и глухо, как в бочке, рвануло впереди: ударила наша батарея – мы бросились вперед...

7.

18 сентября, в четверг, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Вчера выдавали белье, отбитое у большевиков, мне досталась рубаха. Все сильно обносились, но не хотят раздевать убитых. Землянку мы кончили и уже перебрались в неё, печку думаем принести из деревни. Большевики по обещанию не мешали работе, и мы их похвалили. Крутом много грибов и ягод: я варю варенье».

8.

Настала поздняя осень, и мы ушли в землянки в лесу. Пролетели журавли, и паутина перетянулась везде. Все побурело, в яме помутилась вода. Шелестел непрерывно дождь. Ночи наступили тёмные, ощупью ходили дозоры. Не смолкала ругань, ежась от холода выжигали рубахи над кострами. По небу носились рваные тучи, набухла река. Топорщились захватанные карты. Единственную книгу выкурили до корешка – это была «История цивилизации» Бокля. Задремав у очага, взводный опалил усы.

В землянке второго взвода было тесно, но тепло. Трещали в печке дрова. Только изредка ветер с воем прорывался в трубу, выедавая дымом глаза или сквозь плетеную дверь хватался за ноги студеными руками.

– Закутай двери, чёрт! Вестовых нету!

– А ты, хоть ефрейтор, не ругайся – всяких мы видали. Ну, и холод.

– Беда. Замёрзнем, как раки.

– Не замёрзнем, а в наступление пойдем. Чай у вас есть?

– Ты не шуми, пришел и седи. А чаёв у нас нету – не трактир. Смирнову сказывать сказку.

– Что я за рассказчик? Так только слышал, как люди говорят. Вот был у нас отделенный, в ту еще войну, точно по книге читал. И медаль имел. Впрочем, я не отказываюсь.

Он затянулся, бросил окурочек в огонь и пихнул поленья сапогом. Раздумчиво спросил:

– А про что сказывать? Про то, как нанимался солдат работником к попу, про то, как женился солдат на королевской дочери, как обманул солдат черта – много их.

– Нам покладней.

Он задумался, все молчали, потом встряхнул головой и заговорил нараспев, на «о» – был он с верхней Волги.

«– Шёл солдат из похода в бессрочный отпуск. Шёл он и думал горькую думу. Пять лет служил он верой и правдой, а нет у него ничего: ни кола, ни двора и голову негде приклонить. Долго шёл он разными дорогами, и настала ночь. Завернулся солдат в шинель и лег под куст.

Только идет это мимо странница, к земле пригибается.

– Солдат, тебе холодно?

– Нет, в шинели тепло.

– Солдат, отдай мне шинель.

– Шинель – казённая вещь и не имею права, а вот тебе – три копейки.

Отдал солдат последний алтын, а сам дальше пошёл и попал на мельницу. А мельница не простая была – валит деревья ветер, а крыла не шелохнутся. Сразу всякому видать – нечистая тут сила, а солдату хоть бы что. Не такие дела приходилось делать.

Перекрестился солдат и постучался. Стучал он, стучал, а никто не откликается. И решил солдат выломать дверь. Налег он и двинул плечом, а она только затрещала. А наверху отворилось окно и выглянул мельник.

– Кто там жив в поле человек? – кричит.

– Пусти, – отвечает солдат, – ночевать, добрый человек.

– Нет на свете добрых людей и ночевать не пушу. А коли хочешь, служи у меня работником.

Видит солдат – податься ему некуда, подумал, подумал и говорит:

– Отворяй.

И поступил солдат в работники на мельницу».

– Тише, стреляют.

– Ванька в дозоре, не может он без стрельбы.

– Ты поди, узнай.

Поднялся нехотя Степанов, пробираясь по ногам. Упала винтовка.

– Спокойно, говори!

«– И поступил солдат в работники на мельницу. Служба лёгкая была, а уговор простой. Надо ему, солдату, ходить вокруг котла круглый год, а заглядывать нельзя. А жалованья был положен бочонок медных денег.

Помылся в бане солдат, надел новую рубаху и стал ходить. День ходил, второй ходил. Сначала скучно было, потом привык: ходит да посвистывает. Полгода ходил он и не утерпел.

– Дай, – подумал, – загляну.

Поднял крышку солдат, а котел пустой. Только открыть он открыл, а закрыть не может, что-то не пускает. А мельник тут как тут.

– Нарушил ты, солдат, зарок, – говорит. – Но если хочешь, служи ещё один год – за серебро.

И опять заходил солдат вокруг котла. Целый год ходил, и осталась только неделя. А к котлу так и тянет. Солдат старается подальше, а рука поднимается сама – а там опять ничего.

– Ну, солдат, – говорит мельник, – если хочешь, служи еще третий год, заслужишь золота бочонок.

И третий год ходил солдат вокруг котла. Он весь год проходил, не заглянул и пошел за расчетом. Видит мельник – делать нечего, и выкатил бочонок. А под ним пол так и ходит, гнётся – червонцы одни.

– Бери, – говорит, – солдат, всё твое. А то, коли хочешь, я тебе три слова вместо них скажу. Любое выбирай. Подумал солдат, подумал и проговорил:

– Сказывай слова, все равно пропадать.

А мельник:

– Вот тебе три слова – солдат, иди домой.

Плюнул солдат, накинул на плечи котомку и пошёл».

– Ловко, однако.

– Э, чёрт, в свою землянку не попадёшь! Что за дьяволы тут винтовки поставили, чтоб им черт!

Холодом раскрылась дверь, просунулся в черное отверстие штык и от дождя мокрая каска. Это вернулся дозор.

1.

10 октября, в пятницу, вольноопределяющийся записал в дневнике:

«Погода плохая, идёт дождь. Большевики два раза устраивали демонстрации. Мы сменяемся и завтра наступаем – дай Бог успеха и здоровья».

2.

В ночь на 11 октября мы пошли в наступление. О нём уже две недели говорили крестьяне окрестных деревень, – они до снега хотели вернуться в избы из леса. Мы его также ждали; зазимками приближалась зима. Тогда же слышно стало о танках, а

что за танки, никто толком не знал. Спорили о том, как перейдут они реку: мосты не выдержат, а вброд – зальет. К тому времени пришло английское обмундирование, и весь полк стал другим.

Днем нас сменили с заставы, вечер провели мы на хуторах. Догорала заря, когда мы вышли из леса. Стоги сена чернели, на полуоубнаженных ветвях качались красные гроздья рябины, клочилась зелень. Все полно было людьми, дорогу заставили телеги, паслись в бороне стреноженные кони. Навстречу прошла девка за водой, качая бедра. Остановилась, засмеялась, отвернулась. Звенели на коромысле ведра. Прапорщик стоял на крыльце, заслоня от солнца рукою глаза.

– Ну как, ребята, застоялись – размяться пора.

Составили винтовки, скинули подсумки. В сумерках разложили костры. Вздрогнули тени, отступили. Кучками собирались, освещенные снизу. У солдат на груди были большие белые кресты.

– Приказ такой, чтобы своих узнавали. И вам дадут.

– Это у вас в обозе не знают своих, у нас они все наперечет.

Пахло дымом и навозом, гомон стоял от голосов. Переобулись, надели чистое белье. Подсумки набили патронами. Растопырив пальцы, набирала баба хлеб в подол.

– А вы-то как будете, родные? Тоже ведь не легкое дело у вас.

– Что с ним тащиться! Черт его знает, что будет.

В темном углу под навесом громким шепотом прощался с девкой фельдфебель. Лебедино белела рука. Разбирали, чистили винтовки, примыкали штыки. На корточках кипятили чай в котелках, поставив их на кирпичи. К костру подошел поручик – черная угловатая тень его вытянулась и переломилась на заборе.

– Ну, как моя рота? Не хуже первой стала?

– Молодцы, господин поручик. Только далеко им до нашей.

– А вот увидим. У меня все старые солдаты.

Ночью пошли, долго ждали сбора. Вызвездило, пропадала дорога во мгле. В ложине у реки нас неожиданно обстреляло орудие и так же внезапно замолкло. Мы разбились по лодкам, по одному спустились к воде корнистой тропой. Пахло прелью. Вспыхивали стволы винтовок, погасали. Низко над лесом стояла зеленая звезда, дрожал ее отблеск в тусклом зеркале реки. Неумолчно шумела вода, тихо плескалась прибрежная волна. Смутный шорох был кругом. Хотелось прислушиваться и неслышно ступать. Донесся выстрел с той стороны, огненной лентой взвилась, рассыпалась в черном небе ракета. Все разом встрепенулось, загудело.

– Садись быстрее! По лодкам!

Накренился край, черпнул воды, прикладами оттолкнулись. Из темной раковины берега вырвались на середину реки. Звенела стеклянная струя, от весел летели брызги.

– Сиди ты на месте, черт, без тебя обойдутся!

Скрипя врезалась лодка в песок. Качнуло, столкнулись штыки. Залила ноги вода. По откосу бежали наверх, трава была мокрая от росы. Цепью залегли, держа винтовки впереди. Шипели сосны.

– Третий полк еще не переходил. В штабе говорили.

– А я тебе говорю, что третий полк матросов разбил и захватил комиссаров.

– Тише там. Ну вас к чертовой матери с третьим полком!

Встали и лесом пошли. Махали ели ветвями, кололись. Вверху чуть слышен был сдавленный гул, вдали замирал хвороста хруст. Под ногами дрожали, хлюпали трясины. Колючая проволока тянулась, обрывались пустые окопы, ползли телефонные провода. Разом наполнила все ружейная трескотня, точно вдруг тысяча птиц защebetала – и не понять было откуда стреляли.

– Первая рота вперед, ура!

Спотыкаясь бежали. Лес оборвался, открылась дорога. Стихла стрельба. Стояли деревья стеной по сторонам, подглядывала чаща. Жуткая повисла вокруг тишина.

Ни ель не шелохнется, не скрипнет сосна. Выслали боковой дозор, он валежником затрещал, пропал. Шагом пошли.

– Осмотреть сеновал! Иванов за старшего!

Неожиданно вышли в поля. Изгороди пошли, межи, шуршала картофельная ботва. Бледные тени ложились, ударил мороз. Огородами ворвались в деревню, по рыхлым грядам, рассыпались по дворам. Горели окна желтыми огнями, настезь раскрыты были двери. Искрились вспышки винтовок, трещоткой трещал пулемет. За деревней окопались наспех. Звенели лопаты, тяжелыми комьями скатывалась вниз мерзлая земля. Клубился пар.

– Отстал я и вижу, лезет в окно. Я туда! У плетня спотыкнулся, другой поднимается с земли, за штык хватает. Я вырвался, размахнулся, хрястнуло только. Так вместе с винтовкой упал. А того руками задушил. Царапался, черт!

– Эх, не люблю я окопы, сам себе будто могилу роешь.

– Ты не разговаривай, копай.

– Да ну их к дьяволу. Все одно вперед идти.

– А наш малыш отличился. Руки в карманах, карабин на ремне, каска надвинувшись на глаза – деньги давай. А их пять человек стоят, винтовки в одной руке, в другой кошельки.

Неслышно сзади подошел поручик, остановился. Посыпался с шорохом песок.

– Не нужно окопов и посты снять.

Мы повернулись и медленно пошли. Молчала ночь, зелены были звезды. Расстиралась улица впереди, углы домов. Робко белели стволы берез, серебрилось поле вдали. Громкие раздались голоса, распахнулась светом дверь. Упали черные тени.

– Первой роты нет никого?

– Есть, а зачем?

– Раненого пристрелить – красноармейца.

Опрокинут был на заборе разбитый горшок, как ослабленный череп. Протяжный стон поднимался с земли. Вплотную стали, наклонились над бледным лицом с черными губами. Смертью горели глаза, – такие глаза должны быть у загнанного волка. Пронесся улицей ветер, порывом, взвивая кверху пыль.

– Ну, так что?

– Иди ты к черту, не согласен!

Удушливо пахло жаром из избы, стукнул приклад. Разместились тесно на скамье, на печке, на полу – в темном махорочном дыму. Свешивалась вниз голова, клонило ко сну. Зажимали винтовку колени.

3.

Наступление началось. Встало холодное утро, за ночь выпал снег, иней белел на ветвях. Солнце было красное, как медный щит. Почерневшей дорогой шли, кутаясь в шинели, подняв воротники. Вились тучей над деревней грачи, хрипло лаяли собаки. В ложбине волнами клубился туман, жадно булькала вода. На мосту над ручьем стояла часовая и провожал нас глазами.

В тот день, свернув с дороги, мы лесом подошли к деревне. На опушке стали, было видно четко и далеко. Поручик поднял винтовку.

– Р-раз, р-раз, – раскололся выстрел и пробудил тишину. Грянул залп и перекатился. По полю, падая, побежали солдаты. Остонавливаясь, протягивали винтовки вперед, затворы выкидывали.

Большаком мы двинулись дальше, слева все время доносилась далекая стрельба. Крестьяне по пути выносили воду, и мы долго пили из деревянных ковшей. Пересмеивались девки. Перед вечером мы вышли на линию железной дороги. Издали нас встретил пулеметный огонь. Впереди было голое поле, полк остановился. Первым выступил второй батальон, развернулся и залег. Быстро меняли форму облака, выстре-

лы рассыпались дробью. Тогда наша рота пошла в атаку в лоб, по дороге, в рост. Пробежал ветер. Коротким ударом мы заняли станцию. Текли блестящие рельсы, за полотном по ветру ходил бурьян. Стреляли в стаканы телеграфных столбов, и гранатами подорвали путь. пытался подойти бронепоезд. Долго стоял в синем небе белыми клочьями дым.

Мы ночевали на постоялом дворе, тяжелый сон будила тревога. В глухой беззвездной ночи мы лежали в мерзлой траве, подслушивая чью-то придушенную пальбу, пулеметы и рассыпчатое «Ура!».

4.

14 октября, во вторник, вольноопределяющийся записал в дневник:

«Идём вперёд, почти не встречая сопротивления. Конно-егерцы, говорят, заняли станцию Волосово, где были встречены музыкой. Мы взяли под вечер и захватили там котелок с только что сваренной картошкой. Ночью, в походе, по колонне стали передавать: атаку поддерживать общим криком. В обозе перепутали и вдруг, среди поля, позади, раздалось громовое «Ура». Не зная в чем дело, мы рассыпались в цепь и ожидали противника с тыла, а большевики покинули следующую деревню».

5.

Просёлками шли, большой дорогой. Ночами заморозки были, днём томила жара. Двигались в пыли ряды солдат, по выбоинам громыхало оружие, дребезжало, скрипели подводы. Головные роты сменялись поочередно, впереди их шагал неизменно седой генерал. Трудно было идти ему, он много раз был ранен – но не хотел он устать. Деревни брали с боя, толпами сдавались пленные. Оборванные, в куцых шинелях, в опорках, лаптях вятские, костромские, тамбовские больше, искали среди них земляков. Когда их бывало немного, возвращали винтовки, зачисляли в ряды, и они шли дальше вместе с нами. Не то их выстраивал командир, говорил им о России Великой, о поруганной вере православной, и они слушали молча.

– Нам нужны только добровольцы. Кто не хочет воевать, тех мы отправим на работы в тыл.

Отбирали табак, меняли английские танки на высокие сапоги. Вчерашние пленные одевались, раздевая новых. Спрашивали всюду, как много осталось до Петрограда. Все ближе становилось, считали переходы. Но не могли себе представить, как мы его возьмем. Почудились уличные бои, разбитые окна, опрокинутые трамваи, то казалось, что шумными криками нас встретит толпа, колокольный звон будет переливаться.

Где-то в деревне нашли солдат, спокойно куривших на заваленке.

– Вы кто, какие будете?

– Так что, война кончилась, а мы пришли домой из красной армии.

– Идем к ротному, он разберет.

В пегих полях, на расплывшейся грязью дороге, спрятался починок из богатых изб. Чухонки с волосами как лен, с лицами, точно свежeweыстиранными, скалили зубы.

– Что белых солдат не видели, красавицы?

– Нет, были весною, да не такие, – в Петроград они шли.

– А какие, черт возьми? И мы туда идем.

– Те зря не болтали, сразу кофей пить пошли.

– Эх, пропадешь с вами, бабы! Ну, все равно, угощайте.

И дальше было село, мы вечером вошли в него. В сумерках священник со спутанными волосами, торопливо, перебивая себя, говорил как в июне ждали белых и они не пришли, что он все бросит и с нами уйдет. Не один он, все.

– Батюшка, ведь мы вперёд идём, на Петроград.

– Да, да, дай вам Бог! А когда обратно пойдете, не оставьте. Нет сил терпеть.

6.

Желтые скошенные поля; зеленые луга, по небу тянутся темной лентой леса. Столбы пыли поднимают ноги.

- Э, чёрт, хоть деревня какая.
 - Поменьше бы их. Как деревня – бой.
 - Черт с ним, потом отдохнешь. Разве хлеб бросить?
 - Погоди, есть придется.
 - Найдем. Винтовку не бросишь, а с него не пропадешь.
- Затянул кто-то песню, зарвался и разом замолк.
- Гляди: бабы.
 - Эй, тетки, ступайте с нами воевать!
 - Ох уж эта ваша война. А вы какие будете?
 - Свои, тетка, свои. Аль не узнала?
 - Все-то теперя свои. И откуда только берутся?

Хлопнул одинокий выстрел впереди, другой раздался, третий. Далеко по взгорью раскинулось село. Горит на солнце зеленоглавая церковь. Синее небо было в белых облаках.

- Вот и деревня твоя, дождался.

Затрещали винтовки, застрочили пулеметы швейными машинами, прошивая воздух. Мы сошли с дороги и сели на обочину. Громяхают подводы, тычась оглоблями, гремят щиты, кони ржут, отчаянная слышится брань. Медленно прошел солдат, мерно раскачивая руку в багровом рукаве. Забилась лошадь, понесла. Белобородый мужик лежит на подводе – от толчков припрыгивает голова.

- Деда напрасно убило, ему хлеб молотить.
 - Пуля не спросит про хлеб. А может, и у меня молотить некому дома.
- На дорогу выкатили орудие, повернули, навели. Колеса скрипят в песке.
- Эй, трехдюймовки, живее!
 - Пехота, не пыли!

Артиллерийский подпоручик поднял бинокль к глазам. Он похож на огромную ночную птицу.

- Прицел ноль-ноль-два, трубка шестьдесят.
- Есть.
- Огонь.

Рвануло воздух, рассыпалось битым стеклом. Свистнул, удаляясь, снаряд. Орудие подпрыгнуло, подалось назад и задумалось. Послышался вдали слабый разрыв.

- Господин поручик, прикажите вперед идти. Оглушат нас, дьяволы.

Поручик не ответил, взводный погладил длинный ус.

- Нельзя, потому мы прикрытие, вроде как бы заслон.

Пули визжат над нами, по дороге бьет пулемет. Шипя ушла одна в канаву. Кто-то вздрогнул, подобрал выше ногу.

- Первая рота, влево!

Разом поднялись и пошли, надвинулись друг на друга. Передние стали.

- Куда лезете на подводы, места мало!

Сбились кучей, пули падали дождем. Засунув руки в карманы, с ноги на ногу переступали – голову держали прямо.

- Что мы за пулеглоты, всех не переловишь.

- А ты плюнь, на черта они тебе.

Щелкают пули, взбивая пыль. Вдруг какая-нибудь неожиданно громко ударит в землю и войдет в нее.

- А еще первая рота, добровольцы тоже!
- Не вашему брату учить нас. Артиллерист, туда же!
- Приставлен к орудью и крути там. А где не спрашивают, не суйся. Так-то!

Посреди дороги стоял прапорщик, лицо у него было строгое. Он тряхнул головой:

– Первая рота, вперед! За мной!

Прапорщик повернулся, побежал. Полы серой шинели широко развеваются по ветру. Дрогнула грудь. Мелькает оружие, подводы, солдаты остаются позади. Впереди широкая дорога, за ней небо встает голубой стеной.

– Кавалерия идет!

Над прыгающим пулемётом возятся солдаты, что-то невнятно кричат.

– Первая рота, налево в цепь!

Путаются ноги в вязкой траве, спотыкаются, скользят.

– Чёртово поле! На то дорога, чтоб бежать, один черт!

Взводный упал, с головы слетела каска. Встал, бежит дальше. Тонкие русые волосы поднимаются ветром.

– Влево, влево бери!

Раскинулась по полю цепь. Залегла, перебежала дальше. Испуганное взглянуло снизу лицо. Подуло пулями.

– Первая рота, вперед! Не ложись!

Осталась цепь за нами, их стало жаль. Стучит сердце молотком, радостно и жутко.

– Влево, влево бери!

Тяжело бежит Степанов, закусив губу. Иванов дико кричит широко раскрытым ртом, захлебываясь. Подпоручик высоко размахивает тростью.

– Эй, Степашка, хорошо! Знай наших!

Обдааа холодом щеку пуля, кто-то упал. Не встал. Кто?

– Влево, влево бери!

За изгородью выросли солдаты с винтовками в руках, они в серых папахах. Всё сразу смешалось – выстрелы, крики.

– В штъки их, сдавайся, ура!

Они поднимают руки, закрывают лицо и падают мешком, еще палец нажимает спуск. Только мозг отлетает тряпкой. Встало близко совсем белое лицо со страшными глазами, как у серны, и пропало. Кто его убил – не все ли равно. В селе шла беспорядочная стрельба.

– Каменный сарай, сарай занять!

Загготал пулемёт, захлебнулся, замолк. Из-за угла за домом стреляют в упор, прижавшись к стене. Длинными прыжками убегает солдат, далеко отбросив винтовку. У околицы остановились, прерывалось дыхание.

– Дальше не ходить, – голос поручика сорвался.

Впереди овраг, по мосту движется серая масса. Мы стреляем вниз.

– Броневик уходит, бей по нему!

– Эх, гранаты бы!

– Поставить пулемёт, никто не уйдёт!

Мелькает чёрная мушка, накаляется ствол, с лязгом выскакивают гильзы. Поручик зажал щеку. Алая кровь струится по пальцам, тяжелыми каплями падает

И вдруг стало совсем тихо – желтеют поля, горит на солнце зеленоватая церковь, синее небо в белых облаках. Прожужжала большая муха, и лопнула тишина, как туго натянутый пузырь. Стучат винтовки, отбивают пулеметы дробь, крики сливаются в гул.

– Ура-ра-ра-а!

Село было взято, по бурьяну спустились в овраг и вышли на дорогу. Песчаное поле было кругом, вереском поросшее. Красный командир идёт навстречу, папаха слегка набекрень.

– Звездуними, тебе говорят!

– Я старый офицер.

– Как вы смеете это теперь говорить?

Потупились глаза, отвисла прыгающая губа. С песней мы вернулись, пыльные, грязные.

– Взвейтесь, соколы, – звенящим с легкой дрожью голосом запел прапорщик.

– Взвейтесь, соколы, орлята. Полно горе горевать.

Звучит, несётся песня, шире становится шаг, тверже нога,

– То ли дело, то ли дело под шатрами в поле лагерем стоять.

Пустынно село. Лежат убитые с ощеренными ртами, черная кровь и желтые мозги.

Взнузданный конь водит по воздуху широкими ноздрями. В носилаках жалобно тихо кто-то подвывает.

– Какой роты?

– Первой, в живот.

– Пристрелите, всё равно уж.

– Жить будешь, домой отпустят.

Провели пленных. Они жмутся кучей, быстро исподлобья озираются вокруг.

Болтаются руки.

– Перчатки снимай!

– Что ты, ему холодно будет.

– Не надо тогда. Надевай обратно.

Мы стояли у забора, обшаривал кто-то солдатские мешки. Подошел прапорщик, потрянул головой – спадали на лоб длинные волосы.

– Это вся рота?

– Вся, господин прапорщик. Больше не осталось.

Ружейный залп раздался. Глухие, короткие выстрелы за сараем – чёрная работа войны.

– Целую бригаду, говорят, разбили. Генерал благодарил нашу роту.

– Да, показали себя.

Долго стучали в избу. Мелькнёт в окне пугливая баба и спрячется.

– Не бойся, мать, все кончено. Воды бы нам.

– Чево пужаешься, тётка, не разбойники какие мы, за правду идём.

В это время отделенный, рябой ефрейтор, протянул мне лист бумаги. Лист был белый, почтовый, с голубкой в углу. Крупными детскими буквами были набросаны стихи, загибались книзу строки.

– Читай, ты лучше грамоту знаешь.

– Где ты взял?

– А черт его знает. Нашли, отобрали.

Стихи говорили о розах, о любви. Нескладные, смешные стихи. Твоя Таня – это подпись. Я знаю эту Таню: худая девочка в коричневом платье, белый передник, большие, спрашивающие глаза. «Решите мне задачи по алгебре», сейчас скажет она и улыбнется. Когда она улыбается, у неё ямочки на щеках. Но это не та ведь Таня. А может быть, и та, такая же – та Таня тоже любила смешные стихи.

– Слева по дороге идут!

Пробежал часовой, запыхавшись, держа винтовку за ствол, впереди себя.

– Первая рота направо, в цепь! Пулеметчики, вперед!

Мы побежали. На дороге раскинул руки убитый. Подбородок был детский, заостренное смертью лицо. Раскрылись застеклившиеся глаза. Не ему ли Таня писала стихи – может быть, и ему, такому же. Я перепрыгнул через него. Крепко рука сжимает винтовку.

7.

Прямой тракт пролёт по полям. Без начала, без конца – всё идти по нему, идти. Солнце перевалило за полдень, багряное садилось. В закате кровавились белые стаканы телеграфных столбов, проволока золотилась. Хрустел щебень под ногами, на дорогу падали большие тени. Сбились ряды, растянулись. Неумолчно вполголоса рассказывал кто-то позади, поддакивал другой. Назойливо долетали слова, кружились, пропадали.

Не хочется говорить в такую пору, помолчать хорошо. Кажется, будто все это уже было когда-то, только когда?

Небо сгущалось, меркло, когда на дороге стала деревня. Отделилась разведка, быстро ушла вперед. Избы слились в одну кучу, ближе прижались друг к другу, покорно ожидая неизвестной судьбы. Выстроились роты, подтянулись ряды, прибавили шаг. В деревне не было красных, и крестьяне попрятались. Босая девчонка в белом платке стала посередине улицы и с пальцем во рту пристально, исподлобья уставилась на нас.

– Проглядишь глаза, егоза, на парней зариться будет нечем!

– Белые пришли, – заголосила вдруг девчонка, со всех ног убегая.

Что-то пропало в окне. В калитку со двора выглянул мальчишка в большом, упавшем на уши картузе.

– Где староста у вас, парнишка?

– Какого старосту вам?

– Да ты что, старосту не знаешь, брат!

– Староста у нас помер, теперь председатель.

Вынырнула, как из-под земли, лохматый мужик, подвернулся, завертелся, заюлил, словами засыпал.

– Мальый он, не смыслит. Что староста, что председатель – ему одно. А вам что надо?

– Подводы сменить, отец.

– Всех коней угнали, вот те Бог! Какие там подводы – у Ивана Митрича разве.

Погладил бороденку и снял шапку, повертел ее в руках, крикнул и громко, через улицу, крикнул:

– Кобыла у Ивана Митрича где?

– Где? В подводах, чай, сам же назначал, – звонко, по-бабьему откликнулось напротив.

Мужик почесал затылок, надел шапку опять и развёл руками.

– Вот слушай: чтобы подводы были, не то искать пойдем сами.

Издали тихий, как вздох, донесся орудийный выстрел. Дрогнуло, пронеслось, загрохотало. Снова ухнуло, заухало. Улицу вымело. За темными полями мигали зарницы, небо бороздили снаряды долгими полетами. Мы переходили с места на место, вышли за деревню, путаясь в заграждениях, зашли за гумно. Высоко в воздухе лопалась, сверкая, шрапнель; с грохотом рвались где-то в стороне гранаты. Кто-то закурил. Из скрещенных ладоней вырвалось неожиданно белое пятно света и озарило снизу лицо.

– Вот оно, брат, как. А ты думал, голыми руками возьмешь? Нет, брат!

– Ничего. Вот танки придут, мы им покажем.

– А ты их видал, эти самые танки? То-то и оно, брат, не то еще будет.

– Прорицатель какой, сущая ворона. А на черта нам эти танки, без них обойдемся!

Над головами завывало жутко, близилось, росло, ткнулось – настало пустое мгновение, втянулись головы в плечи, ожидая удара. Оглушительно рванул за гумном разрыв, затряслась земля. Тяжелое безмолвие окутало деревню, упала ночь.

– Вот и все, а ты испугался.

– Погоди, брат, и ты попугаешься.

Набились в избу, с краю. Неровно, трепетно светилась лучина, завертываясь красным углем, вспыхивала в большом зеркальном трюмо. Надрываясь, плакал ребенок, и молодуха, почти девочка, с веснушчатым лицом, подкачивала и уговаривала, то с сердцем бранила его. В углу копошился над сбруей широкий мужик.

– Вы добровольцы, надо быть?

– Добровольцы. А тебе на что?

– Да так, строги гораздо. Солдат не такой.

Выступили ночью, под звездами. Белым платом ложилось на улицу окно, и блестя винтовки при переходе через свет в темноту. Кривился оконный крест на зеленых шинелях. За околицу вышли на дорогу, было холодно со сна.

Тёмная стояла ночь, осенняя. Светлел под ногами тракт, по небу стлалась дорога млечного пути. Поднимались черные столбы, и уходили вспять, мигали высокие звезды. Кучками шли, повзводно, щетинились штыки. Обманчивые тени возникали – двигался кто-то, исчезали. Крутилась мысль, все возвращалась, топталась на месте и не поймать ее было словами.

– Ты видел окопы, самый бетон? Вот тут бы им и держаться.

– Наша теперь берет. А где тот парень, что собирался к нам поступать?

– В разведчики приняли. От матери прятался он на задворках.

Выросла в ночи деревня, в молчании застыла. Угрюмая, себе на уме. Быстро прошли по сторонам, в черной тени домов, чуть холодела спина за каждым воротами. Гулко застучали удары прикладов в дверь, колыша мрак:

– Эй, хозяин, вставай!

– Не хочешь, громче стучи!

– Эй, хозяин, вставай!

– Ломай ты к чертовой матери дверь, проснетесь!

И вдруг послышалось из дома, из-за самой двери:

– Чево там, я, чай, слышу-то, не оглох.

– Ну, так выходи!

– А для чево-то?

– Выходи, говорят, увидишь!

Вдоль улицы стали, обхватив винтовки руками, опираясь на них. Собрались у плетня командиры полков. Полковник был грузный, в каске, меднобородый, голос у него как из бочки. Наш генерал сухой, весь подобрался, с седыми усами, в фуражке. Корявый мужик, как гриб, стоял посередине. Далеко на небе повисла луна.

– Красные войска проходили? – строго спросил генерал.

Метнул глазами мужик и потупился, скрестив на палке руки. Вдруг заговорил:

– Намедни-то все от них черно было, без оглядки-то бежали. Вот-то перехватить их надо было.

– Ладно. Куда шли?

– Прямо по шоссе бежали-то. Тогда-то и надо было вам, всех бы взяли.

– Ладно. А другая дорога есть здесь?

– Есть-то и другая, только-то окольная она, проселками. А давеча-то, как они бежали, как куропаток переловили бы.

– Ладно. Ты говорил уже.

Генерал шагнул вперед и остановился в раздумье, заложив руки назад.

– Вот что, полковник. Придется прямо идти, ближайшим путем. Я вперед, вы следом. А там разойдемся – мы направо, вы налево пойдете.

Вскольхнулся всем телом полковник, загудел.

– Мне спокойней все время за вами идти, но вам это насколько удобно?

И снова открылась темная, безмолвная равнина, а на ней тракт пропадал вдали. Высились столбы, как обугленные, буравили небо звезды и уходили вглубь. Что-то черное маячило далеко и не достигнуть его было, вот оно стало близко совсем, но сгнуло вдруг и опять зачернело впереди.

– Слыхали, курсанты Красного Села хотят нам сдать без боя.

– Где слышать?

– Только боязно им, расстрелов страшатся,

– А самим расстреливать не страшно, поди?

Шли цепью по одной стороне и на обочинах присаживались. Угрюмо, настойчиво гудели телеграфные столбы, проволока дребезжала. Четко выступали холодные, круглые каски, черные торчали штыки. Прапорщик на дороге то расплывался туманным пятном, то выделялся резким силуэтом. Стройный, широкобедный.

– Идешь это по Невскому и смотришь, кого бы не толкнуть. Барышни всякие,

генералы, – так всё время во фронте и стоишь. Народу тысяча.

– А вы помните: Петербургу быть пусту.

Внезапно захохотало во мгле. На дорогу вскачь вынеслась подвода.

– Стой! Ты кто такой?

– Красный я, курсант. А вы?

Вспыхнул выстрел, хлестнул ночь. Шарахнулась испуганная лошадь. Неожиданно громкая раздалась команда:

– Первая рота, направо в цепь! Ложись!

Мы бросились на край дороги. Звякнули затворы, щитом прогремел пулемет. Разом опустилась и прилегла к земле тишина.

– Не стрелять, передавай дальше. Не стрелять!

Прапорщик стал над нами, зорко присматриваясь в мглистую тьму.

– Разведка курсантов в лес ушла, мы взяли пулемёт.

– Товарищи, сдавайся! Ничего не будет! Товарищи!

Опясали поле крики, навстречу лес шумел. Ровно, жалобно шелестели макушки, недовольно скрипели стволы.

– Товарищи, не бойся! Товарищи!

Потом шли дальше. Роились звезды, звучали провода. Ветер, налетая, завывал на штыках. Лаяла где-то в стороне собака, и лай ее то был далекий, глухой, то звонкий, совсем близкий. Казалось, что день был давно, и ночь будет тянуться без конца.

– Сдадутся тебе курсанты, жди!

– И ждать не надо. Тут кто кого.

Холодела винтовка. Склонился кто-то над краем дороги, тускло блеснул погон.

– Это военное поле. Я помню манёвры юнкером, мне было двадцать лет.

– Завтра у «Медведя» расскажете, тряхнём стариной.

Заволакивали небо тучи, дрожали в просветах звезды и гасли. Робко звенел на лужах лед, пробиралась стужа под шинель и в рукава. Вдали обозначился город темной полосой, повернул тракт и стал. Остановилась мысль, вся насторожилась. Защербился забор, к нему жались березы, распутив по ветру голые ветви. Крадучись шли, с винтовками наперевес. Там кто-то есть.

– Эй, кто там, отвечай! Стрелять будем!

– Я тут.

– А ты кто?

– Крестьяне мы.

Зашуршали листья, надвинулась изба. Почесываясь, в рубахе, вышел мужик и прислонился к косяку.

– Ты что ночью ходишь?

– Замки проверяю. Лихое нынче время.

– Ты разведку курсантов видел?

– Прошли они. Видел.

Выделились чёрные крыши домов в фиолетовых клочьях неба, провалами сквозили двory. На углу остановились, застлалась улица туманной пеленой. Ни движения, ни звука, не было ни одного огонька. Лица казались бледными. Сзади, мягко стуча, подошел тяжелый броневик, из раскрытой дверки сквозила по дороге светлая, желтая полоса. В нее ступил генерал, и губы его были плотно сжаты.

– Вы говорили, корнет, что знаете местность?

Стукнули каблуки, прозвенели шпоры.

– Так точно, ваше превосходительство. Но я бывал лишь с той стороны.

– Что за стороны? Не знаете, так надо молчать.

Мы пошли направо. Покосился фонарь. За тёмным, блестящим окном чуть колыхнулась занавеска, или это только показалось. Громко стучали шаги по мостовой.

8.

Семнадцатого октября, в пятницу, вольноопределяющийся записал в дневник:
«Петроград в двадцати пяти верстах».

9.

Город военных манёвров и дач, жители ездили на извозчиках. Широкая улица пролегла, сквозят березы по сторонам, Екатерининская церковь поднимается ввысь, застыл дворец, желтым ковром стелятся листья по крыльцам, кружатся на перекрестках. На карте Российской Империи, распятой в исполкоме на стене, город не значился.

– Ну, эта карта неправильная, потому что на самом деле город есть, – после раздумья твердо заявил Иванов, и все согласились с ним.

10.

На седьмой день наступления мы остановились. В городе соединились полки, и пришёл обоз. Пала Гатчина, и была восстановлена с армией связь. Всюду с боем продвигались части на плечах противника.

Восьмое утро было холодное. Дул колючий ветер, и шел снег с дождем, но к полудню неожиданно прояснилась погода – задымились шинели. Тогда мы построились, как на парад, и пошли. Толпились женщины. Старая старушка, вся в морщинах, высоко подняла сухими руками тяжелую икону:

– Да благословит вас Господь!

Переливалось на ризе серебро, молча проходили ряды, замирала в переулке песня. Было весело идти. За окраиной, на холме, мы стали. Вдали сквозь золотой туман сиял на солнце купол Исаакия, как алмаз. Шёпот прошёл, как в церкви, перекрестился солдат.

– Вперёд!

В голубом дне шла канонада, и чёрные воронки наполнялись водой. Медленно вытягивался из проселка на дорогу полк тысяченогий, стояли дыбом штыки, точно волосы, и блестели. На укатанном щебне возникал бой, и каждая пядь поливалась кровью. Казалось, толчками передвигались марионетки, и кто-то нарочно кричал. Мы бросились вперёд, и бежали курсанты, останавливались, и мы опускались на колено. Прирастали винтовки и били без отдачи, поворачивались пулемёты и прыгали, как собаки на цепи. На расстоянии 200 шагов и на протяжении одной ленты. Потом мы поднимались и брали пленных.

11.

18 октября, в субботу, вольноопределяющийся записал в дневник:

«Когда стреляешь в упор и видишь раскрытые глаза или дергающееся веко, слегка холодеют виски».

12.

Третью ночь лежим мы в канаве у моста, и каждую ночь оттуда, из темноты подходят они. Щёлкают тогда винтовки, хлопают пулемёты, бухают орудия, вспыхивает всполохами небо – к станции идёт красный бронепоезд. Оттянуты стрельбой руки, чёрные точки мелькают в глазах, жужжат по осиному пули. Шипя, тупорылый «максим» выводит несложный напев, высунув огненный язык, робко звеня, падают в кучу пустые гильзы.

– Ленту!

Когда всё умолкает, из канавы поднимаются скользкие тени, пропадают, раздаются гулкие выстрелы в тишине – так кукует кукушка. Раненых находят по стону, их пристреливают. Ползут по небу голубые полосы прожекторов, нащупывают, ищут, замирают. Бледнеет заревом восток – там Петроград.

Длинные ночи на посту, когда стоишь, прислонясь к телеграфному столбу, – всё

прежнее кажется сном. Свисает проволока черными жгутами, ветер тихонько подвывает. Темь. Выглянут далекие звезды и снова закроются бархатным сукном. Дождь моросит. Жуткими выстрелами вздрагивает мрак. Почему нет смены? За полем мреет розовато.

Днем мы уходим на дачи. В погребке живет чиновник с семьей – он надел вылинявшую фуражку с кокардой, дочь его ставит самовар. А смешной старик начинает длинные разговоры о революции, о войне. Он – за Учредительное Собрание, а там, что будет. Протирает очки, щура испуганные глаза. Запыхавшись вбегает хозяйка, у нее съели соленые огурцы. Взводный хватается за ус:

– Чтобы наши солдаты? Никогда. Нигде на нас не было жалоб.

– Это она так, может, не было никаких огурцов. Ведь не было, Маша?

А сын, вихрастый болван, должно быть выгнанный гимназист, потихоньку расспрашивает нас о конных полках – он хочет бежать из дома. Дочери семнадцать лет, мать ее прячет.

Мы спим на мягких диванах, прапорщик бренькает на рояле. Это наши дачи. А там, что дальше, за дорогой, – черт его знает.

Ночью стреляют оттуда, днем нет никого. Вчера дозор наткнулся в крайнем доме у леса на красноармейцев – их сдалось пятнадцать двоим. На одном были высокие кожаные сапоги, их взял фельдфебель.

– Я утром за хлебом ходил. Пройти нельзя от трупов. Дух от них. Кто-то их раздел.

– Жители, кому больше? Они хуже солдат теперь.

– Ну так они черные совсем, а у одного руки нет. Собаки, не то волки съели. И чего их не убирают?

– А кому убирать-то?

– Жителей заставить нужно. Что на них смотреть?

Сыро в канаве. Мы повалили забор, но одна нога в воде, никак её не пристроишь.

Не надо было фельдфебелю сапоги отдавать. Наши были пленные, наши и сапоги. Славная дочь у старика, тихая. Поговорить бы с ней, – о звездах, о цветах, так, чепуху какую. Написать в альбом стихи. Красивое имя, Нина. Черный вздымается к небу телеграфный столб, он снизу кажется огромным.

– Там на дачах осталась красная летучка, вот бы с сестрами познакомиться нам.

– Да недурно бы, совсем наоборот.

– Доктор, верно, коммунист. Ну, а с ним особый разговор – перепугаются.

– Ну, а потом?

– А потом отпустим. Расшаркаемся этак ножкой: ступайте, сударыни, вы свободны.

– Опасно туда идти.

Шуршит ветер перегнившими, обледеневшими листьями, завывает в крыше. Опять сорвалась нога и хлопнулась в грязь. Закурить – в рукав можно. Да, Нина. Это, должно быть, ее куклы в шкафу. Недавно бросила, а может, и теперь играет исподтишка. А что, если в самом деле завтра пойти на те дачи. Так ноги отморозишь, а может быть, полупшубок найдешь. Тепло, вероятно, в полупшубке, зато и тяжел он. Но когда дальше пойдем, его можно будет бросить.

– Стой, кто идёт?

– Свой, дозор.

– Какой роты?

– Первой.

– Фамилия?

– Васильев, не слышишь по голосу, дурак!

«Вчера вдвоем зашли в дом, казавшийся пустым, но нас встретила хозяйка. Она давно ждала белых и все думала, какие они и на каком языке говорят, и была рада, что мы русские. Напоила нас чаем и даже откуда-то вытащила заветную бутылку коньяка».

14.

Звучат по-разному пули. То стрекочут стрекозой, то поют по-комариному, жалобно и тонко, то жужжат, как шершни. Иногда ударят в землю рассыпавшимся горохом, иногда впиваются вкрадчиво, иногда чавкают. Одна щёлкнет пастушечьим бичом, другая прозвенит оборванной струной или свистнет пролетающей пчелой, дунув холодной струей. На излёте пуля шипит, точно подняла голову в траве змея. Но молчит та, что бьет, – её не услышишь. Тяжелым жерновом падает она на грудь, в сердце впивается ледяная мгла, и внезапно наступает тишина.

– Вот и смерть, только удастся подумать, или, может быть, сразу вспомнится все, и то, что давно забыто, или нет ничего – тонки, как паутина, последние мгновения, и не знает о них никто.

Ночь, как синее стекло. Гудела земля, точно пустая. У щеки был приклад. Пулеметы, осклабясь, жевали ленты, винтовки со стуком вбивали пламенные гвозди в темноту. Кричали по звериному люди, ползли раненые червями. Волнами спелой ржи кольхались цепи. Они шли и шли, поливали пули. Убивали, чтобы не быть убитым, огромными бичами ударяли по полю пушки. Золотыми дугами летели по небу снаряды. В черном дыме горели дачи, и было странно светло, как не бывает ни днем, ни в лунные ночи. По дороге прорвался, пылающий щелями, броневик, как змей. На фланге, налево, вплотную подошли, хватали за штыки. Командир батальона пал с застывшей улыбкой и пробитой головой – он не ложился. Дырявым мешком вздувалось тело впереди. Тот солдат не добежал пяти шагов от красных к белым, волоча пулемет. В лужу под мостом забился раненый и поросенком визжал. Штыком его достали, он был комиссар. Как туман, упала тишина и завязла в ушах, снопами лежали убитые. Разорвался выстрел и повис.

15.

21-го октября, во вторник, вольноопределяющийся записал в дневник:
«Обшаривать трупы брезгливо».

16.

Еще одна атака была отбита ночью: наступали матросы и курсанты. Чувство обстрелов томило во сне, одеревенела закинута за голову рука.

На рассвете мы пошли дозором по улице к станции. В смутных сумерках всюду, уткнувшись в канавы, прижавшись к заборам, валялись трупы. Огромные были раны и лужи крови, становилось липко во рту. Осторожно переступали и не хотелось задевать. Кто-то позади подбирал себе сапоги. В одну дачу постучали, там калитка от ворот захлопывалась пружиной, и ее держали. Босой мужик, запахивая горстью волосатую грудь, рассказывал, как прятался в огороде матрос, а перед зарею бежал, оторвав доску. Дыру осматривали и просовывали головы, потом ее велели заколотить. Когда мы вернулись, все еще спали, разметавшись, вповалку, с открытыми ртами и как попало. Мешали протянутые ноги, и неожиданная злоба поднималась против знакомых в каждой мелочи людей. Душно было.

Утро проснулось простое, грело солнце. Иней потемнел, растаял на лужах ломкий лед. У чиновника ночью пуля пробила окно, стеклянными брызгами разлетелась висючая лампа. Он только махнул рукой. Молча, на коленях, подобрала в фартук осколки хозяйка. Дочь остановилась в сенях, сложив на синем платье белые руки, и лукаво вскинула глаза, – тоненькая вся.

– Скажите, больше не будут стрелять?

– А вы очень боялись, барышня?

– Дико, такой был ужас!

Мы сидели в канаве, на двери, снятой с петель в сарае, когда на участке слева поднялась сильная стрельба, долетали пули и зарывались. Сбивались выстрелы, и слышались крики. Противник нахуливал и бросил на фланг большие силы. Второй батальон дрогнул и ушел от дороги, штыковые были схватки, и положение восстановлено. После боя всегда ощутительно отсутствие звуков.

Тогда получен был приказ об отступлении. Без шума, в молчании покидали свои окопы роты поочередно и отходили. Были везде разбросаны патроны и обоймы, низко нагнувшись, тащили солдаты пулемет, как черепаху. Ящики не взяли. Только мы остались – блестел на солнце песок, веял ветер. Никто не знал, как долго мы лежали.

– Справа по одному, – перебежала змеей команда, передаваясь. На опушке мы накапливались. Из-за стволов было видно, как обочиной дороги, прячась, без выстрела, со штыками наперевес продвигались курсанты – их узнавали по длинным шинелям.

– Все здесь, теперь не отставать! – жесткие были слова, и стучало в груди.

Наспех застегивая подсумки, побежали, прапорщик впереди. Впервые мешала винтовка, били полы по ногам и расходились. Чудилось, что настигает кто-то, приложился. Шумели деревья, и через просеку светлела даль – не оглянуться было, тряслось ржавое место. С полком мы соединились на пыльной дороге и шагом пошли. На ходу строились роты, зелеными волнами кольхались плечи.

– Тяжело, точно мы виноваты. Сколько легло и раненых много.

– Фланги не выравнивали, мы бы продержались.

– И населения жаль.

Шли солдаты, слышался шорох движения. Стороною плелась понуро лошадь, тщетно пытаясь вмешаться в ряды, – ее отгоняли, Жуя губами, она уткнулась в забор и большими скорбными глазами смотрела нам вслед. Вдруг в небе возник снаряд и стал приближаться. Никто не сказал ничего. Стальными ножницами разрезал он воздух и со звоном рванулся впереди, взбивая черную землю. Напряглись лица и побледнели. С ревом, свистом и визгом протягивались сзади огромные лапы. Внезапно упали все вокруг, грохнуло, засыпал песок, толкнуло, и раздался крик. Прошелестел осколок кружась.

– Господин прапорщик, не уходите.

– Что ты, я ведь тут.

И еще снаряд мучительно навис над головой, как огромная глыба, – обрушился. Мелькнул перед глазами приклад с судорожно стиснутой на нем рукой, и торопливо забило далекое воспоминание – ударился, не разорвавшись. Встали и отряхнули землю с шинелей, странное спокойствие овладело. Раненого положили на подводу, порой он вскрикивал, и рядом пошел санитар. На поле ложились гранаты и лопались, и перестали, точно кому-то зажали рот.

– Говорят, раненых оставили на дачах.

– А ты видел? Так молчи.

– И черт вас знает, выдумывают всегда.

Мы обогнали повозку и обходили ее. На горе в домашней ружья сидела молодая женщина, и высоко белели голые ноги. Тяжелыми шагами ступал мужик. Небо было голубое.

17.

22-го октября, в среду, вольноопределяющийся записал в дневник:

«Мы отходили спокойно, опасаясь только броневигов. Но это временно, и мы верим, что не сегодня – завтра будем в Петрограде. Ожидаются танки».

18.

В городе мы стояли два дня, было тревожно. В окрестностях не прерывались бои, и разрывались тяжелые морские снаряды. На улице учили строю пленных солдат, отчет-

ливо подсчитывали шаги: ать, два, три. В церкви при мерцании тонких свеч отпевали наших офицеров, тихо читал священник под артиллерийский гром, и вздрагивали старые стены. С женщинами мы делились хлебом, а в лавке рассматривали долго наши деньги, держа их на свет. Мы разместились в комиссариате и спали на столах; приласканный пес не отходил ни на шаг от нас, и сторож, черный, как жук, неслышно вырастал за плечами и молча стоял.

– Ты что?

– Я. Известно.

Перед вечером он предложил нам взломать несгораемый шкаф.

На четырнадцатую ночь мы получили продукты и выступили в темноте. Мерзли руки и лицо. Глухие орудийные выстрелы слышались точно подземные. На поле чуть видна была косилка, и ее назвали танком. В пепельном рассвете, расстреляв посты, мы захватили деревни врасплох и остановились. За полем тяжело рождалось утро.

19.

25-го октября, ночью, в субботу, вольноопределяющийся записал в дневник:

«Все спят. Надо и мне отдохнуть и забыться от всего пережитого – прошедший день навсегда останется в памяти. Идя вперед, не думаешь ни о чем и знаешь, что помогут свои. Но когда все торопятся, падают пули и преследует неприятель и знаешь, что нет пощады, тогда испытываешь страх. Вчера была выбита половина полка, и от ружейной пули пал командир. Меня в роте считали убитым – значит, долго жить. В три часа мы из деревни двинулись вперед и, только спустились в открытое поле, как нас встретил настильный огонь. Рассыпавшись в цепь, мы в первый раз пошли в атаку перебежками, местами почти ползком. Так мы добрались до канавы и залегли. Позади раздавались стоны тяжело раненных, в них продолжали стрелять, и они замолкали. Нас 10 человек, с поручиком во главе, бросились вперед, но попали в болото. Двое были ранены, у меня разбило приклад, и стало трудно держать винтовку».

1.

Тяжелый сапог стал на солому у головы, пахло мокрой кожей. Обдала холодом лицо пола шинели.

– Этих вперед клади.

– Он помрет по дороге.

– Все равно.

О ком говорят: обо мне, о том, кто лежит рядом? Я не вижу его, но знаю, он здесь. За столом солдат с красным разорванным рукавом медленно в такт раскачивает туго забинтованную руку. Это Герасимов, фельдфебель третьей роты, – но его, может быть, нет. Так показалось. На кровати, под образами, корчится, дико воет чье-то тело, мечется в лампаде огонек – но, может быть, и этого нет. Ничего нет. Но тот, кто лежит рядом, он есть. Непрерывно, захлебываясь, точно нарочно, он стонал:

– Ааа!

Мелькнул сапог, отвисла рука. Жгучая боль клещами защемила бок.

– Тише!

Темно, фыркает лошадь. Говорят не то близко, не то далеко.

– Куда мне таких?

– Не рассуждай, ты!

Это был подводчик. У него большая лохматая борода, такую бороду я где-то видел. Но где?

– Сдвинь их, они свалятся. Какой бестолковый!

На лицо упала рука в шершавом рукаве. Кто-то застонал, и не узнать было – я или тот, кто лежит рядом.

– Н-но, трогай!

Дернуло, трягнуло. На дороге у канавы сидит мужик в кумачовой рубахе, распоясавшись, и бьет на щебень камни. Удар и треск – и падает за куском кусок. Равномерно сгибается оттопыренный палец на ноге.

– Но, но, черт, что стал!

Кипит на столе самовар. Белыми клубами вырывается, шипя, пар. Чайник все тот же, старый, над голубой каймой надтреснут край.

– Вам чай покрепче?

– Нет, я ранен.

– Это ничего. Только сахару возьмите больше.

Темно и пыль во рту. Наклонилось бородастое лицо, и пристально смотрят глаза.

– Пить. Дайте пить.

– Где я ночью пить достану в поле?

Зеленое поле, вдали лес, и в горле горячее дыхание. Согнувшись, рядом бежит солдат. Он выпрямился, выронил винтовку и упал, откатилась фуражка.

– Вперед, вперед, ура!

Заколыхалась под ногами трясина, выступила вода. За кочками залегли. Обтер затвор и всунул обойму, нужно переставить прицел. Размахнувшись, ударил кто-то палкой по спине.

– Это прикладом. Но они ведь далеко, в лесу.

Ночь, вздыхают пушки, идет далекая стрельба, скрипят подводы, на небе белые звезды.

– Что мы стоим?

– Там бой, слышишь?

На лице рука – того, кто лежит рядом. Она холодная.

– Подводчик, руку убери!

– Господи, бросить всё и бежать!

– Подводчик, руку убери!

Грохоча вертятся колеса – большое черное, маленькое блестящее. Напряженно гудит ремень и шипит. И так без конца, и вдруг пропало.

– Слава Богу, выехали на дорогу.

– А куда мы едем?

– В город.

Да, рука, она холодная, и ее нужно снять с лица. Тот, кто лежит рядом, умер.

– Подводчик, руку убери!

Ухватились руки за жесткую траву. Небо, как в детстве, голубое. Выдвигая винтовку вперед, отползает солдат в зеленой шинели. Тонкий, точно на нитке, слышится стон, кузнечиками чиркают пули.

– Разбили их, теперь им не удержаться.

– Нам все равно, только бы в подводах не угнали.

– А все-таки.

Солнце заходило в крови, ветер кучил облака, вставал туман. Чавкнула, чмокнулась сочная пуля. Скованы ноги, свинцом налита грудь пальцы перебирают стебельки.

– Ааа.

Тот, кто лежит рядом, умер – один, в темноте. Жабой подпрыгивает на лице холодная рука.

– Подводчик, руку убери!

Серый душный коридор, а за ним провалом пустота или Бог. Хорошо, если светло и женщина держит руку, и смотрит в глаза.

– Подводчик, руку убери!

Ночь, вздрагивают звезды, скрипят подводды. Кружась жужжит над ухом черная муха и нельзя ее отогнать.

– Подводчик, руку убери!

Качнулась и снова упала холодная рука. Липкая кровь связала рот и заструилась по губам. Раскаленные гвозди разорвали бок. Испуганно обернулся подводчик и дернул вожжамы. Застучал камнями распоясанный мужик. Часто, часто.

Темно, фыркает лошадь. В ночи вырезаны золотые окна, как глаза. Пересохли губы, тяжело дышать. К подводе подошли, заговорили далекими, глухими голосами.

– Двоих привез.

– Один помер дорогой, другой был жив.

– Осторожней, под ноги бери.

Холодная рука скользнула по щеке и бессильно упала, качнулся сапог с приподнятым носком. Это был тот, кто лежал рядом, он не имел лица. Теплым дыханием обдала лошадиная морда, свет окутал глаза.

2.

Над изголовьем склонилась сестра. Белеет косынка, совсем близко темные глаза. Она улыбнулась.

– Легче стало?

– Хорошо, сестрица.

Хорошо лежать в белых мягких подушках, лежать без дум. Закроешь глаза, и что-то струится, кружится, как пылинки в солнечном столбе, и кажется, что кто-то сучит длинную нитку веретена. Только крюк мешает, черный крюк посередине потолка – все смотришь на него. И ночи страшно, ночи, когда щемит, ноет бок, когда тело горит, когда стонут кругом и уносят завернутые в белые простыни тела. Но ночь проходит, наступает утро, и все стихает – только крюк по-прежнему чернеет.

– Слыхать, большую победу одержали ваши. Войну, может, кончать скоро. Дай им Бог, а то житья не было при красных, – спички и те по карточкам выдавать стали.

Да хорошо, давали бы, о прочем не говорю.

Это нянька. У нее морщинистое лицо и закорузные ладони. На соседней кровати тяжело заворочался раненый и приподнялся на руках.

– За Россию умираем.

– Нельзя вам, ложитесь.

Идет обход. Толстый шумный врач в белом халате наполнил собою палату.

– Ну как, все здоровы?

– Все.

– Молодцы!

– Дайте закурить, господин доктор.

– Курить нельзя, а вот коробочку от папирос – подарю. С картинкой.

У соседней кровати он остановился. Нагибаясь, вполголоса заговорил фельдшер:

– Ранение в живот, тяжелый случай. До вечера.

Они прошли дальше. Там раненый офицер, он перешел от красных. Молча лежит он часами, беспокойно водит рукой по груди. Когда совсем тихо, слышится бред солдата в углу о гнедой кобыле:

– Запахать нужно, будет мороз.

Сумерки вползают в окно, синюют стекла, по углам роятся темные тени. Исчез крюк, и вспомнилось бессмысленное слово. Кровать качнулась и поплыла.

Вдруг вздрогнуло тело. Яркий свет горит, стоны, громкие голоса. Веет холодом в раскрытые двери, и выносят носилки.

– Няня, что случилось?

– Отходят ваши.

На соседней кровати в смятых подушках лежит пожелтевшее обточенное лицо.

– Отходят, няня?

– Отходят, отходят, милый, давай одеваться. Снарядов, сказывают, нет, или подкрепление не пришло. Нам эти дела непонятны. За шею обними меня. Не дал вам Бог, скоро и тебя возьмут.

В дверях столпились солдаты, толкаясь и шумя, схлынули разом.

Кто-то, подняв руку, крикнул:

– Последняя подвода уходит, кто может – иди пешком.

Вскочил раненый, выбежал на середину, уцепился за стол, пошатнулся. Его подхватили, уложили, держали.

– Я сам дойду, пустите. Пустите меня.

– Всех возьмут, никого не оставят.

– Я с краю сяду, боком. Мне бы только опереться рукой.

Холодно, кто-то стонет в углу. Закрыты двери. У стола сидит нянька, подперев ладонью лицо.

– Няня, скоро за нами придут?

– Скоро.

Глухо пробили часы в коридоре. Раз.

– Скоро, няня?

– Скоро.

Открылась дверь, беззвучно вошла сестра. Стала в ногах.

– А эти?

– Этих оставили, не было подвод. Слабые они.

Отвела глаза, потупилась. Частой дрожью задрожала нога.

– Сестрица, говорите, бросили?

– Не бойтесь, я пойду узнаю. Может быть, подводы найду. Вас ведь только трое.

Она ушла. Отхлынула кровь, и стиснулись зубы, лежал не двигаясь. Нянька оправляет пустые постели, кто-то стонет в углу. Подошла, украдкой сунула яблоко в руку:

– Внучка прислала тебе. Я ей говорила.

– Страшно, няня.

Она склоняется и выпрямляется над кроватями, стряхнула градусник и смотрит на свет. Глухо бьют часы в коридоре. Раз.

Вернулась сестра.

– Я вам правду скажу. Поезд ушел, в городе войска нет.

– Сестрица, дайте яду.

– Не надо. Белые могут вернуться.

– Нас добьют.

– На поле добивают, здесь госпиталь.

– Сестрица, не уходите. Не отнимайте руку.

Тихо, совсем тихо. Кто-то стонет в углу, скрипнула половица, дрогнуло окно. Ни мысли, ни жалобы – было пусто все.

– Можно их раздеть. Покойника почему не унесли?

Погашен свет, тускло теплится зеленая лампада на столе. За окнами ночь, как чёрная вата. В гуле ветра слышится с переборами торопливый стук пулемета, тяжело ложатся разрывы. Ноет бок, и тянутся нити от него к вздрагивающему свету. Туже натягиваются, вяжутся в крепкий узел. Не мигая смотрят глаза. Что за чепуха?

– Заверни курить, санитар.

– Так доктор не позволил ведь.

– Какой тут к чёрту доктор!

– И то правда, чего их слушать, докторов.

Дрожит от лампы на столе круг света. Санитар наш, ярославский, он огородником был. Борода козлом, изжеванная. Поправил фитиль.

– И Ивана Вановича знал, как же. Барин, а чудака – весёлый был человек.

Кто-то стонет в углу, губы слиплись жаром.

– Кто здесь?

– Я, пятой роты.

– Тебе не страшно?

– Что делать...

Щемит бок. Над головой закружился, заскрежетал огромный жернов. Сквозь дым приблизилась нянька, черными губами зашептала:

– Скоро. Я видела вашего начальника разведки. Скоро вернутся. Молчать велел. Тебе одному говорю. Никто, как Бог.

Мутнеет темное зеркало окна, в синем тумане колеблются черные прутья. Четко вьется крик на потолке. Куда ни смотришь, все возвращаются к нему глаза. Соседняя кровать затянута до изголовья одеялом.

А наутро пришли они. Пятеро с винтовками, со шпорами, в красных фуражках. Испуганно встрепенулась дремавшая нянька.

– Белогвардейцы где?

Быстро вошла сестра, заслонила собою кровать. Розовые зайцы бежали по потолку, шарили ищущие взгляды.

– Оставьте их, товарищи, они тяжелые все.

– Мы только посмотрим на них. Какие такие они.

Жмутся в раскрытых дверях сиделки, сторонится сестра. Один отделился, подошел, нагнулся и смотрит в глаза страшными серыми глазами. Примкнул к винтовке стальной штык.

– Вот, товарищи, за что они шли: за царские кокарды!

– Это не его фуражка. Тот умер.

– Не бойтесь, сестрица, не тронем. Там трибунал разберет.

Он отошёл, красным мелькнула звезда, кто-то застонал в углу. Солнечный столб дрожит на полу, кружится пыль. Неслышно подошла сестра, положила руку на глаза.

Теплые, чуть влажные пальцы, на безымянном пальце холодеет перстень. Тихо спросила:

– Лучше?

– Спасибо, сестрица.

АРХИВ ЖУРНАЛА БАЛТИКА



Фото предоставлены Владимиром Верзуновым (Таллин)

Сергей ЗРЯНИН (Ивангород, Россия)

ТАТЬЯНА ЗРЯНИНА – 100 ЛЕТ

8 января 2010 года исполнилось 100 лет со дня рождения русской поэтессы Эстонии Татьяны Зряниной, но обычно она праздновала его 25 января (в Татьянин день).

Зрянина (Фарфоровская) Татьяна Сергеевна родилась 8 января 1910 года в г. Майкопе Краснодарского края в семье педагогов. Её мама – Фарфоровская Варвара Ивановна – преподаватель иностранных языков, отец – Сергей Васильевич – профессор истории и языкознания. После окончания 9-го класса с педагогическим уклоном поступила в Краснодарский Пединститут и через год перевелась в Ленинградский Пединститут им. А.И.Герцена.

С 1931 по 1958 годы работала в Адыгейском Гос. Пединституте и средних школах г. Майкопа преподавателем русского языка и литературы, руководит школьным драмкружком. 1961-1962 годах работала журналистом на радио в г. Новосибирске. С 1963 года живёт в Нарве ЭССР. Работает в обществе «Знание» лектором, руководила литобъединением при газете «Нарвский рабочий» и школьным литературным кружком. Член Союза Писателей ЭССР с 1982 года. Первые сохранившиеся стихи датированы 1922 годом. Её стихи и публицистика печатались в периодических изданиях Таллина, Ленинграда, Петрозаводска, Майкопа, Нарвы, Литовской ССР, Латвийской ССР. Участник коллективного сборника русских поэтов Эстонии «Знакомство» (Таллин 1970 г.), автор сборников «Стихи» (Таллин 1972 г.), «Открою дверь» (Ленинград 1978 г.), «Где дом мой» (Таллин 1983 г.), «Прикосновение к огню» (Таллин 1987 г.). Тематика стихотворений Т.Зряниной – героическое прошлое и настоящее, творчество и художник, красота родной природы. Много её произведений навеяно впечатлениями об эстонской земле и Прибалтике. Её произведения отличаются высокой поэтической культурой и лирической напевностью.



Татьяна Зрянина



Татьяна Зрянина

Из стихов 1963-1997 г.г.

* * *

Бродят ритмы во мне,
как подземные токи.
Бродят ритмы во мне,
так и просятся в строки.
Только слух наострю—
вот сейчас опознаю,
вот сейчас уловлю
непокорную стаю!

Но ворвётся извне
звук неверный,разбитый,
вмиг исчезнут во мгле
перелётные ритмы.
Я опять в тишине,
снова слух напрягаю.
Возвратится ль ко мне
соловьиная стая?

* * *

Меня влекут старинные слова.
Живые,похороненные нами.
Старинные слова,как кружева,
сплетённые искусными перстами.
Любуясь их глубинною игрой,
перебираю перлы,самоцветы.
Вот слово “льзя”...Нельзя ли мне порой
вставлять в строку живое слово это.
Меня влекут старинные слова,
те,что забыты, иль полузабыты.
Не голова скажу я, а “глава”,
в том вижу смысл, глубокий,скрытый.
Прислушайтесь: величие в нём есть,
пустую голову не назовёшь “главой”.
А вот ещё такое слово - ”персть”.
То персть земли,то пыль и прах земной.
То пыль и прах...В раздумьи о былом
твоё лицо я вспоминаю в час прощанья.
Мне хочется назвать твой лоб-”челом”.
Не улыбайтесь.Вслушайтесь в звучанье.
Родной язык!Как сходен ты с рекой,
вбирающей всё новые потоки.
За каждой обновлённою волной—
я вижу родниковые истоки.

Таллин снежный

Так тихо стало, будто новый,
 летящий с неба первый снег
 был самым нужным, точным словом
 не скрывшим, а открывшим всех.
 По-новогоднему блестящим
 открылся Таллиннский бульвар,
 где снег охапки звёзд на счастье
 всем раздавал и раздавал.
 И, вдохновившись щедро, дерзко
 вернул он каждому из нас
 былую беззаботность детства,
 наш недочитанный рассказ.
 В движеньях, в мыслях - невесомость,
 шаги неслышны и легки.
 И даже Томас, старый Томас,
 над ратушей играл в снежки.
 Свой жёлтый глаз фонарь тарашил:
 куда запрятались дома?!
 А снег всё гуще и всё чаще
 на город сыпала зима.

Нарвские крепости

Две крепости. Два каменных созвучья,
 две повести давно прошедших дней.
 Река течёт. Плывут куда-то тучи
 над головами старых крепостей.
 Глядят насторожённые бойницы,
 им чудится далёкой битвы гром,
 когда сверкнёт случайная зарница,
 разрезав небо золотым мечом.
 В те дни, когда война крутила вьюгу,
 с обрывов через бурную реку
 две крепости следили друг за другом,
 готовые к мгновенному прыжку.
 Но времена не те. И небо чисто.
 Ни пенья стрел, ни ржания коней.
 И только любопытные туристы
 тревожат стены старых крепостей.
 Река течёт. Века плывут куда-то.
 Утихли грозы. Буря улеглась.
 А крепости, как два седых солдата,
 от прежних дней не отрывают глаз.

Баториев пролом

Пролом в стене – сквозная рана,
 заложен камнем, пласт на пласт.
 В извилинах бывшего шрама
 земля комками запекалась.
 И нет следа от раны рваной.
 Всё заросло бильём-травой.
 Над нею сильно и упрямо
 дубок поднялся молодой.
 И, помня прежнюю недолю,
 на страже он из года в год.
 Но тихо всё... По краю поля
 берёза-странница бредёт.
 Да ветер дует тот же древний,
 речную разливая синь.
 И вспыхивают за деревней
 осенние костры осин.
 Века-рекой, Дубок упорен,
 растёт в изломах старых ран.
 И город празднично спокоен

Сестра моя...

Я тебя разглядела,
 повстречав по весне.
 Из черёмухи белой
 улыбнулась ты мне.
 Протянула мне руки,
 пожелала добра.
 После долгой разлуки
 так встречает сестра.
 Ты меня приютила...
 Видно, схожи судьбой:
 и меня опоило
 горе горькой травой
 Только сладив с бедою
 (Что беда? Лебеда?),
 над Наровой-рекою
 ты живую водою
 омывалась всегда.
 И опять своенравна,
 как крутая волна,
 северяночка Нарва
 новой силой полна.

Концерт в Домском Соборе

1

Так перед штурмами,
перед грозой,
так перед бурями,
перед судьбою,
задирикаменные волны
на полушаге,
на полуслове.
Застыли стрельчатые своды
на полузвуче,
на полувоне.
Но вверх в экстазе
взметнувши руки,
со струн и разом
сорвались звуки.
Остановить их!
Смирить волнение!
Но властны волны

в миг наводнения.
И заклубились
трубы органные.
Раскрылись губы
в улыбке каменной.
И в ритме яростном
летишь под парусом
сквозь звуки пенные,
сквозь всю Вселенную.
...Растают тени,
сольются чащами.
Сочится время
сквозь камни спящие.
В застывшей проруби
звезда качается,
и белоголуби
сквозь сон слетаются.

2

Пустоту ожидания
сводов стрельчатых стен
прерывает дыханье
легендарных сирен.
Узкогорлые окна
затянуло туманом.
Облаками мелодий
поднимается строй.
И волна за волною
вверх восходит кругами.
Обнимает руками
белопенный прибой.
Напряжённей, чем крыльев
парящих вибрация,
легче шелеста листьев,
рождённых весной,
набегают одна за другой
вариации.

Ниспадают и тают
волна за волной.
Всё сильнее волнение,
звуки сумрачной, гуще.
И когда берега
захлестнёт океан,
Лорелеевый голос,
звонящий, зовущий,
тонкой солнечной нитью
разрежет туман.
Но не женщина в белом,
не органные трубы
на подводные рифы
увлечённых влекут.
Это-камня экстазом
сведённые губы.
Это-гулкие своды,
это-стены поют.

Зодчий

Волной в пологий берег бьёт
онежский ветер, свежий, острый.
Легко над озером плывёт
тебе навстречу древний остров.
Сквозь белый пенистый прибой,
на горизонте оловянном,
он светит сказкою простой,
певучей, русской, деревянной.
Тебя в легендам прошлых лет
ведёт так искренно и просто
далёкий зодчий и поэт,
строитель древнего погоста.
Услышишь песню топора,
почуешь запах свежей стружки,
увидишь чудо-купола,
резные древние избушки.
А зодчий, пот смахнув рукой,
посмотрит пристально и строго,
тебе топор протянет свой
и скажет дружески: «Попробуй».

* * *

Рыбак чинил разорванные сети
просоленными цепкими руками.
Века сменялись новыми веками,
шумело море и смеялись дети.
Рыбак чинил разорванные сети.
Учёные, сверяя наблюдения,
вещали о смещенье, расширенье,
и, катаклизм решительно пророча,
срывались звёзды в тёмные урочья.
Земля плыла в меняющемся свете.
Рыбак чинил разорванные сети.
В глубины космоса ракеты взмыли.
Ворчит рыбак: «Сменить бы надо...
сгнили».

* * *

Снег за окном.
Красный цветок на окне.
Как тонка,
как прозрачно тонка
между ними преграда!
Отражаясь, сливаются
в тонком прозрачном стекле-
снег за окном,
красный цветок
на окне.

Скорбящая мать

Литва. Деревня Пирчупис

На дорогах Литвы, на дорогах Литвы
много красной, кровавой, осенней листвы.
Серым камнем застыла скорбящая мать.
Гаснут руки пустые – их никак не разжать.
– Где теперь твои дети?
– Под землёй, под землёй.
– Что в руке твоей? Пепел?
– Башмачок небольшой.
На дорогах Литвы, на дорогах Литвы
море красной, кровавой, осенней листвы.
Бьётся пламя у ног, а скорбящая мать
руки хочет разжать. И не может разжать

* * *

Чёрный жук на чёрной скале
чёрной ночью привиделся мне.
И подсолнух в луче золотом
с золотистой пчелою на нём.
Издаются струной одной
звон прозрачный и звук глухой.
Грозный гнев и весёлый смех
одинаков всегда у всех.

Чёрный жук на чёрной скале
чёрной ночью привиделся мне.
И пчела золотистым днём
на подсолнухе золотом.

* * *

И вот тогда ты от меня ушёл
Шёл первый снег – такой неверный, хрупкий.
Мальш в каракулевой неуклюжей шубке
за лапу плюшевого медвежонка вёл.
Так ясно через много горьких лет
я вижу вновь озябшую ручонку
и на снегу едва заметный след,
и малыша, и злого медвежонка.

* * *

Отключите экран.
 Отведите глаза от экрана.
 Отвратите свой слух
 от назойливых криков-речей.
 Пусть душа отдохнёт
 от докучного шума и гама,
 от невнятной сумятицы
 наших растерзанных дней.
 Посмотрите-весна за окном
 уже робко колдует.
 /Хорошо, что она не зависит от воли людской/. –
 то на почку озябшую
 тёплым дыханьем подует,
 то весь мир одарит перевозданной святой синевою.
 И душа ваша снова
 готова к нелёгким сражениям,
 от дыханья весны
 светлой силой наполнена вновь.
 Вот поэтому я талисманом от бед и сомнений –
 рассыпаю для вас семена драгоценные слов.

И так бывает...

Одну нашла я на окне,
 открытом в подень мая.
 Другая повстречалась мне,
 когда я шла к трамваю.
 Трамвай весёлый/солнцу рад!/
 поплыл, встречая лето.
 А в окнах-майский Ленинград,
 дворцы, проспекты, Летний сад –
 живая кинолента!
 А я весь длительный маршрут –
 в Неве и в нее синем
 искала третью там и тут.

А третьей-нет в помине!
 Но лишь трамвай вошёл в район
 Обводного канала,
 как сразу /или это сон?/ –
 я третью отыскала.
 За ней, как стая лебедят,
 другие мчатся строчки...
 Ловлю!
 Вдруг мимо пролетят.
 Затем – выстраиваю в ряд.
 И заключаю – точкой.

Поющий край

Тоненькие, звонкие такие
 песенки ручьёв и ручейков,
 чистые, прохладные, простые –
 для полей, ромашек и лесов.
 Голосок отдельный еле слышен,
 серебристый, ясный голосок
 А потом- всё тише, тише, тише
 И вливается в большой поток.
 И речная песня заструится,
 зашумят, откликнутся леса.

Ветер запоёт, подхватят птицы,
 первые, вторые голоса...
 Понесутся к певческому полю,
 камням и штормам наперерез.
 А сольются – мощным, сводным хором
 Грянет симфонический оркестр.
 Запеваёт песню даль морская,
 вторят люди, реки и поля....
 Ведь недаром же поющим краем
 названа Эстонская земля.

Соранг

(Старинная морская легенда)

Всё было снег.

Всё было мрак и холод.

В тяжёлом сне застыл портовый город...
Но вдруг – безмолвье вдребезги, навывлет,
в осколки льда блестящее стекло
под взмахами широких шумных крыльев,
бросающих порывами тепло.
Соранг летит!

И тропиками дышит,

Шальной, неистовый соранг летит.

Но за полночь

его никто не слышит.

Весь город спит.

И лишь шофёр, с работы возвращаясь

и думая об отдыхе и сне,
увидел, как деревья закачались
и капли заблестели на стекле.
Услышал он, как снег поспешно тает,
и южных трав дыханье ощутил.
-Скажи, что от усталости бывает?
Стекло протёр.

И снова зарулил.

Да мальчик вдруг во сне заулыбался,
услышав звон прибой и цикад,
увидев, как по джунглям гибко крался,
блестя глазами, пёстрый леопард.
...А утром всё опять немо и бело.
В морозном зареве застыл восток.
И солнце холодно сквозь сон глядело
на вмёрзший в льдину южный лепесток.

...И всё-таки соранги прилетают!

В лесу

После зимнего злого набега
сохранились в весенних лесах
только капельки талого снега
на изогнутых тонких стеблях.
Это ландышей снежных прохлада.
Не коснусь их.Пройду стороной.
Мне забыть обязательно надо
то, что было минувшей зимой.

Из детских тетрадей (1922-1934г.)

* * *

Как хороша ты была в час утренней зари,
когда на небе расцветали янтари
и отблеск мягкий их, пылая и горя,
блестящей полосой он падал на тебя.
И ярко, пурпурно млела заря,
И неба даль ясна была, ясна.
Но отблеск янтарей ничтожен был когда
взглянул в твои я чудные глаза.
И золотистый,мягкий полумрак
прелестнее горел в твоих глазах.
И облик твой был нежен и так мил,
что с небом прекрасным его я сравнил...

Вдохновенье

Вдохновенье-это фея,
посещающая нас.
Тихо,ласково,чуть рея
и блестя лазурью глаз.
Вдохновенье-шёпот леса,
шаловливый ветерок.
Быстро,быстро пролетает,
свеж и, как мечта, далёк.

Песни

Бледно – лиловыми,
песнями новыми
душа вся полна.
Ручьём возрожденья,
негой забвенья
умыта она.
Ясная, новая,
бледно – лиловая
песня растёт.
В ней неясная,
но всё же прекрасная
радость поёт....

Духа не угашайте!

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

№ 1
2010



1930–1940

О визите председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона в Эстонию



**Митрополит Волоколамский
Иларион**

С 12 по 16 сентября 2010 года, по благословению Патриарха Московского и всея Эстонии Кирилла, состоялся визит председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона в Эстонию. После пересечения эстонско-русской границы на железнодорожной станции Йыхви владыку Илариона и сотрудников Отдела, священника Дмитрия Агеева и иеродиакона Иоанна (Копейкин), встречали епископ Нарвский Лазарь и представители Синода Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата.

Во время визита высокого гостя на ряде мероприятий сопровождал также настоятель Липецкого Успенского монастыря игумен Митрофан (Шкурин),

оказавший большое содействие в организации концерта русской духовной музыки в концертном зале «Эстония», на котором была представлена также симфония за авторством митрополита Илариона «Песнь восхождения».

Визит митрополита Волоколамского Илариона был посвящён празднованиям знаменательных дат - 65-летию служения в священном сане и 20-летию архиерейской хиротонии (15 сентября) митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия, а также празднованию целого ряда значительных для православной жизни Эстонии событий. Случилось так, что на короткий отрезок времени пришлось такие даты как 100-летие Успенского собора Пюхтицкого женского монастыря (28 августа), 80-летие настоятельницы Пюхтицкой обители игумении Варвары (17 августа).

Интересно отметить некоторые красноречивые совпадения. В день прибытия митрополита Илариона, 12 сентября, празднуется день памяти святого благоверного и великого князя Александра Невского и в текущем году на 20 августа пришлось 115 годовщина освящения закладки таллинского кафедрального Александроневского собора (1895 - 2010).

В день прибытия митрополит Волоколамский Иларион возглавил в Пюхтицком Свято-Успенском женском монастыре торжества в связи со 100-летием Успенского собора, а вечером принял участие в концерте русской духовной музыки, который состоялся в таллинском концертном зале «Эстония» в честь 20-летия с архиерейской хиротонией митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия. На концерте, наряду с творениями Чайковского и Рахманинова, было исполнено произведение митрополита Илариона «Песнь

восхождения». Владыка Иларион сни- скал международную известность не только как высокопоставленный церков- ный дипломат и признанный богослов, но и в качестве талантливого композитора.

Во время пребывания в Эстонской Республике митрополит Волоколамский Иларион, митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий и епископ Нарвский Лазарь провели ряд важных встреч с пред- ставителями властных структур, а также деловых, церковных и культурных кругов.

В частности, 13 сентября состо- ялась встреча с городским головой Таллина Э.Сависааром, председателем Ассоциации крупных предпринимателей Эстонии Тийтом Вяхи, главой Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви архиепископом Андресом Пыдером и с председателем Совета Церквей Эстонии епископом Эйнарсом Сооне; 14 сен- тября митрополит Иларион посетил город Нарву, где отмечалось 120-летие Воскресенского собора, и в сопрово- ждении епископа Нарвского Лазаря

встретился с руководителями местного самоуправления во главе с городским головой М.Стальнухиным; 15 сентября состоялся визит в здании Рийгикогу (Парламента Эстонии) к председателю парламента Эне Эргма с участием пред- седателя эстонско-русской парла- ментской комиссии Пеэтера Тульвисте и других парламентариев, а также откры- ли выставку фоторабот в таллинской галерее «Аатриум», посвящённую 100- летию Успенского собора Пюхтицкого Успенского женского монастыря, и встре- тились в здании МИД Эстонии с мини- стром иностранных дел Урмасом Паэтом.

16 сентября, перед отбытием из Эстонии, митрополит Иларион напра- вился на Александро-Невское кладби- ще эстонской столицы, где похоронены родители приснопамятного Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Владыка совершил заупокой- ную литию по приснопоминаемым про- тоиерею Михаилу и Елене Ридигерам.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл поздравил митро- полита Таллинского и всея Эстонии Корнилия с 20-летием архипастырского служения.

Ваше Высокопреосвященство!

Сердечно поздравляю Вас с 20-летием архиерейской хиротонии. Ныне, отмечая эту знаменательную дату, Вы имеете возможность воздать благодарение Подателю всех благ – Богу за Его щедрые милости, обильно ниспосылаемые Вам на протяжении всех лет Вашей жизни.

Начало Вашего служения пришлось на то время, когда Русская Православная Церковь осуществляла свою спасительную миссию в непростых исторических усло- виях. Однако Господь давал Вам силы твёрдо следовать по однажды избранному пути, который был отмечен многими трудностями и испытаниями, в том числе, и Вашим личным подвигом исповедничества.

В 1990 году, откликаясь на призыв Пастыреначальника к новым, ещё большим трудам, Вы со смирением восприняли решение Священного Синода о возведении Вас в сан епископа. Минуло два десятилетия с тех пор, как в Александро-Невском кафедральном соборе Таллина состоялась Ваша архиерейская хиротония. Отрадно отметить, что, с усердием неся ответственное послушание по управлению Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата, Вы много потрудились во вве- ренном Вам винограде Христовом.

Находясь на высоком месте иерархического служения, на которое поставил Вас Господь, Вы неизменно проявляете отеческую заботу о православных Эстонии, вно-

сите свой вклад в созидание мира и общественного согласия, убедительно свидетельствуете о вечных Евангельских истинах.

В этот памятный день молитвенно желаю Вам всеукрепляющей помощи Божией в Ваших дальнейших архиерейских трудах. Предстательством Царицы Небесной да хранит Вас Господь в добром здравии на многая и благая лета.

+ Кирилл
Патриарх Московский и вся Руси

Концерт русской духовной музыки

12 сентября 2010 года в Таллине состоялся концерт русской духовной музыки, приуроченный к 20-летию архиерейской хиротонии митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия. Концерт прошёл по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в концертном зале «Эстония».

Сотни ценителей русской музыки (зал вмещает более 800 человек) получили возможность услышать произведения П.И.Чайковского («Итальянское каприччо»), С.В.Рахманинова («Вокализ», фрагменты из «Всенощного бдения») и митрополита Илариона (Алфеева) (симфония для хора и оркестра «Песнь восхождения») в исполнении двух прославленных коллективов – Московского государственного академического симфонического оркестра под управлением Павла Когана и Государственной академической хоровой капеллы имени А.А.Юрлова под управлением Геннадия Дмитрияка.

Перед началом концерта к собравшимся обратился митрополит Корнилий. Он представил аудитории присутствовавшего на концерте митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева), председателя Отдела внешних церковных связей, известного православного богослова и церковного композитора.

В ответном слове митрополит Иларион поздравил митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия со знаменательными датами: 65-летием служения в священном сане и 20-летием

архиерейского служения, пожелал ему крепости сил и помощи Божией в высоком и ответственном церковном служении, подчеркнув, что владыка Корнилий и во время атеистических гонений XX века, и в нелегкие 1990-е годы, и ныне мужественно несёт людям свидетельство о Православии.

«Пусть музыка, которая прозвучит сегодня, будет подарком для Вас, владыка Корнилий, и для тех благочестивых жителей Эстонии – и православных, и представителей других конфессий, – которые пришли послушать этот концерт, – сказал далее митрополит Волоколамский Иларион. – Музыка обладает особой способностью передавать человеческие чувства и Божественные истины на языке, который доступен каждому человеку. Для того, чтобы понять музыку, не обязательно знать русский или эстонский язык – нужно только иметь сердце и душу. Через музыкальные звуки композиторы передают то, что они хотят сказать людям, и очень часто это невозможно сказать словами».

Глава Отдела внешних церковных связей выразил надежду, что этот концерт станет знаком дружбы между двумя народами – русским и эстонским. *«Россия и Эстония обречены быть друзьями, политические обстоятельства прошлого должны остаться в прошлом, – подчеркнул архиерей. – Мы соседи, у нас много общего в истории, и мы должны делать всё, чтобы улучшить и укреплять наши отношения. И люди Церкви, и люди искусства могут внести свою лепту в это дело».*

В числе слушателей концерта были председатель городского собрания эстонской столицы Тоомас Витсут, депутаты

парламента Эстонии и городского совета Таллина, глава Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви архиепископ Андрус Пыдер, председатель Совета Цервей Эстонии лютеранский епископ Эйнар Сооне, городской голова Маарду Георгий Быстров, представители русской культурной общественности Эстонии, в том числе руководители Русской писательской организации Эстонии и Товарищества русских художников Эстонии.

По окончании концерта зал стоя приветствовал двух митрополитов и других гостей, благодарил долгой овацией музыкальные коллективы, а также создателя музыкального произведения «Песнь восхождения» за высокохудожественное произведение.

15 сентября – 20 лет с архиерейской хиротонии митрополита Корнилия

15 сентября 2010 года председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион принял участие в совершении Божественной литургии в таллинском кафедральном соборе во имя святого благоверного князя Александра Невского. Богослужение было приурочено к 20-летию архиерейской хиротонии митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия. Митрополитам Илариону и Корнилию сослужили председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации епископ Зарайский Меркурий, епископ Нарвский Лазарь, наместник Псково-Печерского Успенского монастыря архимандрит Тихон (Секретарёв), наместник Успенского монастыря города Липецка игумен Митрофан (Шкурин), помощник председателя ОБЦС священник Димитрий Агеев, референт председателя ОБЦС иеродиакон Иоанн (Копейкин), клирики Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, гости из других епархий. За литургией молился

викарий Рижской митрополии епископ Даугавпилсский Александр.

Поздравить митрополита Корнилия также пришли архиепископ Эстонской Евангелическо-лютеранской церкви Андрус Пыдер, посол Российской Федерации в Эстонской Республике Ю.Н.Мерзляков.

По окончании литургии митрополит Иларион обратился к юбиляру, зачитав поздравительный адрес Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В дар от Святейшего Патриарха Владыка Иларион преподнес митрополиту Корнилию панагию, а от себя лично – икону Пресвятой Богородицы «Не рыдай Мене, Мати». Затем юбиляра поздравили: от имени духовенства и мирян Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата – епископ Нарвский Лазарь, от имени митрополита Рижского и всея Латвии Александра и от себя лично – епископ Даугавпилсский Александр, от митрополита Псковского и Великолукского Евсевия и от Псково-Печерского монастыря – наместник этой обители архимандрит Тихон. Представительница Пюхтицкого Успенского монастыря огласила поздравление Владыке Корнилию от настоятельницы этой обители игумении Варвары.

В ответном слове митрополит Корнилий поблагодарил Святейшего Патриарха, митрополита Илариона, собратьев архиереев, духовенство и простых верующих за поздравления и молитвы.

После Божественной литургии в Таллине состоялся приём по случаю 20-летия архиерейской хиротонии митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия. На торжественном мероприятии присутствовала делегация Московского Патриархата во главе с председателем ОБЦС митрополитом Иларионом, а также епископ Нарвский Лазарь, епископ Даугавпилсский Александр, наместник Псково-Печерского Успенского монастыря архимандрит Тихон (Секретарёв), наместник Липецкого Успенского

монастыря Митрофан (Шкурин), клирики Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, монахини Пюхтицкого Успенского женского монастыря, дипломаты посольства Российской Федерации в Эстонской Республике, городской голова Маарду Георгий Быстров, председатель Городского собрания Таллина Тоомас Витсут, представитель департамента по делам вероисповеданий МВД Эстонии, представители русской культурной общественности Эстонии, организаций русских писателей и художников, строители Ласнамяэского храма во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница», родные и близкие митрополита Корнилия.

На приёме был зачитан поздравительный адрес президента Эстонии Т.-Х. Ильвеса, а также многих глав епархий Российской Федерации. С поздравлениями к митрополиту Корнилию обратились также участвовавшие в приёме министр регионального развития Сийм Вальмар Кийслер, посол Российской Федерации Ю.Н.Мерзляков, глава Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви архиепископ Андрес Пыдер, председатель Совета Церквей Эстонии Эйнар Сооне, представитель Римско-Католической Церкви в Эстонии епископ Филипп Журден, один из старейших священников Финляндской Православной Церкви.

Особое внимание участников привлекли слова главы Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви архиепископа Андреса Пыдера о том, что сотни лет связывают на земле Эстонской две Церкви – Эстонскую Евангелическо-Лютеранскую Церковь и Эстонскую Православную Церковь Московского Патриархата, ныне окормляемую митрополитом Таллинским и всея Эстонии Корнилием.

Российский посол Ю.Н.Мерзляков подчеркнул в своём приветствии, обращаясь к митрополиту Корнилию: «Господь судил Вам архипастырство в весьма непростое время для эстонского православия. Немало крепости духа, мудрости и подвижничества потребовалось от Вас ради благого дела восстановления истори-

ческой и канонической справедливости в отношении руководимой Вами Церкви и окормляемой Вами многочисленной паствы российских соотечественников».

Наместник Псково-Печерского Успенского монастыря архиандрит Тихон (Секретарёв) в своём обращении от лица Высокопреосвященнейшего Евсевия Митрополита Псковского и Великолукского Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря Священноархимандрита поздравил Владыку Корнилия и, в частности сказал: «Благодать Апостольства Христова в непростое время конца XX столетия и начала XXI века принесла в Вашем служении обильные плоды: увеличилось число храмов и священнослужителей в Таллинской Митрополии, издаётся церковная газета «Мир Православия», активизировалась духовно-просветительская деятельность в гимназиях и других учебных заведениях. На всю Европу прославил Вашу Епархию Таллинский детский хор «Радуга».

Всё вышеперечисленное является продолжением служения Вашего Небесного Покровителя преподобномученика Корнилия игумена Псково-Печерского. В Псково-Печерской обители Вы обрели духовное убежище в годы Второй мировой войны, здесь Вы получали поддержку в своём пастырском служении. Перед Вашей Архиерейской хиротонией в обители преподобномученика Корнилия Вы приняли монашеский Постриг с его именем. И сегодня Вы являетесь связующим звеном для православных христиан Прибалтики и Русской Православной Церкви».

Епископ Даугавпилсский Александр зачитал текст адреса от митрополита Рижского и всея Латвии Александра, в котором говорится, что «Православные Церкви в Эстонии и Латвии соединяет не только близость наших стран, но и общий исторический путь, общие святыни, общие печали и испытания, общие радости и успехи. Мы на Латвийской земле всегда молитвенно сопереживаем и разделяем трудности дорогой нашему сердцу Эстонской Церкви и радуемся Вашим добрым и благословенным успехам».

В поздравлении настоятельницы Пюхтицкого монастыря игуменнии Варвары, привезённом монахиней Филаретой (Калачёва) отмечается, что *«20 лет прошло с того памятного дня, когда Вы, Ваше Высокопреосвященство, возглавили Таллинскую кафедру. Вами пройден долгий путь служения Церкви Христовой, на котором Вы щедро отдавали свои силы, знания, опыт делу укрепления Православия в Эстонии.»*

Позвольте пожелать Вам, дорогой Владыка, доброго здоровья, духовного утешения, крепости сил, милости и помощи Божией в Ваших нелегких архипастырских трудах. Неизменно с любовью молимся о Вас в Обители, да укрепит Вас Господь в подвиге Вашего служения Святой Христовой Церкви на многая лета!>

Митрополит Корнилий выступил с ответным словом:

«Я хотел бы поблагодарить всех, кто собрался сегодня на празднование юбилея, за добрые слова в мой адрес. И самое для меня дорогое, самое ценное и радостное, что они были искренними. На юбилеях часто поздравляют, говорят красивые речи, которые ничего не значат, однако сегодня я услышал от вас слова, дышащие искренностью.»

В этот знаменательный для меня юбилей мой взор обращается к прожитым годам. Я – уроженец Эстонии уже в пятом поколении. В Таллине я жил, учился, здесь прошла моя молодость. Я люблю Эстонию, это моя родина, и с ней связано очень многое в моей жизни. После того, как я провел несколько лет в заключении в мордовских лагерях за свои религиозные взгляды, я вернулся в Эстонию, потому что хотел продолжать свое служение здесь.

Вместе с тем, я всегда был искренним членом Русской Православной Церкви, потому что в вопросах веры меня воспитала именно она. Именно в Русской Церкви православие очень сильно и имеет влияние в том числе и на культуру; здесь человек может почерпнуть всё необходимое для того, чтобы знать свою веру. Русская Православная Церковь очень велика и обширна, в неё входят многие православ-

ные народы не только русского происхождения, и поэтому Патриарх Московский именуется Патриархом не России, но всея Руси, поскольку Русь – это более глобальное, более объемное понятие.

Два чувства – любовь к Эстонии и верность Матери-Церкви – соединяются во мне, и пусть никто не надеется, что я когда-нибудь изменю Русской Православной Церкви. К сожалению, такие надежды были у некоторых наших политиков в 1990-е годы, когда я стал архиереем и когда у нас образовалась параллельная юрисдикция Константинопольского Патриархата. Но я буду всегда верен Матери-Церкви.

Я благодарен за добрые слова, сказанные в мой адрес представителями эстонской власти, и я знаю, что они искренни. У нас налаживаются взаимоотношения и общение с организациями различных направлений, с разными людьми. С самого начала архипастырского служения моей целью было уравнивать эти отношения на основе христианской любви. И мне кажется, что если у меня и были враги, то их с каждым днем становится все меньше.

И все-таки сегодня у меня болит сердце о том, что наша Православная Церковь, которая количественно почти равна Лютеранской Церкви, не имеет тех прав, которые есть у остальных конфессий Эстонии. И, к сожалению, среди нас нет главы Эстонской Апостольской Православной Церкви – он тоже мог бы участвовать в этом юбилее. Но его здесь нет, он не настроен к нам дружелюбно и, не имея прав на церковное имущество, распродает его.

Надеюсь, что мы скоро станем собственниками тех храмов, в которых молились наши предки и которые мы сохранили, а также тех, которые были нами построены в самое сложное время бытия Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата.

У всех прошу молитв за нашу Церковь и надеюсь на сохранение доброжелательного отношения к нам. У меня всегда были хорошие отношения с иными конфесси-



В центре митрополит Таллинский и всяя Эстонии Корнилий. Справа от Владыки Корнилия (в первом ряду) – председатель Отдела внешних церковных связей МП, митрополит Волоколамский Иларион; (во втором ряду) - монахиня Филарета (Калачёва); художник Владимир Аншон; помощник Владыки Илариона, священник Димитрий Агеев. Слева от Владыки Корнилия: настоятель Псково-Печерского Успенского мужского монастыря архимандрит Тихон (Секретарёв); организатор выставки, руководитель Русской писательской организации Эстонии Владимир Илляшевич; заведующий консульским отделом Посольства РФ в Эстонии Леонид Степанов.

ями Эстонии, особенно с Лютеранской Церковью, и взаимопонимание со всеми, кто ее возглавлял. Спасибо за это всем, с кем мне приходилось встречаться за годы моего управления Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата.

Я хочу ещё раз поблагодарить Святейшего Патриарха Кирилла за внимание, которое он оказывает нашей Церкви, в том числе и мне. Хочу с благодарностью отметить, что по его благословению на сегодняшнее торжество приехал митрополит Волоколамский Иларион, чем ещё более углубил нашу радость. Владыка Иларион представил в Таллине прекраснейший концерт духовной музыки, который был настолько интересным

и настолько задел души людей, что о нём еще очень долго будут вспоминать и говорить. Это событие свидетельствует о силе нашей Православной Церкви».

Предстоятель Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата ещё раз поблагодарил российских гостей за визит, за поздравления от Святейшего Патриарха Кирилла в связи с 20-летием архиерейской хиротонии, за концерт русской музыки и вручил Владыке Илариону награду Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата – орден священномученика Исидора Юрьевского (II степени).

После торжественного приёма высокие гости и митрополит Корнилий приняли участие в открытии выставки



Монахиня Тихона (Проненко) и Ольга Михайловна Гречишкина, участницы создания Пюхтицкого альбома «Успенский собор – 100»

фотографий о Пюхтицком Успенском монастыре и в представлении книги-альбома, посвящённых 100-летию Успенского собора Пюхтицкого женского монастыря.

На мероприятии, которое состоялось в таллинской галерее «Атриум», также присутствовали митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий, епископ Нарвский Лазарь, наместник Псково-Печерского Успенского монастыря архимандрит Тихон (Секретарёв), клирики Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, представители культурной общественности Эстонии и местной прессы.

После небольшого выступления детского хора «Радуга», торжественное представление открыл митрополит Иларион. Участникам церемонии был также представлен короткометражный видеофильм о соборе (режиссёр В.Илляшевич, оператор О.Беседин). На выставке, которая была открыта до 23

сентября, экспонировались фотоработы насельницы Пюхтицкого монастыря монахини Филареты (Калачевой), рассказывающие о жизни обители.

120 лет Воскресенскому храму в Нарве

14 сентября 2010 года, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион возглавил Божественную литургию в Воскресенском соборе города Нарвы. Богослужение было приурочено к 120-летию этого храма. Митрополиту Илариону сослужили: председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации епископ Зарайский Меркурий, викарий Эстонской митрополии епископ Нарвский Лазарь, наместник Псково-Печерского Успенского монастыря архимандрит Тихон (Секретарёв), наместник Успенского монастыря города Липецка игумен Митрофан (Шкурин), член Синода Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата протоиерей Николай Головастиков, клирики Эстонской митрополии.

По окончании литургии епископ Нарвский Лазарь кратко рассказал об истории Воскресенского собора.

Храм был заложен в 1890 году по случаю встречи в Нарве российского императора Александра III и германского императора Вильгельма II. Строившийся как храм для рабочих Кремгольмской мануфактуры, впоследствии он стал кафедральным собором самостоятельной Нарвской епархии, а затем, когда эта епархия была упразднена, сохранил статус собора в рамках Таллинской епархии, ныне – Эстонской митрополии. Воскресенский собор, освящённый в 1896 году, никогда не закрывался.

Епископ Лазарь выразил надежду, что визит председателя ОВЦС будет способствовать примирению православных верующих Эстонии, чтобы они могли

«единими усты и единым сердцем славить Отца Небесного».

На память о посещении Воскресенского собора епископ Лазарь преподнёс митрополиту Илариону письменный прибор. В свою очередь, на память о богослужении по случаю 120-летия Воскресенского собора митрополит Иларион преподнёс епископу Лазарю панагию с образом Пресвятой Богородицы и передал в дар храму икону святых Петра и Февронии.

В тот же день председатель митрополит Волоколамский Иларион посетил Божоявленский храм в городе Йыхви, где в 1950–1957 годах начинал своё пастырское служение священник Алексей Ридигер, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

Митрополита Илариона в храме приветствовали епископ Нарвский Лазарь, духовенство, прихожане. Поклонившись чтимой Черниговской иконе Пресвятой Богородицы и другим святыням храма, владыка Иларион обратился к собравшимся с архиерейским словом, в котором, в частности, отметил, что он глубоко тронут и взволнован возможностью находиться в стенах, освящённых пастырским служением приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия II.

На торжествах в Пюхтице

12 сентября 2010 года председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион возглавил торжества по случаю столетия главного храма ставропигиального Пюхтицкого Успенского монастыря.

За Божественной литургией владыке Илариону сослужили: председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации епископ Зарайский Меркурий, епископ Нарвский Лазарь, наместник Псково-Печерского Успенского монастыря архимандрит Тихон (Секретарёв), ректор духовной семинарии в Йоэнсуу протоиерей Рауно Пиетаренен

(Финляндская Православная Церковь), наместник Успенского монастыря Липецка игумен Митрофан (Шкурин), духовенство Пюхтицкого монастыря, клирики Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата.

На малом входе митрополит Иларион возвёл в сан игумена насельника Свято-Троицкой Сергиевой лавры иеромонаха Самуила (Караска), который несёт служение в Пюхтицкой обители. По окончании Божественной литургии была совершена панихида по устроителям монастыря и тем, кто в нём подвизался, а также благодарственный молебен и крестный ход вокруг собора.

Митрополит Иларион огласил приветственный адрес Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в котором Глава Русской Православной Церкви, в частности, отметил: *«Целый век минул с того далёкого дня, когда слава Господня наполнила дом Божий и когда под его сводами благоговейным архиереем впервые была принесена бескровная жертва во управление жития, во исправление благаго жительства, во исполнение всякия правды. Все эти годы Успенский собор неизменно оставался подлинным духовным сердцем Пюхтицкого монастыря, местом благодатного окормления людей и утверждения многих сердец в святой православной вере.*

Замечательный собор, столетие освящения которого отмечается сегодня, является свидетелем выдающейся социальной и просветительской миссии Пюхтицкой обители. Его стены помнят создание Ревельской епархии Русской Православной Церкви и другие важные вехи в истории святого Православия на эстонской земле. С его амвона благословлял свою благочестивую паству первый епископ Ревельский священномученик Платон

И в наши дни огромные купола Успенского собора продолжают осенять знаменитую монашескую обитель. Они издалика приветствуют людей, следующих дорогой к храму, чтобы услышать в его стенах молитвы, которые издревле звучали на священной Пюхтицкой земле и

свидетельствовали сердцам, что истина Господня пребывает вовек».

Митрополит Иларион и вручил настоятельнице монастыря игумении Варваре (Трофимовой) от имени Предстоятеля Русской Церкви наперсный крест с украшениями.

Затем Владыка Иларион произнёс слово:

«Ваши Преосвященства, дорогая матушка, дорогие отцы, братья и сестры!

По благословению Святейшего Патриарха я сегодня прибыл сюда, чтобы совершить в сем храме Божественную литургию и передать вам Первосвятительское благословение нашего отца, Ангела нашей Церкви, который сегодня молится о всех нас во граде Ярославле, посещая древнюю Ярославскую епархию.

Эта священная обитель видела многое на своем веку, и сегодня мы вознесли молитвы о всех, кто здесь служил, о настоятелях монастыря, о сестрах, которые здесь молились, трудились и нашли упокоение. Мы сугубо вспоминали благодетелей Пюхтицкого монастыря, тех, кто здесь служил. Мы вознесли молитву о приснопамятном Патриархе Московском и всея Руси Алексии II, для которого эта святая обитель была родным домом, который жил здесь, приезжал сюда, совершал здесь богослужения. Память о нём хранится в этой святой обители так же, как она хранится во всей Русской Православной Церкви.

Досточтимая матушка, мы знаем, что на протяжении многих десятилетий ваша обитель была светочем Православия на Эстонской земле. В трудные годы богорборческой власти духовная и молитвенная жизнь в обители не прекращалась. Этот монастырь был «кузницей кадров» для многих женских обителей. Многие Ваши воспитанницы, дорогая матушка, стали настоятельницами в других монастырях и перенесли туда благодатный опыт, который приобрели здесь под Вашим руководством.

Вы уже более четырех десятилетий возглавляете Пюхтицкую обитель. За

это время перед Вашими глазами прошли многие инокини, которые получили от Вас духовное воспитание. За этот жизненный подвиг вся Русская Православная Церковь глубоко, сердечно и искренне благодарит Вас. За этот подвиг Вашей жизни и Вашего служения – низкий поклон от архиереев Московского Патриархата, от пастырей, монашествующих и мирян.

В этой святой обители молитва возносилась на протяжении многих десятилетий. И в трудные годы, когда эстонское государство стало на путь самостоятельности, молитва и иноческий подвиг здесь продолжают. Мы верим, что Пюхтицкий монастырь, устоявший в самые трудные годы, устоит и в будущем, что никакие ветры не поколеблют его, никакие политические изменения не затронут тот глубокий молитвенный дух, которым всегда славилась и продолжает славиться эта священная обитель.

Монастыри являются как бы островами иного мира в этом суетном и грешном мире. Выходя за стены монашеской обители, мы соприкасаемся с мирской суетой, с человеческими страстями, а внутри монастырем совершается безмолвная служба Богу, которую несут в своих сердцах инокини и иноки. Может быть, именно потому всё ещё стоит наш грешный мир, и люди в своей озлобленности и безумии ещё не до конца истребили друг друга, что есть эти островки Божественной правды и Божественной любви, где иноки и инокини возносят свои молитвы о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих Церквей, о том, чтобы умиралась вражда, прекратились расколы, чтобы правда Божия царствовала в сердцах.

Этому собору, построенному трудами и попечением благодетелей и благоукрашителей, исполнилось сто лет. На протяжении целого века сей храм является сердцем священной Пюхтицкой обители. Здесь хранится чудотворная икона Успения Пресвятой Богородицы, здесь совершается бескровная Жертва, и тысячи людей причащаются Святых Христовых Таин. Все это является залогом

того, что Православие на Эстонской земле будет процветать, что никакие удары, которые попытались бы нанести враги Православия, не сокрушат его, потому что именно Православная Церковь – это та Церковь, о которой Господь сказал, что врата адовы не одолеют её (Мф. 16. 18).

Сердечно и искренне поздравляю всех вас с этим праздником, и хочу от себя лично передать в дар собору образ пророка Божия Илии, который, как я знаю, почитается в Пюхтицком монастыре. Пусть молитвы этого святого помогают Вам, матушка, и сестрам обители на пути ко спасению».

В ответном слове игуменья Варвара поблагодарила высоких гостей и, в частности, сказала: *«Празднуя сегодняшний юбилей, мы с глубокой благодарностью и любовью вспоминали и молились о всех, чьими трудами создавался собор: о храмоздателях Иоанне Филипповиче Терещенко, архитекторе Александре Полещуке, принопамятных игуменьях, а также о всех жертвователях, благоукрашителях, трудившихся и трудящихся по сей день на благо святой обители. Как и сто лет назад, они заботятся о Пюхтицком монастыре, чему вы все свидетели. Они хотят, чтобы монашествующие со своей очень-очень старенькой настоятельницей молились и трудились по силе своей в сем святом месте и служили всем окружающим».*

На память о посещении обители настоятельница преподнесла владыке Илариону Пюхтицкий образ Божией Матери. Затем митрополит Иларион вручил Патриаршие награды – ордена и грамоты – ряду клириков и мирян, потрудившихся на благо обители.

Встреча с главой Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви и председателем Совета Церквей Эстонии

13 сентября 2010 года председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион встретился с главой Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви архиепископом Андресом Пыдером.

Во встрече, которая прошла в консистории Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви, также приняли участие: со стороны Московского Патриархата – митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий, помощник председателя ОВЦС священник Димитрий Агеев, референт председателя ОВЦС иеродиакон Иоанн (Копейкин), референт митрополита Корнилия протоиерей Тоомас Хирвоя, со стороны Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви – председатель Совета Церквей Эстонии (СЦЭ) епископ Эйнар Сооне, пасторы Урмас Виийама, Пеетер Кальдур и Архо Тухкру. СЦЭ был создан в 1989 году по инициативе возглавлявшего тогда Таллинскую кафедру митрополита Алексия (Ридигера).

Обращаясь к архиепископу, митрополит Иларион, в частности, сказал: *«Мы высоко ценим бескомпромиссную позицию Лютеранских церквей балтийских стран, решительно выступающих против либерализации христианских ценностей. Мы знакомы с документом 2006 года, в котором осуждается решение Церкви Швеции благословлять гомосексуальные союзы. Также мы знаем о результатах встречи глав Лютеранских церквей Эстонии, Латвии и Литвы в ноябре 2008 года и разделяем позицию, изложенную в итоговом документе этой встречи, в котором лютеранские епископы указали на опасность подобных нововведений, «отчуждающих христиан от Церкви».*

Мы рады тому, что представители Вашей церкви активно участвуют в работе Христианского межконфессионального консультативного комитета (ХМКК), и в настоящее время ведутся переговоры о большей вовлечённости его членов в общую социальную работу».

Со своей стороны, архиепископ Пыдер пригласил митрополита Илариона на освящение церкви святого Яна в Санкт-Петербурге, которое запланировано на 20 февраля 2011 года.

На память о посещении консистории Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви архиепископ Пыдер преподнёс митрополиту Илариону текст благословения Ааронова на эстонском языке, выполненный современным каллиграфом. Председатель ОВЦС подарил архиепископу Пыдеру образ Спасителя, написанный в мастерских Московского Патриархата.

По окончании встречи митрополит Иларион и сопровождавшие его лица проследовали в Домскую церковь Таллина – кафедральный собор Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви, где ознакомились с историческими памятниками. Первый храм был построен в XIII веке здесь, на холме Вышгорода (Тоомпеа). Внутри храма находятся захоронения XIII – XIX веков, в том числе гробницы знаменитого русского мореплавателя адмирала Крузенштерна, русского флотоводца Самуэля Грэйга и получившего смертельные ранения в сражении при Аустерлице героя - русского офицера и зятя фельдмаршала М.И.Кутузова Фердинанда фон Тизенгаузена.

**По материалам газеты
«Мир Православия»**

Пюхтицкий монастырь: Матушка Игуменья Варвара приняла Великую схиму

26 ноября 2010 года в Пюхтицком Свято-Успенском ставропигиальном женском монастыре состоялось значительное событие. После Божественной литургии в воскресный день в 13 часов 30 минут был совершён чин пострига в Великий Ангельский Образ настоятельницы обители матушки Игуменьи Варвары (Валентина Михайловна Трофимова).

Постриг в схиму был совершён келейно игуменом Самуилом (Караском) в присутствии Высокопреосвященнейшего Корнилия, Митрополита Таллинского и всея Эстонии, Преосвященнейшего Лазаря, епископа Нарвского, vicария Таллинской Митрополии, священнослужителя монастыря протоиерея Димитрия (Ходова), настоятеля храма Нарвской иконы Божией Матери протоиерея Виталия (Гаврилова). При совершении этого монашеского таинства молились все сёстры обители.

Схимонашество возникло в IV веке по Рождестве Христовом на Ближнем Востоке. Великосхимничество в Православной Церкви – это иночество с теми же традиционными обетами, но с особым духовным подвигом. В переводе с греческого слово «схима» означает «образ действий, достоинство, состояние».

Схима – высшая ступень монашества, величайший ангельский образ. Схима есть неизмеримая высота и глубина христианского смирения, основанного на словах Спасителя нашего Господа Иисуса Христа: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим» (Мф.11,29).

Чинопоследование великого Ангельского Образа обяывает к ещё большей строгости исполнения обетов монашества. Схима – это уединение, молчание, полное посвящение себя молитве при стяжании молитвы Иисусовой. Не случайно день пострига матушки Игуменьи

пришёлся на день памяти св. преп. Паисия Величковского, который ввёл в России опыт делания Иисусовой молитвы, приобретённый им на Святой Горе Афон.

К великой схиме на Руси относились с глубоким благоговением. В русских монастырях всегда сохранялась традиция посвящения в Великий Ангельский образ. Для каждого инока великая схима остается идеалом подлинного монашества, подвигом стяжания совершенства. Для ищущих безмолвия в обителях древней Руси благословлялся затвор или же специально образовывались скиты со строго отшельническим укладом жизни, куда миряне не допускались даже для богомолья.

В истории женского иночества XX века в России схиму принимали многие игумении. В 1969 году матушка Варвара, будучи молодой настоятель-

ницей Пюхтицкого монастыря, была вызвана в город Вильнюс своей духовной наставницей – игуменией Марие-Магдалининского монастыря Ниной (Баташовой) для участия в её постриге в Великую схиму. Под руководством этой глубоко духовной старицы Божией в 1955 году Матушка Варвара, в ту пору послушница Виленского монастыря Валентина, начинала свой монашеский путь. Всю свою последующую жизнь она помнила и хранила в сердце образ своей духовной матери и последовала её примеру, продолжая православную традицию посвящения в Великий Ангельский образ. Матушке Игумении Варваре при постриге в Великую схиму оставили её прежнее монашеское имя в честь святой великомученицы Варвары.

Виталий ПОНУШКОВ, (Ставрополь, Россия)

Филолог, педагог, журналист.

Материал предоставлен интернет-журналом «Сенатор», Москва.

ЗАЩИТА ЗЕМНОГО ОТЕЧЕСТВА

(Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной)

«Больше сея любви никто же иметь,
да кто душу свою положит за други своя...»

22 июня 1941 года, в день всех святых в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз – началась Великая Отечественная война. Во второй раз за XX век Германия, теперь уже фашистская, вступила в смертельную борьбу с СССР, обернувшуюся для нас новой национальной катастрофой. Свою значимую лепту внесла в дело общей Победы и Русская Православная Церковь. Уверен, что в годину тяжёлых для страны испытаний она своим бескорыстным патриотическим служением убедила светскую власть не только в своей лояльности к ней, но и в преданности своей стране, верности призванию – быть духовным пастырем православного народа. Её патриотическая деятельность, возрожденная с началом той страшной войны, до недавнего времени не являлась предметом исследования для отечественных и зарубежных историков. Появление новых, ранее неостребованных исторических источников, и необходимость переосмысления прошлого определяют настоятельную необходимость более детального изучения роли Русской Православной Церкви в годы войны, определения значения ее патриотического служения, поскольку это – неотъемлемая часть духовно-нравственной сферы российского общества, основа его культурно-исторической традиции.

Нательный крест на одной цепочке с жетоном «смертника», иконка Божией Матери, спрятанная в нагрудный карман гимнастёрки, переписанный дрожащей рукой 90-й псалом, который в народе

**Виталий Понушков**

называют «Живые помощи», – полуистлевшие свидетельства веры – поисковики до сих пор находят на полях сражений вместе с партбилетами и комсомольскими значками. А сколько солдатских рассказов «как Бог спас» передавались из уст в уста. Как, уходя в разведку, бойцы шептали: «С Богом!», как молились втайне перед началом наступления и крестились уже в открытую, поднимаясь в атаку, и как пронзало радиоэфир предсмертное: «Господи, помилуй!»

Это очень важно, что стали достоянием гласности многочисленные архивные материалы, воспоминания священно-

служителей и мирян о войне, о своём отношении к ней, об участии в боевых действиях. Они, в том числе и положенные в основу моего документального очерка, бесценны не только как источник информации, но и как доказательство нравственного отношения православно-го человека к войне, выполнявшего своё молитвенное и ратное дело незаметно, кропотливо, с одним желанием – приблизить день освобождения Родины.

Невероятно, но факт: к 1943 году на территории СССР не должно было остаться ни одного действующего храма и действующего священника. Однако этим планам не суждено было сбыться. Разгул воинствующего безбожия остановила война. С первых её дней руководство страны отменило оголтелый богоборческий курс, временно приостановив борьбу с православием. Атеистическая пропаганда была переведена на новые рельсы, а «Союз воинствующих безбожников» срочно распущен. Прекратились гонения на верующих – люди снова могли свободно посещать церковь. Из ссылки и лагерей возвращались выжившие священнослужители. Открывались уцелевшие от разрушения, закрытые ранее храмы. По всей стране в них служились молебны о даровании победы. Ежедневно под сводами величественных соборов и небольших сельских церквей возносилась молитва: «О еже подати силу неослабну, непробориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов».

Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей написал и собственноручно отпечатал на машинке послание, в котором призвал русский народ на защиту Отечества: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батюга, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить

народ наш на колени перед неправдой. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Димитрия Донского, положивших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов...

Нам нужно помнить заповедь Христову: «Больше сея любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя...» (Ин. 14, 13). Нам, пастырям Церкви, в то время, когда Отечество призывает всех на подвиги, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о юле Божией. А если сверх того молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится ещё и лукавыми соображениями на счёт возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души свои вместе с нашей паствой... Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

«Невзирая на свои физические недостатки – глухоту и малоподвижность, – вспоминал позднее архиепископ Дмитрий (Градусов), – митрополит Сергей оказался на редкость чутким и энергичным: свое послание он не только сумел написать, но и разослал по всем уголкам нашей Родины в первый день войны. И это было в момент, когда многие государственные и партийные руководители пребывали в растерянности – как известно, Сталин обратился к советскому народу только на 12 день после начала войны с речью, начинавшейся весьма необычными для того времени словами: «Дорогие соотечественники! Братья и

сёстры! К вам обращаюсь я, друзья...» Символично, что на первую военную Пасху впервые за годы советской власти были проведены крестные ходы во всех крупных городах. «Не свастика, а Крест призван возглавить нашу христианскую культуру, наше христианское жительство...», – писал митрополит Сергей в пасхальном послании.

Особое внимание в своей патриотической деятельности Русская Православная Церковь уделяла работе с верующими на оккупированной территории. В январе 1942 года в специальном обращении к православным людям на временно оккупированной немцами территории Патриарший Местоблюститель напомнил, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали: они – русские, и сознательно или по недомыслию не оказались бы предателями своей Родины. Кроме того, подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Одновременно митрополит Сергей призывал содействовать партизанскому движению. Активно участвовали в нем и священнослужители. На оккупированной территории они подчас являлись единственным связующим звеном между населением и партизанами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших, как известно, определенное распространение в начале войны, и в конечном итоге создавало нравственные условия, которые в значительной мере изменили ход военных событий. Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все основные события в военной жизни страны.

Разрешения провести крестный ход вокруг города с иконой Казанской Божией Матери просил у Георгия Жукова Ленинградский митрополит и будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский). В тот день, 5 апреля 1942 года, исполнялось 700 лет со дня разгрома немецких рыцарей в ледовом побоище святым князем Александром

Невским – небесным покровителем города на Неве. Крестный ход был разрешен. И случилось чудо – танковые и моторизованные дивизии, необходимые группе армий «Север» для взятия Ленинграда, были переброшены по приказу Гитлера группе «Центр» для решительного броска на Москву. Столицу отстояли, а Ленинград оказался в кольце блокады...

Митрополит Алексей не покинул блокадный город, хотя голод не щадил духовенство – не пережили зиму 1941-1942 года восемь клириков Владимирского собора. Во время богослужения скончался регент Никольского собора, келейник митрополита Алексея инок Евлогий. В дни блокады в ряде храмов были устроены бомбоубежища, в Александро-Невской Лавре разместился госпиталь. Но главное – в вымирающем от голода городе ежедневно совершалась Божественная литургия. В храмах молились о даровании победы нашему воинству. Служился особый молебен «в нашествие супостатов, певаемый в Отечественную войну 1812 года». На богослужениях присутствовало командование Ленинградского фронта во главе с маршалом Леонидом Говоровым, который не боялся публично проявлять свои религиозные чувства.

Из свидетельств очевидцев известно, что начальник Генерального штаба Борис Шапошников (бывший полковник царской армии) носил финифтевый образ святителя Николая и молился: «Господи, спаси Россию и мой народ!» Его преемником на посту начальника Генштаба стал сын священника из Кинешмы маршал Александр Василевский, выпускник Костромской духовной семинарии. Широкое распространение среди верующих получила убежденность, что всю войну с собой в машине возил образ Казанской Божией Матери маршал Жуков. Позднее, в 1945 году, он вновь зажгёт неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном «Битве народов с наполеоновской армией». Верующим был и маршал Федор Толбухин, брат которого служил священником. В победном 45-ом в Вене по приказу Толбухина в дар православ-

ному собору был отлит колокол с надписью: «Русской Православной Церкви от победоносной Красной Армии».

Показательно и то, что уже в первые годы войны некоторые эскадрильи и танковые колонны были названы именами русских святых. Одним из самых ярких свидетельств участия Церкви во всенародном подвиге явился сбор церковных пожертвований на сооружение танковой колонны имени Дмитрия Донского. Выбор этого имени не был случайным. Великий светильник земли Русской Преподобный Сергей, благословив Донского на Куликовскую битву, послал в ряды русских войск двух своих сподвижников из числа братии Троицкой обители. Воины-иноки – Александр Пересвет и Андрей Осябя – не только своим присутствием, но и тем, что «положили души своя» на поле брани, засвидетельствовали перед всем верующим русским воинством, что Православная Церковь благословляет его на святое дело спасения Родины, а молитвы Преподобного Сергея сопровождают в этом великом подвиге. Вот и в лихую военную годину Русская Православная Церковь, руководствуясь примером Преподобного Сергея, вновь посылала в помощь защитникам своё благословение, зримый знак того, что она никогда не оставляет своих воинов и что благословляет их на битву.

Не существовало почти ни одного даже сельского прихода на свободной от фашистов земле, не внесшего свой вклад в общенародное дело. Собирались средства на танковую колонну и на оккупированной территории. Примером тому – гражданский подвиг священника Фёдора Пузанова из с. Бродовичи-Заполье. На оккупированной Псковщине для строительства колонны он сумел собрать среди верующих целую котомку золотых монет, серебра, церковной утвари и денег. Эти пожертвования на сумму около 500 тысяч рублей были переданы партизанами на Большую землю. 40 танков Т-34, которые составили общецерковную танковую колонну, были построены на заводе Челябинска. Их передача частям Красной Армии состоялась у деревни Горелки,

что в 5-ти километрах северо-западнее Тулы, по месту расположения комплектованных военных лагерей. На торжественном митинге в день передачи колонны, 7 марта 1944 года, выступил митрополит Николай (Ярушевич). Он всю войну был одним из основных организаторов и руководителей патриотической деятельности духовенства Московской Патриархии. Под руководством Владыки Николая московские приходы внесли 2 000 000 рублей на танковую колонну «Дмитрий Донской», 1 000 000 рублей – на эскадрилью «Александр Невский».

На рубеже 1942-1943 годов митрополит Сергей предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви. Он направил Иосифу Сталину телеграмму, в которой просил разрешения на открытие банковского счёта РПЦ, куда вносились бы средства, пожертвованные на оборону во всех храмах страны. В начале 43-го Сталин дал на это своё письменное согласие и от лица Красной Армии поблагодарил Церковь за её труды. Получив разрешение открыть банковский счёт, РПЦ стала юридическим лицом.

4 сентября он вместе с митрополитами Алексием и Николаем был приглашён в Кремль для беседы с председателем Совнаркома Сталиным. В ходе состоявшейся встречи удалось достичь нескольких важных целей. Уже 8 сентября должен был открыть свою работу Собор иерархов РПЦ, главной задачей которого являлось избрание патриарха. Кроме того, создавался специальный государственный орган, призванный осуществлять связь между правительством и руководством Церкви – Совет по делам Русской Православной Церкви. Правительство также решило предоставить РПЦ для размещения патриархии бывшую резиденцию германского посла в Москве Шуленбурга. Было принято решение об открытии в Москве Богословского института и Богословско-пастырских курсов. Так, упразднённое православным царём Петром I патриаршество было восстановлено богоборческой советской властью. Главой Русской Православной

Церкви становится митрополит Сергей (Страгородский).

Проявления патриотической деятельности Русской Православной Церкви очень многообразны. Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 году на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии. Так, уже побывав в заключении, заместителем командира роты начал свой боевой путь по фронтам войны С.М. Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен, дослужившийся на войне до звания майора. Наместник Псково-Печерского монастыря в 1950-1960-х гг. архимандрит Алипий (Воронов) до этого воевал все 4 года, оборонял Москву, был несколько раз ранен и награжден орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев) на фронте был пулемётчиком. Когда в 1943 году он вернулся к священнослужению, на груди его блестела медаль «За боевые заслуги». Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности заместителя начальника полковой разведки.

Особенно много священнослужителей трудилось в военных госпиталях. Такие госпитали были устроены в значительной части монастырей и находились на полном содержании и обслуживании монашествующих. Так, в Красноярске, в годы войны в должности главного хирурга эвакогоспиталя трудился епископ Лука (Войно-Ясенецкий), известный учёный-медик, прошедший лагеря и ссылки. Благодаря его операциям большому числу раненых воинов были сохранены жизнь и здоровье. В кабинете владыки, в операционной висели иконы, а каждую операцию он начинал с молитвы. В 1945 году за капитальный труд «Очерки гнойной хирургии» возведенному в сан архиепископа Луке была присуждена Сталинская премия I степени, большую часть которой он пожертвовал на помощь сиротам.

Сегодня всё больше и больше мы узнаем о священнослужителях, воевав-

ших на фронтах Великой Отечественной войны. В Красной Армии тогда по определению не могло быть штатных полковых священников, но были священники, надевшие гимнастерку и шинель, взявшие в руки оружие. Никто точно не скажет, сколько их было, шедших в бой без рясы и крестов, с молитвой на устах. Статистики никто не вел. Но батюшки, как и тысячи наших сограждан, не просто сражались, защищая свою веру и Отечество, а ещё и получали награды – почти сорок священнослужителей были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы», более пятидесяти – «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны», несколько десятков – медалью «Партизану Великой Отечественной войны». А скольких награды обходили стороной?!

Многие, избежав смерти на фронте, становились священниками после победы. Так, архимандрит Алипий (Воронов), дошедший до Берлина и награждённый орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», вспоминал: «Война была настолько страшной, что я дал слово Богу, что если в этой страшной битве выживу, то обязательно уйду в монастырь». Посвятить свою жизнь Богу решил и кавалер орденов Славы трёх степеней Борис Крамаренко, после войны став диаконом в храме под Киевом.

Хорошо известен афоризм: «На войне атеистов не бывает». Ещё один герой очерка, мой земляк, Невечеря Серафим Филиппович, им никогда и не был. Будущий пастырь родился 1 августа 1903 года в крестьянской семье. Его дед, Василий Петрович, и отец, Филипп Васильевич, происходили из потомственных казаков-запорожцев, приехавших на Ставрополье (Кавказская область) в поисках лучшей доли в 30-е годы 19 века. На новом месте обживались трудно, но были дружны и верны славным казачьим традициям, которые бережно передавали детям. Филипп Васильевич погиб в Первую мировую где-то под турецким городом Трабзоном. Пришлось 11-летнему Серафиму, старшему из детей, закончить лишь трёхлет-

нюю школу и пойти работать – помогать матери воспитывать ещё четверых. А на память о прилежной учёбе в семье как реликвия хранилось Евангелие с позолоченным крестом, вручённое ему по окончании школы, поскольку очень уж усердным был отрок Серафим в изучении закона Божия.

Долгие годы жил в с. Бурукшун (нынешнего Ипатовского района). До войны успел сам создать семью: в 1922 году обвенчался с девицей Анастасией, родились дети.

В 1941 году был призван на фронт. Пулемётчик 449-го стрелкового полка Серафим Невечеря воевал честно, достойно. Перед боем он всегда как оберег читал 90 псалом. Участвовал в составе 3 и 4-го Украинских фронтов в штурме Сапун-горы, форсировании Сиваша, в боях за освобождение Севастополя. Затем был переброшен на 1-ый Прибалтийский фронт. И повсюду звучало негромкое молитвенное: «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него». Погибали товарищи-однополчане из дружного пулемётного расчета, Серафим оставался живым...

За мужество и героизм, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, рядовой С. Невечеря был награждён медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией». Позднее, в честь 40-летия Великой Победы, – орденом Отечественной войны первой степени.

В мае 1945 года Серафим Филиппович был демобилизован и вернулся на родину. В мирное время трудился в Бурукшунском сельпо извозчиком по доставке грузов, был единственным кормильцем семьи из 14 человек. Однако будучи человеком глубоко верующим, с детства воспитанным родителями в церковном духе, в традициях веры и благочестия, решил посвятить жизнь служению Богу. Огромное влияние оказала на него тогда сестра его бабушки, монахиня Ставропольского женского монастыря – инокиня Апполинария.

Поначалу, лет десять, был псаломщиком, помогал служить местному свя-

щеннику – иеромонаху отцу Иринею (Снитко). Позднее тот предложил Серафиму Филипповичу поехать на курсы священников в краевой центр. После беседы с архиепископом Ставропольским и Бакинским Антонием был им направлен в Крестовую церковь Ставрополя прислуживать дьяконам и священникам. Затем, в марте 1956 года, и сам был рукоположен Владыкой Антонием в дьяконы, вернулся в родное село. А ещё через две недели – в сан иерея Николаевской церкви.

Недостаток школьного образования отец Серафим компенсировал усидчивостью, кропотливым трудом, постоянным самообразованием, расширением кругозора. Он с удовольствием изучал богословские науки, Священную историю. При изучении этих любимых им предметов открывался великий богословский смысл всего того, что совершалось в таинстве Божественной Евхаристии. Каждая деталь, каждое слово, каждое движение тут были исполнены такого величия, что приводили в трепет сердце и душу уже взрослого и состоявшегося человека, прошедшего по дорогам страшной войны, наполняя их благоговейным страхом и умилением.

С 1962 по 1990 годы Серафим Невечеря – настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в с. Дивном Апанасенковского района. Прихожане любили батюшку за его усердие, незлобливость и старались попасть на исповедь именно к нему, из-за чего служба затягивалась дольше обычного.

Уже один внешний вид пастыря внушал простым людям доверие, а властям – почтительное отношение: всегда и всюду в строгом подрячнике, длинные седые волосы и белая борода, глубоко проникновенный взгляд из-под густых бровей... Будучи женатым, он вёл аскетический образ жизни, службы в храме совершались при нём неспешно и величественно. За службой поминал огромное количество людей, особенно любил молиться за души усопших, говорил прекрасные проповеди.

За свой подвижнический и молитвенный труд отец Серафим в 1979 году был награждён крестом с украшениями, в 1986 году – Патриаршей грамотой.

Символично, что Господь подарил отцу Серафиму встречи и годы дружбы с протоиереем Петром Сухоносковым, настоятелем Покровского храма в станции Слепцовской, попавшим в 1999 году в плен к чеченским боевикам, зверски ими замученным и ставшим вторым, после священника Анатолия Чистоусова, Кавказским новомученником. До этого страшного события он некоторое время служил в селе Рагули и, как и отец Серафим, отдавал силы и сердце своё людям.

В 1994 году Ставропольская епархия готовилась встретить на своей земле Святейшего Патриарха Алексия II. Вместе с другими священниками и прихожанами приехал в Ставрополь и отец Петр. Но визит Святейшего по каким-то причинам был перенесен. И тогда спутники батюшки попросили его посетить Рагули, чтобы повидаться с близкими и дорогими ему людьми, вместе помолиться в храме.

Несмотря на то, что батюшка был в этот день сильно уставший, он согласился. Из Дивного приехал протоиерей Серафим Невечеря. Они совершили службу, в ходе которой соборовались почти все прихожане здешнего храма. Священники потом признавались, что к ним ещё никогда не приходило собороваться так много народу.

Вплоть до последних дней его мирской жизни можно было видеть на улицах Дивного пожилого, убёленного сединами, неизменно приветливого и общительного священника Серафима, спешащего к своей пастве, в старый сельский храм, под сводами которого продолжало звучать негромкое молитвенное из «Живых помощей»: «Воззовёт ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое...»

Примеров молитвенного и ратного служения пастырей и прихожан Русской Православной Церкви, моих земляков,

не счесть. Уже с лета 1941 года практически все православные приходы страны начали сбор денежных пожертвований и ценных предметов в фонд обороны, хотя всецерковный призыв «трусами и жертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам» митрополит Сергей огласил 4 октября. К концу 1944 года общая сумма церковных взносов на нужды войны, составила более 200 000 000 рублей, в том числе по Горьковской области – 9 234 000, Красноярскому краю – 4 179 000 руб. По Ставропольскому краю – 6 130 000 руб.

55 священников Ставрополя, вместе со всеми пережившие немецкую оккупацию, за «служение молебнов, чтение воззваний и обращений, сбор пожертвований деньгами и натурой в пользу воинов, их семей, раненых» были представлены к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

«Я боюсь роптать на жизнь, Бога боюсь. Это Он вёл меня всю войну. Я ведь и ранен даже не был», – вспоминал ныне покойный клирик Ставропольской и Владикавказской епархии протоиерей Василий Афонин. Шестнадцатилетним юношей добровольно ушёл на фронт. Стал офицером, брал Берлин, имел множество боевых наград. Что побудило заслуженного фронтовика после войны поступить в Ставропольскую духовную семинарию – вопрос отдельный. Особенно если учесть: религиозность тогда, мягко говоря, не приветствовалась. Но факт остается фактом. И на передовой, и в тылу, и на оккупированной территории священники оставались верны народу и Родине, проявляли себя настоящими патриотами.

Протоиерей Дмитрий Кляпов служил механиком-водителем танка. Впервые принял участие в боевых действиях в конце 42-го под Орджоникидзе и сразу попал в самое пекло. В бою под станицей Курской его танк был подбит, солдат оказался в плену у немцев. Посчастливилось – бежал.

Были священники, которым не довелось держать в руках оружие, но свой посильный вклад в Победу они тоже

внесли. Клирик Ставропольской епархии Михаил Клепа в годы войны в сане священника служил на Украине, в Александрийском и Верхнеднепровском благочиниях. Во время оккупации он прятал у себя дома солдат, уберегая их от немцев и полицаяв.

Вот и получается, что вместе с народом Церковь переживала как его испытания, так и его успехи. Поэтому стоит ли удивляться наивной строке солдата по фамилии Черкасов из сохранившегося для истории его письма-треугольника: «Мама, я вступил в партию. Мама, помолись за меня Богу...» Все тогда были едины в стремлении к Победе – верующие и неверующие, священники и миряне.

Завершая свой очерк, хочу повторить слова известного ставропольского краеведа Вениамина Госданкера: «Как хочется, чтобы в нынешнем нередко безоглядном порыве развенчания ошибок и заблуждений, а что ещё хуже – снисходительной иронии по отношению к нашему нелегкому прошлому, не ушли в небытие святые и честные порывы старших поколений. На фоне повседневных примеров пошлости и будничной посредственности их жизнь, подвиги

делают нашу память по-особому чистой и просветленной». А ещё – согласиться с патриархом отечественной литературы, писателем-фронтовиком Даниилом Граниным, который мудро подметил: «Каждое поколение имеет свои изъяны. Но стойкости мы учились у них. И мужеству, и убеждённости. Что-то завидное, цельное, что нынче, спустя десятилетия, стало виднее. Это были люди, не знавшие сомнения, и, может быть, именно эти качества, вместе взятые, помогли нам, и молодым, и старым, довести войну до Великой Победы».

© Конкурсное произведение II
МТК «Вечная Память»
Федерального аналитического
журнала «СЕНАТОР»

НА СЛУЖБЕ БОГУ И ЛЮДЯМ

(Речь, произнесённая К. С.З-м 19-го октября 1909 г. при открытии Общества в память Отца Иоанна Кронштадтского). К.С.Звягин.

«Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою». Еванг. от Марка гл. 10 ст. 43.ц

Личность почившего о. Иоанна Кронштадтского, безусловно, принадлежит к числу самых замечательных личностей нашего времени. Покойный был истинным властителем духа тысяч и тысяч людей не только на Родине, но и далеко за пределами её. Уже при жизни, и ещё более после кончины, кругом его светлого имени создалась обширная литература, появились сотни описаний и рассказов о его жизни и деятельности. Но

сколько бы ни было в нём сказано, всегда в нашем представлении, в вашем сознании найдётся, что припомнить и сказать ещё. Вся его деятельность, столь разнообразная и далеко выходящая за пределы его исповедания, служила к подъёму нравственных начал в человечестве, и он являлся целителем на помощь всемирной нужде, всечеловеческому страданию. Его последние годы протекали в тяжёлую пору безверия и глубоких душевных смут

русского общества. Батюшка умел, как никто, присматриваться к этим печальным явлениям жестокого нашего времени, умел привлекать к себе не только верующих, но и неверующих, заставляя силой слова, живым примером, невольно задуматься, почувствовать Бога и силу Его. О. Иоанн, понимая страстное искание истины людьми, будил в них это чудное чувство, часто живущее в тайниках души, но затёртое суетностью жизни, и всегда указывал верную дорогу к познанию Бога, к высшим идеалам жизни. Вся необозримая деятельность о. Иоанна делится, главным образом, на две части, хотя в большинстве тесно связанные одна с другой. О. Иоанн – священник, пастырь, молитвенник, предстатель перед Всевышним, обладатель дара помогающей, исцеляющей молитвы, обладатель той высшей силы христианина, о которой предания дошли до нас из далеко прошлого христианства, но коего современная Россия была очевидцем и свидетелем. Эта изумительная, чудесная деятельность почившего духовного пастыря, уже оценка по достоинству, будет увековечена представителями Церкви, которые о том заботятся. На равно с чудодейственной силой молитвы в душе почившего о. Иоанна ярким огнём горела и лучшая из христианских добродетелей – милосердие. Он был воистину безсребренник, чуждый «скоропреходящих благ мира сего». Он был неутомимый труженик в милосердии, друг и благодетель бедных, сырых и обездоленных судьбой и людьми. Вот эта трудовая сторона гуманитарной, высокочеловечной деятельности о. Иоанна составляет предмет нашего особого внимания и об ней мы расскажем подробнее, как и о стремлениях и предположениях увековечить её. Для этого взглянем на пору молодости о. Иоанна. Ещё в шестидесятых годах о. Иоанн, будучи молодым священником в Кронштадте, при ознакомлении со своим приходом обратил внимание на бедноту города, куда в ту пору высылались из столицы вообще люди без определённых занятий, бедняки и не имеющие приста-

нища. Эта беднота имела летом работу в коммерческих гаванях Кронштадта, с закрытием же навигации голодала и побиралась. Одно из тягчайших бедствий человеческой жизни – бедность была тут особенно велика. А ведь отчего бы эта бедность ни происходила – она страшна. Страшна и по своей тяготе и потому, что часто для слабых характеров является искушением впасть в порок или встать на путь преступлений. Сердце молодого священника, горевшее евангельской любовью к ближнему, звало его облегчить чужую бедность. И он, встав на эту трудную дорогу, на которой остался до конца жизни, – самоотверженно забыл свои собственные нужды. Он весь отдался бедным, внося в их убогие жилища свой небольшой трудовой заработок. Нередко бывали там семьи настолько нищенские, поражённые болезнями, что некому, да и не на что, пригласить врача и достать необходимое лекарство. О. Иоанн сам приносил хлеб, нянчил больных детей, приглашал на последние свои средства врача, покупал лекарства, одежду и многое другое. Он раздавал все свои небольшие деньги, возвращаясь домой без копейки. Из воспоминаний очевидцев той поры известно, что кронштадтские жители нередко видели своего пастыря возвращающимся... босым. Не один раз прихожане Андреевского Собора приносили матушке сапоги для о. Иоанна. Раздавал о. Иоанн кронштадтским беднякам всё, что имел так, что нередко ставил свою молодую жену в большое затруднение. Понимая, что он не имеет права заставлять свою жену нищенствовать, о. Иоанн распорядился, чтобы жалованье из того учебного заведения, где он преподавал закон Божий, выдавали бы ей. И так текли года. Всякий личный комфорт, удобства жизни, материальное благосостояние были незнакомы о. Иоанну. Трудовая его деятельность расширялась вместе с бежавшей вестью о необыкновенном русском священнике. Кронштадт сделался местом паломничества, но средств, притекавших к о. Иоанну уже тысячами, всё-таки не хва-

тало утолить окружающую и обращающуюся к нему со всех сторон бедность. Сознывая тщетность своих стараний, о. Иоанн не мог не мучиться сердечно. Мысль о помощи не случайными подачками, а иной, постепенно созрела у о. Иоанна. И мы видим, что в 1874 году при Андреевском Кронштадтском Соборе, по мысли о. Иоанна, возникает приходское попечительство, а в 1882 году открывается первый в России Дом Трудолюбия. О. Иоанн достиг заветного желания – давать полную возможность всякой погибающей в праздности и бедности душе человеческой самой с честью и достоинством стать на ноги путём труда. При Доме Трудолюбия мало помалу о. Иоанн создаёт стройную, цельную, материально обеспеченную организацию учреждений, оказывающих самую разнообразную помощь нуждающимся и обездоленным. Всякие мастерские, столовые, училища, библиотеки, школы и многое другое дают ныне приют и работу тысячам бедняков. И вот по России, по благому почину о. Иоанна Кронштадтского, возникают подобные же Дома Трудолюбия, хотя в меньших размерах. Одна эта громадная заслуга покойного должна создать вечную ему память у нас и вызвать желание почтить его подобным же. В течение всей своей многолетней деятельности о. Иоанн принимал живое участие во множестве благотворительных и просветительных учреждений, делал пожертвования, поощряя тем благие начинания. Словом и делом, сердечно и материально отзывался он на каждый призыв к доброду делу. Нет никакой возможности исчислить его денежную помощь даже такого рода. А сколько раздавалось о. Иоанном милостыни тайно! Нам невольно напоминает один подобный характерный случай, личным свидетелем которого мы однажды были. В небольшой комнате собралось несколько приезжих, ожидавших с минуты на минуту о. Иоанна, который должен был прибыть сюда, отслужить молебен и побеседовать. Многие приехали издали с их наболевшими нуждами к «батюшке», с твёрдой уверенностью

на чудодейственную помощь о. Иоанна на краю, быть может, последнего страдания, с надеждами на исцеление телесное и душевное. Молебен окончился, и к батюшке стали подходить жаждущие его благ, слова или совета, стараясь говорить с ним тихо, чтобы не слышали другие.

О. Иоанн с доброй улыбкой спокойно говорил с вопрошающими. Один господин, отличавшийся изысканностью костюма, взволнованный, бледный, ходя около батюшки, что-то говоря ему, всё старался как бы отодвинуть о. Иоанна от всех других к дверям той отдельной комнаты, где этот приезжий ночевал. Они оба очутились несколько в стороне от прочих, и мы вдруг увидели, что этот господин упал на колени перед батюшкой, ухватясь за его рясу, а о. Иоанн нервно и быстро, с строгим лицом, стал выворачивать и опустошать свои карманы, бросая самые разнообразные деньги, пакеты и мелкую монету в руки стоящего перед ним на коленях человека. Из уст батюшки вырывались, видимо, гневные отрывистые слова, обращённые к несчастному. О. Иоанн взволнованно, не обращая внимание на других, едва за ним поспевавших, стремительно вышел из комнаты и, едва накинув верхнюю одежду, не смотря на сильный мороз, быстро уехал. Господин, собрав всё отданное ему, с просветлённым лицом, счастливым, немедленно исчез. Тайна свершившегося на наших глазах осталась навсегда тайной для всех, кроме о. Иоанна и просителя. Кто знает, сколько подобного было в жизни у о. Иоанна! Все делаемые попытки усчитать холодным рассудком цифрами денежную помощь почившего о. Иоанна, дают лишь некоторую долю действительности. Ему вверялись суммы неисчислимы и, принимая одной рукой, он раздавал их тут же другой, направляя всё это на пользу ближних. Да и к чему такой подсчёт, такие соображения? Что они могут сказать нам об о. Иоанне? И как несправедливы те, кто утверждает, что деятельность о. Иоанна была исключительно направлена на г. Кронштадт и на благотворение церквам. Нет, она незри-

мо рассеялась и разошлась не только по необъятному нашему отечеству, но и за пределы его. Эта деятельность почившего батюшки не поддаётся никакому учёту. Это – та любовь, слова утешения, прозорливые советы, горячее участие в горе ближнего, которых просили и получали у о. Иоанна не менее, чем денег. Сколько нищих не материально, а «нищих духом» шло к нему со всех сторон мира!

Шли не одни православные, но лютеране, католики, англикане, евреи, магометане и язычники. Тысячи людей не предпринимали ничего важного, не справившись и не подумав: «А что сказал бы о. Иоанн?» Другие тысячи обращались к нему, как единственному и последнему прибежищу, и слово о. Иоанна было для них законом. Вот эта помощь о. Иоанна, которую он щедро и безотказно раздавал, от Царских палат до убогого угла бедняка, раздавал всем людям без разбора, различия, – делает личность его столь же поразительной и величественной, как умильной и трогательной! Вся трудовая жизнь о. Иоанна не знала отдыха, она вся была отдана другим, и для себя самого у него с каждым годом всё менее и менее оставалось времени. Никто и ничто не могло удержать о. Иоанна, спешившего к страждущим, притом он не стеснялся ни расстоянием, ни погодой, ни путями, пренебрегая своим здоровьем, не обращая внимания на своё недомогание. Рассеивая повсюду любовь и милосердие, он только поздней ночью возвращался домой на краткий отдых, чтобы с рассветом вновь непрестанно трудиться для других. И замечательно то, что, трудясь с раннего утра до поздней ночи, не зная усталости, о. Иоанн всегда трудился бодро и жизнерадостно, никогда не показывая тени уныния, хотя на его долгом трудовом пути было немало препятствий, людской недоброжелательности, клеветы, ропота, злоупотребления его именем, осуждения, неблагодарности даже со стороны им же благодетельствованных! Но он остался неизменен, дойдя до всемирной славы и почёта! Быть может, в горечи служения ближнему он черпал новые, всегда свежие силы – продолжать свою святую работу.

В молодости, отдавшись всецело служению людям, появляясь домой поздно вечером или рано утром, он виделся с домашними по несколько, чуть ли не минут, и в утешение, обращаясь к жене, говорил: «Счастливых семей и без нас довольно, а мы посвятим себя на служение Богу». Позднее, когда его доброжелатели, опасаясь за разрушающееся здоровье батюшки, советовали ему отдохнуть, то он, указывая на землю, отвечал, что отдохнёт там! И ныне он действительно отдыхает вечным покоем от трудов земных! Но к его могиле, как при его жизни, по-прежнему идут тысячи непрерывной чредой и преклоняются перед великим подвигом его жизни. Идут те же бедняки, безработные, больные, жаждущие исцеления телесного и духовного... но батюшка безмолвен! Мы, живые, почитающие славное имя и дела покойного, не должны оставлять без помощи тех, кому о. Иоанн посвятил всю свою жизнь. Будем верить, что он поручает нам этих несчастных, бедных, обездоленных и сирых, голодных и больных! Поможем им по мере сил и разумения! С каждым днём жизнь становится суровее, число бедных неуклонно растёт и растёт! Необходима помощь, нетерпящая отлагательства, и помощь не случайными подачками, а такая, образец которой нам преподал почивший о. Иоанн при жизни. Что не в состоянии сделать человек в отдельности, то вполне возможно, когда люди соединятся в одну стройную организацию, в одно общество. Вот откуда возникло предположение у светских лиц образовать Общество в память отца Иоанна Кронштадтского. Лица, получившие благословение от о. Иоанна при его жизни на добрые начинания, основали упомянутое Общество, утверждённое властями. Членами-учредителями его являются: вдова генерала Анна Николаевна Прокопе, протоиерей Пётр Алексеевич Миртов, священник Иоанн Николаевич Орнатский, жена его Анна Семеновна Орнатская, дворянка Мария Николаевна Беккер, жена купца Евгения Николаевна Корзинина и потомственный

дворянин Константин Семенов-Звягин.

Задачи Общества определяются Уставом, который говорит о них так:

Общество имеет цель оказывать помощь обращающимся за нею: духовную, воспитательную, материальную и денежную.

Для достижения вышеуказанной цели Общество устраивает: бюро по приисканию заработка по всем видам труда для своих членов; временные и постоянные общежития; ясли для детей; школы грамоты и ремёсел; курсы, подготовляющие к держанию экзамена в объёме курса средне-учебных заведений и на классный чин; библиотеки, врачебную помощь, суде-сберегательную кассу, столовые, кулинарные курсы, школы для прислуг и склады платья и белья.

Как видно из приведённого, деятельность Общества намечена чрезвычайно широкая и разнообразная. Небольшая часть её уже осуществлена: есть профессиональные курсы, мастерская для шитья белья и платьев. Но всё это в скромных размерах. Желательно и насущно необходимо идти далее по этому пути, следует открыть общежитие, школу первых 3-х

классов, детский сад, дешёвую столовую и многое другое. На всё это нужны средства и средства.

Чем больше прилив денежной помощи, тем ближе можно осуществить задуманное на пользу тех ближних, для которых трудился покойный о. Иоанн и кто осиротел без него.

Придите же, кто чем может, на помощь этому доброму начинанию, записывайтесь в члены, чтобы приносить пользу и личным хоть небольшим трудом, уделяя немного времени от Вашего досуга. Почитание памяти того, кто творил добро и возлюбил ближнего ближе себя, должно сказываться в старании следовать его высокому примеру.

Как лучи закатившегося солнца продолжают ещё долго греть землю, так пусть память о прекрасном облике почившего о. Иоанна живёт в нас, неустанно побуждая к добру ближнему!

«Отдых христианина»

№12, 1910 г.

Материал предоставлен
Владимиром Петровым, Таллин

Главе Российского Императорского Дома Государыне Великой Княгине Марии Владимировне Ваше Императорское Высочество!

Приношу Вам свои самые искренние и сердечные соболезнования в связи с кончиной Вашей Августейшей Матери – Вдовствующей Государыни Великой Княгини Леониды Георгиевны, надёжной и верной сподвижницы своего Августейшего Супруга, Вашего отца, а после его кончины в 1992 году – опорой и Вашего Императорского Высочества.

Молюсь об упокоении в Обителях Небесных Почившей Государыни, хранительницы устоев Династии, последнего Члена Российского Императорского Дома, родившегося до революции 1917 года.

Да благословит и хранит Вас Господь

С искренним почтением

**Корнилий,
Митрополит Таллинский и вся Эстонии
Председатель Синода ЭПЦ МП
25 мая 2010 года**

С почтением к Игорю Северянину

Таллинские литераторы и поэты по сложившейся традиции ежегодно отмечают памятные даты, связанные с жизнью русского поэта Игоря Северянина, чья творческая биография более двадцати лет была связана с Эстонией. На этот раз литературно-музыкальный вечер был посвящён Северянину и городу Таллину, который готовится стать культурной столицей Европы в 2011 году. Обилие памятников архитектуры и истории, оставленных городу в наследство от минувших веков, придают ему неповторимый облик и во многом объясняют возросший интерес к нему туристов.

Заставкой вечера стали строки из стихотворения Северянина «В Ревель», которое он написал в Петрограде (1918 г.) перед окончательным – так сложилась судьба – его переездом в Эстонию, в живописный посёлок Тойла.

*Упорно грезится мне Ревель
И старый парк Катеринталь.*

Программа вечера была насыщена поэзией и музыкой. Зоя Пекарская прочла выдержки из поэмы об Игоре Северянине и стихи о Таллине. Тему продолжили местные поэты из Объединения русских литераторов, Северянинского общества культуры, Литературного клуба «Гармония» – Жанна Заикина, Людмила Семёнова, Мария Розенблит, Татьяна Таммоя, Яков Бронштейн, Гена-Ратай, Юрий Петухов, Михаил Кикас, Тимофей Синицкий и другие. Певицы вокальной студии «Эхо» Элеонора Черепанова, Эльвира Калицева, Светлана Титова (аккомпаниатор Майя Мойк) исполнили романсы и песни на стихи Северянина и других авторов.

Сюжеты рассказов из уникальной истории столицы Эстонии (Таллин-Ревель, а до того – Леденец, Кольвань) зачитала учительница из Пайде Людмила Пуусепп.

Константин Паустовский в своих путевых заметках «Ветер скорости» писал: «Таллин – город мореплавателей. История многих открытий и морских походов началась здесь, на этих игрушечных улицах, в городе, похожем по вечерам на освещённую изнутри ёлочную игрушку... за высокой площадью – нагромождение башен, шпилей и головокружительная путаница узких улиц – даже не улиц, а переулков... Всё поражало нас здесь. Не только каждый дом, но каждый наличник на окне, железный шестигранный фонарь, каждое крыльцо и каждый фриз над ним».

Поэтесса Анна Ахматова в своих воспоминаниях о Таллине, посетив его в начале пятидесятих годов минувшего века, сообщила своей знакомой: «... здесь, что ни шаг, то древность, да и какая же!»

*Влекут готические зданья,
Их шпиль острые – иглой,
Полуистлевшие преданья,
Останки красоты былой.
И лабиринты узких улиц,
И вид на море из домов,
И вкус холодных, скользких устриц,
И мудрость северных умов.
Это уже Игорь Северянин.*

В литературном наследии русских поэтов и писателей, чьи биографии были связаны с эстонским краем – Карамзин, Бестужев-Марлинский, Кюхельбекер, Языков, Вяземский, Фет, Бунин, Блок, Достоевский и другие, – немало замечательных зарисовок природы и достопримечательностей Эстонии.

Однако в истории русско-эстонских литературных связей тема Эстонии в творчестве Северянина занимает особое место. И его заслуги в этой области неоспоримы. Напомню: с февраля 1918 до 1941 года Северянин постоянно жил в Эстонии, здесь женился на Фелиссе Круут, здесь родился его сын Вахх. В Таллине он выступал на поэзо-вечерах, отмечал творческие юбилеи, печатался, встречался с Буниным – лауреатом Нобелевской премии. Вместе с женой переводил эстонских поэтов и знакомил русских читателей с их творчеством. С 1935 года, уехав из Тойла, чаще всего жил в столице вместе с гражданской женой Верой Коренди. Здесь и умер 20 декабря 1941 года в оккупированном немцами городе на 54-м году жизни. Его прах покоится на Александро-Невском кладбище.

И хотя в биографии поэта город, можно сказать, играл основополагающую роль – родился (1887) и рос в Петербурге, учился в Череповце, короны «короля поэтов» удостоился в Москве, до отъезда в Эстонию концертировал в крупных городах России, – городскую жизнь он не любил. «Город – это шум, суета, погоня за призрачными ценностями, неестественность... и в конечном итоге аморализм, война, насилие», – считал поэт.

*Город душу обрѣк страданью
Город душу мою связал...*

Зато сколько прекрасных строк и в стихах, и в прозе он подарил природе вообще и эстонской в частности.

*В лесу осеннем безлиственном,
Вдыхая прелый аромат,
Я стану вновь поэтом истинным,
Уйдя от городских громад...*

*Мне так неудержимо хочется
К сплошь проозѣренным лесам,
Где станет вновь душа пророчицей
И я собою стану сам.
(Из стихов 1935 года).*

Частью истории культуры Таллина является и могила Игора Северянина на Александро-Невском кладбище, куда приходят поклониться поэту жители Эстонии и туристы. Будет всем известным этот маршрут и в 2011 году, когда Таллин станет культурной столицей Европы.

Вечер, посвященный памяти и творчеству Северянина, прошёл в таллинском кафе «Пушкин» стихи поэта читал артист Русского театра Сергей Черкасов.

В зале Центра русской культуры был аншлаг, куда поздравить коллег пришла председатель Пушкинского общества в Эстонии Валерия Бобылёва. А художник Николай Блесков подарил северянинцам графический портрет поэта. Вечер завершился фильмом о достопримечательностях Таллина.

Организаторы вечера выразили надежду, что встреча станет «запевкой», как говорил Северянин, для изучения богатой истории и архитектуры эстонской столицы.

А в Ласнамяэской школе состоялся конкурс чтецов северянинской поэзии.

2010 год – юбилейный. Как считал сам Северянин, его литературная профессиональная деятельность началась с 1 февраля 1905 года, когда его стихотворение

«Гибель Рюрика» было размещено в солдатском журнале «Досуг и дело».

Нынче мы будем отмечать 105-ю годовщину творчества поэта и 15-летие общественной премии по культуре им. Игоря Северянина (учреждена Русской фракцией Парламента ЭР в 1995 г.), которая вручается людям, внесшим значительный вклад в развитие и популяризацию русской культуры в Эстонии, взаимосвязь русской и эстонской культур.

Валентина Банникова,
председатель Северянинского
общества культуры в Эстонии

Лауреат Северянинской премии (2009) – писатель Лев Веселов

На очередном весеннем Русском балу в университетском Тарту были вручены Русская премия по культуре имени Игоря Северянина, диплом и специальные дипломы этой престижной общественной премии избранным номинантам.

Лауреатом премии за 2009 год, по решению Совета по присуждению премии, стал представитель пишущей творческой интеллигенции, член Объединения русских литераторов Эстонии **Лев Михайлович Веселов**, автор автобиографической трилогии

«Своим курсом», «От матроса до капитана», «Капитанские тетради» и художественной прозы (малая форма). Свыше тридцати лет Лев Михайлович трудился капитаном на судах дальнего плавания и вся его жизнь была связана с морем. Эстония – морская страна и имеет славную историю мореходства. Множество моряков, живущих в Эстонии, связаны между собой узами большого морского прошлого. Эта грань жизни Эстонии важна и содержит много ярких страниц.

Северянинская премия была создана в 1995 году и с тех пор неоднократно вручалась тем деятелям, которые внесли заметный вклад в сохранение и развитие русской культуры Эстонии и в развитие связей между русской и эстонской культурами.

Русская писательская организация Эстонии и журнал «Балтика» поздравляют Льва Михайловича Веселова с наградой.



Юбилейные даты: таллинскому певцу Сергею Мазину – 60!

В этом году Сергей Мазин отметил две даты: 40 лет творческой деятельности и свой юбилей.

Впервые зрители услышали этого певца в телевизионном конкурсе «Kaks takti ette» («Два такта вперёд»), где Сергей пел с такими известными исполнителями как Яак Юриссон, Сильвия Врайт, Неэме Конса. Его конкурсная песня «Свадьба» Арно Бабаджаняна была визитной карточкой для широкой аудитории.

В юности Сергей сильно смахивал на Муслима Магомаева, переняв даже его манеру исполнения, но затем понял, что нужно искать свой путь.

Как-то на эстонском радио, в начале 2000 года, певец Тармо Пихлап, увидев Сергея, заулыбался: «Ну, привет, Магомайчик!» И заметив, что Сергей немного обиделся, добавил: «Это я в качестве комплимента».

Ещё будучи учащимся эстрадной студии при Эстонской государственной филармонии, Сергей Мазин был приглашён Кальмаром Тенносааром, главным музыкальным редактором Эстонского телевидения, принять участие во Всесоюзном фестивале Центрального телевидения «Товарищ песня». В исполнении певца прозвучали «Мелодия» А.Пахмутовой (на ту фонограмму, которую в свою очередь пел Георг Отс - *прим. автора*), и «Как прекрасен этот мир» Д.Тухманова. Певца заметили. Последовало приглашение в программу «Шире круг», «Музыкальный калейдоскоп».

Знакомство с поэтессой Ларисой Рубальской и с композиторами Сергеем Берёзиным и Юрием Антоновым помогло Мазину найти свою музыкально-вокальную выразительность, основанную на вдумчивом анализе исполняемых произведений.

В 2004 году уже узнаваемый многими голос Сергея Мазина зазвучал на эстонской радиостанции «Эльмар».

Событием в музыкальной жизни Таллина стали создание Мазиным ансамбля «Анонс», в котором на клавишах играл Игорь Цыганов (сегодня известный музыкант и композитор Ивар Муст), написавший песню – победительницу Евровидения 2001 года, а также – три диска на эстонском языке («Ema sõna», «Onnelind», «Песни Ф.Киркорова») и два диска на русском языке («Без тебя», «Вечная любовь»).

Знакомство со Львом Лещенко, Евгением Мартыновым, с поэтом-песенником М.Рябининым, Юрием Саульским, Алексеем Мажуковым, Вячеславом Добрыниным... и участие в программах «Утренняя почта» и «Споёмте, друзья» - были следующими значительными этапами в творческой биографии певца.

«Когда удаётся певцу ревниво следящую за ним аудиторию захватить и исторгнуть у неё вздох удивления – вот это значит... что искусство дошло до человеческой души. Наоборот, если зритель замечает все сложности, которые преодолевает исполнитель, - иллюзия исчезает, увлечение не приходит. Чем более зрелым становится артист, тем больше познаёт, как далеко от совершенства, тем сильнее стремится к нему, тем больше работает», - писал Н.Собинов об искусстве пения.

Сергей Мазин – это тот певец, который может захватить слушателей и удивить, может заставить нас затаить дыхание. И главное – он постоянно работает над собой. Он постоянно в творческих поисках. Его интерпретации – это абсолютно новое исполнительское чувство произведения и именно поэтому так запоминаются его музыкальные образы.

Поздравляем юбиляра! Творческих успехов и вдохновения!

Ольга МАЙЕР (Таллин, Эстония)

Альберту Лиханову – 75!

Известному российскому писателю и общественному деятелю Альберту Анатольевичу Лиханову 13 сентября 2010 года исполнилось 75 лет.

У Альберта Анатольевича множество наград и титулов, должностей и обязанностей, он – лауреат Государственной премии России, Большой литературной премии России, Международной премии имени Януша Корчака, других международных и отечественных литературных наград. Академик Российской академии образования, почётный доктор Японского университета Сока и ряда российских университетов и институтов. Писатель создал и возглавляет Российский детский фонд и Международную ассоциацию детских фондов, которые помогают обездоленным детям.

О новом романе Альберта Лиханова «Слётки». Что взято под прицел?



Продолжая традиции писателей-педагогов, таких как Антон Макаренко и Януш Корчак, Альберт Лиханов, известный писатель и руководитель Российского детского фонда, посвятивший свою жизнь и творчество детям – сиротам, со страниц своих книг призывает защищать хрупкий мир ребёнка. И нет, пожалуй, более «взрослой» темы, чем тема детства. Не случайно к ней обращались писатели прошлого и наши современники. Будь то Достоевский и Чехов или Валентин Распутин и Альберт Лиханов.

«Духовным исканиям новых поколений России, поиску смысла жизни и её потерям» посвящён новый роман Лиханова «Слётки».

Для понимания любого художественного произведения важно уяснить смысл его названия. Заглавие романа «Слётки» не содержит прямого объяснения (произведение, конечно же, не об орнитологии). Перед нами стоит задача, которую необходимо решить, то есть приобщиться к тем идеям, которые Альберт Лиханов воплотил в художественные образы.

На обложке книги – два брата, Борис и Глеб, за спинами которых, на фоне мишени, художник Ю.Иванов поместил иконописные фигуры страстотерпцев XI века, убиенных братом – Святополком окаянном. Мгновенно прослеживается связь образов – жди беды. Но от кого? Так как в романе нет третьего брата, то, видимо, придётся ждать беды от человека, пользующегося доверием, сумевшего стать «родным»?!

Мой взгляд прикован к красной мишени... Что взято под прицел : Православие? Русская душа? Дети?

Русский человек всегда был загадкой для иноверцев. Не понять нас, славян, сразу. Но почему-то вспоминаются слова Достоевского: «**Быть русским – значит быть православным**». Православие – спасение! Православие – душа русской нации. Отними у нас душу – погибнем.

Действие романа разворачивается в захолустном, грязном, убогом городке, проглотившем бывшую деревеньку с одноэтажным деревянным домиком, где живут Горевы: мать, бабушка и два брата – Борис и Глеб. Отца нет. О нём даже и не упоминается, как будто и не было вовсе. Безотцовщина.

В метриках Бориса и Глеба вместо имени отца вписано имя их деда, но братство детей, рождённых от разных отцов, скреплено любовью матери. Многие деревенские женщины, одни, без мужиков, взвалив на себя все тяготы жизни, сами растят детей-

слёток и ставят их на крыло. «Слёток, слёточек и слётыш – молодая птица, уже слетевшая с гнезда...», – даёт Лиханов выписку из словаря Даля, связывая неокрепших слёток, которые то ли взлетят, то ли погибнут, с образами братьев Горевых – молодым поколением России.

С первых же страниц мы попадаем в почти некрасовскую, умирающую русскую деревню, жизнь которой замешана на тоске и пьянстве. Обыкновенная человеческая злоба, рождающаяся из ниоткуда, выливается в жестокие драки, где слёзы людские, перемешанные с кровью, не останавливают от нарастающих ударов кулаков и не вызывают жалости.

А пока мужики спиваются, а женщины, надрываясь, зарабатывают деньги на худое житьё-бытьё, их дети, брошенные, предоставленные самим себе, «сбиваются в стаи и становятся опасны, как свора бездомных собак». Что же происходит? Почему деревня, испокон веку считавшаяся на Руси одной большой семьёй, где у жителей часто и фамилия-то одна на всех, медленно, но верно, умирает? Кто виноват в этой трагедии? Мы же понимаем, что если умирает русская деревня – умирает русская самобытность. Ведь именно деревню с её укладом жизни, сложившимся веками, с её приверженностью традиционным ценностям и гармоничным существованием с природой, принято считать колыбелью русской цивилизации, её матрицей.

Город «наполз на деревню, затоптал её, затопил пятиэтажными серо-блочными хрущовками, матом, пьянью, пустыми банками да бутылками», оглушил грохотом байкеров, испоганил Слостёну-речку масляными пятнами, научил есть «ненашенскую снесь» и пить молоко из растворённого заокеанского молочного порошка.

Умирающая русская деревня – боль, о которой не хочет и не может молчать русский писатель Лиханов. Об этой боли – рассказы Василия Шукшина и Виктора Астафьева. Об этой боли – «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина. Болит душа о том, откуда и как появляется безразличие человека к земле, на которой он родился и с которой сроднился. Почему люди предают духовное родство и духовную память? Где же он – крепкий хозяин земли русской? Куда подевался? И пока мы задаёмся этими вопросами и беспомощно оглядываемся вокруг, вдруг, как наваждение, перед читателем в образе заместителя начальника санатория по хозяйственной части появляется «новый хозяин русской земли» – Махмут Хаджанов.

«Непьющий, переполненный делами, доброжелательный ко всем» майор Хаджанов не воспринимается обрусевшим инородцем, его хочется назвать «своим». Он даже собственное имя «перевёл» на русский язык, чтобы легче было общаться с ним. Из Махмута Гареевича он превратился в постоянно улыбающегося Михаила Гордеевича (метаморфоза превращения). Но что прячется за его белозубой улыбкой? А речь какая! «Ведь не русский человек, а говорит лучше и красивее, чем другой русский». А язык – это код нации! Знать язык – подобрать код. Ищу подвоха в информации, так как после всех драматических диалогов русских с нерусскими в свете многих исторических событий, славяне с опаской относятся к улыбкам обрусевших инородцев, владеющих русским языком.

Удивительное дело, но именно этот пришлый человек, с совершенно чуждыми для славян правилами житья, активно занялся преобразованием в захудалом санатории: достал деньги, организовал ремонт, купил новое медицинское оборудование, открыл юношескую спортивную школу со специализацией по стрельбе. Всё бы, казалось, хорошо, всё правильно, но почему-то неуютно стало от мысли, что опять хозяин «не русский», хотя мы знаем, что в русской истории есть много людей с неславянскими корнями, которые славно послужили русскому отечеству: Годунов (Годуновы произошли от татарского князя Чета), граф Шафиров (польский еврей, дипломат, состоял на службе у Петра Первого), Екатерина Великая (немка, София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская), Барклай-де-Толли (прибалтиец с шотланд-

скими корнями, военный министр России, герой 1812 года), Багратион (грузин, русский полководец, герой 1812 года)...

С этими историческими лицами всё понятно – служили на благо и во имя русского народа. А майор Хаджанов – то здесь зачем? Новый порядок обустроить или помочь русским вернуть утраченные ценности? «У вас (у русских) с народом что-то происходит. Забываете всё. А забывать нельзя. Ни мать, ни отца, ни брата, ни сестру. У нас, у горцев, это священный закон. Почему же русские его забыли?» – говорит Хаджанов. И мы понимаем, что он прав! И обидно становится оттого, что говорит эти слова не русский человек, а иноземец, чтящий традиции предков своих и знающий, что есть кровное братство, о котором мы начали забывать.

За короткий период времени Хаджанов становится Борису и Глебу «почти как отцом», духовным наставником, который терпеливо помогает братьям-славянам разобраться во многих «священных законах». Всё, вроде бы, хорошо, но почему-то растёт напряжение в романе.

Стоп. Возвращаюсь в санаторий, где произошла встреча братьев Горевых с майором Хаджановым, который куда-то бежал, очень торопился, а «ребят увидел и будто споткнулся. Каким-то Макаром сразу разглядел, что им неймётся, чего-то не достаёт». Споткнулся! Именно споткнулся! А увидав детскую доверительную беззащитность и почувствовав безотцовщину – остановился. Ох уж эта безотцовщина! Нет отца – беда! «Слишком слаба душа, почти невесом опыт, малы силы и ничтожны знания, чтобы собрать в кулак все свои возможности и беду одолеть». Отец – самый большой друг для сыновей: и по плечу взросло похлопает без скидок на возраст, и мужской совет даст «без пузырярей», и молоток научит в руках держать, и рыбу удить, и соловья тихо слушать...

О соловье – разговор особый.

Ребята, восхищённые пением соловья, решили изловить птицу, дабы рассмотреть её поближе и отпустить. Хаджанов, в юности увлекавшийся соловьиной охотой, предложил смастерить зеркально-стеклянную ловушку. Из рассказа майора узнаём, что не так пение соловья ему нравилось («голова трещит от их звона»), как нравилось, обманув предельную осторожность умной птички, поймать невидимого певца. И никак не могут понять Борис и Глеб истинности Хаджанова: с одной стороны – майор объясняет, что «вообще это грех – соловья ловить», а с другой – тут же добавляет цинично: «Мы же не короли, чтобы их жрать».

Поймали соловья! Перехитрили! Но соловушка погиб. И над зеркально-стеклянной западнёй с мёртвой птичкой в кровавых отметах (билась об стекло!) долго будет потом реветь в голос Глебка, неистово качаясь из стороны в сторону, а Борис, утирая слёзы кулаком, будет винить себя за глупость, за нелепую настойчивость. Эх, славянские души...

Ловушка для соловья стала своеобразной ловушкой для братьев Горевых? Попались? И больше не хочется верить белозубой улыбке Махмута Гареевича – Михаила Гордеевича, учившего ребят улыбаться всем подряд, объясняя, что улыбка усыпляет бдительность врагов? А враги-то кто? Кого считает врагом Хаджанов? А сам-то Хаджанов кто? Не засланный ли? Вопрос пугает. Перед глазами сразу же замелькали телерепортажи из «горячих точек»: взрывы, заказные убийства...

Доказательств в романе нет, что Хаджанов из тех, кто «свой среди чужих», а подозрений много: то вспоминается ночной визит Хаджанова, постучавшегося в окно к Горевым («никто и никогда им в окно не стучал... В окно могли стучать только чужие») с просьбой разместить на ночлег десять незнакомых мужчин, бесследно исчезнувших с наступлением утра, то настораживают нас пачки долларовых купюр, которые Хаджанов отдаёт Глебке со словами «мне приказали!», то удивляет, что бывший десантник Хаджанов, будучи участником военных действий в Чечне и

комиссованный по ранению, не отмечает День десантника – святой праздник для «синих беретов». И появляется страх за детей-слётков, бессильных, беззащитных против обаяния Махмута Гареевича, приручающего русских парнишек подарками и обучающего их стрелковому делу. Борис аж чемпионом области по стрельбе из оптического ружья стал. Только вопрос: кто может оказаться под его точным снайперским прицелом? А, может быть, у страха глаза велики? Может быть... Но недоверие к майору не исчезает, а усиливается.

Что же так напрягает в образе Хаджанова? Стоп. Может быть, это: «майор не только оказался первым (из горцев) в этом хиреющем городке, но и устраивал на постоянное жительство всё новые группы приезжающих», которые, скупая дома и домишки и расширяя свои владения, скоро «при полном непротивлении местного люда захватили рынок в прямом и переносном смысле слова» Что это? Бескровное завоевание земли русской? Так ведь русские сами же отдали! Сказано же в романе – «без сопротивления!» А я бы заметила: не отдали, а поделились землёй, так как знают, что майор сам бежал из своих мест от кровной мести и родных сюда привёз – спасает. А это так близко душе русской – спасать, сострадать, жалеть, делиться хлебом и кровом.

Русская нация – это нация доноров. Без всякого различия цвета кожи и вероисповедания русские, не задумываясь, отдадут кровь свою, дабы спасти жизнь человеческую.

И всё кажется понятно: пожалели пришлых, приняли, но есть волнение – не получится ли так, как в русской сказке: пустил Зайчик Лису переночевать, а она и вовсе доброго хозяина выгнала из избы.

Не потому ли, в ответ на «вытеснение» славян с их исконной территории, в романе появляются скинхеды, с их искажённым пониманием русского патриотизма? Теперь уже страшно другое: пятнадцать несовершеннолетних бритоголовых парней избивают двух «черномазых». И эту нечеловеческую жестокость, которую нельзя оправдать, скинхеды называют «социальным протестом против засилия инородцев», протестом против того, что «черномазые» разделили русскую землю на конкретные территории – «наша» и «ваша».

Православный философ Иван Ильин, провозгласивший идею русского духовного патриотизма, писал: «Родина есть дух народа во всех его проявлениях и созданиях; национальность обозначает основное своеобразие этого духа. Нация есть духовно своеобразный народ; патриотизм есть любовь к нему, к духу, его созданиям и к земным условиям его жизни и цветения».

Объяснить бы «парням в чёрном», что русский патриотизм и национализм «есть любовь к духу своего народа и притом именно к его духовному своеобразию». А любовь, как сказано в Священном Писании, не мыслит зла! Но... кто это объяснит подросткам?!

Лиханов, пытаясь проследить причинно-следственную связь неприятия иммигрантов, хочет, чтобы читатели сами ответили на вопрос: почему же «у русских всегда нерусский виноват».

Миру людей, выцветшему от злобы и пьянства, Лиханов противопоставляет мир природы, «демонстрируя её силу и радость жизни», укоряя людей в том, что их брошенные, неприкаянные дети оказались беззащитными на земле.

Тенистый парк с размашистыми липами и грачиными гнёздами стал для братьев Горевых миром «страстей, трагедий, но и первых радостей». Помогая грачам-родителям оберегать «малое беззащитное птичье детство», отгоняя от слёток «собачье-кошачьи опричнины», Борис понял, что птенец не погибнет, если у него будет надёжная спина, за которой он может спрятаться до той поры, пока, «яростно захопав

короткими крылышками», сам не взлетит на спасительную ветку. Может быть, именно желание «защищать» и легло в основу судьбоносных решений, принятых Борисом: сначала брата Глебку собой оберегал, а потом – в десантное училище пошёл, чтобы защитником Отечества стать. Но почему же так случилось, что, оберегая и защищая других, сам Борис оказался слабым, оказался не готовым к нравственным испытаниям?

В конце романа мы узнаём, что Борис пережил чеченский плен, бежал, показав себя героем, и появился в родных местах с долларами. На все расспросы отвечал кратко, а рассуждая о возможности служить в Иностранном легионе, прятал глаза от матери. И понимал Глеб, связанный с братом невидимой нитью кровного родства, что не договаривает о чём-то Борис, что стряслась какая-то беда, о которой он не знает, но чувствует. «Когда луковицу чистят, шелуху с неё слой за слоем снимают. И немало этой шелухи снять надо, много слёз пролить, пока луковица, будто истина, перед тобой явится – голая, жёлтая или розовая, это уж от сорта зависит», – размышляет писатель Лиханов о той полуправде Бориса, с которой ещё много шелухи не снято.

А молчал Борис о том, не имея мужества признаться, что он уже не Борис, а – Муслим.

По-моему, смена религии стала апогеем в романе, самой трагичной её страницей. Лиханову хочется вместе с Глебкой разобраться и понять, что же происходит в душе православного человека, перешедшего в Ислам? В чём причина такого решения? Попытки? Страх перед угрозой смерти?

И вспоминаются мне слова Господа, обращённые к ученикам: «Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Можете ли вы разделить со Мною муку и боль Креста?» Не трудно оставаться верным Христу, когда ни боль, ни страх не терзают тело и душу. «Куда как труднее сохранить верность Богу в смертной безнадёжности».

Страх смерти естественен для каждого из нас. Бесстрашие – это вовсе не оголтелое безумство. Бесстрашие – это преодоление страха, когда надеяться не на кого, но есть в душе Бог!

Выжить любой ценой? А не страшна ли плата – отказ от веры матери своей?!

Выбор религии изначально происходит в силу национальных и семейных традиций. Вера – одна! Бог – один! Но если смена религии не осуждается Небесами, то она осуждается народом, которому ты принадлежишь. Народ отступников не прощает!

И узнав обо всём, что произошло с Борисом, растерялся перед жизнью Глебка. Он так и не смог понять, что же трагичнее – похоронить брата-героя или узнать о его предательстве?

И безысходностью полны слова матери, постаревшей и почерневшей от горя, а не от дыма ночного пожара, в котором бесследно исчезают сын Борис-Муслим с его любимой женщиной – Мариной: «Неужто и впрямь вы, сыночки мои, страсто-терпцы не только по именам вашим? Неужели я родила вас на беду вашу?» Как же жить дальше?! А что будет с Глебкой? Погибнет слёток?

Но Лиханов оставляет нам надежду.

Да, Глебка, потерявший веру в любимого брата, чувствующий себя «на дне чёрного колодца», многое ещё должен переосмыслить: и таинственные телефонные звонки Бориса, не погибшего в пожарище, а бежавшего от чьей-то мести, и появление Марины с ребёнком – «с белым свёртком в руках». Но Горев-младший, без сожаления бросивший в реку снайперскую винтовку брата, уже понял главное – он никогда не сможет взять под прицел человеческую жизнь! Никогда не предаст православной веры своей! И верю – не погибнет Глебка!

«Если бы, если бы, если бы...» Так заканчивает свой роман Альберт Лиханов, и мы понимаем, что наши дети-слётки только в том случае не погибнут и поднимутся на крыло, если мы уберём их от всякой нечисти, если станем для них надёжной спиной. Убережь бы...

Николай ПЕРЕЯСЛОВ (Москва)

секретарь Правления Союза писателей России

ПОЭЗИЯ – ЭТО КОД ДУШИ НАРОДА

*Размышления над книгой поэзии Анатолия Аврутина «Август в декабре»
(Санкт-Петербург: НПП «Родные просторы», 2009).*

Поэзия сегодня оттеснена на самые задворки культурной жизни – причём не только в прагматичных Европе и Америке, но и в литературоцентричной ещё недавно России (вспомним-ка «книжный бум» 1980-х и километровые очереди за билетами на поэтические вечера в Лужниках и Политехническом!), а также в странах – республиках вчерашнего СССР. Её место беззастенчиво заняли всевозможные «попса» и порнуха, нагло воцарившиеся на телеэкранах, сценах театров и журнально-книжных страницах – в святая святых духовной жизни советского (да и просто – всякого *нормального*) человека.

Как ни горько осознавать, но у подавляющего числа жителей России и нынешних суверенных государств появились абсолютно другие – весьма далёкие от духовности и культуры – жизненные ценности и приоритеты. «Ни Достоевский, ни Пушкин, ни Гоголь ещё ни разу не помогли кому-нибудь стать богатыми, поэтому моим детям читать их книги незачем!» – безапелляционно заявляют многие из сегодняшних «новых русских», считая вершиной своего жизненного успеха красно-кирпичный особняк на Рублёвском шоссе да сверкающий под его окнами шестисотый «Мерседес». И совершенно не замечая того, как скоропостижно скукоживается и становится чужим (а то и откровенно враждебным) окружающее их жизненное пространство, в пределах которого как раз и предстоит создать свои судьбы их детям.

Что же ожидает их и всё остальное человечество в будущем? Куда летят наш мир, Россия и вчерашние братские республики? Какие изменения происходят в современном обществе, какие тенденции дают о себе знать сегодня и чем они обернутся для всех в завтрашнем дне?..

Быстрее любых аналитиков на эти и многие другие актуальные вопросы современности реагируют поэты. И это не удивительно, поскольку поэзия всегда очень чутко относилась к малейшим изменениям общественной жизни, а иногда и предвидела их заранее, предупреждая читателей об их приближении. И уж тем более она не может не откликаться на то, что происходит в настоящее время, прямо на её глазах ломая многолетние традиции и разрушая привычные жизненные устои.

Слово – во много раз сильнее всех других категорий воплощает в себе характеристики нашего стремительно изменяющегося времени, и новая книга стихов белорусского (я бы сделал акцент именно на второй половине этого слова) поэта Анатолия Аврутина «Август в декабре» (С.-Пб: «Родные просторы», 2009) как раз и представляет собой ярчайшее свидетельство того, как наша, расползающаяся по всем швам действительность отражается в поэтическом слове. «*Всё ничейно... Поля? Вот те на... / А по-русски выходит «поляна». / И высокое слово «страна» / на две трети читается «рана»,* – пишет он в одном из открывающих книгу стихотворений, показывая с помощью своеобразной филологической игры, насколько глубоко укоренены в сердцевине, казалось бы, давно знакомых и привычных нам слов основополагающие жизненные смыслы. – *Сколько взгляд ни мечи из-под век – / лишь устанут набрякшие веки, / а тут всё не поймёшь – «человек»: / о челе или, может, о веке? // Так вот, мучась, уйдём навсегда / в мир, где больше ни боли, ни бредя, / помня – русское слово «беда» – / всё ж две трети от слова «победа».*

Словесный материал для настоящего поэта – это не просто строительная глина, из которой лепятся строки и образы создаваемого стихотворения, но поистине – код к сущности происходящих со страной и всеми нами явлений. История народа со всеми её великими свершениями и трагическими перегибами ни в чём не отражается так отчётливо и рельефно, как в литературе и культуре, оставаясь вплавленной, точно доисторические жуки в янтаре, в строфах лучших стихов и куплетов песен. Благодаря этому, для воссоздания атмосферы былых времён не обязательно приводить объёмные описания того, что происходило с нашими народами в далёком или недавнем прошлом, достаточно привести всего лишь одну строку из песни – и вместе с ней перед глазами читателя встанет и сама отшумевшая эпоха: *«Гудок. Погода ржавая. / Темно совсем. / «Не спи, вставай, кудрявая...» / Динамик. Семь. // Глазунья. Сени тёмные. / Сальца не трожь. / «Вставай, страна огромная...» / И ты встаёшь. // В любую непогодину – / вперёд, за дверь. / «Была бы только Родина...» / А что теперь? // Былая жизнь с невзгодами / в смурной дали. / «Ходили мы походами...» – / к чему пришли? // И помыслы греховные, / и в душах тлен. / «Среди долины ровныя...» – / не встать с колен».*

Всякий раз, когда по телевизору показывают встречи с первыми лицами наших государств, проходящие в их рабочих кабинетах или загородных резиденциях, я с трепетом и надеждой всматриваюсь в книжные шкафы за их спинами – не мелькнёт ли там знакомый корешок с именем Пушкина, Блока, Маяковского или Есенина? Не увижу ли я на столе толстый литературный журнал или тоненький сборник стихов современного автора?.. Но сегодняшние руководители наших государств читают, похоже, только тома собственных указов да постановления Государственной Думы, а откровения поэтов былых эпох и их сегодняшних современников остаются, как правило, вне поля их видимости. А ведь именно стихи и заключённая в них метафорическая образность (а вовсе не сухие формулировки проектов резолюций и других рабочих документов!) передают душу народа, ради которого-то, по идее, и трудятся на своих постах руководители наших государств. Поэзия была и остаётся главной хранительницей и охранительницей духовно-философских, идейно-эстетических и нравственно-психологических ценностей нации. Откуда, как не из стихов, можно узнать о том, что делает нас людьми, ради чего мы живём на свете и что унесём с собой в тайниках своей памяти в те вечные дали, откуда уже не будет возврата? *«Свет вечерний, тихий свет вечерний, / звёздный пруд, как золото на черни. // На воде, к волне склонившись косо, / чёрный лебедь – чёрный знак вопроса. // А волна ласкает взгляд, ласкает, / никуда тебя не отпускает. // <... > // Жизнь идёт... Вторая половина. / Я уже привязан пуповиной / к уголку, что истины безмерней, / где струится тихий свет вечерний».*

Поэтической манере Анатолия Аврутина присуще удивительно редкое сочетание таких не очень-то вроде бы и сочетаемых качеств как болевая, предельно откровенная исповедабельность интонации, повышенное внимание к внутреннему звучанию слова, какая-то просто-таки органическая неспособность говорить ни о чём, переливая из пустого в порожнее, а также свойственный, в основном, молодым поэтам интерес к формотворческим поискам. Любители поэтического эксперимента найдут у него стихи, которым мог бы позавидовать даже великий будетлянин и Председатель Земного Шара Велимир Хлебников, например, такие: *«Прозрачный призрак принёс прозренья, / под простынёю письмо пронёс. / Падёт позорное подозренья – / письмо положено под поднос. // Придёт прислуга, поднос подхватит, / письмо помятое подберёт. / Пока парчою пылает платье, / поручик пылкий портвейны пьёт. // Потом прошепчет: «Прости...» Подхвачен / порыв прощальный: «Придёшь? Приди!» / Пускай простушка пока поплачет, / пустоголовость, пардон, претит. // Прощанья – после, погони – после, / под пулей – после – прервётся путь. / Привет последний придёт*

по почте... / Портые! Портвейну пора плеснуть... » Virtuозности и изяществу, с каким написано это озорное стихотворение, могли бы позавидовать одновременно и представители куртуазного маньеризма, и последователи авангардизма, но в творчестве Анатолия Аврутина подобные шалости занимают всё же далеко не основное место. Отдавая дань формотворческой стороне дела, великолепно владея всем арсеналом классических и современных поэтических средств, главное внимание он всё-таки уделяет не внешнему оформлению своих стихотворений, а их внутреннему наполнению, причём, опять-таки, довольно часто ставя на первое место не лежащие на поверхности мысли, а глубинные, проступающие, словно очертания сада сквозь утренний туман, ощущения и чувства.

Аврутин – не из тех поэтов, которые не помнят своего поэтического родства, отнекиваясь от всякой, даже видимой невооружённым взглядом, связи со своими литературными предтечами; он не только не чурается тех, кому обязан своим творческим становлением, но ещё и сам подсказывает читателю их имена. В его стихах неоднократно возникают тени Блока, Тютчева, Мандельштама, Пастернака, Гумилёва и других классиков отечественной поэзии вплоть до недавно покинувшего нас Юрия Кузнецова («Только грохни ведром – отзовется тоска мировая, / только стукни калиткой – земля затрясётся околь... »).

Образный ряд поэтики Анатолия Аврутина заслуживает особого разговора, его метафоры, эпитеты и остальной арсенал поэтических средств отличается ярко выраженной индивидуальностью, которую может обеспечить только врождённая острота поэтического зрения да удивительно тонкое чувство слова. «А голос взметался и плакал, / цеплялась за берег река, / и ржавого цвета собака / клыками рвала облака»; «Тускло сморщилось туберкулёзное небо, / посерели ограды. И вздох посерел»; «Ветрено. Сосны в ознобе, / шастают низко стрижи. / Руки в царатинах. Обе – / цвета неубранной ржи»; «Опять этот взгляд завидующий, / похожий на чёрный стилет»; «Расхристан вечер, сумрак виноват, / что мысленно всё прожито стократ, / и на закат так остро повернуло»; «Уезжаем. Селезень картавий / всколыхнёт остылую волну»; «И ты, опять запутывая роли, / с душою, как расстроенный бемоль, / любви не сможешь отличить от боли, – / и там – болит, и это – только боль»; «День отнудил. Звезды не видно. / Светильники едва чадят. / И морось горклая ехидно / шершавит улочку и взгляд», – думаю, что именно вот это «горклая», а не «горькая», как, скорее всего, написали бы 99 авторов из 100, и отличает стихи Аврутина от продукции огромной армии его формальных собратьев по перу, давая право носить высокое звание поэта. Последнее время мы как-то стали не то стесняться, не то бояться честно говорить о том, кто находится перед нами – мастер или подмастерье, профессионал или дилетант, поэт или графоман, как бы априори ставя каждого пишущего в столбик в один ряд с Пушкиным, Есениным или Рубцовым. А это ведь далеко не так, и едва ли не большинство из тех, кто причисляет себя к наследникам вещего Бояна, заслуживают в лучшем случае быть отнесёнными к категории рифмоплётов-любителей. А довольно-таки обширная группа сочинителей стихов не заслуживает и этого звания, ибо сколько ни перечитывай их книги и журнальные подборки, а в душе и в памяти не остаётся ни одного запоминающегося образа, ни одного яркого эпитета; ни одно незаёмное слово не царапнёт по сердцу своей самородной неповторимостью, не говоря уже о всколыхнувших бы чувства мыслях, несущих в себе дыхание откровения или истины.

В творчестве же Анатолия Аврутина всё это присутствует в самой полной мере, хотя образность его стихов основывается совсем не на тех формально-эпатажных приёмах, что использовали, скажем, Андрей Вознесенский, Виктор Соснора, Алексей Парщиков, Дмитрий Пригов, Александр Ерёменко, Владимир Друк и другие поэты авангардистской, метаметафористской или постмодернистской школы (хотя выше мы

видели, что формальная сторона поэтического дела для него трудностей не представляет). Открываемые Аврутиным истины кажутся такими простыми и наивными, как гладившая нас когда-то по голове тёплая бабушкина ладонь или запах горячего хлеба в деревенской избе, но потому-то, наверное, сердце так безошибочно и узнаёт в них что-то родное и нефальшивое, на что оно просто не может не откликаться:

Вдруг поймёшь, что не близко, не рядом
 То, что близким казалось всегда:
 То окно с зарешённым взглядом
 И гусиная кожа пруда.
 Было... Слыло... Захлопнута дверца...
 Средь безумного бега минут,
 Будто в храме стоишь иноверцем,
 А креститься – персты не идут.
 Встрепенёшься... Раскроются очи.
 С косогора сбежишь налегке.
 И вдруг станешь ещё одиноче
 От того, что гульба вдалеке...

Объяснить, в чём отличие настоящей поэзии от поэзии с приставкой «псевдо», очень непросто, но не почувствовать эту щемящую настоящесть невозможно – даже если ты не специалист, не литературный критик и не филолог, она всё равно даст о себе знать, сжав сердце горячей пятернёй внезапно пробуждённых её строчками чувств и воспоминаний.

Для многих поэзия сегодня стала этакой забавой, вроде экскурсионной турпоездки или нахрапистого шоп-тура, единственный итог которого – нахапать побольше кричащих, но дешёвых впечатлений. Но только – не для Анатолия Аврутина, который даже самой своей фамилией, имеющей метафизическое свойство к палиндромическому (то есть читающемуся в обе стороны) прочтению категорически протестует против этого, заявляя: «*Ни тур вам – Аврутин!*» То есть – ни экскурсионно-туристический тур, ни спекулянтский шоп-тур, ни флиртовый тур вальса, ни даже ломящийся сквозь валежник дней и обстоятельств неукротимый и воинственный буй-тур...

Аврутин – он другой, он до краёв наполнен болью за ту жизнь, которая его сегодня окружает, за ту, которая неотвратимее, чем кусок сахара-рафинада в стакане горячего чая, растворяется в забываемом прошлом, а также за ту, которая, точно выбредший из недр Беловежской пуши на дорогу красавец-зубр, смутно виднеется в клочковатом тумане приближающегося к нам будущего.

... Не всё из сегодняшней реальности сохранится в памяти наших потомков, многое безвозвратно канет в Лету, как уже канули туда целые эпохи и цивилизации. А вот многие из стихов, я думаю, сохранятся. И в этой уверенности мною руководит не слепая бравада, а реальный исторический опыт, донёсший до нас сквозь бесписьменные пустыни тысячелетий такие памятники древней литературы как гомеровы «Илиада» и «Одиссея», древнерусские духовные стихи типа «Голубиной песни» или обрывки «Велесовой книги». Потому что эти произведения были упрятаны в самое надёжное из всех существующих на свете книгохранилищ – народную память. Она берегла и хранила их от забвения, а они охраняли народ от исторического и культурного беспамятства. Потому что именно в поэзии заключается код народной ментальности, который отличает его от других народов. И, прочитав сегодня или сто лет спустя стихи Анатолия Аврутина, их ни за что не спутаешь со стихами другого поэта, написанными в координатах какого-то иного пространства и времени.

Ведь в них, точно в молекулах ДНК, запечатлена неповторимая индивидуальность души поэта и всего его народа. А значит, пока в мире сохраняются стихи и поэты, народ не растворится ни в каких общечеловеческих ценностях, и белорус будет всегда белорусом, русский – русским, украинец – украинцем...

Не потому ли один из главных ударов глобалистских сил, обрушенных на постперестроечные пространства бывшего СССР, пришёлся именно по культуре и, в частности, по поэзии, оказавшейся сегодня выброшенной практически из всех журналов и книгоиздательств? В этих условиях роль каждого настоящего поэта (даже если он является чистейшим лириком) оказывается сродни подвигу былинных богатырей, почти в одиночку защищавших рубежи своего отечества то от Змия Тугариновича, то от орд свирепых степняков. Или же подвигу героев Брестской крепости, горстка которых до последнего патрона не прекращала бой с тысячекратно превосходящими их силами противника.

Несмотря на свою внешнюю невоинственность, стихи Анатолия Аврутина – из этой же категории и, возможно, что когда-нибудь они тоже будут удостоены такого же памятного мемориала, как Брестская крепость или Мамаев курган. И пусть этот мемориал будет не в граните, а всего лишь в народной памяти – это ничего не меняет, так как этот «материал», как показывает история, оказывается ещё надёжнее и крепче...

Борис АРТЮХОВ, (Таллин, Эстония)

председатель литературного клуба «Гармония»

Добросердечие

В августе 2010 года в Таллине вышла новая книга прозы Марии Розенблит «Живёт девочка Надюшка». Она включает в себя 26 рассказов и повесть «Талисман». В середине месяца состоялась презентация сборника, и будем надеяться, что читатели вскоре увидят книгу в библиотеках и на прилавках магазинов.

Настал важный и ответственный момент – как читатель оценит новое творение: станет ли оно нужным и необходимым, вызовет интерес у публики или останется незамеченным. Без сомнения, книга требует бережного прочтения, трепетного и честного отношения к текстам Марии Алексеевны Розенблит.

Впрочем, я и мои товарищи по литературному клубу «Гармония» оказались в более выгодных условиях. Мария Алексеевна регулярно знакомила нас со своими рассказами, с только что созданными или прошедшими многотрудную и пристальную обработку. Следует особо отметить – автор постоянно и непрерывно работал как над уже опробованными текстами, так и над новыми рассказами. А, как известно, трудолюбие и терпение составляют 90 процентов таланта. А может и больше. И что поразило и приятно удивило после первого знакомства – голос и манера автора оказались оригинальными и самостоятельными. Ведь на дворе – в современной прозе как литературно-эстетический факт господствует постмодернизм – последователь авангардных течений 20-х годов прошлого века. У многих на слуху имена Пелевина, Сорокина, Акунина, умело применяющих категории «инструмента» для понимания и анализа действительности. Но к счастью, такие термины как деконструкция симулякр, эписистема, нарратив ризома вовсе не интересовали Марию Алексеевну.

Её жизненный материал – довоенный и послевоенный быт города и деревни – осмысливался с совершенно иных позиций. Дети и старики, пенсионеры и брошенные на произвол судьбы люди, инженеры и студенты живут в её рассказах своей особой и полнокровной жизнью.

Как относиться к столь подробному бережному и жалостливому повествованию? Какое нам дело до старика Григория, деда Андрея, безродного Емели или юродиевого Грини из повести «Талисман»? Оглянитесь – ведь вокруг столько бед, катастроф и несчастий... Разве всем поможешь и согреешь! Признаться, мне подумалось тогда – времена сельских сходов добросердечия, заботливости и участия в судьбе других, посторонних людей – схлынули безвозвратно. Да и язык автора – без искусственных красот и блеска – ни одной яркой метафоры, ни одного заёмного приёма, чтобы ошеломить, удивить формальным мастерством... А сюжеты!.. Порой казалось, автор насильственно и шаблонно разрабатывает нужный ему счастливый финал – хеппи энд...

Подумалось тогда – вот Мария издаст книгу и превратится в плачущую Линду, жалующуюся на несчастливую вдовью долю. И тяжёлый камень, который она тащила на спине в праще, сплетённой из своих волос – вот он мой многотрудный и прозаический сборник. Из слёз Линды образовалось огромное озеро. Такое же, думалось, растечётся из печалей и горестей нашего автора. Кто-то советовал обогатить язык, кто-то изменить разработку сюжетов, иные вообще советовали искать новых героев.

Я представляю, как автору было горько и обидно слышать подобное. К счастью, она осталась верна своим принципам, осталась верна тем сокровенным и глубинным способам жить и чувствовать, верна знаниям, порядку вещей и той связи между ними, которая не что иное как КРАСОТА. И этот дар преподносится от чистого сердца, страдающего и полного участия и любви. И вот теперь, имея в руках настоящий сборник, убеждаешься, что первые прослушивания напоминали репетицию, период проб и подходов к воплощению образов, сложившихся в сознании автора и непоколебимо и настойчиво воспроизводимых в слове. Она искренне верила той жизни, которую воплощала и в которой горячо любила своих героев. И заставила наши сердца проснуться, пробудиться, отозваться на боль и несправедливость, обогатила нас добротой, состраданием и участием. И неожиданно у меня возникла ассоциация: вместо горюющей и потерявшей былую силу рук ЛИНДЫ – перед нами предстала возвышенная и дарящая МАРЯ с её глубочайшим смирением и дающей нам утешение и надежду.

АВЕ, МАРИЯ!

А теперь мне хочется привести цитату из Петра Андреевича Вяземского: «Ныне старое и забытое может очнуться позднее... Иное старое может оставаться в стороне и в забвении, но тут ещё нет доказательства, что оно устарело, оно только вышло из употребления... Одно здесь условие – старое должно иметь свою внутреннюю и весомую или художественную ценность. В таком товаре есть большая, неувядаемая живучесть... Стоит только дождаться удобного часа, и он пробьётся и пробьёт».

С большей долей вероятности можно сказать, что литературные герои в рассказах Марии Розенблит дождутся своего часа, и он обязательно «пробьёт». И в какой-то степени уже пробил – ведь мы держим в руках сборник «Живёт девочка Надюшка», созданного неутомимым автором. Ведь доброта, заботливость, участие, сострадание, жалость никогда не выйдут из употребления, не устареют. Они всегда возрождаются.

Вспомним пронзительный монолог героя Достоевского: «Милостивый государь! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти... Надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели».

Мы благодарны Марии Алексеевне за этот призыв к возрождению общечеловече-

ских ценностей, за глубокое понимание души человека, которая и есть самое ценное и важное перед ВСЕВЫШНИМ.

Спасибо за милосердие ... Спасибо за небеса, «что приберегали дождик для тех, по которым некому будет плакать» (Из рассказа «Навстречу»).

Поздравляем с завершением «творческих мук», связанных с созданием сборника. Желать Марии Розенблит «лёгкого пера», не хочется. Ведь её речь ещё впереди.

Открывается подписка на полное собрание сочинений Н.В.Гоголя, выходящее по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Полное собрание сочинений и писем Н.В.Гоголя выходит в свет в Издательстве Московской Патриархии в год 200-летия со дня рождения писателя по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, сообщает Патриархия.ру. Составители – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН И.А.Виноградов и доктор филологических наук, профессор Московского университета, председатель Гоголевской комиссии научного совета РАН «История мировой культуры» В.А.Воропаев.

«Мы хотели показать, что Николай Васильевич Гоголь, великий русский классик, был православным, глубоко верующим человеком, хранившим веру с детских лет до последних дней жизни, – отмечает В.А. Воропаев. – Духовный смысл его произведений часто ускользает от читателей и интерпретаторов его творчества». В собрание сочинений Гоголя включены все художественные, литературно-критические, публицистические и духовно-нравственные произведения (в том числе незавершенные). Впервые в собрание включена переписка Гоголя с ответами его адресатов в полном объёме.

В издание также помещены лекции, прочитанные Гоголем в Петербургском университете, записные книжки, словари, подготовительные материалы по истории, фольклору и этнографии. Впервые в собрание войдут записки Гоголя духовного содержания, выписки из служебных Миней, других богослужебных книг, творений святых отцов, в том числе из «Лествицы» прп. Иоанна Лествичника, любимой книги писателя. Отдельным томом издаются народные песни (русские и малороссийские), собранные Гоголем, стихотворения разных авторов, переписанные им в разное время, выписки из журнальных статей и проч. Составителями собрания сочинений проведена большая исследовательская и текстологическая работа. Во многих случаях текст заново сверен с автографами и прижизненными изданиями. Издание содержит большой справочный аппарат. В нём помещены «Летопись жизни и творчества Гоголя», справочные указатели. Все тома снабжены сопроводительными статьями и подробными комментариями. С выходом в свет Полного собрания сочинений и писем Н.В.Гоголя Издательство Московской Патриархии возрождает традицию выпуска подписных изданий.

**Подробности на сайте www.gogol.rop.ru
Тел. (499) 246-4879, (499) 246-2335, (499) 246-5208,
podpiska@rop.ru;
books@rop.ru**

Гоголь нас всех объединяет (Интервью с профессором В.А.Воропаевым)

В юбилейный год 200-летия со дня рождения Николая Васильевича Гоголя Издательство Московской Патриархии подготовило к печати Полное собрание сочинений Гоголя в 17 томах. О работе над уникальным изданием корреспонденту «Церковного вестника» рассказал его составитель, доктор филологических наук, профессор МГУ, председатель Гоголевской комиссии при научном совете РАН «История мировой литературы» Владимир Воропаев.

– **Владимир Алексеевич, как давно вы занимаетесь изучением творчества Гоголя?**

– Помню, когда я готовился к поступлению в Московский университет и читал работы литературоведов о Гоголе, то был смущён тем, насколько эти писания не соответствуют моему читательскому восприятию его произведений. Потом я понял причину такого несоответствия. Ведь Гоголь был православным христианином, – писали же о нем по большей части люди, в лучшем случае имеющие весьма поверхностное представление о православной духовности. В университете я посещал семинар Владимира Борисовича Катаева, известного чеховеда, и писал диплом о библейских мотивах в творчестве Чехова. Профессионально изучением Гоголя занялся в аспирантуре.

– **Какого труда потребовало издание Полного собрания сочинений Гоголя?**

– Эта издание не имеет precedентов. Прискорбно, что к юбилею Гоголя не было выпущено Полного собрания сочинений и писем Гоголя. Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького с конца 1980-х годов готовит подобное собрание. Но за двадцать с лишним лет работы над изданием вышло всего два тома. О качестве этих томов говорить сейчас не буду. Это отдельная тема. Понятно, что при таких темпах никто из нас при жизни не увидит нового академического Гоголя.

Мы же должны не просто подготовить, но выпустить в этом году Полное собрание сочинений и писем Гоголя в 17 томах. Причем большой массив текстов печатается по рукописям. Среди них «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», несколько глав «Выбранных мест из переписки с друзьями» и многое другое. У нас будет действительно Полное собрание сочинений. В издание включено много ранее неизвестных произведений Гоголя.

– **Каких, например?**

– Можно назвать письмо Гоголя к Петру Александровичу Плетневу, редактору «Современника», другу Пушкина. Когда Гоголь получил материальную помощь от императора Николая Павловича, он написал благодарственное письмо и хотел напечатать его в «Современнике». Это письмо было не частное, оно предназначалось для публикации (так сказать, начало «Выбранных мест из переписки с друзьями») и даже прошло цензуру. Потом Гоголь по неизвестным причинам отказался от публикации. В собрание включены переводы Гоголя (это сюрприз для читателей), дарственные надписи на книгах и многое чего другого. Обо всем так сразу и не расскажешь. В нашем собрании будут не только все известные на данный момент письма Гоголя, но и ответы его адресатов, – такое издание предпринимается впервые. Само собой разумеется, что мы старались учесть все достижения отечественного и зарубежного гоголеведения.

– **Какие трудности у вас возникали при подготовке издания?**

– Следует сказать, что у нас уже был некоторый задел в работе. Ещё в 1994 году в издательстве «Русская книга» мы с Игорем Алексеевичем Виноградовым выпустили 9-томное собрание сочинений Гоголя. Это самое полное на сегодняшний день издание Гоголя. Здесь впервые напечатаны выписки Гоголя из творений Святых Отцов и богослужебных книг – громадный массив рукописей. Кроме того, мы издали переписку Гоголя с Надеждой Николаевной Шереметевой, а Игорь Алексеевич ещё целый

том «Неизданного Гоголя». Комментарии, конечно же, приходится писать заново. Наука о Гоголе не стоит на месте. Так что работы еще очень много. Рад, что у нас полное взаимопонимание с издательством.

– **Какую цель вы ставили перед собой в работе?**

– Мы хотели показать, что Николай Васильевич Гоголь, великий русский классик, был православным, глубоко верующим человеком, хранившим веру с детских лет до последних дней жизни. Духовный смысл его произведений очень часто ускользает от читателей и интерпретаторов его творчества. Так, например, фильм «Тарас Бульба», недавно вышедший на экраны, имеет свои достоинства, но он игнорирует духовную проблематику повести. Один из важнейших вопросов, который занимал Гоголя в то время, – можно ли защищать святыню веры силой оружия? Гоголь делал выписки из творений Святых Отцов и учителей Церкви, где говорится, что непозволительно христианину убивать, но убивать на брани – и позволительно, и похвалы достойно. Иными словами, духовная проблема, которую ставит Гоголь, очень сложная и в то же время актуальная, современная (вспомним работу Ивана Ильина “О сопротивлении злу силою”), но она порой совершенно ускользает от современного читателя.

Достоинство и значение нашего издания в том, что оно комментированное. При этом важно, что комментарии составляли учёные, чьё мировоззрение не противоречит миросозерцанию самого Николая Васильевича. В других изданиях мне приходилось читать самые невероятные вещи. В новом академическом издании, о котором я упоминал выше, есть такой момент: герой Гоголя осенил себя крестным знаменем. В комментарии указано, что это типичный фольклорный мотив, характерный также и для вертепного театра. Тут можно констатировать противоположность мировоззрения Гоголя и наших современников. Для некоторых комментаторов Гоголя не только бесовщина – фольклорный мотив, но и крестное знамение, да и сила Божия. Для Гоголя же, как и для каждого православного человека, это объективная духовная реальность.

И потому наша задача – помочь читателю глубже понять произведения Гоголя, в том числе и ранние. Так, например, в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” есть много духовно-назидательного, хотя сам Гоголь относился к своим первым повестям довольно критически и даже говорил, что читатель может пропустить первый том его сочинений и начать чтение со второго...

– **... Хотя для многих читателей «Вечера» – любимое произведение Гоголя, без которого невозможно представить себе его творчество.**

– Конечно, в нём очарование раннего Гоголя, и при том эта вещь тоже очень глубокая с духовной точки зрения. Если вы прочтёте комментарии к этой книге, то узнаете много нового и любопытного, об отношении Гоголя к колядкам, например. Все-таки в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» взгляд Гоголя – это взгляд православного христианина. Не нужно путать героев Гоголя и самого автора. И мы пытаемся эту дистанцию показать читателю в своих комментариях.

– **Помимо художественных произведений, Гоголь писал публицистические статьи, в том числе и о русском языке. Как бы он, на ваш взгляд, мог оценить сегодняшние дискуссии о возможности расширения литературных и языковых норм?**

– Сегодня едва ли не всеми ощущается понижение культурного уровня в нашем обществе. Грустно, что это касается и высоких государственных чиновников. Литературная норма была всегда. Её изменения невозможны, например, в странах Старой Европы – во Франции, Англии, Германии. Там очень чтут свои традиции. Да, не все говорят литературным языком, но есть норма – то, к чему нужно стремиться. Если мы будем идти на поводу у современной разговорной речи, мы потеряем язык.

Гоголь много размышлял о современном ему русском языке. Он всегда подчеркивал, что русский литературный язык – единственный и прямой наследник церковнославянского языка. С юности Гоголь собирал словарь живого русского языка (он

начал делать это задолго до В.Даля), в котором слова церковнославянские соседствуют с диалектными, просторечными. И собранные им «Материалы к словарю русского языка» мы, конечно, печатаем целиком в нашем издании. Как-то в разговоре со своим земляком, профессором Московского университета О.М. Бодянским, Гоголь сказал: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски... надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан...»

У Гоголя можно найти ответы на самые животрепещущие вопросы нашего времени. Например, касающиеся отношений между Россией и сегодняшней Украиной. Он говорил, что русский и малоросс – это души близнецов-братьев, призванные к тому, чтобы составить «нечто совершеннейшее в человечестве». Отдавать предпочтение одному в ущерб другому невозможно.

И весьма знаменательно, что наше издание является совместным российско-украинским проектом, призванным служить как христианскому просвещению людей, так и единению славянских народов. Гоголь – та фигура, которая нас всех объединяет.

Анна Курская
«Церковный вестник»
16.10.2009

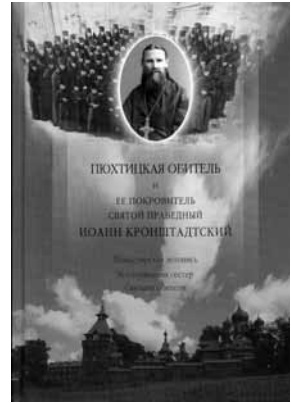
«Пюхтицкая обитель и её покровитель святой праведный Иоанн Кронштадтский».

Монастырская летопись. Воспоминания сестёр. Святыни обители». К столетию со дня блаженной кончины и 180-летию со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского. Слово к читателю Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго (сентябрь 2008).

Председатель редакционного совета игуменья Варвара (Трофимова). Ред. В.А.Тимкина, фото – монахиня Филарета (Калачёва)

Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь. Куремяз, 2009.

(8,5 авт. л.; 246 x 170 мм ; 104 илл.)



Первое самостоятельное издание Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря стало событием в жизни православной Эстонии.

Впервые история становления одной из крупнейших обителей Русской Православной Церкви – «Сиона Прибалтийского края» изложена в документальной полноте и исторической правде.

Книга под названием: «Пюхтицкая обитель и её покровитель святой праведный Иоанн Кронштадтский» состоит из двух частей: исторической, посвящённой становлению и созиданию обители под духовным водительством Кронштадтского пастыря, и современной – с рассказом о его почитании в наши дни. В приложениях опубликованы: одна из лучших статей о святом, принадлежащая перу митрополита Антония Храповицкого, и «Хроника событий из истории Пюхтицкой обители, связанных со святым праведным Иоанном Кронштадтским».

По своему характеру книгу можно отнести к документально-повествовательному жанру, так как основная часть её текста представляет собой хранящиеся в монастыре уникальные исторические документы периода возникновения и становления Пюхтицкой обители (с 1887 по 1909 гг.). Публикуются эти документы впервые.

Это – обширные фрагменты рукописной монастырской Летописи и 53 письма святого праведного Иоанна Кронштадтского, из которых ранее было опубликовано с рядом купюр только 11. Письма писались к двум первым пюхтицким игуменьям и являются свидетельством особого попечения Батюшки о молодой обители и новоназначенных ее насельницах.

Публикуемые ныне с исчерпывающей полнотой в книжном варианте воспоминания пюхтицких сестёр, бережно хранимые и передававшиеся из поколения в поколение, являются единственным свидетельством пророчеств великого святого, вдохновлявших и утешавших многих на протяжении всей истории монастыря. Будучи органично (и тематически, и хронологически) соединёнными в единое целое, эти документы позволяют нам с необходимой достоверностью представить важнейшие события монастырской истории, связанные со светлой личностью святого праведного Иоанна Кронштадтского и тем особым предназначением в судьбе монастыря, которое суждено было исполнить этому великому Всероссийскому пастырю. Всё это является главным достоинством издания.

Тема книги рассматривается и подаётся составителями без излишних комментариев, каких-либо субъективных выводов, а исключительно на основании сохранившихся

монастырских документов, деликатно и логически связанных друг с другом лаконичным авторским текстом.

Читателю предоставлена возможность самостоятельно воспринять эпоху и стать участником событий, изложенных самими очевидцами. И поскольку подобный метод в современной агиографической литературе встречается не часто, данное издание представляется нам несомненной удачей. Ведь в наше время, когда издаётся множество книг о святости сонма подвижников благочестия, немногие авторы и составители опираются на документальную достоверность фактов их жизни и подвига. Порой встречается литература с фантазийными преувеличениями в рассказах о жизни подвижников благочестия, с изложением не всегда достоверных чудесных событий, иной раз – мрачных пророчеств, излишне поверхностно – эмоционально, душевно, а не духовно, трактуемых некоторыми авторами.

Дополнительными достоинствами книги являются её иллюстративный ряд, включивший целостный подбор уникальных архивных фотоматериалов из коллекции монастыря, а также её строгое и вместе с тем изысканное художественное решение с использованием отдельных элементов книжного и фото-оформления (рамочки, концовки) рассматриваемой эпохи.

Книга Пюхтицкого монастыря может послужить добрым примером достойной подачи церковно-исторических документов и духовно объективного отношения к своей истории.

Именно поэтому подготовленное Пюхтицкой обителью издание получило на IV-ом конкурсе «Просвещение через книгу» диплом I-ой степени в номинации «Первая книга».

Редакция «Балтики»



Аврора НЕВМЕРЖИЦКАЯ «Белые сны»

«Белые сны»

Сборник стихотворений

Издательство OÜ Tarbeinfo

Таллин, 2010, С. 192

О поэзии Авроры Невмержицкой

Если прозаическое произведение рождается через осмысление жизни, то поэзия – это почти всегда предвосхищение, мистика чувств, озарение, и поэт сам не знает, почему вдруг в душе его музыкой льются строки. «Жить с сердцем на ладони» - таков исток и главный «способ» творческих исканий поэта Авроры Невмержицкой.

Стихотворный почерк автора сборника «Белые сны» отличается жанровым и тематическим разнообразием, но во всём, что бы ни тронуло струны сердца поэта, ощущается искренность. Любовь есть мир духовных и душевных переживаний, в котором нет места для фальши, и в звучании музыки любви не может быть ложных нот – кредо Авроры Невмержицкой. Эта особенность авторского почерка характерна также для гражданской лирики автора, стремящейся сохранять приверженность классическим нормам русской национальной поэзии.

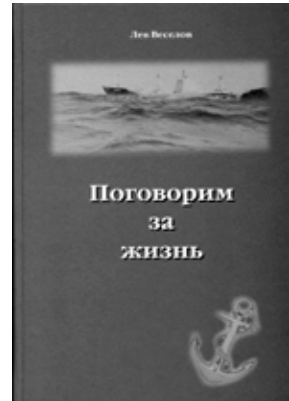
Бесконечной нежности полны талантливые строки из стихотворения «Кони»:

Вдали, на росистой поляне,
Где высветлил сосны закат,
Я вижу, как в строгом молчаньи,
В объятиях кони стоят...

В образе этом – тишина оглушительная... Вольность бессмысленна, когда она являет собой свободу от любви.

Лев ВЕСЕЛОВ «Поговорим за жизнь»

«Поговорим за жизнь»
Повести и рассказы
Таллин, Эстония, 2010, С. 364



Настоящая книга о людях одной из древнейших профессий на земле - моряках. Эстонские моряки и рыбаки трудились почти на всех океанах и морях планеты. В Эстонии их насчитывалось около 20 тысяч, а торговый и рыбный флот давали работу портовикам, обработчикам рыбы, судоремонтникам и железнодорожникам, т.е. ещё около 50 тысячам тружеников.

Эта книга о нелегком труде людей, посвятивших жизнь морю и об этом рассказывает человек, который знает о такой жизни многое, если не всё. Вы встретитесь с моряками послевоенных лет, познакомитесь с экипажами океанского судна, морского буксира.

Автор рассказывает обо всём этом правдиво и откровенно, порою с юмором, без которого в море прожить невозможно и, конечно же, о любви моряка, о которой на берегу мало кто знает.

Проживший интересную жизнь, в заключение автор делится с читателями стихами о море, о любви, написанными для близких, друзей и своего экипажа.

Надеемся, что книга найдёт дорожку к своему читателю и хочется пожелать ей счастливого плаванья.



Герберт ЦУККЕР «Воробьиные ночи»

«Воробьиные ночи»
Книга о природе Эстонии, Урала и Сибири
Таллин, 2010

Этот сборник рассказов, зарисовок, эссе и размышлений является тематическим продолжением книги «Земляничная форель», изданной в 2003 году.

Человек ест чаще, чем думает. Многие виды диких тварей бесследно исчезли в нашей утробе, а те, что ныне здравствуют, деликатнее и умнее обращаются с ценностями природы нежели человек. Нам мудрость эта никак не даётся. Не потому ли птицы и звери панически боятся людей, несмотря на давнее тесное соседство? Мы и внешне похожи с животными.

Поведение, мимика человека нередко напоминает гримасы и ужимки четвероногих и пернатых существ. Но даже «фамильное родство» Окуневых, Мухиных, Уткиных, Волковых, Медведевых и прочих Зверевых с птицами, рыбами букашками не вызывает у животных сентиментальных восторгов и желаний быть «братьями нашими меньшими». Размышлениям о противоречиях такого рода и нашей близости с миром природы посвящена книга «Воробьиные ночи».

УСПЕНСКИЙ СОБОР ПЮХТИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Альбом к 100-летию собора.

«Успенский собор Пюхтицкого монастыря»
 Посвящается столетию Успенского собора
 Пюхтицкого Свято-Успенского Ставропигиального
 женского монастыря (1910-2010).
 Таллин, 2010



Вступительное слово Патриарха Московского и всея Руси Кирилла

Перед вами юбилейное издание, посвящённое Пюхтицкому Успенскому женскому ставропигиальному монастырю, дорогому сердцу каждого православного человека. Эта известная обитель возникла на месте явления Пресвятой Богородицы и обретения Её чудотворного образа.

Главная святыня монастыря – чтимая икона Успения Матери Божией прославилась многими чудесами. И, пожалуй, главным свидетельством особого покровительства Царицы Небесной этому месту стал тот факт, что Её милостивым предстательством и по молитвам святого праведного Иоанна Кронштадтского, который благословил основание монастыря, святая обитель не была закрыта в годы атеистических гонений на Церковь. Здесь сохранялось преемство старых русских иноческих традиций: в Пюхтице подвизались духовно-опытные монахини, под руководством которых воспитывались юные послушницы. Многие из них были призваны возрождать иные обители и передавать традиции иноческого делания в годы, когда Церковь получила свободу, и начали вновь открываться монастыри. Именно из Пюхтицы вышли игуменьи многих ныне действующих монашеских общин.

И сегодня на Святой горе насельницы сохраняют уклад традиционной монашеской жизни, сочетающей молитвенный подвиг и телесные труды на благо общины и народа Божьего. Это позволяет не только обеспечить обитель всем необходимым, но и принимать многочисленных паломников со всех концов света.

Вот уже более века Успенский монастырь является оплотом Православия в Прибалтике. Покров Пречистой Царицы Небесной да сохранит святую Пюхтицкую обитель в мире и благоденствии на все последующие времена, и да подаст Милосердный Господь всем притекающим сюда паломникам Свою всещедрую помощь и духовное утешение.